РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

ХРЕСТОМАТИЯ

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

ХРЕСТОМАТИЯ

СОСТАВИТЕЛЬ
Б. В. ЕМЕЛЬЯНОВ

СВЕРДЛОВСК ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1967

Библиотека "Руниверс"

ББК Ю3(2)50
Р 892

Печатается по постановлению
редакционно-издательского совета
Издательства Уральского университета

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.:
Хрестоматия / Сост., биобнблиогр. статьи и прим.
Б. В. Емельянова.
Свердловск: Изд-во Урал, ун-та, 1987. 432 с.

Книга соответствует программе курса истории философии для гуманитарных и философских факультетов высших учебных заведений, включает произведения русских мыслителей первой половины XIX в. В ней представлены произведения, характерные для творчества русских мыслителен различных философских и идеологических течений — просветителей, декабристов, славянофилов, любомудров, философов-теистов, петрашевцев, русских естествоиспытателей. Тексты сопровождаются примечаниями, справочно-библиографическим аппаратом. Часть произведений публикуется в советское время впервые.

Адресуется студентам, аспирантам, преподавателям. Как сборник произведений русской философии первой половины XIX в. книга будет интересна широкому кругу читателей.

Рецензенты:

доцент А. А. Ермичев (философский факультет ЛГУ);
кафедра истории философии народов СССР
философского факультета МГУ

Р $\frac{0302010000-7}{182(02)-87}$ © **Издательство Уральского университета, 1987**

Библиотека "Руниверс"

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

История русской философии — одна из важнейших частей историко-философского курса, который изучается на философских и гуманитарных факультетах вузов страны. Между тем учебной литературой этот курс не обеспечен и освоение студентами первоисточников чрезвычайно затруднено. Изданные в 40—50-е годы тексты философского и общественно-политического содержания, принадлежащие декабристам, петрашевцам, русским естествоиспытателям первой половины XIX в., стали библиографической редкостью. Появившиеся же в последние годы отдельные публикации относятся в основном к эстетике и утопическому социализму (мы имеем в виду серию «История эстетики в памятниках и документах» и хрестоматию «Утопический социализм в России»), носят специальный, а не учебный характер. Первое «Философическое письмо» Чаадаева, произведения славянофилов А. С. Хомякова, К- С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина, философов-теистов вообще не публиковались после 1917 г.

Данное издание — первая учебная хрестоматия по истории русской философии первой половины XIX в. Представленный в ней материал соответствует 8, 9 и 11 темам ныне действующей программы курса истории философии народов СССР для философских факультетов (М., 1985) и может быть использован для изучения 6 и 8 тем курса истории философии для высших учебных заведений (М., 1984).

При составлении хрестоматии мы руководствовались следующими принципами. Материалы сгруппированы по философским школам, идеологическим течениям, кружкам, персоналиям. Всего таких разделов девять: русские просветители, московские любомудры, декабристы, П. Я. Чаадаев, славянофилы, Н. В. Станкевич, философы-теисты, петрашевцы, философы-естествоиспытатели.

Библиотека "Руниверс"

Расположение материала в хрестоматии хронологическое — по времени возникновения и функционирования философских течений. При этом в хрестоматию включены тексты произведений, не выходящих за рамки 1800—1850-х гг., хотя некоторые труды просветителей, славянофилов, петрашевцев, декабристов были написаны и опубликованы за пределами хронологических рамок. Тексты произведений, помещенных в хрестоматии, печатаются в порядке их первых публикаций или, если они не были опубликованы своевременно, по дате написания.

Требуют объяснения некоторые отступления от программы курса истории философии народов СССР. Хотя И. В. Киреевский в программе дается в разделе «Московские любомудры», в хрестоматии его произведения включены в раздел «Славянофилы», поскольку он спустя десять лет после роспуска кружка любомудров стал одним из создателей идеологии и философии славянофильства.

Н. В. Станкевич помещен нами также не после славянофилов, согласно программе, а до них, что справедливо хронологически и соответствует логике развития русской философии рассматриваемого периода.

Из-за ограниченности объема издания в хрестоматию не вошли произведения нескольких значительных русских мыслителей (Велланский, Галич, Грановский).

В текст хрестоматии не включены произведения В. Г. Белинского и А. И. Герцена, хотя и написанные до 1850 г. Это сделано, во-первых, потому, что их произведения, в том числе и философские, неоднократно переиздавались; во-вторых, философии и социологии русских революционных демократов в программе курса посвящена специальная тема. Философия русских революционных демократов, сформировавшись в 40-е годы, основное содержание получила в 60-е. Она представлена десятком имен известных русских мыслителей, многими их произведениями, что, на наш взгляд, требует специальной хрестоматии, поэтому не вошли в хрестоматию и произведения одного из ярких представителей народнической философии М. А. Бакунина.

Большая часть текстов дана в сокращении или в отрывках, что позволило, во-первых, сконцентрировать материал, во-вторых, при малом объеме текста представить его по возможности широко и полно. Сокращения обозначаются отточиями в квадратных скобках. Абзацы сохраняются.

Библиотека "Руниверс"

Публикации текстов русских мыслителей первой половины XIX в. сопровождаются краткой биобиблиографической справкой и примечаниями. Тексты печатаются по последним научным изданиям, если таковые имеются, приближенно к современной орфографии. Авторские примечания даны в сносках, остальные необходимые для верного понимания текста пояснения, в том числе переводы встречающихся иностранных слов и выражений,— в примечаниях в конце текста. Различного рода вставки, расшифровка авторских сокращений, недостающих или пропущенных слов помещены в тексте в квадратных скобках.

Библиографические справки и примечания к текстам русских философов-просветителей написаны совместно с А. И. Болдыревым.

Библиотека "Руниверс"

Раздел I

РУССКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ

ПНИН ИВАН ПЕТРОВИЧ

И. П. Пнин — незаконный сын фельдмаршала, князя П. В. Репнина, оставившего ему в наследство лишь часть своей фамилии. Родился он в 1773 г. Еще ребенком его записали в сержанты артиллерии, а в 1782 г. отдали в Благородный пансион при Московском университете. Затем И. Пнин учился в Петербургском артиллерийско-инженерном шляхетском кадетском корпусе, по окончании которого в чине подпоручика артиллерии участвовал в русско-шведской войне 1788—1790 гг.

После выхода в отставку И. Пнин совместно с А. Ф. Бестужевым — отцом будущих декабристов — выпускает «Санкт-Петербургский журнал». В нем печатались переводы Гольбаха, Вольнея, Монтескье, философские стихи самого Пнина, трактат Бестужева «О воспитании».

В 1801 г. И. Пнин поступил на службу письмоводителем в Государственный совет и тогда же познакомился с вернувшимся из ссылки А. Н. Радищевым. Памятник этого знакомства — стихотворение «На смерть Радищева».

В 1802 г. Пнин становится членом «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», куда был принят по предложению В. В. Попугаева. Незадолго до смерти Пнин был избран председателем общества.

В 1803 г. И. Пнин переходит на службу в департамент министерства народного просвещения на должность экспедитора по делам цензуры. Им были написаны два трактата — неопубликованный «Вопль невинности, отвергаемой законами» (1801) и «Опыт о просвещении относительно к России» (1804). Вскоре по доносу реакционного литератора Г. Геракова нераспроданная часть «Опыта» была полицией конфискована. И. Пнин внес в книгу много исправлений и ходатайствовал о ее переиздании. Цензор отметил, что книга по-прежнему содер-

Библиотека "Руниверс"

жит в себе «дерзкие выходки против помещиков», и отклонил ходатайство автора. Хотя И. Пнин и опротестовал такое решение, ссылаясь на новый цензурный устав, второе издание «Опыта» так и не вышло в свет.

В последние годы И. Пнин много работал, готовился к выпуску нового повременного издания — журнала «Народный вестник», писал не дошедшие до нас трактат «О возбуждении патриотизма», драму «Велизарий».

Скончался И. Пнин в 1805 г. от скоротечной чахотки.

Мы будем помнить как старался
Он просвещенье ускорить
И что нимало не боялся
В твореньях правду говорить,—

писал после его смерти член Вольного Общества Н. Остолопов.

И. Пнин был сторонником деистическо-материалистической философии. Свои социально-политические взгляды он изложил в главном своем публицистическом произведении — «Опыт о просвещении относительно к России» и ряде философских стихотворений, в которых подверг критике крепостнические отношения, господствовавшие в России.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Пнин И. П.* Опыт о просвещении относительно к России. СПб.: Б. и, 1804. 147 с.

2. *Пнин И. П.* Сочинения. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. 312 с.

3. Русские просветители: От Радищева до декабристов: Собрание произведений: В 2 т. М.: Мысль 1966. Т. 1: Пнин. С. 167—248.

4. *Пнин И. П.* Стихотворения // Поэты-раднщсвцы. 2 изд. Л., 1979. С. 129—179.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Филиппов О. Н.* И. П. Пнин п его непропущенный цензурою «Опыт о просвещении относительно к России» // Известия АН СССР. Отд. рус. языка и словесности. Л., 1929. Т. 2, № 2. С. 493—527.

2. *Луппол И. К-* И. П. Пнин и его место в истории русской общественной мысли // Историко-философские этюды. М.; Л., 1935. С. 219-251.

3.Орлов Вл. Иван Пнпн // Русские просветители 1790—1800-х годов. М., 1953. С. 91—207.

4. *Щипаное И.* Я. Просветительские доктрины в России в конце XVIII—начале XIX в.//Русские просветители. Т. 1. С. **5—14.**

Библиотека "Руниверс"

ОПЫТ О ПРОСВЕЩЕНИИ ОТНОСИТЕЛЬНО К РОССИИ[1]

.[...] Человек ни на одну минуту в жизни своей не может, так сказать, отделиться от самого себя; все, на что он ни покушается, что ни предпринимает, что ни делает,— все то имеет предметом доставление себе какого-нибудь блага или избежание несчастия. Если мы видим его плачущего над урною своей супруги, своих детей, своего друга, необходимых для его сердца, то видим его самого себя оплакивающего. Не хладный и нечувствительный прах исторгает слезы наши и наше сожаление, но удовольствие и благополучие, коих видим себя лишенными; сие-то мучительное чувство лишения иногда чувствительного человека ввергает во гроб. Следовательно, во всех своих мыслях, страстях, деяниях чает человек по мере своего просвещения находить свое счастье; и потому все искусство законодателя, предпринимающего начертать законы для народа, в невежестве пребывающего, должно состоять в том, чтобы частные страсти направить к единой цели, общее добро заключающей, и к коей не строгостию наказаний, удобных произвесть в душах большее только ожесточение, но чрез *просвещение* можно довести людей. Итак, рассмотрим, что такое есть *просвещение?*

Из всех политических предметов ни один столько не занимает философов, как сей. Сколько издано книг о народном просвещении! Каждый философ не упустил в свою чреду соорудить систему и предложить оную свету как самую удобнейшую, по крайней мере по его мнению. И поистине, предмет сей по своей важности заслуживает величайшего внимания, особливо со стороны такого государя, которому самые обстоятельства споспешествуют в желаниях для образования народов ему подвластных.

Просвещение, в настоящем смысле приемлемое, состоит в том, когда каждый член общества, в каком бы звании ни находился, совершенно знает и исполняет свои

Библиотека "Руниверс"

должности, то есть когда начальство с своей стороны свято исполняет обязанности вверенной оному власти, а нижнего разряда люди ненарушимо исполняют обязанности своего повиновения. Естьли сии два состояния не переступают своих мер, сохраняя должное в отношениях своих равновесие, тогда просвещение достигло желаемой цели. [...]

[...] *Права человека* согласуются ли сколько-нибудь с *правами гражданина* и какие *права* может иметь *естественный человек,* который только умственно разумеем быть может. Дикий, или естественный, человек, живя сам собою, без всякого отношения к другим, руководствуется одними только *естественными побуждениями* или *нуждами,* им самим удовлетворяемыми. Доколе пребывает он в сем состоянии, дотоле ничем не отличается от прочих животных. Следовательно, естественный человек, имея одни только, *нужды,* не может никаких иметь *прав,* ибо самое слово сие означает уже следствие некоторых отношений, некоторых условий, некоторых пожертвований, в замену коих получается сей общий залог частного благосостояния. Человек, из недр природы в недра общества пришедший, с сей только минуты начал познавать *права, дотоле ему неизвестные* и которые столько различествуют от *первоначальных нужд* его, сколько он сам различествует от *гражданина.* Всякий человек может сделаться гражданином, но гражданин не может уже сделаться человеком. Переход первого из дикого состояния в общество согласен с целию природы, переход же другого из общежития к дикости был бы противен оной. Естественный человек во всякую минуту жизни своей стремится к своему сохранению, и чувство сие ни на минуту его не покидает. Напротив того, истинный гражданин на всякое мгновение готов пожертвовать собой и не столько печется о своем сохранении, сколько о сохранении своего отечества. [...]

[.. .] Россия заключает в себе четыре рода состояний. Первое *земледельческое,* второе *мещанское,* третие *дворянское,* четвертое *духовное.* Из сих четырех состояний одно только земледельческое является в страдательном лице, поелику сверх государственных повинностей, коим оно подлежит и непременно подлежать должно, потому, то все требуемое от земледельца для пользы государства есть сколько необходимо, столько и справедливо. Всякое же уже другое требование есть уже зло, для отвращения коего нужно законодателю употребить

Библиотека "Руниверс"

всю свою деятельность. Как можно, чтобы участь толико полезнейшего сословия граждан, от которых зависит могущество и богатство государства, состояла в неограниченной власти некоторого числа людей, которые, позабыв в них подобных себе человеков, человеков, их питающих и даже прихотям их удовлетворяющих, поступают с ними иногда хуже, нежели с скотами, им принадлежащими. Ужасная мысль! Как согласить тебя с целию гражданских обществ, как согласить тебя с правосудием, долженствующим служить оным основанием? [...]

[...] Итак, самый важный предмет, долженствующий теперь занимать законодателя, есть тот, *чтобы предписать законы, могущие определить собственность земледельческого состояния, могущие защитить оную от насилий,— словом, сделать оную неприкосновенною.* Когда таковые законы получат свое бытие, тогда только наступит настоящее время для внушения сему состоянию его *прав,* его *обязанностей.* Тогда только с успехом ему внушать можно будет пользы, от трудолюбия проистекающие; тогда только надежным образом можно будет привязать земледельцев к земле как к источнику их удовольствий и благосостояния. Тогда только с уверительностию приступить можно к их образованию, открыть им путь к истинному просвещению, долженствующему пролить на них целебный и благотворный свет свой, который не будет уже противоречить, но будет соответствовать пользам, от оного ожидаемым. [...]

ЧЕЛОВЕК[2]

Зерцало Истины превечной,
Бытии всех зримых обща мать,
Щедрот источник бесконечный,
В ком счастье мы должны искать,
Природа! Озари собою
Рассудок мой, покрытый мглою,
И в недро таинств путь открой.
Премудростью твоей внушенный,
Без страха, ум мой просвещенный
Пойдет вслед Истине святой.

О Истина! Мой дух живится,
Паря в селения твои;

Библиотека "Руниверс"

За чувством чувство вновь родится,
Пылают мысли все мои.
Ты в сердце мужество вливаешь,
Унылость, робость прогоняешь,
С ума свергаешь груз оков.
Уже твой чистый взор встречаю,
Другую душу получаю
И человека петь готов.

Природы лучшее созданье,
К тебе мой обращаю стих!
К тебе стремлю мое вниманье,
Ты краше всех существ других.
Что я с тобою ни равняю,
Твои дары лишь отличаю
И удивляюся тебе.
Едва ты только в мир явился,
И мир мгновенно покорился,
Приняв тебя царем себе.

Ты царь земли — ты царь вселенной,
Хотя ничто в сравненьи с ней.
Хотя ты прах один возженный,
Но мыслию велик своей!
Предпримешь что — вселенна внемлет,
Творишь — все действия приемлет,
Ни в чем не видишь ты препон.
Природою распоряжаешь,
Всем властно с ней повелеваешь
И пишешь ей самой закон.

На что мой взор ни обращаю,
Мое все сердце веселит.
Везде твои дела встречаю,
И каждый мне предмет гласит,
Твоей рукой запечатленной:
Что ты зиждитель есть вселенной
И что бы степью лишь пустой
Природа без тебя стояла,
Таких бы видов не являла,
Какие зрю перед собой.

Где мрачные леса шумели
И солнца луч не проницал,
Где змеи страшные шипели

Библиотека “Руниверс”

И смертный ужас обитал,
Природа вопли испускала,
Свирепость где зверей дышала,—
Там зрю днесь дружество, любовь,
Зрю нивы, жатвой отягченны,
Поля, стадами покровенны,
Природу, возрожденну вновь!

На блатах вязких, непроходных,
Где рос один лишь мох седой,
В пустынях диких и бесплодных,
Где смерть престол имела свой,—
Ты все как бог устроеваешь,
Ты невозможностей не знаешь,
То зиждешь селы, то града,
То царства сильные возносишь,
Каналы чистых вод проводишь
И строишь пристани, суда.

Из хаоса вещей нестройных
Воззвав порядок с тишиной,
Проник до дна пучин ты водных,
Откуда бисер дорогой
Исторг себе на украшенье.
Но дел великих в довершенье
Щедроту ты свою явил:
Земные недра разверзая,
Металл блестящий извлекая,
Богатство по свету разлил.

Какой ум слабый, униженный
Тебе дать имя *червя* смел?
То раб несчастный, заключенный,
Который чувствий не имел:
В оковах тяжких пресмыкаясь
И с червем подлинно равняясь,
Давимый сильною рукой,
Сначала в горести признался,
Потом в сих мыслях век остался:
Что *человек лишь червь земной*.

Прочь, мысль презренная! Ты сродна
Душам преподлых лишь рабов,
У коих век мысль благородна

Библиотека "Руниверс"

Не озаряла мрак умов.
Когда невольник рассуждает?
Он заблужденья лишь сплетает,
Не знав природы никогда.
И только то ему священно,
К чему насильством принужденно
Бывает движим он всегда.

В каком пространстве зрю ужасном
Раба от *Человека* я,
Один — как солнце в небе ясном,
Другой — так мрачен, как земля.
Один есть все, другой ничтожность.
Когда б познал свою раб должность,
Спросил природу, рассмотрел:
Кто бедствий всех его виною? —•
Тогда бы тою же рукою
Сорвал он цепи, что надел.

Прими мое благословенье,
Зиждитель-человек! Прими.
Я прославлял в твоем творенье
Не все еще дела твои.
О, сколь величественен бываешь,
Когда ты землю оставляешь
И духом в облака паришь;
Воздушны бездны озирая,
Перуны, громы презирая,
Стихиям слушаться велишь.

Велишь —• и бури направленье
Берут назначенно тобой.
Измерил ты планет теченье,
Висящих над твоей главой.
Исчислил звезды, что с эфира
Лиют свой свет в пространство мира.
В котором все закон твой чтит.
С природой связан ты судьбою:
Ты ей живешь, она — тобою
Свой жизненный являет вид.

Кто показал тебе искусство
Нам в звуках страсть изображать?
То наполнять восторгом чувство,
То вдруг нас плакать заставлять?

Библиотека "Руниверс"

Сообразить волшебны тоны,
Проникнуть естества законы,
Таинственный предмет раскрыть,
Постигнуть вечности скрижали
И то, что боги созидали,
В музыке то изобразить?

Входя в круг дел твоих пространных,
Я зрю: ты знаки дал речам,
Дал мысли тело, цвет желанный
И способ говорить очам.
От одного конца вселенной
В другой край мира отдаленный
Явил ты средство сообщать
Понятье, чувствие, желанье
И нынешних времен познанье
Векам грядущим предавать.

Кто дал тебе все совершенства,
Которыми блистаешь ты?
Кто показал стезю блаженства
И добродетелей черты?
Кто подал чашу утешений
Против печалей, огорчений,
Могущих встретиться с тобой?
Кто путь украсил твой цветами
И пролил радости реками
В объятья дружбы толь святой?

Кто правосудие заставил
Тебя дороже жизни чтить?
Кто сострадать тебя наставил
И благо повелел творить?
Кто в сердце огнь возжег священный,
Сей пламень чистый, драгоценный,
Которым гражданин живет.
Его что душу составляет.
Любовь к Отечеству питает
И твердость духа подает?

Скажи мне наконец: какою
Ты силой свыше вдохновен,
Что все с премудростью такою
Творить ты в мире научен?
Скажи... Но ты в ответ вещаешь,

Библиотека "Руниверс"

Что ты существ не обретаешь,
С небес которые б сошли,
Тебя о нуждах известили,
Тебя бы должностям учили
И в совершенство привели[3].

Ужель ты сам всех дел виною,
О человек! Что в мире зрю?
Снискавши мудрость сам собою
Чрез *труд* и *опытность* свою.
Прешел препятствий ты пучину,
Улучшил ты свою судьбину,
Природной бедности помог,
Суровость превратил в доброту,
Влиял в сердца любовь, щедроту,-
Ты на земли, что в небе бог!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Впервые отдельным изданием опубликовано в Петербурге в 1804 г. Публикуется в отрывках по кн.: Русские просветители. Т. 1. С. 181—183, 184—185, 193, 194—195.

[2] Впервые опубликовано в «Журнале Российской словесности» (1805. Ч. 1. С. 38). Вокруг оды в советской литературе существует полемика: В. Н. Орлов, В. А. Западов считают, что И. Пнин выступает в ней против державинской оды «Бог»; Ю. М. Лотман опровергает эту точку зрения, утверждая, что ода Пнина — гимн человеческому разуму. Публикуется по кн.: Русские просветители. Т. 1. С. 232—237.

[3] Строки после отточия были цензором И. Ф. Тимковским исключены как противоречащие религиозным догмам. И. Пнин опротестовал решение Цензурного комитета.

Библиотека "Руниверс"

ЛУБКИН АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ

А. С. Лубкин родился в 1771 г. в семье священника. Обучался вначале в Костромской духовной семинарии, затем в Петербургской Александро-Невской духовной академии, которую окончил в 1792 г. Преподавательскую деятельность начал в Костромской семинарии, где преподавал математику и немецкий язык, а с 1797 г.— философию. С 1801 г. А. С. Лубкин исполняет должность ректора столичной армейской семинарии, где читает логику и философию.

После выхода из духовного звания в 1806 г. А. С. Лубкин служил в Петербургском педагогическом институте «смотрителем за поведением», а с 1810 г. в течение двух лет — директором училищ Оренбургской губернии. Последние годы жизни (1812—1815) он был адъюнктом, а затем профессором кафедры философии Казанского университета и одновременно испектором Казанской гимназии.

Скончался А. С. Лубкин в Казани в 1815 г.

Уже в период работы в Петербургской армейской семинарии он проявил себя как зрелый философ, написав работу «Письма о критической философии» (Северный вестник. 1805. № 8—9), в которой впервые в России дал критику априоризма Канта с материалистическо-деистических позиций. В это же время А. С. Лубкин публикует учебник «Начертание логики» (СПб., 1807). В казанский период жизни он совместно с П. Кондыревым переводит книгу Г. Снелля «Начальный курс философии» (Ч. 1—5. Казань, 1813—1814). В примечаниях к переводу А. С. Лубкин высказал ряд сенсуалистических положений, подверг критике априоризм кантианской этики. Им было подготовлено к печати «Начертание метафизики», издать которое помешала смерть. Вдова Лубкина напечатала I—III части этой работы, набиралась IV часть, но в 1819 г. по распоряжению попечителя Казанского учебного округа мракобеса Л. Магницкого издание было прекращено.

Библиотека "Руниверс"

В последней своей работе «Рассуждение о том, возможно ли нравоучению дать твердое основание независимо от религии» (Казань, 1815) А. С. Лубкин отказывается от ряда материалистических положений, высказанных ранее, и переходит на позиции православной религии.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Лубкин А. С.* Начертание метафизики//ЦГИА, ф. 737, оп. 1, ед. хр. 20018—20021.

2. *Лубкин А. С.* Письма о критической философии; Начертание логики // Русские просветители: От Радищева до декабристов. М., 1966. Т. 2. С. 7—144.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кравец И. Н.* «Письма о критической философии» А. С. Лубкина //Вопр. философии. 1952. № 6. С. 151—154.

2. *Тузов Л. Л.* Из истории философской мысли в Казанском университете: Полемика А. С. Лубкина против кантовской философии//Учен, зап. Казан, ун-та, 1956. Т. 116, кн. 5. С. 268—272.

3. *Каменский З. А.* Кант в России // Философия Канта и современность. М., 1974. С. 289—328. .

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА О КРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ[1]

Письмо первое

Претрудную комиссию вы возложили на меня, г[осударь] м[ой], требуя, чтоб я сообщил вам свои мысли о новой философии, известной под именем критической, которую основал славный Кант. Она ныне столько прославилась или столько наделала шума, что почти опасно явно обнаруживать о ней свое мнение. Ибо г[осударь] м[ой], последователи Кантовы, коих число ныне очень умножилось и между которыми находятся уже известные ученые, не стыдяся, называют всех тех оглашенными в философии (uneingeweihte) или еще отрочествующими, кои не признают согласно с ними их философию единственно возможною, истинною и ненарушимою или кои еще думают в ней находить некоторые недостатки. С другой стороны, слепо последуя большинству голосов, не видеть в Кантовой философии некоторых важных неясностей и произвольных и недоказанных положений значило бы более, нежели философическое самоотречение, значило бы вольное порабощение своего ума мнениям подобного себе смертного. [...]

[...] Кант разделил свою философию на три части. *В первой* рассуждает он о пределах человеческого ума и о предметах, кои подлежат его познанию. *Во второй* философствует он о должностях и обязанностях человека. *В третьей* — его чаяниях и надеждах. Первая часть составляет у него логику, вторая — нравоучение, а третья — естественную религию. Самая важнейшая из них есть первая, известная под именем «Критики теоретического ума»[2], ибо в ней находятся те мысли, по которым столько Кантова философия отличается от всех прочих. По свойству предметов нашего познания он разделяет ее на две части: в первой говорит он о познании предметов чувственных, а во второй — о познании предметов вышечувственных.

В рассуждении познания предметов чувственных утверждает он, *что мы познаем вещи не так, как они сами*

Библиотека "Руниверс"

в себе суть, но только как они нам чрез наши чувства во времени и пространстве являются. Что, по моему мнению, значит то же, что мы о вещах чувственных, собственно, никакого познания иметь не можем, а только о их явлениях.

Сие основывает он на понятии времени и пространства, о которых утверждает, что отнюдь от вещей не происходят, а имеют основание в свойстве наших чувств и по поводу ощущения внешних предметов в душе нашей возбуждаются, почему он и называет их формою нашей чувствующей способности. Итак, ежели пространство и время основаны в нашей душе, то мы о предметах не более будем иметь познания, как сколько они ограничивают (modificieren) сии души нашей понятия о времени и пространстве; иначе говоря, мы чувствуем и познаем не вещи, а изменения находящихся в нас понятий о времени и пространстве. [...]

НАЧЕРТАНИЕ ЛОГИКИ[3]

К читателю

[...] IX. Естьли бы кто пожелал знать, какой системы придерживался сочинитель в сем начертании, то он признается, что заимствовался от многих как новейших, так и недавних писателей, но, собственно, системе чьей-либо не последовал никакой. Что ж касается до его образа мыслей в рассуждении познаний человеческих, то он думает, что *«иное можем мы знать прямо, иное познавать, иному по необходимости должны верить, иное по такой же необходимости предполагать, об ином только правильно догадываться, а об ином напрасно и голову не ломать».*

X. Сверх сего, для возможного предупреждения без нужды обоюдных толков сочинитель объясняет, что философию, в смысле науки (Wissenschaft) взятую, по причине собственного ей образа умодеятельности почитает он очень от других наук отличною. Он представляет себе философию не цепью вытекающих одна из другой истин, где первое звено составляющая уже по необходимости руководит разум к признанию всех последующих (каковое свойство имеет математика), но многосоставным целым, где каждая часть прилеплена к

Библиотека "Руниверс"

другой и сама по себе и сверх того придерживается в сем положении другими, смежными и где потому за отторжением одной какой-либо части неминуемо надлежит последовать расторжению союза между всеми. Почему он думает, что философствующий должен иметь в виду не только логическую необходимость последования одной истины из другой, но и всеобщее всеми соотношение и всеобщую гармонию. А потому хотя б что и не следовало еще очевидно из предполагаемых начал, но естьли без того всеобщая гармония истин очевидно подвергается расстройству, то почитать оное не менее справедливым, как что формальным образом может быть доказано. И вообще сочинитель такого мнения, что в рассуждении о предметах философских один только аналитический способ, без помощи синтетического, совсем почти бесполезен. [...]

Предварительное введение о понятии и частях философии

[...] § 1. Трояким образом можем мы познавать вещи, и ежели мы бываем известны непосредственно о бытии оных и о различных переменах, с ними случающихся, то сие познание называется *историческим*. Ежели имеем познание о количестве какой-либо вещи и о количестве сил, ей свойственных, то такое познание называется *математическим*. И наконец, ежели познаем причины, почему какая вещь существует и для чего она сим, а не другим образом находится, то такое познание обыкновенно называется *философическим*.

§ 2. О познании историческом замечать надлежит:

I. Что предметами оного служат вещи, подлежащие нашим чувствам, и оные столько могут быть нам известными, сколько действуют на наши чувства.

II. Оно есть первое и нижайшее познание, а посему по необходимости должно предшествовать познаниям прочим.

§ 3. О познании математическом должно помнить:

I. Что оному предшествовать долженствует историческое познание нескольких вещей, которые одна с другою сличаются и сравниваются, для того дабы можно было узнать их меру или их количество относительное.

II. Вещи представляются имеющими количество или относительно их протяженности, или их состава, или

Библиотека "Руниверс"

судя по силам, им приличным, или их силам двигательным. Итак, предмет математического познания есть тот, чтоб найти или протяженность, или состав тела, что будет то же, что найти груз оного, или определить количество двигательных его сил, или найти все вместе.

III. Ежели математическое познание о какой-либо вещи мы получаем непосредственным сличением или сравнением оной с другою, то таковое познание называется простонародным. Но ежели узнаем количество ее помощию умствований и математических выкладок, тогда сие познание заслуживает название ученого.

§ 4. Что касается до познания философского, то следует примечать следующее:

I. Мы не можем познать причины какой-либо вещи, ежели не рассмотрим совершенно связи, или отношения, которое находится между вещию и ее причиною. Но отношения вещей не подлежат нашим чувствам, а посему и для познания философского не довольно одних чувств, но надобно еще способность усматривать союз и отношения вещей; сия способность называется *разумом*.

II. Предмет философского познания есть двоякий: или одну вещь из другой изъяснить, или одну истину вывести из другой. Итак, философствование состоит в объяснении бытия, состояния и качеств вещей или в сравнении между собою уже приобретенных общих сведений о вещах, дабы посредством оного можно было вывести новую какую-либо истину, которая была дотоле нам еще неизвестна или недовольно известна и темна.

III. Весьма часто случается, что мы не можем узнать причину какой-либо вещи, ежели не узнаем наперед точного количества обоих. Из сего явствует, что математическое познание нередко открывает путь к познанию философскому, и посему иногда бывает основанием оного.

IV. Бывает также, что от бытия какой-либо вещи заключаем о бытии другой, которой отнюдь не чувствуем, хотя и уверяемся, что она есть. Однако ж такого познания никак историческим назвать не можно, ибо оно основывается не на чувствах, но на умозаключении.

§ 5. Кто исследывает причины вещей и дает своим суждениям пристойные резоны, тот, поколику сие делает, философствует. Но может ли, однако ж, потому назваться философом? Так как математиком прямо может назваться только тот, который основательно знает

Библиотека "Руниверс"

науку о измерении тел и свое знание, когда потребует случай, может употребить в действо, а не тот, который кое-как может саженью вымерять свой дом или поле; равным образом недостоин такой имени философа, который отчасти может изъяснить причины нескольких вещей, с ним ежедневно встречающихся, но разве который приобрел навык и легкость судить о представляющихся нам вещах правильно и достаточно и который удобно может усматривать, что в какой вещи может быть почтено за истинное, и таковые свои рассуждения твердо доказывать.

§ 6. Однако ж сие понятие о философии будет очень пространно, так что философия должна бы была в себе заключать все основательные о вещах познания, какие только люди иметь могут. То есть она бы долженствовала содержать в себе все человеческие сведения, науки и художества, каковего, однако ж, философа по причине ограниченности человеческих способностей никогда не было и не будет. Почему и должно понятие философии несколько ограничить, естьли желаем иметь постоянное и отличительное понятие об оной яко об особой науке. Для того, судя по нынешнему состоянию и содержанию философических наук, можем мы назвать философию системою тех сведений, которые человеку яко человеку знать нужно для снискания благополучия. Сие определение весьма сходствует с греческим и древним оной наименованием *философии,* которое означает любовь или старание о мудрости, ибо естьли хотя немного вникнуть, то мудрость есть не что иное, как умение достигать благополучие.

§ 7. Но что человеку нужно для того, чтобы он знал, в чем состоит его благополучие и как его достигнуть? То, чтобы он ведал свою природу и природу тех вещей, посреди коих он находится, чтобы правильно мог усматривать соотношения между собою и оными и дабы, наконец, оттуда вывел для себя правила и образец своих поступков.

§ 8. В сем намерении человек может предложить себе сии вопросы: *кто я? где я? откуда я и прочие окружающие меня вещи? к какому концу я от природы назначен? что мне должно делать, дабы достигнуть сего конца?* Сими предметами должна заниматься философия, естьли не долженствует быть причисленною к наукам тщетным и бесполезным.

§ 9. Итак, вся философия разделяется на две глав-

Библиотека "Руниверс"

нейшие части: то есть на *теоретическую,* или *умозрительную,* которая предлагает о свойствах вещей, и *практическую,* или *деятельную,* которая содержит в себе правила и наставления, как поступать и жить, основанные на истинах, в теоретической части открытых.

Равным образом части философии различаться могут так, что одна заниматься будет рассуждениями о человеке, которая и называется посему *антропологиею,* а другая — вещами, находящимися вне его. Та, которая трактует о вещах, чувствам подлежащих, известна под именем физики, а которая занимается изложением того, что мы познаем посредством одного разума, и которая изъясняет главнейшие понятия вещей и рассуждает о внутренней их природе, которая предлагает главнейшие истины о естестве мыслящих существ, о мире, вообще взятом, и о боге, называется *метафизикою* и разделяется па четыре части: на *онтологию, пневматологию*, космологию и богословию естественную*[5].

Часть антропологии, коей предмет есть изъяснение сил и способностей души человеческой, называется *психологией;* та часть оной, которая особенно показывает употребление способностей разумных и способ, как ими управлять, называется *логикою,* а которая преподает правила управления и исправления воли, называется *ификою*[6]. К сим причисляется *естетика,* основанная на началах предыдущих наук и которая трактует о чувствовании высокого и изящного, свойственном естеству человека.

Другая часть антропологии, имеющая предметом своим тело человеческое, называется вообще *врачебною наукою;* и часть оной: 1) показывающая строение и состав человеческого тела — *анатомиею;* 2) которая изъясняет свойство и действия частей тела человеческого — *физиологиею;* 3) которая научает, как сохранять здоровье,— *диететикою;* 4) которая научает способам излечения болезней, собственно врачебною наукою называется. Впрочем, вся медицина, так как и физика, по причине обширности материи ныне от философии отделяется и составляет особенную науку. Что касается до практической философии, та часть оной, которая показывает первоначальные основания законов и нравственности, называется *первоначальною нравственною философиею;* а которая изъясняет законы и права, непосредственно выводимые из естества человеческого,— *правоискусством* или *правоведением естественным;* ко-

Библиотека "Руниверс"

торая же изъясняет главные правила благоразумия, которые человек в обращении с другими наблюдать должен,— *политикою;* которая показывает должности и права людей, живущих в простом обществе и составляющих фамилию,— *правоискусством семейственным;* которая показывает должности и права людей, живущих в гражданском обществе,— *правоискусством гражданским;* которая, наконец, изъясняет должности и права людей, которые составляют между собою общество, учрежденное для отправления должностей религии, или богопочитаиия, называется *правоискусством церковным.*

§ 10. Философия от богословии откровенной[7] различествует не содержанием, или матернею, которая в обеих есть почти та же, то есть чтоб показать человеку путь к достижению благополучия (включая то, что в богословии более говорится о вечном, нежели о временном благополучии), но основанием удостоверения. Ибо откровение утверждается на слове божием, людям проповеданном, а философия — на одном только человеческом разуме и опытности и на основывающихся на них умозаключениях. И потому, чтоб философия соответствовать могла своему наименованию, то отнюдь не должны в философических рассуждениях помещаемы быть вместо резонов какие-либо убеждения, взятые со стороны уважения чьего-либо, а напаче человеческого, но паче все в оных долженствует сколько возможно быть доказываемо доводами, из рассматривания естества вещей заимствуемыми.

§ 11. Из самого определения философии и содержания наук, заключающихся в оной, довольно уже видно ее употребление и польза, хотя не можно отвергнуть того, что философия часто бывает сама на себя не похожею и людям вредною. Чему причиною бывают те, которые, нося на себе имя философов, часто употребляют во зло свой' ум, или надмеру полагаясь на разум человеческий, которого слабости и ограниченности никто не признать не может, или слишком ему недоверяя, или требуя от него излишнего и превышающего силы человеческие; или кои, не имея пристойного философического таланта, вмешивают в свои рассуждения много ненужного и бесполезного; или, наконец, кои, увлечены будучи порочными страстями, стараются сделать философию рабою и орудием нечестия. [...]

Библиотека “Руниверс”

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Впервые напечатаны в «Северном вестнике» (1805. № 8—9). Публикуются в отрывках по кн.: Русские просветители. Т. 2. С. 7, 8.

[2] Имеется в виду «Критика чистого разума» И. Канта.

[3] Полное название «Начертание логики, сочиненное и преподанное в армейской семинарии прежде бывшим в оной ректором и философии учителем Александром Лубкиным» (1807). Печатается по кн.: Русские просветители. Т. 2. С. 28—29, 30—35.

[4] *Пневматология* — идеалистическое учение о душе как о всеобщем духе.

[5] Богословие естественное изучает религиозные начала с помощью естественного человеческого разума.

[6] *Ифика* — этика.

[7] Богословие откровенное изучает религиозные начала посредством религиозной веры.

Библиотека "Руниверс"

КУНИЦЫН АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

А. П. Куницын родился в семье священника в селе Кое Кашинского уезда в 1783 г. Обучался в Кашинском духовном училище, Тверской духовной семинарии, Петербургском педагогическом институте (1803—1807). После окончания Гейдельбергского и Геттингенского университетов изучал юриспруденцию и политические науки, в должности адъюнкт-профессора преподавал в Царскосельском лицее. На открытии лицея 19 октября 1811 г. А. П. Куницын произнес актовую речь, в которой говорил об обязанностях гражданина и воина. С 1817 г. преподавал в Петербургском главном педагогическом институте, преобразованном в 1819 г. в университет.

У Куницына учились А. С. Пушкин, декабристы И. Пущин, В. Кюхельбекер, известный дипломат А. Горчаков. Многие декабристы (Н. Бестужев, А. Поджио, Е. Оболенский, И. Бурцов и др.) были слушателями его публичных лекций. С декабристом Н. Тургеневым А. П. Куницын обсуждал план «О составлении общества, стремящегося к благосостоянию России», предполагал издавать журнал «Архив политических наук и российской словесности». В преддекабристском десятилетии А. П. Куницын был одним из самых прогрессивных профессоров-обществоведов, оказавших большое влияние на формирование взглядов дворянских революционеров, что было зафиксировано в протоколах допросов декабристов в следственной комиссии.

Купицыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольным камень,
Им чистая лампада возжена...—

так писал о нем А. С. Пушкин в стихотворении «19 октября».

Просветительская деятельность Куницына обратила на себя внимание. По доносу попечителя Петербургского учебного округа наряду с другими профессорами

Библиотека "Руниверс"

университета он был уволен в 1821 г. с должности профессора, а его книга «Право естественное» была изъята из продажи и частично уничтожена. «По рассмотрении в Главном правлении училищ этой книги,—писал министр народного просвещения,—найдено нужным по принятым в ней за основание ложным началам и выводимому из них весьма вредному учению, противоречащим истинам христианства и клонящемуся к ниспровержению всех связей семейственных и государственных, книгу сию, как вредную, запретить повсюду к преподаванию по ней...» (См.: *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 205).

В 1826—1840 гг. А. П. Куницын служил в различных должностях, в том числе председателем Комитета для надзора за печатанием «Полного собрания законов», директором департамента иностранных исповеданий.

Умер А. П. Куницын в Петербурге в 1840 г.

А. П. Куницын был просветителем, сторонником теории естественного права, резко осуждал монархию как деспотию. Выступал он также против крепостнических отношений, считая их бесчеловечными, отжившими свой век.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Куницын А. П.* Послание к русским; Замечания на нынешнюю войну; Изображение взаимной связи государственных сведений; Рассмотрение книги «Опыт теории налогов», сочиненной Николаем Тургеневым; Право естественное//Русские просветители: От Радищева до декабристов. М., 1966. Т. 2. С. 169—359.

2. *Куницын А. П.* Наставление воспитанникам, читанное при открытии императорского Царскосельского лицея. СПб.: Б. и., 1811. 8 с.

3. *Куницын А. П.* Энциклопедия прав // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1.С. 591—654.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сперанский В. Н.* Социально-политические взгляды А. П. Куницына // Учен. зап. Горьк. ун-та. Сер. историко-филологическая. 1964. Т. 2, вып. 72. С. 823—838.

2. *Смирнов Ф. Н.* Куницын и декабристы // Вопр. философии. 1967. № 6. С. 216—218.

Библиотека "Руниверс"

ПРАВО ЕСТЕСТВЕННОЕ[1]

Введение. О ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА

[...] § 1. Человек имеет двоякую природу: чувственную и разумную. Чувственная природа направляется способностию желания, которой первоначальное назначение состоит в сохранении целости существа человеческого. Желать — значит хотеть присутствия или отсутствия какой-либо вещи. Сия способность в человеке называется *волею в пространном смысле.* Стремление воли к осуществлению какого-либо предмета называется *хотением,* а желание отсутствия или небытия вещи — *отвращением.*

§ 2. Человек по силе чувственной природы желает только того, что почитает добрым, и отвращается от того, что находит злым. Сему закону подлежат все желания, равно как и предпочтение большего добра меньшему и меньшего зла большему. Несмотря, однако ж, на сие общее определение, человек может заблуждаться в познании добра и зла и почитать истинное добро ложным и ложное истинным, равно как истинное зло принимать за ложное и ложное за истинное.

§ 3. Слово *добрый* означает вообще сообразность вещи с каким-либо назначением. О вещах несмысленных говорится, что они *добры,* хороши, когда соответствуют какому-либо намерению и могут служить средствами к достижению предполагаемой цели. Таким же образом относительно к чувственной природе человека все то называется добрым, что соответствует его стремлению к благополучию, что удовлетворяет его желанию, производя в нем приятное ощущение.

§ 4. Итак, предмет способности желания есть приятность, которая приобретается как положительным, так и отрицательным образом, т. е. или достижением благ, приводящих чувственность нашу в состояние удовольствия, или избежанием зол, могущих привести оную в состояние скорби. Употреблять силы для достижения той или другой цели — значит *действовать.* А потому

Библиотека "Руниверс"

деяние есть перемена существа, производимая в нем собственными его силами; перемена же, производимая в существе посторонними силами, называется *страданием*.

§ 5. Если бы человек имел одну только чувственную природу, то приятность была бы для него единственным благом и безусловною побудительного причиною деяний. Употребление его сил было бы только страдательное, зависящее от внешних впечатлений. Но сверх чувственности человек имеет разум, который рассматривает вещи не только по их отношению к желаниям, но и по их сообразности с своею собственною природою. Посредством сей высшей способности человек может действовать независимо от внешних вещей, ибо разум предписывает человеку известный способ деяния, несмотря на то, сообразен ли он с чувственными желаниями или нет. Потому предписания разума касательно поступков человеческих называются *безусловными повелениями*. Способность желать по предписаниям разума называется *волею* в тесном смысле, склонение воли к осуществлению предмета — *решимостью*. Последствие, бывшее побудительного причиною воли, называется *целию* деяния и намерением лица действующего. Цель, для которой другие цели служат средствами, называется *главною* или непосредственною.

§ 6. Поколику человек может располагать своим поведением независимо от внешних впечатлений, то он называется свободным. По силе сей способности он желает состоять только под законами собственного разума и всякое другое законодательство тогда только допускает, когда оно проистекает из общих начал разума. Конечно, в его власти состоит подвергнуться законам, противным разуму, но тогда он отрицает собственное свое достоинство, унижаясь до степени животного, которое внешними только чувственными побуждениями направляется к действию.

§ 7. Разум, предписывая воле правила, тем самым доказывает ее свободу, ибо чрез то предполагается в воле возможность поступать различным образом, а не по одному какому-либо направлению необходимому. Если бы воля была несвободна, то предписания разума были бы напрасны, ибо в них содержалось бы или то, к чему воля необходимо стремится, или то, чего она по природе своей исполнить не может. Хотя же предписания разума не лишают волю свободы, так как она

Библиотека "Руниверс"

может поступать сообразно и противно оным, но, отвергая закон разума, воля впадает в зависимость от чувственных побуждений. Человек, увлекаемый страстями вопреки разуму, есть раб оных. Итак, свобода в отрицательном смысле есть независимость воли от чувственных побуждений, в положительном же — есть способность последовать предписаниям разума. [...]

Книга I. ЧИСТОЕ ПРАВО

Часть I. БЕЗУСЛОВНОЕ ПРАВО

Глава 1

[...] Понятие о законах и должностях нравственных.

§ 20. Слово *закон* по своему производству означает преграду, далее которой что-либо простираться не должно и не может. В переносном смысле закон есть положение, выражающее необходимость, по которой что-либо случается или случиться должно. Поколику разум предписывает воле правила, которыми полагает преграду ее желаниям, то предписания его называются также законами.

§ 21. Необходимость, выражаемая законами разума, называется нравственною и различается от физической, содержащейся в вещественных законах мира, тем, что человек сам себя оной подчиняет; напротив того, физическая необходимость есть сила внешняя, управляющая вещами и их действиями.

§ 22. Влияние нравственной необходимости на свободу воли называется *обязательством,* а самое деяние, к которому оно склоняет,— *должностью,* или обязанностью. Если одно убеждение в нравственной необходимости решит волю действовать, то деяние называется *нравственным* в тесном смысле, а побуждение к оному— *внутренним.* Когда же не сие убеждение, но другая внешняя причина заставляет человека поступить по закону, то деяние называется просто *законным,* а побуждение к оному — *внешним.*

§ 23. Все нравственные законы содержат в себе внутреннюю причину, при исполнении некоторых может быть также внешнее побуждение. Первые называются *нравственными* в тесном смысле, а вторые — *законами юридическими.*

Библиотека "Руниверс"

§ 24. По различию сих законов должности разделяются также на два рода: одни называются *нравственными,* поколику побуждение к оным бывает внутреннее, а другие — *юридическими,* поколику исполняются по силе внешнего побуждения. Все юридические должности суть также нравственные, ибо разум требует при исполнении закона также, чтобы внутреннее расположение было сообразно с оным; но не все нравственные должности суть также юридические.

§ 25. Деяние, не противное должности, называется *позволенным,* исполнение оного зависит от произвола человека; деяние противное должности, называется *непозволенным* и учинено быть не может, хотя человек и имеет к тому физическую возможность.

§ 26. Деяния человека относятся или только к нему самому и касаются собственного лица, или простираются также на других людей и производят перемену в их состоянии. Причем они или согласуются с волею лиц, коих состояние переменяют, или не согласуются и составляют препятствие для их целей. Отсюда происходит противоборство частных волей, при котором люди остановляют взаимно свою деятельность и чрез то лишаются предполагаемых ими целей. Для решения сего спора разум поставляет за правило, чтобы человек, желающий произвесть что-либо сообразное своей умственной природе, не был в том останавливаем другими. Следовательно, каждый может требовать, чтобы ему не препятствовали действовать, сходно с разумом.

§ 27. Каждый человек внутренне свободен и зависит только от законов разума, а посему другие люди не должны употреблять его средством для своих целей. Кто нарушает свободу другого, тот поступает противу его природы; и как природа людей, несмотря на различие их состояния, одинакова, то всякое нападение, чинимое несправедливо на человека, возбуждает в нас негодование. Сие служит доказательством тому, что справедливость людям естественна.

§ 28. Итак, справедливость есть исполнение юридических должностей или готовность допускать других людей исполнять все деяния, которыми наша свобода не нарушается. Справедливость бывает *внутренняя* и *внешняя.* Первая состоит в наружном исполнении юридических должностей, а вторая — в исполнении оных по внутреннему благорасположению или по одному только убеждению в должности.

Библиотека "Руниверс"

§ 29. Деяние, согласное с юридическою должностию, называется *справедливым,* а противное оной — *несправедливым.* Итак, внешняя свобода человека ограничивается только свободою других людей, ибо несправедливым в юридическом смысле только то называется, что внешнюю свободу других людей нарушает.

§ 30. На основании сих понятий человек может производить все деяния, которыми свобода других людей не нарушается, каковая возможность называется *правом.* Слово сие первоначально заимствовано от физического значения, в котором оно изображает прямое направление тела. Относительно к действиям оно означает сходство оных с теми правилами, которые разум предписывает человеку для его поведения в общежитии с другими.

§ 31. Посему право, во-первых, как качество лица есть возможность поступать произвольно, не нарушая законной свободы других; во-вторых, как качество действия оно означает совместность нашей свободы со всеобщею свободою; в-третьих, как собрание законов оно есть совокупность условий, при которых всеобщая внешняя свобода возможна.

§ 32. Существо, которому принадлежат права, называется *лицом;* напротив того, существо, не имеющее оных, называется *вещию.* Оно может быть употреблено средством для целей человека без нарушения нравственного порядка.

§ 33. Понятие о праве простирается: I. На внешние отношения людей, т. е. на внешние действия, которыми они определяют взаимно свое состояние. II. Оно относится не к материи произвола, но к форме, в которой оно обнаруживается во внешних деяниях. Материя произвола есть цель, предполагаемая лицом действующим, форма произвола есть внешнее отношение оного к произволу других людей. III. В понятии права заключаются такие действия, исполнению которых другой человек не может препятствовать. Кто воспротивится оным, тот по всеобщему закону свободы может быть отражен силою. Склонение других людей силою признавать наши права называется *принуждением.*

§ 34. Каждый человек имеет нравственную возможность защищать свои права, ибо справедливым называется то, что по внешности согласно с юридическою должностию или что сообразно со всеобщею законною свободою. Но как нарушение права есть препятствие

Библиотека "Руниверс"

к обнаружению свободы, а принуждение к оставлению оного есть уничтожение сего препятствия, то оное и называется справедливым.

§ 35. Поколику право основывается на законе, общем для всех разумных существ, то праву одного лица соответствует обязанность всех прочих. Когда один имеет внешнее совершенное право, то другой имеет внешнюю совершенную должность, и взаимно, когда один имеет внешнюю совершенную должность, то другие имеют внешнее совершенное право.

§ 36. Должность наблюдать чужие права есть совершенная, ибо лицо, оною обязанное, имеет совершенную возможность удовлетворить ее требованию. Посему, кто не соблюдает чужих прав, тот может быть принужден к тому силою, § 34.

§ 37. Поколику должности совершенной всегда соответствует право другого и в исполнении оной не бывает никакого изъятия, то как лицо, право имеющее, так лицо обязанное и даже третие, постороннее лицо могут судить, сообразно ли какое-либо действие с совершенною должностию или нет. Потому деяние, о сообразности коего с должностию только виновник судить может, почитается непротивным внешней совершенной должности.

§ 38. Что касается до намерения лица действующего, то оное признается добрым или.злым тогда только, когда обнаружено будет достаточными внешними знаками.

§ 39. Отличительные свойства внешних совершенных прав и должностей состоят в следующем: 1) нарушением их причиняется существенная обида другому; 2) они не допускают никакого исключения и для всех равно действительны; 3) они подлежат суждению каждого, т.е. что по внешним признакам деяния каждый может определить, сообразно ли оно с правом и должностию или нет; 4) они всегда находятся во взаимном соотношении: право рождает должность, а сия непременно соответствует праву. [...]

ПРИМЕЧАНИЕ

Впервые напечатано в Петербурге: книга 1—в 1818 г., книip[3] » JE 1820 г. Полностью вошло в кн.: Русские просветители. •/•• Печатается в отрывках по этому изданию. С. 205—207, ^'4—218.

Библиотека "Руниверс"

ОСИПОВСКИЙ ТИМОФЕЙ ФЕДОРОВИЧ

Т. Ф. Осиповский родился в семье священника села Осипово Ковровского уезда Владимирской губернии. В 1783 г. окончил Владимирскую духовную семинарию, а затем Петербургскую учительскую гимназию, после чего несколько лет преподавал русскую словесность, математику и физику в Главном московском народном училище и Петербургской учительской гимназии, где с 1800 г. заведовал кафедрой. В это время он создал главный труд своей жизни — первый «Курс математики» на русском языке' (Т. 1—3. СПб., 1801—1823), считавшийся долгие годы лучшим учебным пособием. «Курс математики» был переведен на ряд иностранных языков.

В 1803 г. Осиповский переезжает в Харьков, где участвует в подготовке к открытию Харьковского университета. С момента его основания, т.е. с 1805 г., он — профессор, а затем ректор университета. В 1807 г. ему было присвоено звание доктора философии.

На посту ректора университета Осиповский зарекомендовал себя как прогрессивный ученый, просветитель, боровшийся с мракобесием и идеалистической философией. В 1812 г. он организовал при Харьковском университете «Общество наук», несколько лет редактировал «Украинский вестник».

Идеалисты не сдавали свои позиции. Один из них, профессор А. И. Дудрович, в своем доносе на Т. Ф. Осиповского утверждал, что «образ мыслей г. ректора совершенно противоположный началам веры и св. писания» (*Чириков Г. С.* Тимофей Федорович Осиповский, ректор Харьковского университета//Рус. старина. 1876, ноябрь. С. 484).

Усилиями реакционеров при непосредственном участии попечителя Харьковского учебного округа, вице-президента Российского библейского общества 3. Я- Корнеева в 1820 г. Т. Ф. Осиповский был отстранен от должности ректора. После увольнения он переехал в Москву, где продолжал заниматься наукой.

Библиотека "Руниверс"

Скончался Т. Ф. Осиповский в Москве в 1832 г.

В историю русской науки, философии Т. Ф. Осиповский вошел как выдающийся естествоиспытатель, математик, физик, астроном, с материалистических позиций критиковавший немецкую идеалистическую философию от Лейбница до Шеллинга и ее сторонников, обосновавшихся в Харьковском университете — профессоров Шада, Коритари, Дудровича и их учеников. Две актовые речи он посвятил критике идеализма Канта, его априоризма и «трансцендентальной эстетики». Делу защиты материалистического сенсуализма служила переведенная им в 1805 г. «Логика» Кондильяка.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Осиповский Т. Ф.* О пространстве и времени; Рассуждение о динамической системе Канта; Из отзыва на учебник физики профессора физики А. И. Стойковича; Отзыв об учебнике «Логики» профессора И. Е. Шада//Русские просветители: От Радищева до декабристов. М., 1966. Т. 2. С. 147—166.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кравец И. Н.* Борьба Т. Ф. Осиповского против идеализма и религии//Вопр. религии и атеизма. М., 1955. Вып. 3. С. 237—246.
2. *Кравец И. Н.* Т. Ф. Осиповский — выдающийся русский ученый и мыслитель. М.: АН СССР, 1955. 104 с.
3. *Пашкова А. А.* Кант и философия на Украине начала XIX века//Критические очерки по философии Канта. Киев 1975 С. 299-321.

Библиотека "Руниверс"

О ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ[1]

Речь, произнесенная в торжественном собрании Харьковского университета

[...] Намерен я с позволения почтеннейшего собрания предложить мысли мои о пространстве и времени.

Во-первых, представляю я в коротких словах умствования о сем новейших философов Германии, и в особенности Канта, основателя наиболее приемлемой там философской системы. Он в своей «Критике чистого рассудка» рассуждает о сем так: 1-е. Понятие о всем, вне нас находящемся, приобретаем мы чрез опытность, но в произведении понятия как о пространстве, так и о времени опытность не участвует. 2-е. Сие понятие получается ие от вещей, вне нас находящихся, но оно каждому понятию о вещах предшествует. 3-е. Как пространство, так и время можно вообразить отдельно от вещей, но никакой вещи без понятия вместе о пространстве и времени представить себе не можно. Посему 4-е. Пространство и время не суть принадлежности и условия существования вещей, но имеют бытие свое в нас одних, и мы оное по образу только нашего чувствования к вещам прилагаем, подобно тому как нам, вращающимся с Землею нашею около ее оси, кажется что вместо того вертится около нас целое небо со всеми находящимися в нем телами.

Сколько ни рассуждал я. об оных основаниях, из коих выведено им сие заключение, но, допустив даже, что они совершенно верны, никоим образом в них увидеть того не мог, чтоб оное заключение было необходимое их следствие. Даже не мог усмотреть в них и того, чтобы они приличествовали более к существованию пространства и времени только в нас по образу нашего чувствования, нежели к действительному их существованию в природе как необходимостей для возможности существования вещей. И действительно, положим пространство существующим независимо от нас, но так, что мы необходимо в нем существуем и притом имеем чув-

Библиотека "Руниверс"

ства устроенные к принятию от него впечатлений, то вместе с сим положением необходимо сопряжено будет, что оно будучи от нас неотъемлемо, не преминет произвесть на оные наши чувства такие впечатления, которые будут соответствовать и его сущности, и образованию тех чувств наших, кои устроены на принятие от него впечатлений. Следовательно, сии впечатления независимы будут от нашей опытности, ибо те понятия, кои мы, собственно, называем приобретенными чрез опытность, происходят в нас не от таких предметов, кои безотлучно при нас находятся и на наши чувства невольным образом действуют и не действовать не могут, но от таких, коих действие на оные бывает случайно или по нашей предварительной на то воле. Таким же образом, естьли в природе бытие всего в ней существующего есть последовательное и естьли имеем внутренние чувства, к понятию сего бытия устроенные, то они невольным образом, а посему независимо от нашей опытности откроют его в нас самих, ибо естьли бытие есть и есть общее всему в природе существующему, то оно от нас неотделимо и на внутренние наши чувства, для понятия его устроенные, не подействовать не может. Итак, из того, что понятия о пространстве и времени независимы от нашей опытности, не проистекает необходимого заключения к несуществованию их в природе, кроме нас самих, но сия независимость от опытности равно приличествует как к существованию их в нас только, так и к существованию в природе. Что же принадлежит до других двух оснований, то приличие их и к существованию как пространства, так и времени в природе очевидно, только бы говорилось в них о самых вещах, а не о качестве их.

Как из вышепредставленного суждения открывается, что оные основания, из коих выведено заключение о существовании пространства и времени только в нас одних, равномерно приличествуют и к существованию их в целой природе, то для определения, которое из сих двух противуположностей действительно имеет место, необходимо прибегнуть должно к следствиям того и другого положения и из событности или несобытности их заключить о возможности или невозможности которого-либо из оных положений.

Возьмем сперва в рассмотрение пространство и положим, что оно существует только в нас одних по образу нашего чувствования. Когда оно существует только в нас, но в природе его нет, то оно существует без вся-

Библиотека "Руниверс"

кого на нас впечатления извне, понятие об нем причиняющего, ибо тогда уже и самое понятие о внешности исчезает по причине той, что с сим понятием необходимо сопряжено существование пространства. Вместе с сим исчезает тогда и понятие о внешности, равно как и о внутренности наших чувств, и останется только, что мы имеем некоторые чувства, кои мы по образу нашего чувствования называем одни внешними, другие внутренними. Где ж теперь будут вещи, кои чувства наши представляют нам в пространстве вне нас? Самое слово *где* не будет тогда иметь никакого вещественного значения, ибо сие слово относится к месту как к части видимого •нами пространства, но с несуществованием пространства исчезает вместе и вещественность понятия о местоположении вещей. Далее, что такое будут видимые нами положения вещей одной в рассуждении другой? Что значит, одна вещь кажется нам далее или ближе, нежели другая, так что расстояние одной несколькократно содержится в расстоянии другой от нас? Что значит, когда мы усматриваем, что некоторые вещи положение свое одна в рассуждении другой изменяют? По системе несуществования пространства в природе всем сим явлением, внутри нас только происходящим, ничего вещественного в ней не соответствует. Теперь спрашивается: как же сии явления в нас происходят, зависимо ли от вещей, на нас действующих, или независимо? Легко рассудить можно, что вещи ни о чем таком понятия в нас родить не могут, чего в них нет и к ним не принадлежит, ибо естьли они могут родить в нас какое-либо понятие, то необходимо быть должно, чтоб сему понятию, в нас от них происходящему, «соответствовало что-либо к ним принадлежащее, иначе могло бы статься, чтобы ничто производило что-либо. Посему при несуществовании пространства как принадлежности всех вещей оные явления как относящиеся к пространству происходят в нас без всякого в том участия со стороны вещей.

Но все сии явления усматриваем мы невольным образом, ибо не в нашей воле состоит родить или не родить в нас понятие о месте какой-либо действующей на-наши чувства вещи или распорядить, чтоб усматриваемые нами вещи представлялись нам в таком одна в рассуждении другой положении, как нам заблагорассудится. Притом сии явления усматриваем так, что ежели которое-либо из них усматривает один из нас, то

Библиотека "Руниверс"

усматривает его и другой совершенно соответственным образом и порядком. Каким же образом сие произойти может, когда в природе нет ничего сим явлением соответствующего? Один остается способ, а именно надлежит быть предрасположению, чтоб в душе нашей вместе с действием на нее со стороны каких-либо вещей рождались независимо от нее понятия относительно к пространству, усматриваемые нами как сопровождающие сии действия и причиняющие в нас понятия об оных явлениях, т. е. при несуществований пространства вне нас должно существовать относительно к душе каждого и ко всем вообще Лейбницево предустроенное согласие. Положим, что сие предустроенное согласие существует, и вообразим потом, что мы не всегда по непременному какому-либо закону приводимся к усматривайте того или другого явления, но весьма часто приводимся к тому по собственной нашей воле или по воле других, нередко управляемой своенравием, то воображение устрашится необъятностью соображений и соглашений всех воль и случаев, дабы предусмотренное согласие могло иметь место.

Но скажут, может быть, почему оное предустроенное согласие для истолкования возможности оных явлений без существования пространства необходимо? Скажут, что вещи имеют взаимные отношения, не по образу только нашего чувствования к ним прилагаемые, но действительно к ним принадлежащие; и сии-то отношения, отпечатлеваясь в наших чувствах, рождают в нас оные явления относительно к пространству. Положим, что сии явления суть отношения вещей, но дабы иметь о сем чистое понятие, для сего одного слова, выражающего их, недовольно, надлежит сказать еще, что такое те отношения вещей: в сущности ли вещей они положены или от их сущности независимы? Видя беспрестанно, что оные отношения вещей изменяются, между тем как самые вещи остаются одни и те же, нельзя сказать, чтоб оные отношения положены были в сущности вещей или из нее происходили. Каким же образом сии отношения к вещам принадлежат? Они принадлежат к вещам ^так, что естьли бы при каком-либо отношении вещей сии вещи и уничтожились, то бы оные отношения остались. Следовательно, есть нечто особенное от вещей, что производит в нас понятие об оных отношениях, и сие особенное, что бы оно ни было, будет пространство.

Что принадлежит до времени, то вместе с положе-

Библиотека "Руниверс"

нием существования его только в нас одних отнимется у вещей последовательное бытие их, ибо чрез одно только внутреннее чувствуемое нами последовательное бытие нас самих и сопребывание вместе с нами других вещей мы получаем понятие о времени как о принадлежности всех вещей. Но можно ли представить себе бытие вещей непоследовательным? В доказательство возможности сего понятия приводят то, что когда мы рассматриваем какую-либо вещь, состоящую из многих частей, коих вдруг обозреть не можно, то получаем понятия о частях ее одно после другого, между тем как части сии существуют вдруг, а не одна после другой. Но по моему мнению, сие доказательство не есть доказательство: мы с совершенным внутренним сознанием различаем тот случай, когда многоразличное в каком-либо предмете существует вместе, от того случая, когда оное многоразличное существует последовательным образом, ибо в первом случае можем порядок явления для нас оных многоразличных частей одной после другой изменять по произволению, и притом в то же время разные люди могут сии явления рассматривать разным порядком, во втором же случае мы порядка последствия явлений изменить не можем и оный представляется нам невольным образом, притом совершенно одинаково как одному из нас, так и другому. Отчего же происходит сей невольный и для всех единообразный порядок последствия явлений, естьли нет порядка в явлениях, а посему и времени — в природе? Сего опять иначе изъяснить не можно, как через предопределенное согласие. [...]

[...] Все вышесказанное убеждает думать, что пространство и время суть условия бытия вещей, в самой природе и в них самих, а не в нашем только образе чувствования существующие. Что принадлежит до пространства, то мое суждение о нем таково: понятие об нем производится по впечатлениям, происходящим от него посредством наружных наших чувств на наши внутренние чувства. Впечатление же и тот предмет, который оное производит, не суть одно и то же, но чрезвычайно разнятся между собой подобно как цветы, солнцем производимые, разнятся от самого солнца. Может даже статься, и вероятно, что сие впечатление в разных людях по различному образованию чувств, для принятия его устроенных, бывает различно или по крайней мере имеет чувствительные оттенки. Посему, что такое есть

Библиотека "Руниверс"

пространство в своей сущности, нам неизвестно и мы не имеем способа узнать его сущность, но оно находится в самой природе и сущность его имеет постоянное отношение к тому впечатлению, которое оно в наших чувствах производит; а потому сравнение впечатлений, частями пространства производимых, выходит таково же, как и сравнение самых сих частей пространства. В подтверждение внешнего происхождения в нас понятия о пространстве привести можно описание того, что бывает с слепорожденными, когда они по доставлении им зрения в первый раз усматривают пространство и находящиеся в нем предметы. Как они всему удивляются! Как не различают дальнего от ближнего, великого от малого и руководствуются осязанием к приобретению сего различия! Ибо сие, не доказывает ли, что естьли они до открытия их зрения имели какое-либо понятие о пространстве, то его имели не по внутреннему его созерцанию, но по одним идеям, доставляемым чувством осязания.

Что же касается до времени, то я понимаю его не так, как нечто существующее в природе само, по себе, но как необходимое произведение последовательного бытия вещей, бытия, которое представить не в последовательном виде не положено в нашей способности. Скажут, может быть, как и г-н Кант говорит, что время от вещей отвлечь можно и что, между тем как все вещи исчезают в воображении, оно остается. Но когда я ни принимался делать сие отвлечение, то, отвлекши его от всех прочих вещей, не мог никоим образом отвлечь его от себя самого. Из сего заключаю я, что понятие о времени приобретаем мы посредством чувствования бытия нас самих и относим оное к прочим вещам по понятию их сопребывания с нами.

ПРИМЕЧАНИЕ

Речь, произнесенная в торжественном собрании Харьковского университета 30 августа 1807 г. Впервые напечатано в кн.: Речи, говоренные в торжественных собраниях Харьковского университета (Харьков, 1807. С. 3-15). В ней Т. Ф. Осиповский критикует субъективно-идеалистические представления Канта о пространстве и времени. Публикуется в отрывках по кн.: Русские просветители. Т. 2. С. 147—155.

Библиотека "Руниверс"

Раздел II

МОСКОВСКИЕ ЛЮБОМУДРЫ

ОДОЕВСКИЙ ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ

В. Ф. Одоевский происходил из старинного княжеского рода. Родился в Москве в 1804 г. Двенадцати лет его отдали в Благородный пансион при Московском университете, который он окончил в 1822 г. с золотой медалью. Во время обучения в пансионе слушал лекции профессоров И. И. Давыдова, М. Г. Павлова, познакомивших его с немецкой философией и особенно с учением Шеллинга.

В 1823 г. В. Ф. Одоевский становится членом литературного кружка Раича. Тогда же совместно с Д. В. Веневитиновым он создает московский кружок любомудров. В это время Одоевский близко сходится с будущим декабристом В. Кюхельбекером, с которым в 1824—1825 гг. издает альманах «Мнемозина». Дружен он был и со своим двоюродным братом, известным декабристом А. И. Одоевским. Однако идеи декабристов, их выступление против царизма он не принял.

После переезда в Петербург в 1826 г. Одоевский поступает на службу в Комитет цензуры иностранной, служит во II отделении канцелярии его императорского величества. С 1846 г. в течение пятнадцати лет Одоевский — помощник директора Публичной библиотеки, позже — директор Румянцевского музея.

В. Ф. Одоевский был гуманистом, просветителем, неоднократно высказывался за освобождение крестьян от крепостной зависимости. Он много сделал для просвещения народа. В доступной форме он написал несколько учебников (грамматики, арифметики, физики, химии, географии). В 1843—1848 гг. Одоевский издавал журнал для народа «Сельское чтение». Этот журнал, писал В. Г. Белинский, «...составит собою эпоху в истории едва начинающегося у нас образования низших классов» (*Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. М., 1955. Т. 9. С. 301). Участвовал Одоевский в пуш-

Библиотека "Руниверс"

кинском «Современнике» (1836—1837), в «Отечественных записках» в самый прогрессивный период их истории (1839—1848). В 20—40-е гг. он пишет лучшие свои художественные произведения — роман «Русские ночи», утопические повести «Два дня жизни земного шара», «4338-й год», выразившие его мечту о справедливом обществе будущего.

В начальный период своей творческой деятельности В. Ф. Одоевский был объективным идеалистом шеллингианской ориентации. Позже русский философ занялся естественными науками, что привело его к эмпиризму.

В 1861 г. В. Ф. Одоевский получил должность сенатора и после перевода Румянцевского музея вернулся в Москву, где и умер в 1869 г.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Одоевский В. Ф.* Статьи; Рецензии//Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. М., 1974. Т. 2. С. 156—192.

2. *Одоевский В. Ф.* Русские ночи. Л.: Наука, 1975. 319 с.

3. *Одоевский В. Ф.* О литературе и искусстве. М.: Современник, 1982. 223 с.

А.-Одоевский В. Ф. Город без имени; 4338-й год//Русская литературная утопия. М., 1986. С. 102—138.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский: Мыслитель. Писатель. М.: Б. и., 1913. Т. 1, ч. 1.

2. *Манн Ю. В.* В. Ф. Одоевский и его «Русские ночи». // Манн Ю. В. Русская философская эстетика. М., 1969. С. **104—148.**

3. *Виргинский В. С.* В. Ф. Одоевский как социолог и утопист // Вопр. истории. 1970. № 2. С. 196—204.

4. *Михайловская Н. М.* В. Ф. Одоевский — представитель русского Просвещения//Рус. лит. 1979. № 1. С. 14—25.

Ъ. Каменский 3. А. Владимир Федорович Одоевский // Каменский 3. А. Московский кружок любомудров. **М., 1980.** С. 12—63.

Библиотека "Руниверс"

СУЩЕЕ ИЛИ СУЩЕСТВУЮЩЕЕ[1]

Общий план теории сущего

Все мнения людей противоречат одно другому. В природе мы видим соответствующее тому противоборство, руководимое порядком. Сей порядок должен быть и в людях. Противоборство в природе и людях происходит между родом и видом.

1. Познание, без коего не может быть никакое другое, есть Я и НЕ-Я.

2. Я — человек, НЕ-Я — все предметы.

3. Общий род для всех предметов есть сущее; далее его идти нельзя.

4. Познание НЕ-Я или сущего принадлежит всем людям.

5. Все люди согласны всему познанию, оно для всех есть истинное.

6. Сущее кончится на границе природы; здесь первая ступень в мире мышления.

> *Сократ.* Каким внешним чувством ты можешь постигнуть не только праведное, доброе, прекрасное, но даже величину, здравие, силу —одним словом, сущность вещей?
>
> *Платон в «Фед\оне\»*

1. Познание есть соединение познаваемого с познающим, другими словами: для того чтобы предмет мог сделаться познанием, необходимы две сферы: *познающего* и *познаваемого.*

2. Познавать или соединять познающее с познаваемым значит переносить незнаемую сферу в сферу знаемую, или накладывать неизвестное на известное, по известному находить неизвестное.

3. Совершеннейшее познание есть совершеннейшее соответствие между сферою известного и неизвестного.

Библиотека "Руниверс"

4. Познающее — *идея,* единое; познаваемое — *предметы,* разнообразное. Если мы хотим познать предмет какой-либо, это значит, что мы его не знаем, что он для нас *неизвестное;* в силу § 2 единственно известное для нас должна быть *идея,* или мы ничего знать не можем.

5. Идея = известному. Идея = единому. Следовательно], известное=единому (род).

Наоборот: неизвестное = все предметы (разнообразное, виды). Для полного познания необходимо следующее (по § 3): известное = неизвестному. Отсюда: единое=всем предметам, род=всем видам.

Если сие справедливо, то наоборот: *сфера единого не равна сфере одного предмета.*

6. Если сфера одна другой не равна, это значит, что в одной из сфер есть нечто такое, что в другой не находится; след[овательно], эта сфера не может выразить другой.

7. След[овательно], для выражения Единого (идеи) потребны все предметы; сие невозможно в познании.

8. Между тем познание существует (по § 4). Что же сие значит, если не то, что мы в познание погружаем всю идею или все предметы, ее выражающие?

9. След[овательно], всякое познание есть совершенное. Если сие справедливо, то что же такое несовершенное?

10. Единое (идея)—есть совершенное; разнообразное (все предметы)—есть также совершенное; что же не есть совершенное? Отдельный предмет, неполное выражение идеи.

11. Как относятся предметы к идее, так точно относится выражение к познанию. Познание едино, выражения разнообразны. Совершенное выражение = познанию. Несовершенное, или неполное выражение, не равно познанию. Совершенное выражение познания есть истина. Неполное выражение познания — ложь.

12. След[овательно], неполное, несовершенное, неистинное существует лишь в выражениях; наоборот, всякое познание есть истина.

13. След[овательно], постигнуть познание другого, переданное в выражениях, нельзя иначе, как дополнивши к выражениям то, что недостает в них для изъяснения познания.

Отчего же происходит несогласие между людьми?

Н. Планета — единое; все ее составляющее — разно-

Библиотека "Руниверс"

образное. Планета = всему ее составляющему. [...]

15. Человечество в отношении к планете есть разнообразное, в отношении к каждому человеку — единое; все люди вместе равны человечеству. Сие соединение единого с разнообразным находится и в каждом человеке. Отсюда в человечестве та же лестница, как в природе, на всякой ступени человек соединяет идею с предметами, незнание с выражением, т. е. выражает идею своей степени (сферы).

16. Отсюда несогласие между людьми, которое есть не что иное, как неравенство сфер, сие несогласие так же никогда не прекратится, как в природе одно существо не превратится в другое. [...]

17. В природе один общий закон — движение (действие); в человеке — совершенствование (познание).

18. Большая или меньшая способность движения составляет высшую или низшую ступень в природе; большая или меньшая способность совершенствоваться различает степени между людьми. [...)

19. Познания человека высшей степени непонятны людям низшей. Открытия порядка в произведениях природы отвечают открытию истины в человеке; произведения природы постигли бы в совершенстве тогда, когда бы увидели их вместе; истину бы выразили тогда, когда бы знали мнение всех людей; ни то, ни другое невозможно; мы постигаем порядок природы в ее общности, постигаем истину только внутри себя — в идее.

20. Посему истина не может быть найдена в выражении, идея — в предмете, как не может быть найдена безмагнитная точка магнита в куске магнита.

21. Ложь и истина суть две стороны: полярность и безразличие духовного магнита — мысли или познания.

22. Всякая мысль не есть ни ложная, ни истинная, но и то и другое вместе, она совершенна, как магнит не есть только полярный, но и безразличный. [...]

23. *Мысль* каждого члена совершенна, но не равна другой.

24. Тоже и < в > *поступке* (доброе — злое).

25. Тоже и < в > *произведении* (изящное — безобразное).

26. Злое — неполное выражение доброго.

27. Безобразное — неполное выражение изящного.

28. Злое, безобразное, ложное и доброе, изящное и истинное существует лишь относительно к идее каждого человека; все, что ослабляет его способность, есть зло,

Библиотека “Руниверс”

безобразное, ложное; все, что укрепляет его способность, есть добро, изящное, истинное. Отсего жизнь почитается добром, смерть — злом.

29. Владычество — положительная сторона; подчиненность — отрицательная.

30. Стремление к счастью есть стремление сделаться родом — несчастье сделаться видом. [...]

33. Все, что препятствует человеку быть родом, есть зло, безобразное, ложное; все, что препятствует человеку быть видом, есть добро, изящное, истинное.

34. Жизнь всякого предмета есть беспрестанное противоборство между родом и видом. Сие противоборство есть *сущее*. Единое стремит предмет сделаться родом, разнообразие — сделаться видом. Отсюда музыка отвечает роду, единому; живопись — виду разнообразному; поэзия — *сущему*. Отсюда в религиях превосходство духовного над вещественным; оттого в благоустроенном обществе роды (ученые, богачи) преимуществуют над видами (ремесленники, нищие). Так, например, изобретение машины есть торжество ума — рода, хотя делает вред видам, но полезно сущему, то есть тому и другому вместе.

35. Философия есть теория сущего.

ГНОМЫ XIX СТОЛЕТИЯ[2]

Бывая свидетелем ежедневных явлений, нельзя не заметить, что в каждом из них две стороны, без которых никакое явление быть не может: это — самое явление и наблюдатель оного, или мы. Эта истина так проста и очевидна, что не требует никаких доказательств. Пробегите вселенную, соберите все явления вместе, раздробите их на мельчайшие — везде одни условия всякого явления: нет явлений для человека и человек не существует — эти слова однозначительны; с другой стороны, явления без наблюдателя не суть уже для него явления.- Но совокупность всех явлений есть *природа*. Следственно, природа есть беспрестанное зрелище человеческого духа; жизнь духа есть беспрестранное наблюдение или созерцание.

Но что значит созерцать какой-либо предмет? Устремлять дух свой к нему, как бы уподобить себя

Библиотека "Руниверс"

ему, одним словом, видеть себя в предмете. Вставим теперь сию мысль в выведенное нами определение явления и тогда получим: условия всякого явления суть две стороны — *дух* и *дух в предмете.*

Следственно, всякое явление есть беспрерывное противоборство между сими двумя сторонами: дух стремится сделать себя предметом и вместе пребыть и духом. Так что в каждом явлении три момента: 1) дух устремляется к предмету; 2) дух становится тождествен с предметом; 3) предмет возвышается к духу. Продолжение созерцания назовем временем, место оного — пространством, так, что дух будет условливать время, а предмет — пространство. Отсюда первый момент будет время, остановленное пространством, второй — пространство, сделавшееся тождественным с временем, третий — пространство, обратившееся во время.' [...] Теперь пойдем далее: для того нет явления, кто не понимает его; наблюдатель и явление будут Несоизмеримы; нельзя уравняться тому, что несоизмеримо. Дух и предметы соизмеримы, ибо дух созерцает предметы; другими словами, между духом и предметом — гармония; условие гармонии и соизмеримости — однородность; дух и предметы однородны; дух повторяется в предметах; предметы повторяются в духе.

Но дух *один* — предметов *множество.* Как могут они быть однородны? Как может быть между ними гармония? Как могут быть они соизмеримы? Каким образом дух повторяется в предметах, предметы повторяются в духе? Ясно, что тогда только это может быть, когда предметы будут относиться к духу, как особенное, или особенности, к общему; другими словами, когда в *едином* будет заключаться *многоразличие,* а *единое* распадаться в *многоразличие.* [...]

Но каким образом единство может распадаться в многоразличие, если не чрез расширение (экспансия), каким образом многоразличие обратится в единство, если не чрез сжатие (интенсия)? Вставим теперь сии выражения в выведенные нами моменты человеческого духа и тогда получим: дух по экспансивной силе устремляется к предметам, предметы по интенсивной силе сжимаются в дух — всякое явление есть противоборство интенсии с экспансией. Первая есть идея, вторая — фантазия.

Первый момент духа (дух, устремляющийся к предметам и возвращающийся к духу) есть философия.

Библиотека "Руниверс"

2_Й — предмет, тождественный с духом,— религия. 3-й — предмет, возвысившийся до духа,— искусство.

В каждом из сих отделов деятельности духа человеческого должны повторяться сии три момента. Посмотрим, как они повторяются в поэзии или в искусстве.

Но прежде, нежели приступим к сему, обратим внимание на следующее: сии три момента, сказали мы, необходимое условие всякого явления.

Недаром сравнивали познания с пищею; в самом деле, они суть пища духовная, но в сем выражении заключается более высшего смысла и более верности в сравнении, нежели как обыкновенно предполагают. Рассмотрим же, какие условия и что именно принадлежит к пище или к питанию: одна часть оной, обращаясь весом, становится сытым телом, другая извергается, но от сего смертного извержения возникает новая жизнь. Мало того, разная пища различным образом действует на тело, но общность всего процесса представляет подтверждение вышесказанной истины о беспрестанном борении или напряженности периферии с центром, которая здесь должна выразиться таким образом: получаемое извне снова обращается наружу. Не таково ли и познание: условие его таково, что познающий есть вместе и раздающий познание или на' учающийся по сему высшему закону природы. Теперь — в каких формах оно выходит во внешность? Познание обще всему человечеству, ибо потому только человек может действовать во внешность, другими словами, человек не может жить без того, чтобы не познавать, познание есть жизнь, и жизнь есть познание: сие справедливо не только в общем смысле, но и во всех частностях. Говорят, человек может быть добродетельным без познания. Неправда! Раздать можно только то, что получишь (не забудем при сем и то, что раздавание и получение предполагают для того необходимым условием возможность того и другого). Простолюдин, движимый добрым сердцем, анализирует другого — здесь он пользуется также познанием или, что все равно, обстоятельством, которое развило в нем магнитную силу. Другой делится своим имуществом — этому предшествует познание о пользе довольства. Но здесь сфера мала, в ней часто заключается один человек, 10, даже 100 — это все мало; чем более возвышен человек, тем сфера его увеличивается: ученый благотворит человечеству. Познание и добродетель одно и то же, или

Библиотека "Руниверс"

основание добродетели — познание. Точно то же и в изящном мире. Без познания нет произведения, познание сие различается по разным сферам, оттого различие произведений изящных. Теперь ясно, что в познании — и добродетели и изящество. Совершенная жизнь есть совершеннейшее познание.

В области фантазии или искусства первый момент тот, в котором дух стремится соделать себя предметом, в котором время останавливается пространством, где неопределенное становится определенным, бесконечное — конечным, общее — частным; это есть пластика. Здесь быстрее происшествие замирает на одном мгновении, здесь идеал изящного сливается в одну отдельную форму, здесь материал произведения есть фигура, пространство, внешность материи. Момент, в котором предмет возвышается до духа, в котором пространство развивается во время, где определенное погружается в неопределенное, где конечное становится бесконечным, есть музыка. Здесь мгновенное чувствование развивается в бесконечность, здесь конечные формы сливаются в одну идеальную, здесь материал произведения: время, звук, внутренность материи. Наконец, должен быть момент, составляющий совокупность двух предыдущих моментов, в котором дух делается тождественным с предметом, где конечное борется с бесконечным, определенное с неопределенным,— это есть поэзия; здесь время остановлено пространством, пространство расширено во времени; здесь материал произведения, и дух, и фигура, и внешность, и выражение материи — слово. Так что в области фантазии поэзия занимает место религии, музыка место философии, и пластика место искусства.

В самом деле, во времена младенчества рода человечества, когда владычествовала фантазия, религия древних была поэзией точно так же, как в наше время владычества идеи религии есть поэзия, и древние и мы заключаем (они в поэзии, мы в религии) нашу жизнь, соединяем в них превратности житейские со спокойствием духа.

Музыка древних была точно изображением философии нашего времени. И не потому ли древние по какому-то невольному чувству разумели под музыкой соединение всех наук? Многоразличная гармония исчезла в их единой мелодии, поступки, движимые в наше время силон духа, философиею, в древности возбуждались музыкою.

Библиотека "Руниверс"

В то время музыкант являлся один, с одинокою лирою, напротив, толпами собирались "на философские прения; теперь напротив: философы уединяются, и многочисленность мусикийских орудий составляет торжество музыки.

Наконец, пластические формы были условием древнего изящества и самая пластика была точно также совершеннейшею, как ныне искусство целости.

По какому невольному чувству ни один живописец, изображая творца вселенной, окруженного тьмами серафимов, не представил их живописцами, но, напротив, с мусикийскими в руках орудиями. Это невольное чувство, у всех повторившееся, не подтверждает ли мысль, что музыка составляет истинную духовную форму искусства точно так же, как звук показывает внутренние качества материи. В самом деле, что более признается музыкой, если не живущий на внутренней стороне идеальной сферы, или меланхолик? Отчего на всех вообще более действует печальная музыка, нежели веселая? Это все понятно. В состоянии души человеческой так же две стороны, как и во всех прочих явлениях; бывает состояние, в котором душа стремится из самой себя к предметам, ищет раздвоиться между ними, почленить себя в них, когда все движения человека показывают *расширение,* и это состояние называется *радостью;* напротив, бывает другое, когда душа от предметов стремится в самою себя, когда морщины являются на челе и все внешние движения человека являют *сжатие,* это состояние называем мы *грустью.*

Пластика и музыка совершенно, как мы видели, отвечают сим двум направлениям: пластика и младенческая радость были уделом древних, музыка и задумчивая грусть — уделом нашим. В древности грусть была уделом философии, оттого невинная философия древних мрачна и печальна и ограничивалась, одною здешнею жизнью, напротив, теперь музыка своею грустью даже веселит простолюдина; но должна быть пластическая сторона и в музыке; в самом деле, как назвать иначе музыку радостную? Радость и грусть, углубляясь в вещественность, обращаются в смешное и ужасное. И оттого совершенно противное музыке происходит в пластике. Пластика изображает чувствование, выдавшееся наружу; сверх тех сторон —радостной и печальной—музыки, [пластика] имеет смешную и ужасную, которых нет в музыке. Пластика обширнее музыки *по*

Библиотека "Руниверс"

объятности, но ничтожнее *по внутренности.* Так что музыка может изображать бесконечный ряд моментов чувствований, иначе — последовательность чувствований, и не может изобразить' разнообразных чувствований в одном моменте. Напротив, пластика изображает разнообразные чувствования, но только в одном конечном моменте, во времени, остановленном в пространстве. Так что музыку можно сравнить с бестелесною линиею, бесконечно протягивающеюся, а пластику с бесконечным множеством слоев беспредельных, но не имеющих новизны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ранее не публиковавшаяся часть трактата «Сущее, или Существующее» впервые опубликована в кн.: Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. Т. 2. С. 168—171. Публикуется по этому изданию.

[2] Наброски трактата «Гномы XIX столетия» ранее публиковались в отрывках. Полностью опубликованы в кн.: Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. Т. 2. С. 171—176. Публикуется по этому изданию.

Библиотека "Руниверс"

ВЕНЕВИТИНОВ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Д. В. Веневитинов прожил короткую жизнь. Родился он в 1805 г. в Москве в родовитой дворянской семье. С 14 лет Веневитинов читает и переводит Гомера, Эсхила, Софокла, Вергилия. Платон становится его любимым философом.

В 17 лет Д. Веневитинов — вольнослушатель Московского университета, а через год он блестяще сдает выпускные экзамены ив 1824 г. поступает на службу в Московский архив иностранной коллегии.

С ранней юности Д. Веневитинов дружит с будущими славянофилами братьями Киреевскими, Хомяковым, Рожалиным, Кошелевым. В 1823 г.. дружеские отношения оформляются в кружок любомудров, куда помимо названных вошли В. Ф. Одоевский, В. П. Титов, Н. М. Мельгунов и другие. Молодых людей объединяло увлечение литературой и немецкой философией. Любомудры издавали журнал «Московский вестник», в котором-Д. Веневитинов принимал активное участие, публикуя свои статьи и стихотворения.

В ноябре 1826 г. Д. В. Веневитинов из Москвы переезжает в Петербург. При самом въезде в столицу Веневитинова и его спутника Воше, сопровождавшего незадолго до этого княгиню Трубецкую в Сибирь к сосланному мужу-декабристу, арестовывают и допрашивают. Жандармы хотели узнать, не принадлежал ли Веневитинов к тайному обществу декабристов.

Через пять месяцев, 15 марта 1827 г. Д. В. Веневитинов умер от горячки, не прожив и двадцати двух лет. И. В. Киреевский писал о своем друге в 1830 г.: «Веневитинов создан был действовать сильно на просвещение отечества, быть украшением его поэзии, и, может быть, создателем его философии. Кто вдумается с любовью в сочинения Веневитинова... тот узнает поэта глубокого, самобытного, которого каждое чувство освещено мыслью, каждая мысль согрета сердцем...» (Денница. СПб., 1830. С. V-XI).

Библиотека "Руниверс"

СОЧИНЕНИЯ

1 *Веневитинов Д. В.* Полное собрание сочинении. М.: Б. и., 1834. 538 с.

2. *Веневитинов Д. В.* Стихотворения; Проза. М.: Наука, 1980. 608 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Манн Ю. В.* Д. В. Веневитинов и начало русской философской эстетики // Манн Ю. В. Русская философская эстетика. М., 1969. С. 6—42.

2. *Маймин Е. А.* Поэт и философ: Очерк творческого пути Д. В. Веневитинова//Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та (Псков). 1970. Т. 434. С. 34—89.

3. *Тартаковская Л. А.* Дмитрий Веневитинов: Личность. Мировоззрение. Творчество. Ташкент: Фан, 1974. 157 с.

4. *Каменский 3. А.* Дмитрий Владимирович Веневитинов // Каменский 3. А. Московский кружок любомудров. М., 1980. С. 64—139.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО К ГРАФИНЕ NN '

Мог ли я полагать, любезнейшая графиня, что беседы наши завлекут нас так далеко? Начали с простого разбора немецких стихотворцев, потом стали рассуждать о самой поэзии, а теперь уже пишу к вам о *философии*. Не пугайтесь этого имени; вы сами требовали от меня развития философских понятий, хотя выражались другими словами. Не вы ли сами заметили мне, что одно чувство наслаждения, при взгляде на какое-нибудь изящное произведение, для вас неудовлетворительно, что какое-то любопытство заставляло вас требовать от себя отчета в этом чувстве,— спросить, какою силою оно возбуждается, в какой связи находится с прочими способностями человека? Таким образом, сделали вы сами собою первый шаг ко храму богини, которая более всех прочих таится от взоров смертных. Радуясь блистательным вашим успехам, я обещал представить вам, в кратком и простом изложении, такую науку, которая совершенно удовлетворит вашему любопытству, и это обещание решился я исполнить в настоящих письмах о *философии*. Впрочем об имени спорить не будем. Если оно заслужило негодование многих, если большой свет не различает философии от педантизма, то я согласен дать беседам нашим другое название: мы будем не философствовать, будем просто думать, рассуждать... Но к чему замечание? Я знаю вас, графиня, и потому буду смело говорить вам именно о философии. Вы слишком умеете ценить наслаждения умственные, чтобы останавливаться на пустых звуках и не свергнуть оков нелепого предубеждения. Вы знаете, вы всякий день слышите, что философию называют бредом, пустой игрою ума; но в этом случае, верно, никому не поверите, кроме собственного опыта. Итак, испытывайте. Если собственный рассудок ваш оправдает сии укоризны, не верьте философии, или, лучше сказать, не верьте тому, кто вам представил ее в таком виде.

Библиотека "Руниверс"

Я сам, начиная письма мои, прошу вас не забывать одного условия, и вот оно: если я на одну минуту перестану быть ясным, то изорвите мои письма, запретите мне писать об этом предмете. Между тем пусть суетные безумцы смеются над нашими занятиями,— мы надеемся стать на такую высоту, с которой не слышен будет презрительный их хохот, а они, несчастные, и так уже довольно наказаны судьбою, которая лишила их способа наслаждаться, подобно вам, благороднейшими наклонностями человека.

Прежде нежели посвятите себя таинствам Элевзинским[2], вы, конечно, спросите: для чего учреждены они и в чем заключаются; но недаром таинства они, и этого вопроса не делают при входе. Лишь несколько жрецов, поседелых в служении и гаданиях, могли бы отвечать на него. Они хранят глубокое молчание, и вопрошающий получает только один ответ: «Иди вперед, и узнаешь». То же с философией. Вы хотите знать ее определение, ее предмет, и на это я не могу дать вам решительного ответа. Но мы вместе будем искать его в самой науке и потому сделаем другой вопрос: может ли быть наука, называемая философией, и как родилась она?

Положим себе за правило: на всем останавливать наше внимание и не пропускать ни одного понятия без точного определения. И потому, чтобы безошибочно отвечать на предложенный нами вопрос, спросим себя наперед: что понимаем мы под словом *наука?* Если бы кто-нибудь спросил вас: что такое история? Вы бы, верно, отвечали: наука происшествий, относящихся до бытия народов. Что такое арифметика? — Наука чисел и т. д. Следовательно, история и арифметика составляют две науки, но в определении каждой из них заключается ли определение науки вообще? Рассмотрим ответы подробнее. Арифметика — наука чисел. Что это значит? Конечно, то, что арифметика открывает законы, по которым можно разрешать все численные задачи, или, другими словами, что арифметика представляет общие правила для всех частных случаев, выражаемых числами; так, например, дает она общее правило сложения для всех возможных сложений. Если мы таким же образом рассмотрим и другой ответ, то увидим, что история стремится связать случайные события в одно для ума объятное целое; для этого история сводит действия на причины и обратно выводит из причин следствия. В обеих сих науках (в арифметике и в истории)

Библиотека "Руниверс"

замечаем мы два условия: 1) каждая из них стремится привести частные случаи в теорию, 2) каждая имеет отдельный, ей только собственный предмет. Применим это к прочим, нам известным наукам, и мы увидим, что вообще наука есть стремление приводить частные явления в общую теорию, или в систему познания. Следовательно, необходимые условия всякой науки суть: общее это стремление и частный предмет; другими словами: форма и содержание. Вы позволите мне, любезнейшая графиня, иногда употреблять сии выражения, принятые всеми занимающимися нашим предметом, и потому прошу вас не терять из виду их значения. Впрочем, объяснимся еще подробнее. Если всякая наука, чтоб быть наукою, должна быть основана на каких-нибудь частных явлениях (то есть иметь содержание) и приводить все эти явления в систему (то есть иметь форму), то форма всех наук должна быть одна и та же; напротив того, содержания должны различествовать в науках, например содержание арифметики — числа, а истории — события. Вы теперь видите, что слово «форма» выражает не наружность науки, но общий закон, которому она необходимо следует.

С этими мыслями возвратимся к философии и заключим: если философия — наука, то она необходимо должна иметь и форму и содержание; но как доказать, что философия имеет содержание или предмет особенный, если мы еще не знаем, что такое философия? Постараемся победить это затруднение и примемся за вопрос: как родилась философия?

Все науки начались с того, что человек наблюдал частные случаи и всегда старался подчинить их общим законам, то есть приводить в систему познания. Рассмотрите ход собственных ваших занятий, и это покажется вам еще яснее. Вы начали читать немецких поэтов. Ум ваш, соединив все впечатления, которые получил от них, составил понятие о литературе немецкой и отличил ее от всякой другой, привязав к ней идею особенного характера. Этого мало: из понятий о частных характерах поэтов вы составили себе общее понятие о поэзии, в ней заключили вы идею гармонии, прекрасного разнообразия; словом, вы окружили ее такими совершенствами, которых мы напрасно бы стали искать у одного какого-либо поэта. Ибо поэзия для нас богиня невидимая; лишь отдельно рассеяны по вселенной прекрасные черты ее. Чувство, привыкшее узнавать

Библиотека "Руниверс"

печать божественного, различило разбросанные черты сии на лицах нескольких любимцев неба; из них сотворило оно идеал свой, назвало его поэзией и воздвигло ему жертвенник. В последнем письме своем ко мне, не довольствуясь одною идеей поэзии и безотчетным наслаждением ею, вы обратили внимание на самое чувство, на действие самого ума. Выписываю собственные слова ваши.

«...Не то же ли я чувствую, удивляясь превосходной мадонне Рафаэля и слушая музыку Бетховена? Не так же ли наслаждаюсь прелестной статуей древности п глубокою поэзией Гете? Это заставило меня спросить: как могли бы различные предметы породить одно и то же чувство, если это чувство, эта искра изящного не таилась в душе моей прежде, нежели пробудили ее предметы изящные. Я по сих пор не нахожу ответа и т. д.». Мы найдем его, любезнейшая графиня, вы сами его найдете; но не здесь ему место, и мы возвратимся к предмету, чтобы не выпустить из рук Ариадниной нити.

Как развились собственные ваши понятия, так постепенно развивались и науки. В сем развитии, как вы сами можете заметить, находятся различные степени, определяющие степени образования. Чем более наука привела частные случаи в общую систему, тем ближе она к совершенству. Следовательно, совершеннейшая из всех наук будет та, которая приведет все случаи или все частные познания человека к одному началу. Такая наука будет не математика, ибо математика ограничила себя одними измерениями; она будет не физика, которая занимается только законами тел, словом, она не может быть такою наукою, которая имеет в виду один отдельный предмет; напротив тог.о, все науки (как частные познания) будут сведены ею к одному началу, следовательно, будут в ней заключаться, и она, по справедливости, назовется наукою наук. Но мы выше заметили, что всякая наука должна иметь содержание и форму; посмотрим, удовлетворяет ли сим условиям наука, которую мы теперь нашли и которую, по примеру многих столетий, назовем философиею.

Если философия должна свести все науки к одному началу, то предметом философии должно быть нечто, общее всем наукам. Мы доказали выше, что все науки имеют одну общую форму, то есть приведение явлений в познание; следовательно, философия будет

Библиотека "Руниверс"

наукою формы всех наук или наукою познания вообще. Итак, содержание ее будет познание, не устремленное на какой-нибудь особенный предмет; но познание как простое действие ума, свойственное всем наукам, как простая познавательная способность. Формою же философии будет то же самое стремление к общей теории, к познанию, которое составляет форму всякой науки. Заключим: философия есть наука, ибо она есть познание самого познания, и потому имеет и форму и предмет.

Впоследствии мы увидим, как все науки сводятся на философию и из нее обратно выводятся; но для примера припомним опять то, что вы сами чувствовали. Вы видели мадонну — и она привела вас в восторг; вы спросили: отчего эта мадонна прекрасна? и на это отвечала вам наука прекрасного, или эстетика; но вы спросили: отчего чувствую я красоты сей мадонны? какая связь между ею и мною? — и не могли найти ответа. Он принадлежит, как мы увидим впоследствии, к философии; ибо тут дело идет не о законах прекрасного, но о начале всех законов, об уме познающем, принимающем впечатления.

Я не скрою от вас, что философия претерпела удивительные перемены и долго была источником самых несообразных противоречий. Какая наука не подлежала той же участи? Замечательно, однако ж, что она всегда почиталась наукою важнейшею, наукою наук, и, несмотря на то, что обыкновенно была достоянием небольшого числа избранных, всегда имела решительное влияние на целые народы. Впоследствии мы заметим это влияние, особенно у греков. Мы видим, как философия развилась в их поэзии, в их самой жизни и стремилась свободно к своей цели. Ученые спорили между собою, противоречили друг другу, опровергали системы и на развалинах их воздвигали новые; и при всем том наука шла постоянным ходом, не изменяя общего своего направления. Божественному Платону предназначено было представить в древнем мире самое полное развитие философии и положить твердое основание, на котором в сии последние времена воздвигнули непоколебимый, великолепный храм богини. Чрез несколько лет я буду советовать вам читать Платона. В нем найдете вы столько же поэзии, сколько глубокомыслия, столько же пищи для чувства, сколько для мысли.

Мы не будем разбирать различных определений философии, изложенных в отдельных системах. Иные

Библиотека "Руниверс"

называли ее наукою человека, другие — наукою природы и т. д. Мы доказали себе, что она наука познания, и этого для нас довольно; и с этой точки будем смотреть на нее в будущих наших беседах.

АНАКСАГОР

Беседа Платона

Анаксагор. Давно, Платон, давно уроки божественного Сократа не повторялись в наших беседах, и я по сих пор напрасно искал случая предложить тебе несколько вопросов о любимых наших науках.

Платон. Готов удовлетворить твоим вопросам, любезный Анаксагор, если силы мои мне это позволят.

Анаксагор. Ты всегда решал мои сомнения, Платон, и я не помню, чтобы ты когда-нибудь оставил хоть один из наших вопросов без удовлетворительного ответа.

Платон. Если и так, Анаксагор, то не я производил такие чудеса, но наука, которая внушала речи Сократа и которой я решился посвятить всю жизнь свою.

Анаксагор. Недавно читал я в одном из наших поэтов описание золотого века и признаюсь тебе, Платон, в моей слабости: эта картина восхитила меня. Но когда я на несколько времени перенесся в этот мир совершенного блаженства и потом обратился к нашим временам, тогда очарование прекратилось, и у меня невольно вырвался горестный вопрос: для чего дано человеку понятие о таком счастии, которого он достигнуть не может? Для чего имеет он несчастную способность мучить себя игрою воображения, прекрасными вымыслами?

Платон. Как? Неужели ты представляешь себе золотой век вымыслом поэта, игрою воображения? Неужели ты полагаешь, что поэт может что-либо вымышлять?

Анаксагор. Без сомнения; и я думал в этом случае быть с тобою согласным.

Платон. Ты ошибаешься, Анаксагор. Поэт выражает свои чувства, а все чувства не в воображении его, но в самой его природе.

Анаксагор. Если так, то для чего же изгоняешь ты поэтов из твоей республики?[4]

Библиотека "Руниверс"

Платон. Я не изгоняю истинных поэтов, но, увенчав их цветами, прошу оставить наши пределы.

Анаксагор. Конечно, Платон; кто из поэтов не согласился бы посетить твою республику, чтоб подвергнуться такому изгнанию? Но не менее того это не доказывает ли, что ты почитаешь поэзию вредною для общества, и, следовательно, для человека?

Платон. Не вредною, но бесполезною. Моя республика должна быть составлена из людей мыслящих, и потому действующих. К такому обществу может ли принадлежать поэт, который наслаждается в собственном мире, которого мысль вне себя ничего не ищет и, следовательно, уклоняется от цели всеобщего усовершенствования? Поверь мне, Анаксагор: философия есть высшая поэзия.

Анаксагор. Я охотно согл-ашусь с твоею мыслию, Платон, когда ты покажешь мне, как философия может объяснить, что такое золотой век.

Платон. Помнишь ли, Анаксагор, слова Сократа о человеке? Как называл он человека?

Анаксагор. Малым миром.

Платон. Так точно, и эти слова должны объяснить твой вопрос. Что понимаешь ты под выражением: малый мир?

Анаксагор. Верное изображение вселенной.

Платон. Вообще эмблему всякого целого и, следовательно, всего человечества. Теперь рассмотрим человека в отдельности и применим мысль о человеке ко всему человечеству. Случалось ли тебе знать старца, свершившего /В добродетели путь, предназначенный ему природою, и приближающегося к концу с богатыми плодами мудрой жизни?

Анаксагор. Кто из нас, Платон, забудет добродетельного Форбиаса, который, посвятив почти целый век любомудрию, на старости лет, казалось, возвратился к счастливому возрасту младенчества?

Платон. Ты сам, Анаксагор, развиваешь мысль мою. Так! всякий человек рожден счастливым, но чтобы познать свое счастье, душа его осуждена к борению с противоречиями мира. Взгляни на младенца — душа его в совершенном согласии с природою; но он не улыбается природе, ибо ему недостает еще одного чувства — совершенного самопознания. Это музыка, но музыка, еще скрытая в чувстве, не проявившаяся в разнообразии звуков. Взгляни на юношу и на человека

Библиотека "Руниверс"

возмужалого. Что значит желание опытности? где причина всех его покушений, всех его действий, как не в идее счастия, как не в надежде достигнуть той степени, на которой человек познает самого себя? Взгляни, наконец, на старца: он, кажется, вдохновенным взором окидывает минувшее поприще и видит, что все бури мира для него утихли, что путь трудов привел его к желанной цели — к независимости и самодовольствию. Вот жизнь человека! Она снова возвращается к своему началу[5]. Рассмотрим теперь ход человечества, и тогда загадка совершенно для нас разрешится. В каком виде представляется тебе золотой век?

Анаксагор. Древние наши поэты посвятили все свое искусство описанию какого-то утраченного блаженства, и слова мои не могут выразить моего чувства.

Платон. Не требую от тебя картины; но скажи мне, как представляешь ты себе первобытного человека в отношении к самой природе?

Анаксагор. Он был, как уверяют, царем природы.

Платон. Царем природы может назваться только тот, кто покорил природу; и следственно, чтоб познать свою силу, человек принужден испытать ее в противоречиях — откуда раскол между мыслию и чувством. Объясню тебе эти слова примером. Представим себе Фидиаса[6], пораженного идеею Аполлона. В душе его совершенное спокойствие, совершенная тишина. Но доволен ли он этим чувством? Если б наслаждение его было полное, для чего бы он взял резец? Если б идеал его был ясен, для чего старался бы он его выразить? Нет, Анаксагор! эта тишина — предвестница бури. Но когда вдохновенный художник, победив все трудности своего искусства, передал мысль свою бесчувственному мрамору, тогда только истинное спокойствие водворяется в душу его — он познал свою силу и наслаждается в мире, ему уже знакомом.

Анаксагор. Конечно, Платон, это можно сказать о художнике, потому что он творит и для того своевольно борется с трудностями искусства.

Платон. Не только о художнике, но и о всяком человеке, о всем человечестве. Жить — не что иное, как творить— будущее наш идеал. Но будущее есть произведение настоящего, т. е. нашей собственной мысли.

Анаксагор. Итак, Платон, если я понял твою мысль, то золотой век точно существовал и снова ожидает смертных.

Библиотека "Руниверс"

Платон. Верь мне, Анаксагор, верь: она снова будет, эта эпоха счастия, о которой мечтают смертные. Нравственная свобода будет общим уделом — все познания человека сольются в одну идею о человеке — все отрасли наук сольются в одну науку самопознания. Что до времени? Нас давно не станет,— но меня утешает эта мысль. Ум мой гордится тем, что ее предузнавал и, может быть, ускорил будущее. Тогда пусть сбудется древнее египетское пророчество! пусть солнце поглотит нашу планету, пусть враждебные стихии расхитят разнородные части, ее составляющие!.. Она исчезнет, но совершив свое предназначение, исчезнет, как ясный звук в гармонии вселенной.

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ В ПЛАН ЖУРНАЛА[7]

Всякому человеку, одаренному энтузиазмом, знакомому с наслаждениями высокими, представлялся естественный вопрос: для чего поселена в нем страсть к познанию и к чему влечет его непреоборимое желание действовать? — К самопознанию,— отвечает нам книга природы. Самопознание — вот идея, одна только могущая одушевить вселенную; вот цель и венец человека. Науки и искусства, вечные памятники усилий ума, единственные признаки его существования, представляют не что иное как развитие сей начальной и, следственно, неограниченной мысли. Художник одушевляет холст и мрамор для того только, чтобы осуществить свое чувство, чтоб убедиться в его силе; поэт искусственным образом переносит себя в борьбу с природою, с судьбою, чтоб в сем противоречии испытать дух свой и гордо провозгласить торжество ума. История убеждает нас, что сия цель человека есть цель всего человечества; а любомудрие ясно открывает в пей закон всей природы.

С сей точки зрения должны мы взирать на каждый народ, как на лицо отдельное, которое к самопознанию направляет все свои нравственные усилия, ознаменованные печатью особенного характера. Развитие сих усилий составляет просвещение; цель просвещения или самопознания народа есть та степень, на которой он отдает себе отчет в своих делах и определяет сферу своего действия; так, напр[имер], искусство Древней

Библиотека “Руниверс”

Греции, скажу более, весь ее дух отразился в творениях Платона и Аристотеля; таким образом, новейшая философия в Германии есть зрелый плод того же энтузиазма, который одушевлял истинных ее поэтов, того же стремления к высокой цели, которое направляло полет Шиллера и Гете.

С этой мыслию обратимся к России и спросим: какими силами подвигается она к цели просвещения? Какой степени достигла она в сравнении с другими народами на сем поприще, общем для всех? Вопросы, на которые едва ли можно ожидать ответа, ибо беспечная толпа наших литераторов, кажется, не подозревает их необходимости. У всех народов самостоятельных просвещение развивалось из начала, так сказать, отечественного: их произведения, достигая даже некоторой степени совершенства и входя, следственно, в состав всемирных приобретений ума, не теряли отличительного характера. Россия все получила извне; оттуда это чувство подражательности, которое самому таланту приносит в дань не удивление, но раболепство; оттуда совершенное отсутствие всякой свободы и истинной деятельности. [Как пробудить ее от пагубного сна? Как возжечь среди этой пустыни светильник разыскания?]

Началом и причиной медленности наших успехов в просвещении была та самая быстрота, с которою Россия приняла наружную форму образованности и воздвигла мнимое здание литературы без всякого основания, без всякого напряжения внутренней силы. Уму человеческому сродно действовать, и если б он у нас следовал естественному ходу, то характер народа развился бы собственной своею силою и принял бы направление самобытное, ему свойственное; но мы, как будто предназначенные противоречить истории словесности, мы получили форму литературы прежде самой ее существенности. У нас прежде учебных книг появляются журналы, которые обыкновенно бывают плодом учености и признаком общей образованности, и эти журналы по сих пор служат пищею нашему невежеству, занимая ум игрою ума, уверяя нас некоторым образом, что мы сравнялись просвещением с другими народами Европы и можем без усиленного внимания следовать за успехами наук, столь быстро подвигающихся в нашем веке, тогда как мы еще не вникли в сущность познания и не можем похвалиться ни одним памятником, который бы носил печать свободного энтузиазма и истинной страсти к

Библиотека "Руниверс"

науке.— Вот положение наше в литературном мире— положение совершенно отрицательное.

Легче действовать на ум, когда он пристрастился к заблуждению, нежели когда он равнодушен к истине. Ложные мнения не могут всегда состояться; они порождают другие; таким образом вкрадывается несогласие, и самое противоречие производит некоторого рода движение, из которого, наконец, возникает истина. Мы видим тому ясный пример в самой России. Давно ли сбивчивые суждения французов о философии и искусствах почитались в ней законами? И где же следы их? Они в прошедшем или рассеяны в немногих творениях, которые с бессильной упорностью стараются представить прошедшее настоящим. Такое освобождение России от условных оков и от невежественной самоуверенности французов было бы торжеством ее, если бы оно было делом свободного рассудка; но, к несчастью, оно не произвело значительной пользы: ибо причина нашей слабости в литературном отношении заключалась не столько в образе мыслей, сколько в бездействии мысли. Мы отбросили французские правила не от того, чтобы мы могли их опровергнуть какою-либо положительной системою, но потому только, что не могли применить их к некоторым произведениям новейших писателей, которыми невольно наслаждаемся. Таким образом, правила неверные заменились у нас отсутствием всяких правил. Одним из пагубных последствий сего недостатка нравственной деятельности была всеобщая страсть выражаться в стихах. Многочисленность стихотворцев во всяком народе есть вернейший признак его легкомыслия; самые поэтические эпохи истории всегда представляют нам самое малое число поэтов. Не трудно, кажется, объяснить причину сего явления естественными .законами ума; надобно только вникнуть в начало всех искусств. Первое чувство никогда не творит и не может творить, потому что оно всегда представляет согласие. Чувство только порождает мысль, которая развивается в борьбе, и тогда уже, снова обратившись в чувство, является в произведении. И потому истинные поэты всех народов, всех веков были глубокими мыслителями, были философами и, так сказать, венцом просвещения. У нас язык поэзии превращается в механизм; он делается орудием бессилия, которое не может себе дать отчета в своих чувствах и потому чуждается определительного языка рассудка. Скажу более: у нас чув-

Библиотека "Руниверс"

ство некоторым образом освобождает от обязанности мыслить и, прельщая легкостию безотчетного наслаждения, отвлекает от высокой цели усовершенствования. При сем нравственном положении России одно только средство представляется тому, кто пользу ее изберет целию своих действий. Надобно бы совершенно остановить нынешний ход ее словесности и заставить ее более думать, нежели производить. Нельзя скрыть от себя трудности такого предприятия. Оно требует тем более твердости в исполнении, что от самой России не должно ожидать никакого участия; по трудность может ли остановить сильное намерение, основанное на правилах верных и устремленное к истине? Для сей цели надлежало бы некоторым образом устранить Россию от нынешнего движения других народов, закрыть от взоров ее все маловажные происшествия в литературном мире, бесполезно развлекающие ее внимание, и, 'опираясь на твердые начала философии, представить ей полную картину развития ума человеческого, картину, з которой она видела свое собственное предназначение. Сей цели, кажется, вполне бы удовлетворило такое сочинение, в коем разнообразие предметов не мешало бы единству целого и представляло бы различные применения одной постоянной системы. Такое сочинение будет журнал, и его вообще можно будет разделить на две части: одна должна представлять теоретические исследования самого ума и свойств его: другую можно будет посвятить применению сих же исследований к истории наук и искусства. Не бесполезно было бы обратить особенное внимание России на древний мир и его произведения. Мы слишком близки, хотя по-видимому, к просвещению новейших народов, и, следственно, не должны бояться отстать от новейших открытий, если мы будем вникать в причины, породившие современную нам образованность, и перенесемся на некоторое время в эпохи, ей предшествовавшие. Сие временное устранение от настоящего произведет еще важнейшую пользу. Находясь в мире совершенно для нас новом, которого все отношения для нас загадки, мы невольно принуждены будем действовать собственным умом для разрешения всех противоречий, которые нам в оном представятся. Таким образом, мы сами сделаемся преимущественным предметом наших разысканий. Древняя пластика или вообще дух древнего искусства представляет нам обильную жатву мыслей, без коих новейшее искусство теряет

Библиотека "Руниверс"

большую часть своей цены и не имеет полного значения в отношении к идее о человеке. Итак, философия и применение оной ко всем эпохам наук и искусств — вот предметы, заслуживающие особенное наше внимание, предметы, тем более необходимые для России, что она еще нуждается в твердом основании изящных наук и найдет сие основание, сей залог своей самобытности и, следственно, своей нравственной свободы в литературе, в одной философии, которая заставит ее развить свои силы и образовать систему мышления.

Вот подвиг, ожидающий тех, которые возгорят благородным желанием в пользу России и, следственно, человечества осуществить силу врожденной деятельности и воздвигнуть торжественный памятник любомудрию, если не в летописях целого народа, то по крайней мере в нескольких благородных сердцах, в коих пробудится свобода мысли изящного и отразится луч истинного познания.

ЧТО НАПИСАНО ПЕРОМ, ТОГО НЕ ВЫРУБИШЬ ТОПОРОМ[8]

[...] Каждый человек есть необходимое звено в цепи человечества. Судьба бросила его на свет с тем, чтобы он, подвигаясь сам вперед, также содействовал ходу всего человеческого рода и был полезным органом сего всемирного тела. Человек рожден не для самого себя, а для человечества, цель его — польза человечества, круг его действий — собственно им порожденные отношения, отношения семейственные, отношения к известному кругу общества, к сословию, отношения к народу, к государству, к целой системе многих государств, и, наконец, несбыточное по сие время явление, существовавшее только в отвлеченности, чистый космополитизм. Средства, данные человеку для достижения цели его предназначения, столь же многочисленны, сколь многоразличны все отрасли наук, искусств и ремесел. Из этого можно заключить обязанность каждого человека по мере сил своих и своих способностей содействовать благу общему в том круге, который ему предназначен судьбою,— обязанность каждого мыслящего гражданина определенно действовать для пользы народа, которому он принадлежит. К несчастью, эгоизм слишком часто заглушает в человеке это чувство общности, и че-

Библиотека "Руниверс"

ловек, расширяя круг своей деятельности по необоримому природному влечению, радуется тому влиянию, которое он приобретал и в упоении своем терял из виду или забывал закон своих действий и те условия, в силу коих он пользуется высокими правами человечества.

Теперь обратим мысли к самим себе, то есть вообще к нам, русским молодым людям, получившим европейскую образованность, опередившим, так сказать, свой народ и, по-видимому, стоящим мыслями наравне с веком и просвещенным миром. Сделаем себе наперед искренний вопрос: полезны ли мы? Без сомнения, для нашего народа, для России мы так же полезны, как всякое вещество безусловно и без своего ведома полезно для мира органического. Но приносим ли мы в жертву нашему отечеству тот плод, который, по-видимому, обещает ему наша образованность, наши нравственные способности, который он вправе ожидать от нас. Нет, решительно нет, и причиной тому наше воспитание, которое в основании своем недостаточно.

Отчего же? Мы любим Россию, имя отечества воспламеняет нас. Мы готовы для него жертвовать своим существованием и не устрашились бы для блага его пролить последнюю каплю крови. Но именно этот самый энтузиазм, благородный в начале своем, часто не позволяет нам холодно измерять недостатки нашего отечества и средства к их улучшению, а сверх того мы сами, может быть, не способны к определенному действию для существенной пользы России. С тех пор как ум наш стал развиваться собственными силами, с тех пор питался он одними результатами, которые он принимал как истины, но до разрешения которых в других краях доходили в продолжении столетий. Таким образом, мы, по-видимому, сравнялись с остальною Европою; но какая же разница между человеком, собственными трудами и постепенно доходящим до одной истины, которую он отыскивал как жемчужину в море человеческих знаний, и другим, который принимает эту истину как свежую мысль, для которого сия истина пленительна единственно красотою своею, обликом? Скажу более: нам вредит даже всеобщность наших познаний. Мы, играя, перебираем все, что в Европе занимает различные отрасли наук. Сегодня привлекает нас один предмет, завтра другой, и сие непостоянство занятий не позволяет нам предаться одному какому-нибудь путеводительному изучению, которое бы нам дало верные средства к из-

Библиотека "Руниверс"

вестной цели. Можем ли мы назвать хотя одну науку, одно полезное искусство, которое бы у нас в России соделалось отечественным? А несмотря на то, просвещение почти наравне с остальными государствами в Европе льет щедро дары свои на Россию, и нет открытия, которое бы в непродолжительное время нам не сделалось известным.

Какое же выведу заключение из всего вышесказанного? Конечно, много, много есть причин, в нас лежащих, которые также приостанавливают наше полное развитие. Постараемся собственными силами, собственным решением уничтожить сии причины. Постараемся по возможности избрать одну цель занятий, одно постоянное стремление в науках, одну методу действования, и тогда мы можем уповать, что труды наши, в каком бы роде они ни были, не будут бесполезны. Мы поясним тогда себе все то, что теперь неясно волнует нашу душу; мы положим тогда на алтарь отечества жертву, достойную его.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Написано в 1826 г. по просьбе историка и писателя М. Погодина для графини А. И. Трубецкой. Публикуется полностью по кн.: *Веневитинов Д. В.* Стихотворения; Проза. С. 115—122.

[2] *Элевзинские таинства* — древнегреческие мистерии, происходившие в Элевзине недалеко от Афин.

[3] Впервые напечатано .в альманахе «Денница на 1830 год». Публикуется полностью по кн.: *Веневитинов Д. В.* Стихотворения; Проза. С. 122—127.

[4] В трактате «Государство» Платон отказывает художникам и поэтам в правах гражданства.

[5] Это любимая мысль Д. В. Веневитинова о триадичности жизни человека, народа, человечества.

[6] *Фидиас* — древнегреческий скульптор Фидии.

[7] Впервые напечатано в издании: *Веневитинов Д. В.* Сочинения. Ч. 2. С. 24—32 под заглавием «Несколько мыслей в план журнала». В дошедших до нас авторизованных списках статья озаглавлена «О состоянии просвещения в России». Публикуется в сокращении по кн.: *Веневитинов Д. В.* Стихотворения; Проза. С. 128—133.

[8] Речь, произнесенная на заседании кружка любомудров 21 апреля 1824 г. Впервые полностью опубликована в кн.: Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. М.: Искусство, 1974. Т. 2. С. 608—611. Вторая часть речи публикуется по кн.: *Веневитинов Д. В.* Стихотворения; Проза. С. 232—235.

Библиотека "Руниверс"

Раздел III

ДЕКАБРИСТЫ

ПЕСТЕЛЬ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ

П. И. Пестель родился в Москве в 1793 г. в семье почт-директора, впоследствии генерал-губернатора Сибири И. Б. Пестеля. До 1805 г. он воспитывался в доме своего отца; первоначальное образование получил в Дрездене в 1805—1809 гг. В 1810 г. Пестель поступает в старший класс Пажеского корпуса, по окончании которого принимает участие в сражениях Отечественной войны 1812 г. За исключительную храбрость, проявленную в Бородинском сражении, его наградили золотым оружием. В 1813—1814 гг. П. Пестель участвовал в заграничных походах русской армии.

По возвращении на родину в 1816 г. Пестель вступает в «Союз спасения», для которого пишет программные документы — Устав и Проект Конституции. Хотя они не сохранились, известно, что Пестель предлагал ограничить самодержавие и отменить крепостное право.

В 1818 г. П. И. Пестель как адъютант командующего 2-й армии уезжает на Украину в Тульчин. Здесь он создает филиал «Союза благоденствия», преодолевает свои прежние конституционно-монархические взгляды и становится убежденным республиканцем.

В начале 1820 г. в Петербурге на заседании Коренной думы «Союза благоденствия» Пестель сделал доклад о формах правления, в котором высказался в пользу республики. После роспуска «Союза благоденствия» он организует Южное декабристское общество, пишет его программу, получившую в 1824 г. название «Русская Правда».

На основании доноса незадолго до восстания 14 декабря 1825 г. Пестеля арестовали. Определяя его вину, следователи пришли к заключению: «Он беспрерывно и ревностно действовал в видах общества с самого вступления и по самое его арестование. Он не только самовластно управлял Южным обществом, но имел

Библиотека "Руниверс"

решительное влияние на дела Северного. Он господствовал над сочленами своими, обворожая их обширными познаниями и увлекая силою слова к преступным намерениям его разрушить существующий образ правления, ниспровергнуть престол и лишить жизни августейших особ императорского дома; словом, он был главою общества и первейшею пружиною всех его действий» (Восстание декабристов. Т. 4. С. 221.).

Николай I считал Пестеля самым важным из «преступников»-декабристов. Его имя стояло первым среди приговоренных к смерти и повешенных 13 июля 1826 г.

Современники отмечали большую образованность и интеллект П. И. Пестеля — создателя важнейшего политического документа декабристской идеологии и социологии— «Русской Правды», которая по замыслу автора должна была стать планом и обоснованием нового республиканского государственного устройства России.

По некоторым данным, Пестелю принадлежит незаконченная работа «Практические начала политической экономии» (1817).

СОЧИНЕНИЯ

1. *Пестель П. И.* Практические начала политической экономии; «Русская Правда»; Из показаний // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 2. С. 9—188.

2. «Русская Правда» П. И. Пестеля и сочинения ей предшествующие//Восстание декабристов; Документы. М., 1958. Т. 7. 692 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никандров П. Ф.* Мировоззрение П. И. Пестеля. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. 163 с.

2. *Яхин Р. X.* Государственно-правовые взгляды П. И. Пестеля. Казань: Изд-во Казан, ун-та, 1961. 216 с.

3. *Лебедев Н. М.* Пестель — идеолог и руководитель декабристов. М.: Мысль, 1972. 343 с.

4. *Кедров Б. М.* П. И. Пестель о системе и классификации наук//Декабристы и русская культура. Л., 1975. С. 327—332.

5. *Нечкина М. В.* «Русская Правда» П. И. Пестеля и движение Декабристов.//Нечкина М. В. О нас в истории страницы напишут. Иркутск, 1980. С. 163—268.

6. *Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г.* Российская утопия Павла Пестеля//Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. М., 1986. С. 118—131.

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ ПРАВДА[1]

Введение. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

§ 1. *Всякое общество имеет свою цель и избирает средства для достижения оной*

Всякое соединение нескольких человек для достижения какой-либо цели называется обществом. Побуждением к сему соединению или целью оного бывает удовлетворение общим нуждам, которые, происходя от общих и одинаковых свойств природы человека, бывают для всех людей одинаковы. Из сего следует, что члены всякого общества могут единодушно согласиться в цели. Но когда они обратятся к действию или средствам, коими цель должна быть достигнута, тогда должны возродиться между ими сильные споры и бесконечные несогласия, потому что избрание средств не столько зависит от общих свойств природы человеческой, сколько от особенного нрава и личных качеств каждого человека в особенности. Нрав и личные качества людей бывают столь различны, что ежели каждый пребудет непреклонен в своем мнении, не внимая мнению других, то никакой не будет возможности избрать средства для достижения предназначенной цели, а тем еще менее устроить оные и к действию приступить. В таком случае ничего не останется делать, как разрушить общество прежде всякого действия. А ежели члены не хотят общества уничтожить, то каждый из них должен уступить часть своего мнения и собственных мыслей, дабы составить только одно мнение, по которому могли бы средства для сего действия быть избраны.

§2. *Разделение членов общества на повелевающих и повинующихся*

Но кто представит такое окончательное мнение, кто изберет средства, кто определит способы, кто расположит действие? Все сии затруднения разрешаются

Библиотека "Руниверс"

двояким образом. В первом случае нравственное превосходство одного или нескольких членов соглашает все сии различные затруднения и увлекает за собою прочих силою сего превосходства, коему содействуют иногда и другие посторонние обстоятельства. Во втором случае возлагают члены общества на одного пли на нескольких из них обязанность избирать средства, предоставляя им право распоряжаться общим действием. В том и другом случае разделяются члены общества на повелевающих и повинующихся. Сие разделение неизбежно потому, что происходит от природы человеческой, а следовательно, везде существует и существовать должно. На естественном сем разделении основано различие в обязанностях и правах тех и других.

§ 3. *Разделение государства на правительство и народ*

Все здесь сказанное об обществах вообще относится равным образом и до гражданских обществ, которые, будучи устроены и в порядок приведены, получают название государства. Гражданское общество, как и всякое другое, имеет свою цель и должно избирать средства для достижения оной. Цель состоит в благоденствии всего общества вообще и каждого из членов оного в особенности. В сей цели все согласны. Для достижения оной нужны средства или действия. Действия сии разделяются на общие и частные. Общим действием называется то, которое касается всего общества, а следовательно, и производится от лица всего общества. Частным — то, которое составляет занятия и упражнения каждого члена в особенности. Избрание средств для достижения сказанной цели и действие, сообразное с сим избранием, ведет к разделению членов гражданского общества на повелевающих и повинующихся. Действие от лица всего общества составляет обязанность первых; действие от лица частых членов предоставляется вторым. Когда гражданское общество получает название государства, тогда повелевающие получают название правительства, а повинующиеся — Название народа. Из сего явствует, что главные или первоначальные составные части каждого государства cуть: правительство и народ.

Библиотека "Руниверс"

§4. *Взаимные отношения правительства и народа*

Правительство имеет обязанность распоряжать общим действием и избрать лучшие средства для доставления в государстве благоденствия всем и каждому. А посему имеет право требовать от народа, чтобы оный ему повиновался. Народ же имеет обязанность правительству повиноваться; но зато имеет право требовать от правительства, чтобы оно непременно стремилось к общественному и частному благоденствию и только бы то повелевало, что истинно к сей цели ведет и без чего не могла бы оная быть достигнута. На сем единственно равновесии взаимных обязанностей и взаимных прав может существование какого бы то ни было государства быть основано, а посему и переходит государство, при потере сего равновесия, из природного и здорового своего положения в состояние насильственное и болезненное. Установление сего равновесия на твердых основах есть главная цель сея «Русской Правды» и коренная обязанность каждого законодателя.

§ 5. *Каждое право основано быть должно на предшествующей обязанности*

Об обязанностях было упомянуто здесь прежде, нежели о правах потому, что право есть одно только последствие обязанности и существовать иначе не может, как основываясь на обязанности, ему предшествовавшей. Первоначальная обязанность человека, которая всем прочим обязанностям служит источником и порождением, состоит в сохранении своего бытия. Кроме естественного разума сие доказывается и словами евангельскими, заключающими весь закон христианский: люби бога и люби ближнего, как самого себя,— словами, вмещающими и любовь к самому себе как необходимое условие природы человеческой, закон естественный, следственно, обязанность нашу. От сей обязанности происходит право пользоваться для пищи плодами и прочими произведениями природы. Человек имеет сие последнее право только потому, что он обязан сохранять свое бытие. Точно так и во всяком случае может право, какое бы оно ни было, только тогда существовать и признаваемо быть действительным, когда оно бывает необходимо для выполнения той обязан-

Библиотека "Руниверс"

ности, которая оному праву предшествует и на которой оно опирается или основывается. Право же без предварительной обязанности есть ничто, не значит ничего и признаваемо быть должно одним только насилием или зловластием.

§6. *Основные понятия о государственном благоденствии и сопряженных с ним обязанностях*

Главное дело в государстве есть посему понятие об обязанностях, из коих каждая имеет соответствующее ей право. Обязанности в государстве истекают из цели государства. Цель же государственного устройства должна быть — возможное благоденствие всех и каждого. А посему все, ведущее к благоденствию, есть обязанность. Но поелику понятия о благоденствии бывают весьма различны и разнообразны, то и нужно сему положить некоторые основные или коренные правила. Обязанности, на человека от бога посредством веры наложенные, суть первейшие и непременнейшие. Они связывают духовный мир с естественным, жизнь бренную с жизнью вечною, и потому все постановления государственные должны быть в связи и согласии с обязанностями человека в отношении к вере и всевышнему создателю миров. Сей первый род обязанностей касается мира духовного. Они нам известны из священного писания. Второй род обязанностей касается мира естественного. Они нам известны из законов природы и нужд естественных. Бог, творец вселенныя, есть и творец законов природы, нужд естественных. Сии законы глубоко впечатлены в сердцах наших. Каждый человек им подвластен, никто не в силах их низвергнуть, и потому постановления государственные должны быть в таком же согласии с неизменными законами природы, как и со святыми законами веры. Наконец, третий род обязанностей порождается составлением гражданских обществ или государств. Первое правило в сем деле состоит в том, что всякое стремление в государстве к доставлению оному благоденствия должно быть согласно с законами духовными и законами естественными. Второе правило: что все государственные постановления должны стремиться единственно к благоденствию гражданского общества, причем всякое действие, сему благоденствию противное или ему вредя-

Библиотека "Руниверс"

щее, признаваемо быть должно преступлением. Третье правило, что благоденствие общественное должно считаться важнее благоденствия частного и, ежели оные находятся в противоборстве, то первое должно получать перевес. Четвертое правило, что благоденствием общественным признаваемо быть должно благоденствие совокупности народа, из чего следует, что истинная цель государственного устройства должна непременно быть — возможно большее благоденствие многочисленнейшего числа людей в государстве, почему и должны всегда выгоды части или одного нераздельного уступать выгодам целого, признавая целым совокупность или массу народа. Пятое, наконец, правило состоит в том, что частный человек, делая усилия к доставлению себе благоденствия, не должен выступать из круга своего действия и входить в круг действия другого, т. е. что благоденствие одного человека не должно наносить вреда, а тем еще менее гибели др^ому. Коль скоро все деяния как правительства, так и частных людей на сих правилах основаны будут, то государство, несомненно, пользоваться будет возможным благоденствием. Все же законы и постановления государственные должны непременно с сими правилами в полной мере совершенно согласоваться.

§ 7. *Основное понятие о народе и его значении*

Выше пояснено, что государство состоит из правительства и народа. Народ есть совокупность всех тех людей, которые, принадлежа к одному и тому же государству, составляют гражданское общество, имеющее целью своего существования возможное благоденствие всех и каждого. Непреложный закон гражданских обществ заключается в том, что каждое государство состоит из народа и правительства, следовательно, народ не есть правительство, и каждое из оных имеет свои особенные обязанности и права; однако же правительство существует для блага народа и не имеет другого основания своему бытию и образованию, как только благо народное, между тем как народ существует для собственного своего блага и для выполнения воли всевышнего, призвавшего людей на сей земле прославлять его имя, быть добродетельными и счастливыми. Сей закон божий поставлен для всех людей в ровной мере,

Библиотека "Руниверс"

и, следовательно, все имеют право на его исполнение. А посему народ российский не есть принадлежность или собственность какого-либо лица или семейства. Напротив того, правительство есть принадлежность народа, и оно учреждено для блага народного, а не народ существует для блага правительства.

§8. *Основное понятие о правительстве и разделение оного на верховную власть и государственное правление*

Правительство есть совокупность всех лиц, занимающихся отправлением дел общественных. Оно поставлено в обязанность доставлять народу благоденствие и потому имеет право государством управлять для достижения сей предназначенной цели. Обладая сим правом, оно должно иметь и соразмерную власть, дабы обязанность могла быть выполнена, и право было бы действительным. Сия власть, посредством которой правительство исполняет свою обязанность, употребляет свое право и достигает предназначенной цели, есть Верховная власть. Из общего предмета или состава благоденствия государства истекают особенные предметы сей общей цели и, как общей цели благоденствия соответствует Верховная власть, так должно соответствовать каждому особенному предмету: особенная обязанность, особенное право и особенная власть. Сии особенные власти истекают из верховной, которая объемлет всю цель учреждения правительства; почему и должны особенные власти совершенно зависеть от верховной и действовать по направлению, от нее исходящему. Совокупность всех сих особенных или частных властей составляет государственное правление, которое также названо быть может чиноначальством. Из сего явствует, что правительство не может выполнить своей обязанности и государству доставить благоденствие, если не будет иметь власти, соразмерной важности и обширности цели гражданского общества, и что сия власть распространяет свое действие по всем предметам на целое государство, имея притом много подчиненных властей, кои уже действуют на отдельные только предметы или на отдельные только части оного. Общая власть именуется Верховною властью, а совокупность частных — государственным правлением или чиноначальством. Посему и разделяется всякое пра-

Библиотека "Руниверс"

вительство на Верховную власть и на государственное правление или чиноначальство.

§ 9. *Разделение государственного благоденствия на безопасность и благосостояние*

Государственное, благоденствие состоит из двух главных предметов: из *безопасности и благосостояния*. Отличительное и главное качество безопасности есть *охранение,* а благосостояния — есть *приобретение*. Безопасность должна быть *первою* целью правительства, потому что может быть достигнута посредством общего только действия соединенных сил и волей, каковое соединение в правительстве именно и представляется, и что она ответствует *первоначальной* обязанности человека, состоящей в сохранении своего бытия. Сверх того, не может быть благосостояния, если не существует безопасности, а потому и служит она основанием сооружению государственного здания. Благосостояние должно быть *второю* целью правительства, ибо понятия об оном до такой степени различны, что приобретение его должно быть предоставлено каждому члену гражданского общества особенно и что участие правительства в сем отношении должно быть ограничено дарованием защиты и удалением тех препятствий, которые бы могли превышать силы и способы частных людей, тем более что частные люди собственными трудами могут доставить себе благосостояние, но не могут одними частными своими силами утвердить безопасность.

§ 10. *Необходимость Россию переобразовать и новые законы издать*

Таковы коренные, начальные понятия', на которых основаны быть должны существование, жизнь и образование всякого благоустроенного государства, дабы оное находилось под властью и управлением законов общественных, а не прихотей личных властителей и доставляло бы возможное благоденствие всем и каждому, а не зловластвовало над всеми для выгоды единого или нескольких. Все, что от сих правил удаляется, а тем паче оным противоречит, есть зловластие,

Библиотека "Руниверс"

испровержение прав и уничижение, нарекание наносящее и гибель совершающее. Применяя сии неизменные и непреложные коренные правила к России, ясно видеть можно, что самые сии коренные правила непременно требуют изменения существующего ныне государственного порядка в России и введения на место его такого устройства, которое было бы основано на одних только точных и справедливых законах и постановлениях, не предоставляло бы ничего личному самовластию и в совершенной точности удостоверяло бы народ российский в том, что он составляет устроенное гражданское общество, а не есть и никогда быть не может чьей-либо собственностью или принадлежностью. Из сего явствует две главные для России необходимости: первая состоит в совершенном переобразовании государственного порядка и устройства, а вторая — в издании полного нового уложения или свода законов, сохраняя притом все полезное и уничтожая все вредное. [...]

Глава третья. О СОСЛОВИЯХ, В РОССИИ ОБРЕТАЮЩИХСЯ

§ 1. *Исчисление сословий, в России обретающихся*

[...] Много существует различных сословий, состояний или классов людей в России. Каждое из оных имеет свои особенные отличительные виды и преимущества, свои особенные определенные выгоды и ограничения.— По соображению настоящего положения вещей, оказывается таковых сословий в народе до двенадцати различных, кои суть: 1) духовенство, 2) дворянство, 3) купечество, 4) мещанство, 5) казенные крестьяне, 6) вольные земледельцы, 7) военные поселяне, 8) солдатские дети, 9) дворянские крестьяне, 10) дворовые люди, 11) заводские крестьяне и 12) монастырские крестьяне. О каждом из сих сословий говорено будет особенно и отдельно, и меры изложены, которые с ними приняты быть имеют. [...]

Библиотека "Руниверс"

§ 3. *Аристократия богатств*

[...] Распределение народа на сословия, занимающиеся исключительно земледелием, изделиями или торговлею, совершенно отвергнуто политическою экономиею, доказавшею неоспоримым образом, что каждый человек должен иметь полную и совершенную свободу заниматься тою отраслью промышленности, от которой наиболее ожидает для себя выгоды и прибыли, лишь бы честен был и к законам исполнителен. Правительство должно, конечно, способствовать всеми мерами к усовершенствованию народного богатства, но споспешествование сие должно состоять в разных законодательных и вспомогательных мероприятиях относительно промышленности, а не в распределении народа по отраслям промышленности, которое, напротив того, мешает повсеместному преуспеванию народного богатства. Сверх того, надлежит еще при сем заметить, что все сословия, составляющиеся чрез распределение частных лиц по отраслям промышленности, самые суть безрассудные и зловредные, потому что, имея основанием своего бытия богатство, они все желания и помышления обращают единственно на деньги; другого отличия между людьми не знают, как одни деньги; богатство ставят первейшим достоинством, превышающим все прочие, и, еоделывая народ ужасно падким к корыстолюбию, производят неминуемую порчу в нравах. Известно, что исключительная любовь к деньгам граничит к скупости, а сей порок более всякого другого соделывает человека жестокосердным, почему и по всей справедливости сказать можно, что таковые сословия суть самые бесчеловечные, до чрезвычайности умножают число бедных и нищих и основывают свое влияние на народ не на общем мнении, но на золоте и серебре, посредством коих подавляют общее мнение, как хотят, и приводят народ в совершенную от себя зависимость. Отличительная черта нынешнего столетия ознаменовывается явного борьбою между народами и феодальною аристократией, во время коей начинает возникать аристократия богатств, гораздо вреднейшая аристократии феодальной, ибо сия последняя общим мнением всегда потрясена быть может и, следовательно, некоторым образом от общего мнения зависит, между тем как аристократия богатств, владея богатствами, находит в них орудия для своих видов, противу коих

Библиотека "Руниверс"

общее мнение совершенно бессильно и посредством коих она приводит весь народ, как уже сказано, в совершенную от себя зависимость. А потому обязано всякое благомыслящее правительство не только такового распределения народа не допускать, но даже и все меры принимать, дабы таковые сословия отдельным от массы народной- составлением сами собою бы не устанавливались и не образовывались; а тем более обязано их уничтожать, ежели они где-либо существуют.

§ 4. *Все должны быть перед законом равны*

Все вышеупомянутые сословия составились в разные времена и при разных обстоятельствах и, разделив народ на разные классы, произвели большие различия и разнородности в гражданском положении людей, принадлежащих к одному и тому же государству. Различия сии целью имеют не лучшее устроение государственного порядка, коего нельзя посредством их достигнуть, и не удобнейшее доставление общественного блага всему народу, но единственно дарование некоторым людям больших преимуществ против массы народной и подавление сей последней в пользу и в корысть малейшего числа. Гражданские общества, а следовательно, и государства, составлены для возможно большего благоденствия всех 'и каждого, а не для блага некоторых за устранением большинства людей. Все люди в государстве имеют одинаковое право на все выгоды, государством доставляемые, и все имеют равные обязанности нести все тяготы, нераздельные с государственным устроением. Из сего явствует, что все люди в государстве должны непременно быть перед законом совершенно равны и что всякое постановление, нарушающее сие равенство всех перед законом, есть нестерпимое зловластие, долженствующее непременно быть уничтоженным. Сверх того, нарушают сии различия добрую между гражданами связь, разделяя их на несколько отделений, имеющих совсем различные виды и выгоды, и следовательно, и образ мыслей. Сколь же добрая связь между гражданами важна для благоденствия государства, ясно доказано было в предыдущей главе, и точно так же нарушается различием сословий, как и разнородством племен. Сословия тем

Библиотека "Руниверс"

еще пагубнее, что они только одним пристрастием дышат, что некоторым членам народа выгоды дают, в коих другим отказывают без всякой причины и без всякой для государства пользы, что для пресыщения корысти нескольких людей жестокую оказывают несправедливость против наибольшей части народа и что противны цели государственного существования, состоящей не в пристрастии к малому числу, но в елико возможно большем благоденствии многочисленнейшего числа людей в государстве. А из всего вышесказанного следует, что учреждение сословий непременно должно быть уничтожено, что все люди в государстве должны составлять только одно сословие, могущее называться гражданским, и что все граждане в государстве должны иметь одни и те же права и быть перед законом все равны. [...]

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Полное название: «Русская Правда или заповедная государственная грамота великого народа российского, служащая заветом для усовершенствования государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для временного верховного правления». «Русская Правда» должна была состоять из 10 частей. До нас дошли: полностью обработанные 1—3 части; ^отредактированные — 4—5 части; остальное — в набросках. Есть предположение, что некоторые части были уничтожены. «Русская Правда» была впервые напечатана в 1906 г. Публикуется в отрывках по кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 2. С. 75—83, 95—96, 97—100.

Библиотека “Руниверс”

МУРАВЬЕВ НИКИТА МИХАИЛОВИЧ

Н. М. Муравьев родился в 1796 г. в старинной дворянской семье. Его отец был попечителем Московского университета, товарищем министра народного просвещения, известным поэтом, прозаиком, историком. По окончании домашнего воспитания Н. М. Муравьев поступает на физико-математическое отделение Московского университета.

В Отечественной войне 1812 г. он принимал участие лишь на заключительном ее этапе: участвовал в заграничных походах русской армии, в сражениях при Дрездене, Лейпциге, при взятии Гамбурга. Вернувшись в 1815 г. на родину, Н. М. Муравьев служит в Гвардейском генеральном штабе, занимается самообразованием, в частности вместе с П. И. Пестелем и другими будущими декабристами слушает университетский курс политэкономии профессора К- Германа. Занимается он также проблемами военной истории, права, пишет научные работы. Широкую известность, например, получила распространявшаяся в списках его статья «Мысли об истории государства российского Н. М. Карамзина».

Н. М. Муравьев был одним из создателей первого тайного общества декабристов «Союза спасения» (1816). Позднее он становится организатором и активным членом «Союза благоденствия», совместно с С. П. Трубецким и М. Н. Муравьевым пишет его устав — «Зеленую книгу».

В 1820 г. на одном из совещаний «Союза благоденствия» Н. М. Муравьев делает доклад, предлагая осуществить военное восстание и убийство царя. В 1821 г. он выходит в отставку и совместно с М. С. Луниным совершает поездку на юг, где сближается с П. И. Пестелем. После роспуска «Союза благоденствия» Муравьев создает в Петербурге новую тайную организацию— Северное общество декабристов. В этом же году он возвращается на службу в Гвардейский генераль-

Библиотека "Руниверс"

ный штаб. К этому времени относится первый вариант конституционного проекта, написанный им в Минске. Этот проект отразил «поправение» Н. М. Муравьева. Он, например, предложил сохранить монархию, хотя и ограниченную конституцией.

Влияние Н. М. Муравьева в руководстве Северным обществом декабристов начинает ослабевать. Находясь в отпуске вне Петербурга, участия в восстании 14 декабря 1825 г. он не принимал. После ареста Н. М. Муравьев представил следствию записку «Историческое обозрение хода Общества».

Верховный уголовный суд приговорил Н. М. Муравьева к смертной казни. Николай I приказал сослать его в каторжные работы на 20 лет, лишив чинов и дворянства, с последующим поселением в Сибири.

Каторгу он отбывал в Нерчинских рудниках и Петровском заводе. В 1835 г. каторжные работы Н. М. Муравьеву были отменены и он вышел на поселение в село Урик. Здесь совместно с М. С. Луниным он занимался научной работой, сельским хозяйством. По некоторым сведениям им были написаны мемуары.

Умер Н. М. Муравьев в селе Урик в 1843 г.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Муравьев Н. М.* Проект Конституции; Любопытный разговор; Об «Истории» Карамзина; Рассуждения о жизнеописаниях Суворова; Мысли о свободе, о богатстве и пр.; Из показаний//Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 295—343.

2. *Муравьев Н. М.* Историческое обозрение хода Общества // Мемуары декабристов: Северное общество. М., 1981. С. 309—314.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кричевский Г. Г.* «Конституционный проект» Никиты Муравьева и американские конституции // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1945. Т. 2. № 6. С. 397—406.

2. *Зверев В. М.* Декабристы и философские искания в России первой четверти XIX в.: (Некоторые аспекты изучения)//Декабристы и русская культура. Л., 1975. С. 27—57.

3. *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев. // Дружинин Н. М. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 5—304.

Библиотека "Руниверс"

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ[1]

Первый вариант

Вступление

Опыт всех народов и всех времен доказал, что власть самодержавная равно гибельна для правителей и для обществ, что она не согласна ни с правилами святой веры нашей — ни с началами здравого рассудка. Нельзя допустить основанием правительства *произвол* одного человека — невозможно согласиться, чтобы все права находились на одной стороне, а все обязанности на другой. Слепое повиновение может быть основано только на страхе и не достойно ни разумного повелителя — ни разумных исполнителей. Ставя себя выше законов,, государи забыли, что они в таком случае вне закона, — вне человечества! — Что невозможно им ссылаться на законы, когда дело идет о других, и не признавать их бытие, когда дело идет о них самих. Одно из двух: или они справедливы — тогда к чему же не хотят и сами подчиняться оным; или они несправедливы — тогда зачем хотят они подчинять им других. Все народы европейские достигают законов и свободы. Более всех их народ русский заслуживает и то и другое.

Но какой образ правления ему приличен? Народы малочисленные бывают обыкновенно добычею соседей — и не пользуются независимостью. Народы многочисленные пользуются внешнею независимостью — но обыкновенно страждут от внутреннего утеснения и бывают в руках деспота орудием притеснения и гибели соседних народов. Обширность земель, многочисленное войско препятствуют одним быть свободными; те, которые не имеют сих неудобств — страждут от своего бессилия. *Федеральное* или *Союзное Правление* одно разрешило сию задачу, удовлетворило всем условиям и согласило *величие народа и свободу граждан.*

Под надзором государя одно законодательное Собрание находится в столице, и делает все распоряжения, общие для всего государства; — частные распоря-

Библиотека “Руниверс”

жения, касающиеся до областей, предоставлены областным законодательным собраниям, образованным наподобие *Столичного,* и таким образом доставляется благосостояние *целого* и частей.

Глава I. О НАРОДЕ РУССКОМ И ПРАВЛЕНИИ

1. Русский народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства.

2. Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать *основные постановления* для самого себя.

3. *Правление* России есть *уставное и союзное.*

Глава II. О ГРАЖДАНАХ

4. *Гражданство* есть право участвовать в общественном управлении, определенном в сем уставе порядком, *посредственно*—т. е. выбирать чиновников или их избирателей, или *непосредственно* — т. е. быть избранным в какое-либо общественное звание, по *законодательной, исполнительной* или *судебной* части.

5. *Граждане* суть те жители Российского Государства, которым предоставлены права гражданства, выше определенные.

6. Чтобы быть гражданином, необходимы следующие условия:

1-е. Лета — не менее 21-го года возраста.

2-е. Местопребывание — известное и постоянное жительство.

3-е. Здравие ума.

4-е. Личная и по имению независимость.

5-е. Исправность платежа общественных повинностей.

6-е. Непорочность перед лицом Закона.

7-е. Собственность отдельная на свое имя, а оной: 1-е. *Недвижимой* на 500 руб. серебром или — 2-е. *Движимой* (вещей или капитала) на 1000 руб. серебром.

7. Всякий природный житель Государства Российск[ого], который не был Гражданином — но достиг своими трудами до того, что составил себе требуемое состояние, если он в других отношениях ответствует вы-

Библиотека "Руниверс"

шеозначенным условием — поступает немедленно в Граждане.

8. Иностранец, жительствовавший 7 лет сряду в России и приобретший в оной недвижимую собственность по крайней мере в 500 руб. серебр [ом],—имеет право испросить у правительства — право Гражданства. И должен наперед клятвенно отказаться от правительства, под властью которого прежде находился.

9. Иностранцы, не получившие прав Гражданства, не могут иметь никакой Гражданской, ни военной должности в России и не имеют права служить даже рядовыми в войске Российском.

10. Через 20 лет по обнародовании и приведении в исполнение сего *Основного Устава Всероссийского Союза,* никто не обучившийся русской грамоте не может быть признан Гражданином.

11. Права Гражданина теряются *навсегда:*

1-е. Вступлением в подданство иностранное.

2-е. Принятием службы или должности в чужой земле без согласия своего правительства.

3-е. Приговором суда к бесчестному наказанию, влекущему за собою лишение прав Гражданских.

На время:

1-е. Судебным объявлением о расслаблении у-ма и тела.

• 2-е. Нахождением под судом.

3-е. Определением о временном лишении прав.

4-е. Объявлением банкротства.

5-е. Общественною недоимкою.

6-е. Нахождением в услужении при ком-либо.

7-е. Неизвестностью местопребывания, занятий и средств пропитания. [...]

Глава III. О СОСТОЯНИИ, ЛИЧНЫХ ПРАВАХ И ОБЯЗАННОСТЯХ РУССКИХ

13. Все Русские равны перед лицом Закона.

14. Русскими признаются все коренные жители России и дети иностранцев, родившиеся в России, достигшие совершеннолетия, если они объявили желание остаться в России.

15. Каждый Русский обязан носить общественные повинности — повиноваться Законам и властям Отечества — быть всегда готовым к защите Родины и дол-

Библиотека "Руниверс"

жен явиться к знаменам, когда востребует того Закон.

16. Крепостное состояние и рабство отменяются. Разделение между *благородными и простолюдинами* не принимается — поелику оно изображение гордости и высокомерия и противно христианской вере — по которой все люди *братья,* все рождены *благо,* ибо рождены по воле божией — все рождены для *блага* и все *просто люди,* ибо все перед ним слабы.

17. Всякий имеет право излагать невозбранно свои мысли и чувства и сообщать их посредством печати своим соотечественникам. Вредные книги, подобно другим преступлениям, преследуются судом и подлежат присяжным.

18. Всякий имеет право заниматься тем промыслом, который ему покажется выгоднейшим: *земледелием, скотоводством, охотою, рыбною ловлею, рукоделиями, заводами, торговлею* и так далее.

19. Всякий Русский вправе ехать, оставаться, словом, делать все, что не ограничено и не воспрещается Законом и частными постановлениями, лишь бы он не вредил другому и не касался чужой собственности.

20. Существующие ныне *гильдии* в купечестве и *цехи* в ремеслах уничтожаются.

21. В судах *безопасность, жизнь и собственность* обеспечиваются *присяжными. [...]*

24. Право собственности, заключающее в себе *одни вещи,* священно и неприкосновенно. Церковные земли остаются навсегда за ними.

25. Земли помещиков остаются за ними. Особый закон определит вознаграждение, которое обязаны им сделать поселяне, которые вздумают отстаивать свое селение и переселиться в другое место — за временное прервание в порядке получения доходов с возделываемой сими поселянами земли. [...]

30. *Военные поселения* немедленно уничтожаются. Поселенные батальоны и эскадроны с родственниками их вступают в звание *общих владельцев. [...]*

32. Разделение людей на 14 классов отменяется. Гражданские чины, заимствованные у немцев и ничем не отличающиеся между собой, отменяются сходственно с древними постановлениями народа Русского. [...]

Библиотека "Руниверс"

Второй вариант[2]

Глава I. О НАРОДЕ РУССКОМ И ПРАВЛЕНИИ

1. Русский народ, свободный и независимый, не **есть** и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства.

2. Источник *Верховной власти* есть народ, которому принадлежит исключительное право делать *основные постановления* для самого себя.

Глава II. о ГРАЖДАНАХ

3. *Гражданство* есть право определенным в сем Уставе порядком участвовать в общественном управлении: *посредственно,* т. е. выбором чиновников или избирателей; *непосредственно,* т. е. быть самому избираемым в какое-либо общественное звание по *законодательной, исполнительной* или *судебной власти.*

4. *Граждане* суть те жители Российской империи, которые пользуются правами, выше определенными.

5. Чтобы быть Гражданином, необходимы следующие условия:

1) Не менее 21 года возраста.
2) Известное и постоянное жительство.
3) Здравие ума.
4) Личная независимость.
5) Исправность платежа общественных повинностей.
6) Непорочность перед лицом закона.

6. Иностранец, не родившийся в России, но жительствующий 7 лет сряду в оной, имеет право просить себе Гражданства Российского у *судебной власти,* отказавшись наперед клятвенно от правительства, под властью которого прежде находился.

7. Иностранец, не получивший Гражданства, не может исполнять никакой общественной, ни военной должности в России — не имеет права служить рядовым в войске Российском и не может приобрести земель.

8. Чрез 20 лет по приведении в исполнении сего Устава Российской империи никто, не обучившийся Русской грамоте, не может быть признан Гражданином.

9. Права Гражданства теряются на *время:*

1) Судебным объявлением о расслаблении ума.
2) Нахождением под судом.

Библиотека "Руниверс"

3) Судебным определением о *временном лишении прав.*

4) Объявленным банкротством.

5) Общественною недоимкою.

6) Нахождением в услужении при ком-либо.

7) Неизвестностью местопребывания, занятий и средств к пропитанию.

Навсегда:

1) Вступлением в подданство иностранного государства.

2) Принятием службы или должности в чужой земле без согласия своего правительства.

3) Приговором суда к бесчестному наказанию, влекущему за собою *лишение* Гражданских прав.

4) Если Гражданин без согласия Веча примет подарок, пенсию, знак отличия, титло или звание почетное или приносящее прибыль от иностранного правления, государя или народа.

Глава III. О СОСТОЯНИИ, ЛИЧНЫХ ПРАВАХ И ОБЯЗАННОСТЯХ РУССКИХ

10. Все Русские равны перед Законом.

11. Русскими почитаются все коренные жители России и дети иностранцев, родившиеся в России, достигшие совершеннолетия, доколе они не объявят, что не хотят пользоваться сим преимуществом.

12. Каждый обязан носить общественные повинности, повиноваться законам и властям Отечества и явиться на защиту Родины, когда востребует того Закон.

13. Крепостное состояние и рабство отменяются; раб, прикоснувшийся земли Русской, становится свободным. Разделение между благородными и простолюдинами не принимается, поелику противно вере, по которой все люди *братья,* все рождены *благо* по воле божией, все рождены *для блага* и все *просто люди:* ибо зсе слабы и несовершенны.

14. Всякий имеет право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оные посредством печати своим соотечественникам. Книги, подобно всем прочим действиям, подвержены обвинению Граждан перед судом и подлежат *присяжным.*

15. Существующие *ныне гильдии и цехи* в купечестве, ремеслах уничтожаются.

Библиотека "Руниверс"

16. Всякий имеет право заниматься тем промыслом, который ему покажется, выгоднейшим: *земледелием, скотоводством, охотою, рыбною ловлею, рукоделиями, заводами, торговлею* и так далее.

17. Всякая тяжба, в которой дело идет о ценности, превышающей фунт чистого серебра (25 рублей серебрим]), поступает на суд присяжных.

18. Всякое уголовное дело производится с присяжными.

19. Подозреваемый в злоумышлении может быть взят под стражу постановленными Уставом властями и учрежденным порядком, но в 24 часа (под ответственностью тех, которые его задержали) должно ему объявить письменно о причине его задержания, в противном случае он немедленно освобождается.

20. Заключенный, если он не обвинен по уголовному делу, немедленно освобождается, если найдется за него *порука.*

21. Никто не может быть наказан, как в силу закона, обнародованного *до преступления* и правильно и законным образом приведенного в исполнение.

22. Устав сей определит, каким чиновникам и в каких обстоятельствах предоставляется право давать письменные приказания *задержать* кого-либо из Граждан, *сделать домовой обыск, забрать его'бумаги и распечатать письма его.* Равным образом определит оный ответственность за таковые поступки.

23. Право собственности, заключающее в себе *одни вещи,* священно и неприкосновенно.

24. Земли помещиков остаются за ними. Дома поселян с огородами оных признаются их собственностью со всеми земледельческими орудиями и скотом, им принадлежащим.

25. Крестьяне экономические и удельные будут называться *общими владельцами,* равно как и ныне называющиеся *вольными хлебопашцами,* поелику земля, на которой они живут, предоставляется им в *общественное владение* и признается их собственностью. Удельное правление уничтожается.

26. Последующие законы определят, каким образом сии земли поступят из *общественного в частное владение* каждого из поселян и на каких правилах будет основан сей *раздел* общественной земли между ими.

27. Поселяне, живущие в арендных имениях, равно Делаются *вольными,* но земли остаются за теми, кому

Библиотека "Руниверс"

они были даны, и по то время, по которое были даны.

28. *Военные поселения* немедленно уничтожаются. Поселенные батальоны и эскадроны с родственниками рядовых вступают в звание общих *владельцев.*

29. Разделение людей на 14 классов отменяется. Гражданские чины, заимствованные у немцев и ничем не отличающиеся между собою, уничтожаются сходственно с древними постановлениями народа Русского. Названия и сословия *однодворцев, мещан, дворян, именитых граждан* заменяются все названием *Гражданина* или *Русского.*

30. Жалованье священнослужителям будет производиться и впредь. Равным образом они освобождаются от постоя и подвод.

31. Кочующие племена не имеют прав Гражданских. Право участвовать в выборе *волостного старшины* предоставляется однакож и оным.

32. Граждане имеют право составить всякого рода общества и товарищества, не испрашивая о том ни у кого позволения, ни утверждения, лишь только б действия оных не были противузаконными.

33. Каждое таковое общество имеет право делать себе постановления, лишь бы оные не были противны сему Уставу и законам общественным.

34. Никакое иностранное общество не может иметь в России подведомственных себе обществ или сотовариществ.

35. Никакое нарушение Закона не может быть оправдано повелением начальства. Сперва наказывается *нарушитель* Закона, потом подписавшие противузаконное повеление.

36. Граждане имеют право обращаться со своими жалобами и желаниями к народному Вечу, к императору и к правительствующим сословиям держав.

37. Подземелья и казематы крепостные, вообще все так называемые государственные темницы уничтожаются; никто не.может быть заключен иначе, как в назначенных на сей предмет общественных темницах.

38. *Обвиненные* не должны быть заключены в одних местах с *осужденными,* заключенные за *долги* или за *легкие проступки — с преступниками и злодеями.*

39. Тюремное начальство должно быть избираемо Гражданами из людей *добросовестных* и которые были бы в состоянии ответствовать за всякий противузаконный и бесчеловечный поступок с заключенными.

Библиотека "Руниверс"

40. Нынешние полицейские чиновники отрешаются и заменяются по выборам жителей.

41. Всякий Гражданин, который бы насилием или подкупом нарушил свободный выбор *народных представителей,* предается суду.

42. Никто не может быть беспокоиваем в отправлении своего богослужения по совести и чувствам своим, лишь бы только не нарушал законов природы и нравственности. [...]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Самый ранний вариант проекта Конституции Н. М. Муравьева написан в 1821—1822 гг. Впервые опубликован в кн.: *Довнар-Запольский М.* Мемуары декабристов. Киев: Б. и., 1906. Печатается с сокращениями по кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 1 С. 295—299.

[2] Вторая редакция проекта Конституции написана Н. М. Муравьевым предположительно осенью 1824 г. Печатается с сокращениями по кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 1. С. 299—304.

Библиотека "Руниверс"

МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ

С. И. Муравьев-Апостол родился в 1796 г. в семье известного дипломата И. М. Муравьева. Детство его прошло в Западной Европе — в Гамбурге и Мадриде. Начальное образование получил в частном пансионе в Париже. Вернувшись на родину, он вместе с братом Матвеем поступил в 1809 г. в Петербургский институт путей сообщения и окончил его в 1811 г. Весь офицерский класс корпуса инженеров путей сообщения, в котором находился С. И. Муравьев-Апостол, вступил в армию перед Бородинским сражением и в нем участвовал. Муравьеву-Апостолу в это время не было еще и 16 лет и М. И. Кутузов держал его при Главном штабе армии. Однако через несколько месяцев он начинает участвовать в сражениях; за бой при Красном его награждают золотым оружием с надписью «За храбрость», а после Березины — орденом и присваивают воинское звание поручика.

С. И. Муравьев-Апостол закончил Отечественную войну 1812 г. в Париже. В 1815 г. его перевели в гвардейский Семеновский полк. Когда в 1820 г. после восстания полк расформировали, он служил в Бобруйской крепости, а затем с 1822 г.— в Черниговском пехотном полку.

Муравьев-Апостол — один из основателей первого тайного общества декабристов — «Союза спасения» (1816), участник «московского заговора» декабристов (1817), один из создателей и членов Коренного совета «Союза Благоденствия» (1818) и самых радикальных руководителей Южного общества декабристов, его Васильковской управы.

С. И. Муравьев-Апостол имел большое влияние на солдат. Когда в конце декабря 1825 г. его арестовали, офицеры и солдаты Черниговского полка освободили его, подняв восстание, которое он и возглавил. После подавления восстания раненого Муравьева-Апостола до-

Библиотека "Руниверс"

ставили в Петербург. По приговору Верховного уголовного суда его вместе с другими руководителями декабристского движения казнили 13 июля 1826 г.

С. И. Муравьев-Апостол — автор написанного в республиканском духе пропагандистского «Православного катехизиса», распространявшегося среди солдат.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Муравьев-Апостол С. И.* Православный катехизис; Показания; Письма; Стихотворение//Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., **1951. Т. 2.** С. **191**—229.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Медведская Л. А.* С. И. Муравьев-Апостол. М.: Просвещение, 1970. 176 с.

2. *Эйдельман Н. #.* «Доброе дело делать...»: Страницы жизни С. 1Муравьева-Апостола// Звезда. 1975. № 12. С. 18—59.

Библиотека "Руниверс"

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАТЕХИЗИС[1]

Во имя отца и святого духа.

Вопрос. Для чего бог создал человека?

Ответ. Для того, чтобы он в него веровал, был свободен и счастлив.

Вопрос. Что значит веровать в бога?

Ответ. Бог наш Иисус Христос, сошедши на землю для спасения нас, оставил нам святое свое евангелие. Веровать в бога значит следовать во всем истинному смыслу начертанных в нем законов.

Вопрос. Что значит быть свободным и счастливым?

Ответ. Без свободы нет счастия. Святый апостол Павел говорит: ценою крови куплены есте, не будите раби человеком.

Вопрос. Для чего же русский народ и русское воинство несчастно?

Ответ. Оттого, что цари похитили у них свободу.

Вопрос. Стало быть, цари поступают вопреки воле божией?

Ответ. Да, конечно, бог наш рек: болий в вас да будет вам слуга, а цари тиранят только народ.

Вопрос. Должны ли повиноваться царям, когда они поступают вопреки воле божией?

Ответ. Нет! Христос сказал: не можете богу работати и мамоне; оттого-то русский народ и русское воинство страдают, что покоряются царям.

Вопрос. Что ж святый закон наш повелевает делать русскому народу и воинству?

Ответ. Раскаяться в долгом раболепствии и, ополчась против тиранства и нечестия, поклясться: да будет всем един царь на небеси и на земле — Иисус Христос.

Вопрос. Что может удержать от исполнения святого сего подвига?

Ответ. Ничто! Те, кои воспротивятся святому подвигу сему, суть предатели, богоотступники, продавшие души свои нечестию, и горе им, лицемерам, яко страш-

Библиотека "Руниверс"

ное наказание постигнет их на сем свете и на том.

Вопрос. Каким же образом ополчиться всем чистым сердцем?

Ответ. Взять оружие и следовать смело за глаголющим во имя господне, помня слова спасителя нашего: Блажени алчущие и жаждущие правды, яко тип насытятся, и, низложив неправду и нечестие тиранства, восстановить правление, сходное с законом божиим.

Вопрос. Какое правление сходно с законом божиим?

Ответ. Такое, где нет царей. Бог создал всех нас равными и, сошедши на землю, избрал апостолов из простого народа, а не из знатных и царей.

Вопрос. Стало быть, бог не любит царей?

Ответ. Нет! Они прокляты суть от него, яко притеснители народа, а бог есть человеколюбец. Да прочтет каждый желающий знать суд божий о царях, книги царств главу 8-ю: собрашася мужи израилевы и приидоша к Самуилу и рекоша ему: ныне постави над нами царя, да судит ны; и бысть лукав глагол сей пред очима Самуиловима, и помолися Самуил ко господу, и рече господь Самуилу: послушай ныне гласа людей, якоже глаголят тебе, яко ни тебе уничижиша, но мене уничижиша, яже не царствовати ми над ними, но возвестиши им правду цареву. И рече Самуил вся словеса господня к людям, просящим от него царя, и глаголя им: сие будет правда царева: сыны ваша возмет и дщери ваша возмет и земля ваша одесятствует, и вы будете ему раби и возопиете в день он от лица царя вашего, его же избрасте себе, и не услышит вас господь в день он, яко вы сами избрасте себе царя... и так избрание царей противно воле божией, яко един наш царь должен быть Иисус Христос.

Вопрос. Стало и присяга царям богопротивна?

Ответ. Да, богу противна. Цари предписывают принужденные присяги народу для губления его, не призывая всуе имени господня; господь же наш и спаситель Иисус Христос изрек: аз же глаголю вам, не клянитеся всяко, итак, всякая присяга человеку противна богу, яко надлежащей ему единому.

Вопрос. Отчего упоминают о царях в церквах?

Ответ. От нечистивого приказания их самих, для обмана народа[1], и ежечасным повторением царских имен оскверняют они службу божию вопреки спасителева веления: молящий нелизше[2] глаголят, якоже язычники.

Библиотека "Руниверс"

Вопрос. Что же, наконец, подобает делать христолюбивому российскому воинству?

Ответ. Для освобождения страждущих семейств своих и родины своей и для исполнения святого закона христианского, помолясь теплою надеждою богу, побораощему по правде и видимо покровительствующему уповающим твердо на него, ополчиться всем вместе против тиранства и восстановить веру и свободу в России.

А кто отстанет, то, яко Иуда предатель, будет анафема проклят. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Православный катехизис» распространялся не только среди солдат Черниговского полка. Сохранилось несколько его экземпляров. Впервые напечатано в кн.: Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. Публикуется полностью по кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 2. С. 191—193.

[2] *Нелизше* — не меньше.

Библиотека "Руниверс"

ТРУБЕЦКОЙ СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ

С. П. Трубецкой родился в 1790 г. в Нижнем Новгороде в старинном княжеском роду Трубецких. Получив блестящее домашнее воспитание, в 1807 г. он поступает в Московский университет. Но уже на следующий год С. П. Трубецкой оставляет его и поступает в Семеновский гвардейский полк. Отечественную войну 1812 г. он начал подпоручиком и участвовал во всех крупных сражениях, получив несколько боевых наград. В 1822 г. ему было присвоено воинское звание полковника.

С. П. Трубецкой был одним из организаторов тайного общества декабристов «Союза спасения» (1816), а спустя два года — «Союза благоденствия», для которого написал большую часть устава — «Зеленой книги». Он был одним из самых деятельных членов этого общества, его председателем.

В 1819—1821 гг. С. П. Трубецкой живет в Париже, где пополняет свое образование, знакомится с политической жизнью Франции. Вернувшись в Россию, он активно участвует в организации Северного общества.

С февраля 1825 г. С. Трубецкой служит в Киеве. Его квартира становится местом собрания Васильковской управы Южного общества. Он многое сделал для координации деятельности Южного и Северного обществ декабристов. Когда в ноябре 1825 г. Трубецкой возвратился в Петербург, его по предложению Рылеева избрали диктатором — руководителем декабристов во время восстания. В дни, предшествующие восстанию, он пишет один из важнейших программных документов — Манифест к русскому народу.

Раньше других поняв бесперспективность вооруженного восстания, С. П. Трубецкой не принял в нем участия.

Он был осужден по первому разряду и приговорен к смертной казни, замененной Николаем I пожизнен-

Библиотека "Руниверс"

ной каторгой. В Сибири Трубецкой пробыл 30 лет, из них 13 лет — в каторжных работах.

Скончался С. П. Трубецкой в 1860 г.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Трубецкой С. П.:* Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. Т. 1. 416 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильев А.* С. П. Трубецкой. Л.: Лениздат, 1965. 36 с.

2 Материалы из энциклопедий: СИЭ. Т. 14. 1973. Стб. 472—473; БСЭ. 3 изд. Т. 26. 1977. С. 258.

Библиотека "Руниверс"

КОНСПЕКТ МАНИФЕСТА К РУССКОМУ НАРОДУ[1]

Спаси Господи люди Твоя и благослови достояние твое![2]

В манифесте Сената объявляется.

1. Уничтожение бывшего правления.

2. Учреждение временного до установления постоянного выборными.

3. Свободное тиснение и потому уничтожение цензуры.

4. Свободное отправление богослужения всем верам.

5. Уничтожение права собственности, распространяющейся на людей.

6. Равенство всех сословий пред законом и потому уничтожение военных судов и всякого рода судных комиссий, из коих все дела судные поступают в ведомство ближайших судов гражданских.

7. Объявление права всякому гражданину заниматься, чем он хочет, и потому дворянин, купец, мещанин, крестьянин — все равно — имеют право вступать в воинскую и гражданскую службу и в духовное звание; торговать оптом и в розницу, платя установленные повинности для торгов. Приобретать всякого рода собственность, как то земли, дома в деревнях и городах. Заключать всякого рода условия между собою, тягаться друг с другом пред судом.

8. Сложение подушных податей и недоимок по оным.

9. Уничтожение монополий, как то: на соль, на продажу горячего вина и проч. и потому учреждение свободного винокурения и добывания соли с уплатою за промышленность с количества добывания соли и водки.

10. Уничтожение рекрутства и военных поселений.

11. Убавление срока службы военной для нижних чинов и определение оного последует по уравнении воинской повинности между всеми сословиями.

Библиотека "Руниверс"

12. Отставка всех без изъятия нижних чинов, прослуживших 15 лет.

13. Учреждение волостных, уездных, губернских и областных правлений и порядка выборов членов сих правлений, кои должны заменить всех чиновников, доселе от гражданского правительства назначаемых.

14. Гласность судов.

15. Введение присяжных в суды уголовные и гражданские.

Учреждает правление из 2 или 3 лиц, которому подчиняет все части высшего управления, то есть все министерства, Совет, Комитет министров, армии, флот. Словом, всю верховую исполнительную власть, но отнюдь не законодательную и не судебную. Для сей последней остается министерство, подчиненное Временному правлению, но для суждения дел, не решенных в нижних инстанциях, остается департамент Сената уголовный и учреждается департамент гражданский, кои решают окончательно и члены коих останутся до учреждения постоянного правления.

Временному правлению поручается приведение в исполнение:

1. Уравнение прав всех сословий.

2. Образование местных волостных, уездных, губернских и областных правлений.

3. Образование внутренней народной стражи.

4. Образование судной части с присяжными.

5. Уравнение рекрутской повинности между всеми сословиями.

6. Уничтожение постоянной армии.

7. Учреждение порядка избрания выборных в палату представителей народных, кои долженствуют утвердить на будущее время имеющий существовать порядок правления и государственное законоположение.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Названия не имеет. Впервые опубликован М. В. Довнар-Запольским в 1906 г. Публикуется по кн.: Трубецкой С. П.: Материалы о жизни и рево,»юционной деятельности. Т. 1. С. 81—82.

[2] Эпиграфом служат слова молитвы за Отечество.

Библиотека "Руниверс"

ЯКУШКИН ИВАН ДМИТРИЕВИЧ

И. Д. Якушкин родился в 1793 г. в семье небогатого помещика. Учился в домашнем пансионе профессора А. Ф. Мерзлякова, а затем поступил на словесное отделение Московского университета, где изучал философию, литературу, естественные науки.

В 1811 г. Якушкин поступил в гвардейский полк, с которым участвовал во всех крупных сражениях Отечественной войны 1812 г. За боевые заслуги получил несколько наград.

Вернувшись из заграничных походов, он принял участие в организации первого декабристского общества— «Союза спасения» (1816). Во время Московского заговора осенью 1817 г. И. Д. Якушкин вызвался убить царя, но это его решение декабристы отвергли. Первым из декабристов он предпринял попытку освобождения от крепостной зависимости принадлежавших ему крестьян. Под влиянием П. И. Пестеля Якушкин приходит к мысли, что «...освобождать крестьян, не предоставив в их владение достаточного количества земли, было бы только вполовину обеспечить их независимость» (Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М.: Наука, 1951. С. 32).

Он был одним из инициаторов созыва Московского съезда декабристов, а после получения известия о восстании пытался поднять войска Московского гарнизона.

После ареста, на следствии, на допросах самого Николая I Якушкин вел себя мужественно, за что царь приказал заковать его, единственного из декабристов, сразу в ножные и. ручные кандалы. Суд приговорил Якушкина И. Д. к смертной казни, замененной каторгой. Он отбывал ее в течение 15 лет в Читинском остроге и Петровском заводе. После «высочайшего» разрешения в 1835 г. Якушкин переезжает в Ялуторовск Тобольской губернии, где живет вплоть до 1855 г. По

Библиотека "Руниверс"

его инициативе в Ялуторовске было открыто две школы; их окончило более 700 человек.

В Сибири И. Д. Якушкин много времени отдал научным занятиям, изучению природы. Там он пишет материалистическое сочинение «Что такое жизнь». Якушкин — автор широко известных «Записок», раскрывающих историю и идеологию декабристского движения.

Скончался И. Д. Якушкин в 1857 г., вскоре после возвращения в Европейскую Россию.

СОЧИНЕНИЯ

1. Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. 739 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кошурников А. А.* Декабрист И. Д. Якушкин//Учен. зап. Сверял, пед. ин-та. 1957. Вып. 14. С 184—205.

2. *Михайлова Л. П.* Жизнь и просветительская деятельность декабриста И. Д. Якушкина в Сибири // Учен. зап. Тюмен. пед. ин-та. 1962. Т. 16, вып. 4. С. 85—113.

3. *Лукина Т. А.* Вопросы биологии в трактате И. Д. Якушкина о сущности жизни//Декабристы и русская культура. Л., 1975. С. 333—340.

4. *Поляков Л. В.* Русский неокантианец: (Кант и И. Д. Якушкин: К вопросу о формах влияния в истории философии) // Кантовский сб. Калининград, 1982. С. 89—104.

5. *Дружинин Н. М.* Декабрист И. Д. Якушкин и его ланкастерская школа // Дружинин Н. М. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 384—436.

Библиотека "Руниверс"

ЧТО ТАКОЕ ЖИЗНЬ?[1]

[...] После многих треволнений человек должен был убедиться, что, не бывши альфой и омегой мироздания, он составляет только звено бесконечной цепи творений и что ему не суждено оглашать одному вселенную своим однозвучным пением, но что его голос должен сливаться с голосами всех прочих существ и всего сущего в многозвучную и вечно стройную песнь; что, бывши в беспрерывных сношениях с природой, дело его разума — неослабно следить за всеми проявлениями в природе и, беспрестанно поверяя свои понятия одни другим, приводить их все более и более в согласие между собой, изучая же проявления в природе, стараться определить их взаимные отношения, отношения их к человеку и отношения человека к природе и таким способом все более и более уяснять человеку, что такое человек. Одно из самых важных и любопытных проявлений в природе,— конечно, проявление жизни вообще и проявления жизни человека в особенности.

Человек живет, и петух живет; и если бы не жил петух, то жизнь человека в первичных своих проявлениях была бы менее известна, нежели известна теперь; большая часть исследований над развитием зародыша вообще была производима над куриным яйцом. Исследования ученых свидетельствуют, и в этом случае нам, людям полуученым, остается только верить, что все живущее выходит из яйца, разумеется не из куриного, которое само образуется из небольшого пузырька, заключенного в перепончатом мешочке яичника курицы [...]

[...] Человек в зародышном своем развитии принимает все виды существования животных. Яйцо, отделившись от яичника женщины, существует столько же самостоятельно, как существуют и животные низшего разряда, у которых нет ни мозга, ни кровообращения, и вообще ни одного из орудий жизни, отдельно и явст-

Библиотека "Руниверс"

венно образовавшихся, но которые, повидимому, одарены произвольным движением. При образовании сердца у зародыша ребенка, оно первоначально состоит из одной полости, как сердце земляного червя, потом из одного ушка и одного желудочка, как сердце рыб, затем из двух ушков и одного желудочка, как сердце лягушки, и окончательно из двух ушков и двух желудочков, как сердце птиц и млекопитающих.

При некотором подобии человека в зародышевом своем состоянии с другими животными, и он, и каждое из них достигает той степени развития, которой определяется способ будущего их существования, а вместе с тем и все животные и человек, по непременному закону природы, родятся от существ, себе подобных. Из оплодотворенной икры щуки никогда не разовьется другое животное кроме щуки с сердцем об одном ушке и одном желудочке, как у всех рыб вообще, но с некоторыми особенностями, свойственными только щуке. Из икры лягушки выходит первоначально головастик, похожий на рыбу, который живет в воде и дышит жабрами подобно рыбам, но скоро потом, по образовании в нем легких, жабры его исчезают, и он превращается в лягушку, которая, при способе своего кровообращения, имеет возможность жить на земле, дыша воздухом, и оставаться на долгое время под водой. Из яйца курицы выходит всегда цыпленок. В утробе женщины при всех постепенных изменениях зародыша и многосложном его развитии всегда образуется ребенок, а не какое-нибудь другое животное. И цыпленок, вылупившийся из яйца, и ребенок, вышедший из утробы женщины, в своем зародышном развитии получают уже собственно им одним принадлежащее образование, отличающее их от всех прочих цыплят и всех прочих ребят.

Итак, наблюдения над зародышем очевидно доказывают, что первичное образование всех животных совершается вообще одним и тем же порядком; но что при этом каждое из них в подробностях и степени своего развития разнообразно до бесконечности и что каждое животное существует отдельно от всех животных как неделимое и вместе с тем составляет собой звено неразрывной цепи всех существ.

Рассматривая каждое животное отдельно как неделимое, естественно является вопрос: кто это неделимое и под чьим влиянием началось его зарождение и

Библиотека "Руниверс"

совершились все чудеса его развития? На такой вопрос положительная наука, основанная единственно на опыте, не дает ответа, и тут каждому мыслящему человеку, ученому и не ученому, предоставляется решить задачу по крайнему своему разумению. При этом, как и при всех действиях нашего мышления, необходимо только, чтобы понятие, какое мы составим себе об этом предмете, не было бы в противоречии с прочими нашими понятиями, не подлежащими сомнению.

Чувства наши через впечатления на них извне доставляют нам только понятия о телах и их движении... Тела, занимая пространство, имеют протяжение и потому уже разделимы; части, составляющие тело, как и оно, занимая пространство, имеют протяжение, как и оно, подразделяются и потому суть также тела. Перемещение тела в пространстве мы называем движением. Тела и части их могут иметь более или менее протяжения, и движение может совершаться с большей или с меньшей скоростью и по различным направлениям. Разность в протяжении тел, разность в скоростях движения и в его направлении разнообразит до бесконечности видимые нами предметы.

Разум, признав протяжение в телах, деля их на части и подразделяя эти части на меньшие частицы, стремится от многочисленности к единице; допустив существование единиц, далее не подразделимых, он заключает, что такие единицы составляют сущность тел и что чувствам нашим представляются только образы предметов, беспрестанно преходящие.

Видимые нами тела представляются нам или в движении, или в спокойствии; и тут разум наш опять выводит заключение о существовании причины того или другого состояния тел. Причину эту, приводящую тела в движение или движущиеся тела приводящую в спокойствие, называют'силою.

Никто из смертных не видал в глаза ни собственно единицы, ни собственно силы, точно так же, как никто из смертных не видал собственными глазами ушей своих, а между тем всякий знает, что у него есть уши, и никто не сомневается в существовании своего Я, как единицы, обладающей жизненной силой и силой мышления, которые обе суть одна и та же сила в разных степенях своего развития.

Наше Я, как единица, совмещает в себе единовременно только единичные ощущения. Бесчисленное мно-

Библиотека "Руниверс"

жество световых лучей, отраженное бесчисленным множеством точек какого-нибудь отдельного предмета и собранное снарядом нашего зрения, изображает этот предмет на сетчатых оболочках двух наших глаз, и при всем том мы видим только один предмет. Сотрясение бесчисленного множества частиц воздуха сообщается в обоих ушах наших слушательным нервам, и тут опять слышим мы только один звук, и несколько стройных звуков, доходящих до нашего слуха, ощущаются нами как один аккорд.

Вообще многосложные впечатления сосредоточиваются нашим Я в одно ощущение, подобно как многочисленные лучи, проведенные от окружности, сосредоточиваются посредине круга в одну точку.

Если бы каждое из отдельных наших ощущений сменялось только в нас другим, также отдельным ощущением, как сменяются разные изображения в зеркале, в котором отражается каждый новый предмет, не оставляя никакого следа предметам, отразившимся в нем прежде, то мы, не имея возможности сравнить один предмет с другим предметом и отличить частности, составляющие исключительную принадлежность какого-нибудь отдельного предмета, не имели бы решительно ни о чем никакого понятия. Наше существование, при каждом новом ощущении составляя новое Я, распадалось бы на части, не имеющие ничего между собой общего; но имея возможность сознавать переход от одного ощущения к другому ощущению, наше Я по тому уже самому имеет и возможность беспрерывно сознавать самого себя и, отличая одни наши ощущения, производимые в нас впечатлениями извне, от других подобных ощущений,"мы получаем понятие о предметах, вне нас существующих.

Собственная деятельность нашего Я беспрестанно проявляется при сношениях своих с внешним миром, и не все впечатления, передаваемые нам нашими чувствами, равносильно ощущаются нашим Я. Находясь в многочисленной шумной беседе, мы произвольно обращаем внимание на речи того или другого из собеседников, не слушаем остального говора.

Каждое ощущение в нас сопровождается сознанием этого ощущения и вместе с тем сознанием некоторых прежде бывших ощущений и, сознавая разность одного ощущения от другого, прежде бывшего ощущения, мы приходим к познанию разнообразия предметов, произ-

Библиотека "Руниверс"

водящих разные впечатления на наши чувства. Имея возможность обращать исключительное внимание и на части предметов, как на отдельные предметы, части эти производят в нас отдельные ощущения. И тут наше Я опять сознает подобие или разность своих ощущений, и мы, сперва признавши подобие и различие предметов, и теперь, опять признавая подобие и различие частей их, получаем более полное познание о том, что составляет тождественность и разность в предметах, нами наблюдаемых [...]

[...] Все явления в природе, подлежащие нашим наблюдениям, происходят от движения и сочетания единиц в каком-нибудь порядке, ощутительном для наших чувств; причина же всякого движения называется силою, заключается в самих единицах, имеющих способность приходить в движение и возбуждать движение в окольных единицах. Малейшая песчинка на нашей земле настолько же тяготит к солнцу, насколько солнце тяготит к этой песчинке; железный опилок притягивается магнитом ровно с такой же силой, с какой притягивается магнит опилком; стекло, натертое сукном, притягивает или отталкивает легкие тела с такой же силой, с какой легкие тела притягивают или отталкивают стекло. Все части тела, образуемого сцеплением, равно обладают этой силой. Причину явлений,происходящих всегда в одном и том же порядке, называют особенным наименованием; так говорят: сила тяготения, сцепления, тепла, света, электричества, магнитности, жизни, мышления, и во всех этих случаях слово сила означает только особый способ и порядок движения единиц. Постепенные, но быстрые движения единицы сливаются для нас в одно целое, точно так же, как постепенные, но быстрые колебания струны сливаются для нас в один звук. Одна и та же струна, более или менее натянутая, в одно и то же время совершает большее или меньшее число колебаний и производит такой или другой звук, который отзывается не на всех струнах стоящего тут инструмента, а на той только струне, которая способна производить одинаковое число колебаний со струной, произведшей первоначальный звук; точно так же каждая единица в природе соответственно двигательной своей силе в данное время может совершать определенные движения по побуждении первичной движущей ее единицы, сочетаться с парными ей единицами и участвовать в образова-

Библиотека "Руниверс"

нии или какого-нибудь кристалла, или какого-нибудь растения, или какого-нибудь животного.

Простые, и вообще неорудные тела, образовавшиеся сочетанием единиц, обладающих уже силою сцепления, имеют собственные им свойства, каждое из них может соединиться с другим телом только в определенном и ощутительном для нас порядке [...]

[...] Тела, образовавшиеся силою сцепления, при химических своих сочетаниях соединяются с некоторыми другими такими же телами, преимущественно перед прочими, и это свойство, называемое сродством, составляет особенность этих тел, точно так же, как то, что называют права растений и животных, составляет их особенность.

В природе беспрестанно все движется. Земля наша быстро совершает свое суточное движение, но еще с большей быстротой обращается около солнца. Некоторые тела небесные, как наша земля, имеют свои суточные движения и также обращаются около солнца. Самое солнце имеет явное движение. Единицы, еще не сочетавшиеся между собой и наполняющие пространство вселенной, беспрестанно приводятся в движение светилами небесными. При этом всеобщем движении единиц происходящие от него проявления бесчисленно разнообразны, но не все единицы одинаково участвуют в каждом из этих проявлений; те из них, в которых уже возбуждена сила сцепления и которые своими сочетаниями образовались в простые тела, не все в равной степени принимают участие в проявлениях тепла, света, электричества, магнетизма, и самая сила сцепления не в одинаковой степени возбуждена во всех простых телах; и эта сила при разных обстоятельствах в одном и том же теле может иметь большую или меньшую степень развития. Точно также жизнь при своих проявлениях, от гриба и до человека, имеет свои степени развития, и как при высокой степени тепла проявляется свет, точно также при высшем развитии жизни проявляется мышление [...]

[...] Самое же слово жизнь собственно означает только особый способ и порядок единиц, вследствие которого образуется растение или животное. И то и другое образуется под влиянием единицы, из которой сила жизни как из средоточия действует на окольные единицы и возбуждает их к жизни. Каждая единица, возбуждаемая к жизни, получает новую силу для со-

Библиотека "Руниверс"

четания своего с другими единицами, с которыми она образует живое существо, и для сопротивления разрушительному действию посторонних единиц. В этом отношении и человек, и петух, и устрица, и гриб подчиняются одному и тому закону и ничем не разнятся между собой. Как ни сложно образование зародыша ребенка и всех егр снарядов жизни, он и в этом отношении не разнится от зародыша цыпленка.

Цыпленок, только что вылупившийся из яйца, бегает и находит себе пищу, и в этом отношении ребенок нисколько не похож на цыпленка; родившийся младенец едва шевелится, и нередко приходится учить его взять грудь матери. Все животные при самом своем рождении имеют способность удовлетворять всем потребностям жизни, или эта способность проявляется в них вполне спустя некоторое время после их рождения. Способность эту называют инстинктом животных, который в сущности ничто другое, как врожденное уменье действовать согласно целям природы, давшей каждому животному определенное назначение в его жизни. И тут человек решительно разнится от всех животных. При своем рождении он не имеет никакого уменья и потом, приобретая его, то, что он добывает собственным своим опытом, весьма незначительно в сравнении с тем, что передают ему другие, и тем, что достается ему по наследству от прежде живших поколений.

Взятый отдельно, он самое ничтожное существо из всех существ в мире; но отдельно он никогда не существует. При самом рождении он уже член семейства, с которым сливается его существование. Семейство это мало-помалу передает ему свое уменье, добытое им тем же порядком от прежде живших поколений и дополненное собственным опытом.

Пчела, только что вышедшая из своей ячейки, имеет уже способность использовать все многосложные работы, необходимые для существования пчел в улье по предназначенному им порядку. Умение пчелы, только что увидевшей свет, столько же совершенно и замкнуто, как и умение всякой другой пчелы. Семейство пчел, для своего существования не имея никакой надобности сообщаться с другими пчелами, составляет в своем улье отдельный мир, и в этом улье один и тот же порядок, какой был и есть во всех других ульях.

Семейство человека само по себе слишком слабо,

Библиотека "Руниверс"

чтобы противодействовать враждебным силам, его окружающим: по необходимости оно соединяется с другими семействами, чтобы увеличить свои средства для удовлетворения потребностей жизни. Человек — это слабое животное существо при своем рождении и по своей природе и тем самым поставленный в необходимость сближения с себе подобными, в совокупности с ними приобретает огромные силы, беспрестанно возрастающие, вследствие чего народы сближаются с народами, люди все более и более толпятся, и все человечество стремится к соединению в одно целое — и этим самым человек решительно разнится от всех животных вообще и от петуха в особенности.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Написано в середине 30-х годов XIX в. Впервые опубликовано в журнале «Вопросы философии» (1949. № 3. С. 291—298) под заглавием «Что такое человек?» Печатается в отрывках по кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М.: Госполитиздат, 1951. С. 156—157, 159—162, 164—165, 165—166, 169—170.

Библиотека "Руниверс"

ФОНВИЗИН МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

М. А. Фонвизин родился в 1788 г. в семье дворянской интеллигенции; он был племянником известного русского писателя Д. И. Фонвизина. О своем детстве он сообщал на следствии: «Воспитывался я в детском возрасте дома, потом учился в С.-Петербурге в Немецком училище св. Петра, наконец в Москве в Университетском пансионе и слушал лекции в Московском университете» (Восстание декабристов. Т. 3. С. 65—66). На тринадцатом году его определили на военную службу в гвардейский Измайловский полк. С 1805 по 1814 гг. М. А. Фонвизин находился в действующей армии, участвовал в русско-шведской войне 180$—1809 гг., почти во всех крупных сражениях Отечественной войны 1812 г. К 27 годам он имел чин полковника, к 32 — генерал-лейтенанта.

Заграничные походы, в которых участвовал М.А.Фонвизин, способствовали усилению радикализма его взглядов, о чем он сам указал на следствии: «Двухкратное пребывание за границей открыло мне много идей политических, о которых прежде не слыхивал.— Возвратясь в Россию, в свободное от службы время продолжал я заниматься политическими сочинениями разного рода и иностранными газетами и в это время, читая разные теории политические, дерзал я в мечтаниях моих желать приноравливания оных в России» (Там же. С. 71). В 1816 г. он стал членом «Союза спасения», а позднее вошел в наиболее радикальное крыло «Союза благоденствия», участвовал в подготовке программных документов Северного общества декабристов.

После выхода в 1822 г. в отставку Фонвизин поселился в своем имении, много работал, писал статьи. Когда ему стало известно о восстании декабристов, он предпринял ряд действий для сплочения московских Декабристов. М. А. Фонвизина арестовали 9 января 1826 г. и осудили на 12 лет каторги с последующим

Заказ 263

Библиотека "Руниверс"

вечным поселением в Сибири. Отбыв каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе (ее сократили до 8 лет), М. А. Фонвизин поселяется в Енисейске (1834—1836), затем живет в Красноярске (1836—1838) и, наконец, в Тобольске (1838—1853). Во время поселения он занимается переводами, научными исследованиями в области общественно-политических наук, пишет статьи, часть которых сохранилась.

Скончался М. А. Фонвизин в 1854 г. через несколько месяцев после возвращения из ссылки.

Декабрист М. А. Фонвизин был сторонником христианского утопического социализма. Свои социально-политические взгляды он изложил в работах «О крепостном состоянии земледелия в России» и «О коммунизме и социализме».

СОЧИНЕНИЯ

1. *Фонвизин М. А.* Сочинения и письма: В 2 т. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979—1982.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Семеский В. И.* Михаил Александрович Фонвизин//Семевский В. И. Общественное движение в России в первую половину XIX века. СПб.: Б. и., 1905. С. 1—96.

2. *Сыроечковский Б. Е.* Сибирские статьи декабриста М. А. Фонвизина // СыроечковскиГг Б. Е. Из истории движения декабристов. М„ 1969. С. 304—357.

3. *Замалеев А. Ф.* М. А. Фонвизин. М.: Мысль, 1976. 152 с.

Библиотека "Руниверс"

ОБОЗРЕНИЕ ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКИХ СИСТЕМ[1]

> Братие, блюдитесь, да никто же вас будет прельщая философиею и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе.
>
> *Пос[лание ап. Петра к\коло[сянам\ II, 81*

Введение

I. *Понятие о философии и ее цель*

В определении понятия о философии разноречат и сами философы, потому что философия произошла от философствования, или самостоятельного мышления;, а в этом деле люди до того между собой расходятся, что воззрения и мнения их о вещах часто бывают совершенно противоположны. Однако все разумные взгляды на философию согласуются в том, что она есть такая наука, которая не только объемлет самые возвышенные предметы (каковы бог, мир, человек и вообще истинные его отношения), но имеет целью возможное достижение человеком высочайшего ведения об этих предметах. Касательно первого, еще Цицерон называл философию наукой о *божественном* и *человеческом*. Новейшие мыслители почитали ее то *наукою основных истин человеческого ведения,* то наукою о *существе вещей,* то *наукою идей,* поскольку думали через идеи познавать вещи. А как все идеи заключены в *одной идее абсолютного* и из него истекают, то и усвоивали философии наименование *науки об абсолютном* (школа Шеллинга). В этом последнем отношении, размышляя преимущественно о деятельности, через которую означенные высочайшие предметы могут быть познаны, называли философию *наукой ума* (Vernunftwissenschaft). По мнению Канта, она есть *наука ума из понятий* (Vernunftwissenschaft aus Begriffen). По Фихте — *науковедение* (Wissenschaftslehre). Философию называли также *наукою о первобытной законности духа человеческого в общей его деятельности* (Wissenschaft

Библиотека “Руниверс”

von der ursprungliche Gesetzmassigkeit des menschlichen Geistes in seiner gesammten Tatigkeit). В силу этого философствовать, значит: разумно размышлять о высших предметах человеческого ведения и обретенные идеи ума ясно и согласно-последовательно представлять в понятиях. Этого требует само понятие о науке, которая по форме своей только через систему получает окончательное образование. Но как здесь речь идет о предметах высочайших, то все частное, по опыту кажущееся тому или другому человеку самым возвышенным, не принадлежит сюда, а только то, что человеческим умом безусловно признается, как всеобщее ведение существ и их бытия (мир) или то, что наперед предполагается по вере. Этим самым философия отличается как от эмпирических наук, основанных на известных предметах опыта, так и от математики, занимающейся основными формами мира опыта, или наглядного, а также и от логики, представляющей основные формы мышления или претворяющей в понятия наши мысли. Логику почитают наукой приуготовленной к философии, и в ней (т. е. в логике) законы сочетания мыслей в приложении их являются средством представлять и сообщать идеи. Философия же не есть наука, составившаяся из понятий,— она есть наука идей, систематически развившихся в понятия,— наука ума, которая через понятия или посредством их развивает (дискурсивно) идеи в понятия; а такое действие и есть то, что называют философствованием. Итак, философия есть высочайшая наука, сообщающая всякой другой науке свои начала, тогда как все, что есть высшего во всякой другой науке, условливается высшим сознаваемым философией, и через последовательную связь чего философ чрез *абсолютное* усматривает предмет мира. Притом ничто частное и особенное не может входить в сферу философии. Она, объемля все законы научной формы в их происхождении и выставляя эти законы, может назваться *наукой наук*. Истинный источник и потребность философии есть все *чисто гуманное* (человечное), равное как и обретение его истин чрез самодеятельное ведение. Поэтому она есть тип (первообраз) для всякой другой науки, и мы в самом обширном смысле называем *философским* (философское воззрение — философское рассуждение) все то, что возносится над опытом и что определяется идеей. Вот почему изучение философии должно предшество-

Библиотека "Руниверс"

вать основательному изучению всякой другой науки. Великая же задача, заключающаяся в этом понятии и над решением которой трудится все философствующее человечество, может почитаться причиною скромного названия и самой науки и ее делателей — названия, данного им в Греции: слово философия по своему основному значению есть *любление мудрости,* стремление к ней, а философ — *любитель мудрости,* ищущий ее без всякого притязания на всезнание, и не тот, кто исключает из области философского ведения сверхчувственный мир.

В средние века философию называли *светскою мудростию* (sapientia seculearis) в противоположность[2] богословию и даже самому божественному откровению, т. е. христианской религии, непосредственно происшедшей от божества. По мнению германских философов, ищущий мудрости стремится к сознанию высочайших предметов духовного, нравственного и вещественного мира в их взаимной связи, дабы самому убедиться в собственном предназначении. Поэтому он ищет абсолютного в его откровении, ищет определить отношение абсолютного к конечному, безусловного к условному и наоборот: отношение конечных вещей к последней причине всякого бытия. Он стремится исследовать и объяснить отношение духа к природе, свободы к необходимости и субъективного к объективному. Эти-то противоположности философские школы стремились вознести к *высочайшему,* пытаясь объяснить их.

По даровитости и по различным степеням совершенствования философствующих, их различные решения породили различные философские воззрения и системы, которых выводы и взаимная связь представлены в истории философии. В этих попытках осуществить идею философии, и вообще, занимаясь этой наукой, познающий дух человеческий стремится *к высшему,* для него доступному, и берет направление к сверхчувственному, которое всей жизни философа должно дать высший образ. Конечно, это случается только с таким философом, который с любовью к истине, с духом и ревностью философского ведения, себя постигающего и основательного, стремится по пути, предначертанному умом. Ведение же всего высшего, приобретенное усиленным рвением, не может не иметь влияния на всю жизнь человека и на образ мыслей его. Поэтому мудрость как высший плод философии, и не ограничивает-

Библиотека "Руниверс"

ся одним знанием — она объемлет и знание, и действование (нравственные поступки), и в ней видим, что последнее определяется чрез высшее ведение, которое и полагает для него прочное основание: становится действованием. Там же, где этого нет, философия переходит в формализм или в школьную мудрость, которая в системе, т. е. в форме *науки,* ищет существо ее; будучи же прикована к системе, философия .теряет свободу духа. Однако и без системы она распадается: тогда свобода мыслителя легко переходит в разнузданный произвол; где же она поклоняется чувству, там может легко погрузиться в мистицизм. Стремлению построить философию как науку в систему противодействует полемика, желающая сбросить ее оковы, а если это делается для того, чтобы после исследования было свободно, то такое направление есть истинный *скептицизм.*

Предсгавя здесь мнение о философии вообще, господствующее в ученом германском мире, предложу собственные убеждения о пользе этой науки.

Всякому мыслящему человеку невольно представляются вопросы: о первой причине всего сущего, т. е. о всевышнем существе и его промысле, о мире, человеке и его назначении, о христианской религии и ее божественном основателе, о цели соединения людей в гражданские общества, о церкви и государстве и их взаимных отношениях, о посмертной жизни и т. д. Все .эти важнейшие для человека вопросы божественное откровение разрешает, несомненно, нашему внутреннему чувству, если оно только способно к восприятию таких великих истин. Но самая эта восприимчивость есть дар благодати — вера. Человек же, кроме внутренного чувства, не у всех достаточно развитого, имеет еще другую способность, также требующую удовлетворения: разум, жаждущий познания, и который пытливо ищет решения важнейших задач нашего бытия — решения тем более для нас важного, что он со всех сторон обурезаем ветром сомнений и стольких ложных систем, которые святотатственно нападают на самые святые убеждения: плоды благочестивого воспитания и добрых ранних навыков, и стремятся ниспровергнуть их. Здравое философское учение, занимаясь разрешением тех же самых вопросов, может здесь быть благодетельным противоядием и до некоторой степени предохранить человека от пагубы. Оно может возвысить дух его, указав на небесное, вечное и божественное, которое превыше всего

Библиотека “Руниверс”

земного, временного, преходящего, и отвратить человека от всего призрачного и пошлого. Хотя одна христианская вера сильна утвердить окончательно человека в истине и добродетели и возвести его на такую высоту, на которой он может устоять против обольщений чувственности, соблазнов и суеты; но если в человеке жизнь духа еще коснеет в лености и дремоте, если глубокое внутреннее чувство в нем еще не раскрылось, то здравая философия до некоторой степени может содействовать этому раскрытию: она может приуготовить сердечную почву к принятию семян веры, возбудив в человеке желание самопознания и представя ему идеал того, что он быть должен. Такое учение может восстановить истинное отношение философии к религии, то есть науки к жизни.

II. *Разделение философии*

Философия в обширнейшем смысле разделяется: а) на чисто философские науки (философию в теснейшем смысле) и Ь) на философию прикладную. Первая развивает чистое ведение ума (идеи) чрез понятия. Прикладная философия прилагает их вместе с познанными законами духа к предметам опыта (сюда относится опытная психология, педагогика, политика). Древние философию в собственном смысле обыкновенно делили на *логику* и *диалектику* (учение о возможной форме и методе философии), *физику* (после — метафизику), науку о последних причинах всякого бытия и на *этику* — науку о нравственной природе и назначении человека. В новейшее время разделение философии на теоретическую и практическую было вообще принято. Теоретическая, или умозрительная, философия как ее прежде понимали, должна преподавать высочайшие истины о боге и мире — о природе и духе вообще. Практическая же научает приложению этих истин. Скоро уверились, однако, как не соответствует это понятие науке, называемой практической философией, и определили, что она есть наука о том, как человек должен поступать, и о нравственной природе его в особенности.

Называют также теоретическую философию *изъяснительною,* поскольку она имеет предметом то, что не зависит от нашего содействия и что мы находим через ведение. Практическую же называют *поучающею и советующею,* поскольку она дает наставления в том, что

Библиотека "Руниверс"

должно быть исполняемо чрез свободную волю. Позднее возникла *эстетика,* и ее причисляли то к теоретической философии, то к практической. Где философия ограничивается сознанием деятельности духа человеческого, там теоретическая философия есть наука о законах представления и познавания, называемых умозрительною деятельностью. Эстетику и относили к ней, как науку о вкусе, или, лучше сказать, как науку, содержащую правила, по которым обсуживается и оценивается изящное. Практическая же философия почиталась наукой о законах, по которым человек должен поступать и действовать правильно, или наукою о законном действовании. Но такое воззрение может перейти в формализм, если сами предметы ведения теряются из виду там, где исключительно занимаются мышлением о законах, к ним относящихся. По крайней мере, наука о законах и критериях (отличительных признаках) ведения, правильно представленных, как того хотел Кант в своей критике, есть скорее *пропедевтика* или введение в теоретическую философию, нежели сама эта наука. Те же, которые определяют ее таким образом, причисляют логику и метафизику к теоретической философии, а мораль (нравоучение) и естественное право, или философское правоведение (которого прикладные науки: государственное и народное право, также и политика), относятся к практической философии. Наконец, можно делить философию по троичности высочайших идей человечества: по идее истины, по идее добра и по идее изящного, на философию умозрительную, практическую и эстетическую. Научное обозрение философских наук в их внутренней взаимной связи представляет энциклопедия философии.

III. *История философии*

История философии есть прагматическое повествование о важнейших попытках осуществить идею философии, или, по Теннеману[3], прагматическое изображение постепенного ;хода образования .философии как науки. Она имеет высокую цену не только как важная часть истории человеческой образованности, но особенно в отношении влияния, которое может иметь на образование и руководствование философского таланта. В последнем случае потому, что в истории философии

Библиотека "Руниверс"

раскрыты важнейшие задачи философии и истинное значение их — их объем и взаимная связь. В ней важнейшие понятия философии и предположения философских систем представляются в многостороннем освещении, и она, поучая и предостерегая, открывает нам, какими путями, и прямыми и превратными, философствующий дух шествовал к цели науки, и показывает ступени, ведущие к ней.

История философии представляет чрезвычайное разнообразие философских систем, которые, будучи основаны на разных метафизических воззрениях, идут иногда от начал совершенно противоположных. Мы видим в ней описание систем, между собой не согласных: видим философию чисто материалистическую, отвергающую все духовное и признающую существенными одни лишь факты видимого мира, видим философию рациональную, которая, опираясь на разумную нравственность, пытается заступить место откровенной религии, видим философии: пантеистическую, скептическую. Всем этим ложным направлениям систематического умозрения противодействует философия христианская, которая превыше всякого непосредственно приобретаемого разумом ведения ставит веру в откровение. Здесь философия ищет примириться с религией, однако та и другая, не смешиваясь, остаются верными своему призванию, действуя каждая в принадлежащей ей сфере.

Изучая историю философии, мы можем из противоречий различных систем при свете божественного откровения дойти до истины. *Благодать же и истина бысть Иисусом Христом* (Иоан I, 17).

Обыкновенно историю философии делят на древнюю, среднюю и новую. По другому разделению она состоит из греческой (включительно и римской) и из новоевропейской; философия же средних веков составляет между ними переходное соединительное звено. Первый период начинается с греков. Расположение к философствованию не может быть исключительным достоянием какого-нибудь одного народа, а есть первобытная человеческая принадлежность. Мы и видим, что во всяком народе религиозное созерцание переходило в размышление, а чувство — в сомнение, и самое это было побуждением для испытующего духа к составлению философем. Однако греки были первые, которые философемы сознательно перенесли в науку и своеобразно развернули. Философемы же Востока могут только послужить

Библиотека "Руниверс"

введением к истории философии, потому что многие из них перенесены в греческую философию и по отношению к ней заслуживают внимания. Теннеман[4] характеризует этот первый период как время свободного стремления ума к ведению последних причин естества и свободы. Это и есть само по себе восполненное целое, и оно некоторым образом носит в себе семена всех позднейших философий. Греческий дух чрез поэзию вознесся до философии: теогонии, космогонии, гномы были введением к ней и сочетали ее с *религией*. В первом отделе этого периода описан юношеский возраст философии, в котором размышление еще не систематическое, мало отделяющееся от поэзии, занято было вопросами о происхождении натуры и основного вещества мира — а) в Ионической школе, основанной Фалесом (за 610 л. до Р. X.), размышлявшей о природе и о происхождении первой из естественных вещей, Ь) Пифагор и его школа (Италийская) занимались формами созерцания, с) Элеатическая школа диалектически противопоставляла ум опыту и d) Атомистическая школа пыталась решить вопрос чрез соединение ума и опыта. Софистике, угрожавшей разрушить нравственное убеждение, противустал Сократ (около 420 г. до Р. X.) и прежде всего направил интерес исследования на нравственную природу и на назначение человека — в том ему последовали многие из его учеников. Это дало философии новое направление, которое чрез Сократовых учеников, в особенности Платона и Аристотеля, оказалось в систематическом образе. Поэтому второй отдел первого периода начинается Сократом и его последователями: а) Платоном, основателем академической школы, и Ь) Аристотелем, главою школы перипатетиков, которая отличалась стремлением обнять все предметы философии — Аристотель образовал систему философии; первый держался более живого созерцания ума — другой стремился развивать разумное размышление о вещах. Возле академической и перипатетической школ составились: с) школа стоиков, основанная Зеноном, и d) противоположная ей эпикурейская. Со всеми этими системами сражалась школа скептиков, основанная Пирролом. Прочие сократические школы: е) киренская, мегарская, циническая, элийская и эретрийская следовали одностороннему практическому направлению своего учителя, с большим или меньшим уклонениями и своеобразностию. «Мы видим здесь,— говорит Шульце об этом времени[5],— как фило-

Библиотека "Руниверс"

еофский дух с мужественною осторожностию предпринимал решение философских задач, глубоко вникая во все важнейшие для человечества умозрения». Вот почему в это время исследования реальности человеческого ведения имеют такую важность. В третьем отделе, наконец, является философский дух, обремененный немощью старости, живущий только воспоминанием пережитых подвигов. Он, будучи утомлен продолжительною борьбою, думает только, как бы согласить спорящие партии (в синкретизме и эклектизме) или, стремясь, избегнуть скептицизма, бросается в объятия мистики, как то произошло в школе александрийского неоплатонизма, которого главою был Аммоний Саккос (за 190 лет до Р. Х.). Римляне же распространяли только философию, принятую ими от греков, и занимались ею.

История философии средних веков (от 800—1500 г. после Р. Х.), или схоластики, показывает стремление ума к философскому ведению под влиянием начала, преобладающего над ним: христианского откровения, и тогда философское ведение служило церкви. Арабы, которых литература процветала в средние века, распространяли только греческую философию и отдельные религиозные философемы.

Третий период истории философии начинается XV веком. Теинеман представляет его отличающимся свободным, самостоятельным, все более и более глубоким исследованием основных начал и стремлением к систематическому единству всего познаваемого. Сражались с схоластикой сначала воспоминаниями древней греческой философии в первобытной чистоте ее. После этой борьбы, в которой одержана победа над притязанием авторитета, восстали новые воззрения, стремившиеся основаться систематически.

Некоторые воздвигали философию на опыт, как Бэкон и Локк. В противоположность им Декарт, которого иные почитают первым делателем новой философии, старался основать ее на своеобразной почве чрез диалектическое размышление, в котором он от сомнения переходил к догматизму и почитал субъективное сознание и мышление основою философии, что и определило идеалистическое направление новой философии. Спиноза и. Лейбниц, первый как реалист, второй как идеалист, следовали по новому пути мышления. Дух Лейбница угас в формализме Вольфовой школы и в эклектической популярной философии. Юмова *скептика* указала путь

Библиотека "Руниверс"

Кантовой *критике познавательной способности.* Этой критикой начинается новый знаменательный отдел новейшей истории философии: Кант преимущественно в Германии, где философия в XVIII веке процветала, произвел своей критикой великий переворот. Неудовлетворенные критикой Канта вскоре после ее появления в свете восстали новейшие системы: Фихте *науковедение* и *Шеллинга учение тождества* (Identitatslehre) или *философия абсолютного,* и *идеализм* Гегеля. С ними перепирался преимущественно мистик Якоби и его ученики. Многие новейшие делатели в философии предположили себе задачу: поставить в теснейшее соединение науку, религию и жизнь чрез ясное, глубокое развитие отдельных частей философии и чрез приведение их в органическую взаимную связь. [...]

КЛАССИФИКАЦИЯ НАУК[6]

Систематическое распределение наук по их содержанию, называемое также энциклопедией наук, показывает, что все науки, как части или отрасли всеобщего человеческого ведения, состоя во взаимной связи и соприкосновении между собою, взаимно уясняют и восполняют одна другую.

Первый опыт такой классификации принадлежит знаменитому английскому философу Фрэнсису Бэкону Вируламскому. Обозревая весь круг человеческого ведения, Бэкон попал на мысль разделить все в его время известные науки по трем способностям нашей души: разуму, памяти и воображению, из которых каждая оказывается преобладающей в изучении и усовершенствовании той или другой науки. Таким образом, Бэкон к области разума отнес науки богословские, философские, грамматику, риторику, нравоучение, филологию, математику, физику, химию, металлургию. Память почитал он способиостию, преобладающей в истории, священной и гражданской, в истории естественной, метеорологии, астрономии, географии, технологии. Воображению же, по его мнению, принадлежат все роды поэтического творчества: драматическое искусство, музыка, живопись, ваяние, зодчество — словом, изящные художества. Это энциклопедическое древо, или сравнительная таблица всех отраслей человеческого ведения, была внесена Да-

Библиотека "Руниверс"

ламбером и Дидротом в составленную ими Большую французскую энциклопедию с некоторыми, однако, изменениями.

Германские энциклопедисты придумали другую классификацию наук: они распределяют их по двум главным отделам: *антропологическому* и *онтологическому:* первый объемлет все науки, имеющие предметом изучения человека и человечества в отношении духовном, нравственном и политическом. В онтологическом отделе поместили они изучение всего существующего вне человека, т. е. изучение мира и природы.

Та и другая классификация наук не совсем точны и определенны: Бэкон слишком резко ограничил области разума, памяти и воображения — как будто эти три способности души не одинаково необходимы для изучения всех наук, а тем более для усовершенствования их в отношении метода и обретения новых истин в какой бы то ни было отрасли ведения. В германской же энциклопедии наук представляется та несообразность, что богословие поставлено в один разряд с политикой вопреки происхождению той и другой от начал совершенно разнородных[7].

Мне кажется, что рациональнее и естественнее распределить все науки по трем главным предметам человеческой любознательности, врожденной и никогда вполне не удовлетворяемой и которая есть главная побудительная причина бесконечного совершенствования ведения вообще.

Человек, по естеству своему поставлен будучи на границе двух миров, составляет звено, соединяющее духовный мир с миром вещественным. По двойственному существу своему принадлежа тому и другому миру, он по внутреннему чувству хотя неопределенно, но сознает это и по врожденному влечению стремится постигнуть первую причину всего сущего, собственное существо свое и мир, его окружающий. Другими словами, он желает и ищет познать бога и духовный мир,-себя и природу. Отсюда происхождение всех наук и их постепенное развитие. Всего естественнее распределить науки по этим трем началам ведения на три порядка.

I. Наук богословских.

II. Наук антропологических.

III. Наук онтологических.

Порядок богословских наук.

Эти науки, до которых человеческий разум собствсн-

Библиотека "Руниверс"

ными силами без привнития божества чрез откровение никогда бы дойти не мог, делятся на умозрительные и опытные (практические). [...]

[...] *//. Порядок антропологических наук*

Науки этого порядка имеют предметом изучения человека, его умственных и нравственных сил как в неделимом (individu), так и в сообществе с подобными ему сочеловеками в отношении чисто гуманном (человечном), семейном, гражданском и политическом. В порядок антропологических входят науки:

I. Философия.

II. История.

III. Политические науки.

IV. География и статистика.

I, *Философия* должна быть поставлена во главе как такая наука, которая сообщает всем прочим свои начала (principes). Она, так сказать, воплощается во все отрасли человеческого ведения, составляет - ключ свода научного здания, владычествует над его частями. Философия определяет каждой науке *причину ее бытия* (la raison d'etre), определяет форму и оправдывает метод преподавания, поэтому всякая наука имеет свою философию. Высочайшие мировые идеи: о боге, мире, человеке, бессмертии души, свободе воли, происхождении зла и т. д.,— идеи, которые чрез божеское откровение приемлются верою,— философия стремится объяснить нашему разуму. Но в ведении (как доказал Кант) вообще наш разум для постижения причин сокровенных не может выйти из области сознания и явлений, а поэтому ведение сверхчувственного для него недоступно. Разуму не дано самому собою решить ни одного из важнейших вопросов нашего бытия, а поэтому в своих наведениях (induction) он по большей части ограничивается более или менее вероятными предположениями и гипотезами, которых несомненности доказать не может. От этого и произошло столько различных философских систем, не согласных ни в .главных положениях своих, ни в выводах. Несмотря на это, каждая из этих философских попыток, не в силах будучи обнять всеобщей абсолютной истины, содержит в себе одну которую-нибудь из ее сторон: от этого большая часть философских систем и представляются односторонними.

По различию философских систем сама наука состоит не из одних и тех же отраслей и составных частей и разделяется различным образом.

Библиотека "Руниверс"

По Христиану Вольфу, который первый из новейших философов представил философию в системе, эту науку составляют:

I. *Философия умозрительная,* в которую входят:

1. *Логика,* наука приуготовительная к философии, наука мышления: логика содержит в себе законы, которым наша мыслительная способность должна следовать, чтобы ее действия были правильны — разумны.

2. *Метафизика,* как познавание всего сверхчувственного, стремится чрез обретение его законов объяснить все существующее. Метафизику составляют: а) *онтология,* Ь) *космология,* с) *опытная психология* и d) *богословие метафизическое.*

а) *Онтология* занимается исследованием свойств, без которых *вещь* не была бы *вещью;* из понятий о вещах она выводит возможность бытия вещей, их действительность и необходимость, рассматривая существо вещей, причину, действие и воздействие, винословность и случайность, количество, качество, сходство и равенство вещей, пространство и время, вещи простые и сложные.

b) *Космология* всеобщая рассматривает мир в отношении вещественном и духовном.

с) *Психология* — наука о человеческой душе, представляет вообще постигаемые перемены и явления нашей духовной деятельности, исследывает существо души и ее отношение к вселенной — словом, рассматривает душу в ее обнаружениях (manifestations) и действиях.

d) *Богословие метафизическое* содержит в себе доказательство бытия божия, взятое из созерцания природы, которое дает доказательство винословное (Causalitats — Beweis — картезианский довод бытия божия): оно основано на том, что необходимо должна быть причина всякому действию, которое само опять становится причиною действия последующего. Восходя по лестнице действий- и причин, их породивших, необходимо дойдешь до первой причины всякого бытия, которая и есть бог. Вольфова метафизика — не наука реальная: основание ее есть чисто отвлеченное умозрение.

II. *Философия нравственная.*

а) *Этика рассуждает* об обязанностях человека к богу, к самому себе, к другим человекам и к природе.

b) *Естественное право* определяет права человека, как существа разумного, вне его политических и гражданских отношений,— и это на основании тех священных истин, которые начертаны в сердце его самим творцом.

Библиотека "Руниверс"

По Эм. Канту философия состоит из:

I. *Критики чистого ума,* в которой он обозначил пределы-пашей познавательной способности и доказал, что человек может познавать мир только относительно к себе и в силу законов собственного ума, которые и составляют необходимые условия его сознавания (cognition). Прилагая миру явлений формы и законы собственного духа, человек не иначе сознает все, что находится вне его, как субъективно, и-потому не может с несомненностью определить бытие вне его — бытие объективное, существенное?

Кант доказал этим несостоятельность Вольфовой метафизики и нравственной философии, но вместе с тем поставил психологию в основание философии.

П. *Критики практического ума,* имеющего собственные законы, кенигсбергский философ приводит человека если не к аподиктическому (очевидному) доказательству, то к несомненной вере в истину духовного и нравственного мира.

Гегель в «Энциклопедии философских наук» делит философию на три части:

I. *Логика* доказывает, что философия есть наука разума, который в элементе мышления сознает себя, потому что он имеет бытие в чистой идее. В силу этого чистая идея и есть чистое бытие. Гегелева логика есть существенно умозрительная философия.

II. От логики Гегель переходит к *философии природы,* которая разделяется на *механическую, физическую* и *органическую* и есть то, что собственно называется *космологией*.

III. *Философия же духа* рассматривает ум сперва объективно в антропологии, феноменологии и психологии, потом объективно — в теории права и, наконец, абсолютно— в теории искусства, в философии и в религии.

В область философии входят:

1. *Эстетика* — философия изящного, наука вкуса, оценивающая все роды изящных произведений и определяющая их достоинство.

2. *Философская грамматика,* определяющая общие законы человеческого слова.

3. *Филология* занимается .критическим изучением языков и литературы классической древности.

: .4. *Педагогика* — наука воспитания и образования юношества, рассуждает о различных методах преподавания наук.

Библиотека “Руниверс”

5. *История философских систем* изображает прагматически последственный ход развития философии в ее научных формах.

Разделяют философию также по троичности высочайших мировых идей: идее *истины,* идее *добра* и по идее *изящного* на: 1) *философию умозрительную,* 2) *философию нравственную* и 3) *эстетику.*

II. *История* — повествование о судьбах рода человеческого в разные эпохи его бытия и прагматическое исследование причин событий и их последствий. История всемирная, частная государств и народов — монографии наук, художеств, литературы, народных сословий, общежительности и т. д., биографии или жизнеописания политических действователей — все это входит в область истории.

Вспомогательные науки истории:

1. *Хронология* определяет летоисчисление. Это перечень по годам эпох и событий в порядке последственном.

2. *Историческая критика* обсуживает письменные исторические памятники: летописи, хартии, грамоты, определяет их достоверность или признает сомнительным и из самых противоречий извлекает если не всю истину, то вероятность событий.

3. *Археология,* наука древностей, описывает общественный и семейный быт народов древних — их образ жизни, обычаи, религиозные обряды, одежды, памятники искусств и т. д. В археологию входят:

a) *мифология, баснословие,*

b) *нумизматика* – изучение древних монет, медалей и т. п.

III. *Политические науки.*

1. *Правоведение* отечественное, или познание государственных законов и их образ действия: гражданское право, уголовное право и судопроизводство.

2. Правоведение древних и новейших народов (римское право).

3. Народное право (Ius Gentium) определяет взаимные права и обязанности государств между собою и предписывает всем уважать взаимно политическую самобытность и независимость каждого государства в отношении образа правления, внутреннего устройства, торговли, неприкосновенности владения. Так как это правило нарушается войною, то народное право указывает на средства предупреждать войну благовременными со-

Библиотека "Руниверс"

юзами и договорами и умерять ее жестокость правилами человеколюбия, признаваемыми всеми просвещенными народами. Вернейшим обеспечением общего спокойствия и безопасности народное право почитает политическое равновесие государств европейских, к утверждению которого должны стремиться все усилия дипломатии.

4. *Политическая экономия* — наука о составлении, движении и распределении богатств: она рассуждает о возможно уравнительном пользовании богатством всеми членами общества и предлагает правила, которым следуя, государство может доставить возможно большему числу граждан возможно большее благосостояние. Сюда относятся: государственное хозяйство вообще — финансы, подати и налоги, общественный кредит и т. д.

5. *Военное искусство* сухопутное и морское: стратегия, тактика, артиллерия, фортификация, осада и оборона крепостей, мореплавание, искусство кораблестроения.

IV. *География.* Описание земного шара и стран его, как место жительства человека и поприще его деятельности.

a) *География математическая* рассматривает нашу землю как планету, объясняет ее положение в мировом пространстве, вид и движение.

b) *Физическая география* описывает землю как тело естественное по главным составным ее частям, т. е. описывает атмосферу и явления, в ней происходящие (метеорология), воду, сушу и естественные произведения, служащие на пользу человеку.

c) *Политическая география* описывает землю как жилище человеческого рода по разделению ее на государства и их подразделения.

Статистика есть систематическое развитие в подробностях тех данных, о которых упоминается в политической географии. Статистика представляет полную картину органической жизни государства в правительственном, законодательном, военном, промышленном, торговом, мануфактурном, земледельческом, ученом отношении и выводы свои основывает на числах.

III. *Порядок наук онтологических*

Сюда входят науки, имеющие предметом все, что находится вне человека, в видимом мире: I. Математика. II. Химия. III. Геология. IV. Естественная история. V. Медицина. VI. Наука сельского хозяйства. VII. Технология. [...]

Библиотека "Руниверс"

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Обозрение» дошло в двух редакциях; первая датируется 1849 г. При жизни М. А. Фонвизина не публиковалось. Публикуется по кн.: *Фонвизин М. А.* Сочинения и письма. Т. 2. С. 199—209.

[2] В первой редакции после слова «противоположность» следует подстрочное примечание рукою М. А. Фонвизина: «Противоположность между разумом и глубоким внутренним чувством, которое одно имеет восприимчивость к истинам духовного мира».

[3] Фонвизин имеет в виду книгу В. Г. Теннемана «Очерк истории философии» (Лейпциг, 1825).

[4] Автор приводит в сокращении цитату из «Очерка» Теннемана (С. 54).

[5] Цитата из книги Г. Э. Шульце «Критика теоретической философии» (Гамбург, 1801. Т. 1. С. 297).

[6] Текст при жизни М. А. Фонвизина не публиковался. Публикуется в сокращении по кн.: *Фонвизин М. А.* Сочинения и письма. Т. 2. С. 266—267, 268—273.

[7] Анализ классификационных схем от Ф. Бэкона до немецких философов дан в кн.: *Кедров Б. М.* Классификация наук. М.: Наука, 1961. Т. 1.

Библиотека "Руниверс"

КРЮКОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Н. А. Крюков родился в 1800 г. в семье нижегородского губернатора. Учился в пансионе при Московском университете (до 1813 г.), а затем в Нижегородской гимназии. В 1817 г. он поступил в Московское училище колонновожатых, начальником которого был отец декабристов— Н. Н. Муравьев. По окончании училища Н. А. Крюкова в чине прапорщика направляют в штаб 2-й армии в Тульчин. Здесь он знакомится и сближается с П. И. Пестелем. В 1820 г. Н. А. Крюков вместе с братом А. А. Крюковым становятся членами Тульчинской управы «Союза благоденствия».

Вместе с П. И. Пестелем он много работает над вопросами будущего социального устройства России, над экономическими, политическими, философскими проблемами, что нашло отражение в сохранившейся записной книжке Н. А. Крюкова.

Незадолго до ареста Пестель поручил ему спрятать главный политический документ декабристов — «Русскую правду», чтобы она не попала в руки жандармов.

По приговору Верховного уголовного суда Н. А. Крюкова осудили по второму разряду, приговорив к 20 годам каторжных работ с последующим поселением в Сибири. Позже срок каторги был сокращен до 10 лет. После их отбытия Н. А. Крюков поселился вначале в селе Анашино Енисейской губернии, а затем в Минусинске. Там он и скончался от воспаления мозга в 1854 г.

Сохранившиеся конспекты и наброски работ Н. А. Крюкова характеризуют его как мыслителя материалистической ориентации.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Крюков Н. А.*- Из показаний; Философские записки; Из «Записной книжки»//Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 2. С. 399—431.

Библиотека "Руниверс"

2. Дело Н. А. Крюкова//Восстание декабристов: Материалы. М., 1954. Т. 11. С. 347—377.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тарасова В.* К вопросу о социально-политических взглядах Н. А. Крюкова//Тр. Марийского пед. ин-та. 1950. Т. 8. С. 64—90.
2. *Сухов А. Д.* Декабристы: Н. А. Крюков // Сухов А. Д. Атеизм передовых русских мыслителей. М., 1980. С. 57—58.

Библиотека "Руниверс"

ФИЛОСОФСКИЕ ЗАПИСКИ'

[...] Многие не хотят читать глубокомысленные философические сочинения и стараться узнавать все подробности, на которых основаны их умоздання (systemes), ибо, говорят они, нет ни одного любомудреца, который бы в чем-нибудь не ошибался, а так как соглашаться на таковые их мнения значит заблуждаться, то не для чего и знать их. Конечно, разум человеческий имеет свои пределы, но тот, который рассуждает подобным образом, не рассмотрев основательно мнения хотя одного правдоведа (philosophe), тот кажется, может, однакож, согласиться, что человек, много размышлявший, приведший в порядок свои мысли и, наконец, составивший цепь понятий, одно на другом основанных, конечно, умнее его и скорее и правильнее может обсмотреть со всех сторон всякую представившуюся ему мысль, нежели он; следовательно, такой человек судит правильно, а потому самому он не имеет права опровергать его, ибо, не осмотрев вещи со всех тех точек, с коих осмотрел ее сен философ, он не имеет достаточно доказательств, дабы опровергнуть все его доказательства.

По моему мнению, лучше иметь какую-нибудь систему (своих мыслей), нежели никакой. Итак, я всегда предпочту, исследовав сколько можно несколько разных систем, лучше выбрать из них одну и ей следовать в моих суждениях, нежели не иметь никакой. Даже если бы не имел времени узнать более одной, и тогда бы согласился лучше оной, нежели никакой не держаться, ибо в таком случае я не имел бы твердого основания, к коему мог бы относить все мои размышления.

Без сомнения, те, кои так рассуждают, не хотят прилежно заняться или не имеют времени. Самолюбие человеческое мешает им видеть настоящую причину такового- суждения. Стараясь оправдать себя, они порочат любомудрие (philosophie); те, кои не в состоянии судить сами по себе, следуют их мнению, и просвещение, стру-

Библиотека "Руниверс"

дом преодолевая сии препятствия, подвигается медленными шагами. Яркое сие светило, только что начавшее озарять горизонт благополучия несчастных народов, затемняется еще облаками, бледнеющими с восходом благодетельного светила. Я хочу говорить здесь о всех сих людях, которые препятствуют к распространению просвещения. Может быть, лицемеры, невежды и все находящие собственную пользу в удержании просвещения, сии тираны человеческого рода еще довольно сильны, чтобы составить грозную тучу, могущую помрачить столь (сладостное) приятное утро; может быть, они довольно еще многочисленны, чтобы соделать ее густою; и если соберется гроза сия, тогда возблещет молния, ужасный грянет гром, раздастся звук оружия, кровь польется реками; но, наконец, умолкнет гром, затихнут ветры, настанет тихая погода, и тогда засияет солнце во всем своем блеске, тогда появится благополучие народов, и человеческий род предстанет во всем своем блеске.

Возможно ли соорудить здание, не имея материалов? Так точно невозможно было до сих пор составить правления, ибо наука общественная не доведена еще была до той степени, до которой теперь достигла. Все правления, до сих пор существовавшие, нехороши потому, что в состав материалов входили такие, которые вместо того, чтобы поддерживать здание, разрушали его.— Соорудим на прочном основании сие великолепное здание, и тогда мы можем быть уверены в его прочности.

Цель жизни истинного философа состоит в том, чтоб быть полезну человечеству, посему главными занятиями его должны быть два предмета: воспитание и наука общественная. Я говорю: *главными занятиями,* потому что, хотя и прочие науки соответствуют той же цели, однакож они скорее могут быть рассматриваемы как средства...

В теперешних обстоятельствах отечество наше имеет нужду в людях деятельных и просвещенных в науке правления, следовательно, надо стараться о утверждении мнения, для сего благоприятного, а стараться уничтожать всеми средствами дух блистательных и шумных обществ, одним словом,— дух общественный, ибо сии общества слишком рассеевают разум и отстраняют от занятий (глубокомысленных).

Не устроившись хорошенько на земле, т. е. не обеспечив свое существование на всю жизнь, невыгодно и не должно парить под облака.

Библиотека "Руниверс"

Если смех происходит всегда от злости, то какой человек может утверждать, что он совершенно добродетелен?

Все способности душевные заключаются в способности чувствовать.

Душа сама по себе в нас не действует, но действует лишь посредством чувств, и мы действии, собственно душе принадлежащих, не знаем и знать не можем.

ИЗ «ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ»[2]

Заблуждения человеческого рода всеобщи оттого, что опыт долженствовал предшествовать разуму; сии заблуждения сделались священными оттого, что никогда не были рассматриваемы; они казались почтенными потому, что долгое время существовали.

Не от права обязанность, но от обязанности право проистекает: напр., от обязанности, каковую имеет государь,— стараться о благополучии народном,— рождается право, позволяющее ему наказывать за преступления.

Правители в большей части государств принимают на себя звание толкователей законов; но законы должны быть ясны. Правитель постановлен на то, чтобы оные применять; они порочны, если не внятны для тех, кто должен оным повиноваться. Судья, который имеет право толковать закон, не замедлит заставить его говорить сообразно с собственным своим видом.

Всякий в сем мире защищает заблуждение или предрассудок, которые для него благоприятны, так точно как всякий развращенный человек защищает порок, который ему нравится. Однакоже выгода общества есть всеобщий закон, который отвергает всякий предрассудок и всякий порок, сколь бы ни выгодны или приятны могли они быть для нескольких нераздельных. Надобно соображаться со всеобщею выгодою, а по сей выгоде окажется, что нет предрассудка, нет порока, которые не вредили бы обществу, коего выгода должна быть верховным законом.

Библиотека "Руниверс"

Всякий человек, который пишет, может надеяться вразумить только тех, кто способен их понимать. Таким образом, полезнейшие творения не служат обыкновенно ни для вельмож, ни для простого народа; одни и другие совсем не читают; притом же вельможи полагают свою выгоду в продолжении злоупотреблений, а простой народ не рассуждает. Итак, каждый писатель должен иметь в виду среднюю часть народа, которая читает, которая находит выгоду в благоустройстве и которая есть, так сказать, средняя пропорциональная между большими и малыми. Люди, которые читают и мыслят в каком-либо пароде, не суть самые опасные. Мятежи производятся фанатиками, честолюбивыми вельможами, священниками, солдатами и бессмысленною чернию, которые не читают и не рассуждают.

Если философия есть изыскание истины, то благонамеренность и чистосердечие в отношении к другим должны быть первыми качествами философа. Великие дарования, искусство размышлять не бывают исключительным уделом душ спокойных, честных, добродетельных: человек, который мыслит, не всегда бывает мудрецом; он может быть темперамента порочного, возмущаемого желчию, покоренный беспокойным страстям; он может быть завистлив, надменен, вспыльчив, скрытен, озлоблен противу других и недоволен самим собою; но тогда он совсем неспособен делать верные опыты; его рассуждения будут сомнительны, он не может видеть себя таковым, каков он есть, или если против воли усматривает он расстройство своего сердца, то он мучится, чтобы оное сокрыть, чтобы оправдать себя в собственных глазах и чтобы обмануть других: его философия или лучше • сказать безобразные системы его мозга будут обнаруживать его смятения; не будет видно связи в его началах, все в оных будет софизмом и противоречием; злонамеренность, надменность, зависть, странность, человеконенавидение повсюду будут обнаруживаться; и ежели чернь, ослепленная его дарованиями и новостью его начал, будет его почитать за глубокого и превосходного философа, то глаза прозорливейшие не найдут в них ничего кроме желчи, недовольного тщеславия, а часто — скаредность, прикрытую личиною добродетели.

Любовь к человеческому роду, энтузиазм к благу общему, чувствительность, человеколюбие, желание слу-

Библиотека "Руниверс"

жить своему [на] роду, снискивать его почтение, его нежность, признательность,— вот законные побуждения, которые должны одушевлять честного человека.

История людей есть пространное море, наполненное заблуждениями, между которыми кой-где, и очень редко, плавает малое число мало известных истин.

Законодатель не позволит полезной несправедливости, если желает заградить вход никогда не дремлющему тиранству, которое под видом минутного блага установляет прочные правила разрушения и заставляет народ жить в слезах, чтобы соделать благополучие малого числа знатных.

Одна свобода и одно равенство, которых только можно требовать людям благоразумным в нынешнем положении вещей.

Жестокая и суровая неволя есть наказание, которое гораздо лучше смертной казни единственно потому,что пример оной сильнее; только надобно заметить, что неволя сия сделается ужасным наказанием только в такой земле, где состояние народа будет спокойно и приятно. Ибо, если бы состояние невинных было столь же тягостно, как и преступников, то, мучение последних было бы [менее] наказанием, и несчастные, столь же сожаления достойные, не страшились бы более оного.

Политика (истинная и прочная) есть искусство направлять к одному предмету естественные и неизменяемые чувствия человека. *

Соединение нравственности с политикою есть необходимое основание блаженства народного.

Много есть таких истин, которые хотя и ясны для ума •посредственнейшего и невнимательнейшего, но странным сопряжением обстоятельств известны только малому числу людей мыслящих во всяком веке и народе.

Мнения, распространенные деспотизмом, и страсти, вооруженные властию, суровым действием своим на робкую легковерность или нечувствительными впечатлениями заглушили простые понятия, к которым люди привлечены были возникающею философиею обществ. К счастию, просвещение нашего века приводит нас опять к сим началам; строгое изыскание и доказательства, основанные на множестве опытов, показывают нам их с большею верностию, а сопротивление принять оные привязывает нас к ним с большею твердостию.

Мнение, что всякий гражданин может делать все то, что непротивно закону, не боясь ничего, кроме вреда, не-

Библиотека "Руниверс"

обходимо следующего из его деяния, есть политический догмат, которому должны бы верить все народы, проповедывать все суды и отдать под строгое хранение законов; догмат священный, без которого не может быть законного общества; право гражданина, как справедливая награда за пожертвование им некоторой части сего общего действия па всю природу, принадлежащего всякой твари, одаренной чувствами, и не имеющего иных границ, кроме своей силы. Мнение это образует души свободные, мужественные, умы высокие и просвещенные; оно одно вдыхает в человека сию добродетель, торжествующую над всяким страхом и презирающую слабую осторожность тех, которые могут сносить жизнь ненадежную и неизвестную.

Се несчастная участь ума человеческого, коему истины, от него удаленнейшие, перемены небесных тел, гораздо известнее тех, которые всего нужнее для его блаженства, и коему полезнейшие понятия нравственности чужды, основаны невежеством и отданы на произвол всем бурям страстей. Но удивление сие исчезает, если рассудить, что, так как не можем мы отличать подробно все части предметов, слишком близких от наших глаз, так точно в нравственных понятиях, от нас близких, легко смешиваем простые идеи, их составляющие, и не можем следовать за чертою, которою сии кончатся, и положение должно определить, если хочешь распознать явления человеческой чувствительности. Но этого еще мало: рассудительный созерцатель природы перестает на нас жаловаться, догадываясь, что люди для своего счастия и спокойствия не имеют, может быть, нужды в таком множестве связей к морали.

К несчастию, законы легкие, простые и великие, ожидающие только знака от законодателя, для излияния на люде» богатства, силы и счастия, и которые государю доставили бы вечную благодарность от всех грядущих веков, остаются неизвестными или их не принимают. Беспокойный и мелочный ум, робкая минутная мудрость, недоверчивость и отвращение ко всем полезнейшим новостям совершенно занимают тех, которые могли бы направлять и соединять умы людей.

Скрытое тиранство убивало более граждан, которые неизвестны были о своем жребии, нежели явный тиран, жестокости которого возмущали умы, не уничтожая оных. Настоящий тиран начинает всегда царствование свое владычеством над мнением, дабы унизить мужест-

Библиотека "Руниверс"

во, которого он всего более страшится и которое действует только при светильнике истины или в жару страстей или незнании опасности.

Таково есть существо ума человеческого, что затруднения, которые можно преодолеть и которые не слишком велики для деятельности каждого, украшают предмет и принуждают воображение преследовать оный гораздо живее. Они составляют, так сказать, столько же оград, препятствующих воображению удаляться и принуждающих его осматривать все соотношения; следственно в этом волнении душа привязывается к приятным сторонам предмета, к которым она натурально влечется, нежели к неприятным, от которых удаляется как можно более.

До тех пор нельзя назвать наказание преступления справедливым, или что то же, необходимым, покуда к 'предупреждению .оного законы не употребят всех лучших возможных средств, в заданных обстоятельствах, в которых находится какой-нибудь народ.

Чем слабее чувства, соединяющие нас с политическим телом, тем более усиливаются те, которые привязывают нас к предметам гораздо от нас ближайшим. •Под давлением деспотизма дружество бывает тверже, и семейственные добродетели (всегда посредственные) делаются обыкновеннее или лучше, остаются только одни. После всего этого можно рассудить, как ограничен и короток был взор большой части законодателей.

Какое же должно положить наказание благородным людям, которых преимущества составляют большую часть законов народных? Я не буду здесь рассматривать, полезно ли для правления или нужно в монархии сие наследственное различие между дворянства и народа; справедливо ли то что будто дворянство есть посредняя власть, удерживающая в настоящих границах народ и государя; не составляет ли оно более общества, зависящего от самого себя и от других, не имеет ли вреда собирать в тесное пространство почти все обращение трудолюбия, надежды и счастия, подобно сим малым, .плодоносным и приятным островам, встречающимся среди песчаных степей Аравии; если справедливо, что неравенство необходимо или даже полезно в обществе, то не естественно ли, чтобы оно было между людьми, а не между частными обществами, чтобы обращалось в разных частях политического тела, а не оставалось в одном месте, чтобы рождалось и исчезало поминутно,

Библиотека "Руниверс"

а не продолжалось вечно? Как бы то ни было, я говорю, что наказания людей знатных должны быть одинаковы с последними гражданами, всякое различие в почестях и богатств, чтобы быть справедливым, предполагает предшествующее равенство между гражданами, и основанием оному служат законы, которые считают, что все члены общества равно от них зависят. Можно предположить, что люди, отрицаясь от природного своего деспотизма, сказали друг другу: *Трудолюбивейший или счастливейший получит величайшие почести, и слава его прейдет к его потомкам, но да боится он, не менее других, нарушать условия, в силу которых возвысился он над своими согражданами.* Правда, при составлении сего определения не было общего собрания всего человеческого рода, но оно существует в неподвижных соотношениях вещей. Оно не разрушает пользы, которую думают получить от учреждений дворянства, а препятствует вреду, могущему произойти от оного. Оно делает почетными законы, отъемля всю надежду к ненаказанное™.

О ЧЕСТИ

Понятие о чести есть идея, состоящая из идей также составленных, а не простых. Смотря по разным видам, под которыми понятие о чести представляется уму, иногда заключает оно в себе, а иногда исключает некоторые из начал, ее составляющих, оставляя в сих разных положениях только малое число общих начал так, как многие алгебраические количности принимают одного общего делителя. Чтобы отыскать сего общего делителя разных понятий, составляемых людьми о чести, взглянем немного на составление обществ.

Первые законы, первые судопроизводства составились от необходимости предупредить беспорядки, которые произошли бы от физического деспотизма каждого частного человека. Вот предмет установления обществ, и все законоположения всех народов, даже те, которые можно почесть за пагубные, стремятся или думают стремиться к сему предмету. Но сближение людей и успехи их познания скоро возродили множество нужд и взаимных действий между членами общества. Нужды сии не все предусмотрены были законом, а действительная

Библиотека "Руниверс"

власть каждого гражданина недостаточно была удовлетворить оным.

Тут начала установляться власть мнения, бывшая единственным способом получить от других людей добро, которого закон не мог доставить, и отклонить от себя зло, от которого он не мог защитить. Мнение терзает мудрого наравне с невеждою; оно иногда отдает тени добродетели почтение, в котором отказывает самой добродетели. Мнение делает проповедником бездельника, находящего пользу в своем лицемерстве.

Под владычеством мнения почтение от людей сделалось не только[1] полезным, но и нужным для каждого гражданина, чтобы быть наравне со всеми. Честолюбивый его похитил, как средство полезное для своих намерений, тщеславный выпросил его из милости, как свидетельство о своем достоинстве; честный человек его вытребовал, как вещь нужную. Честь есть свойство, которое многие люди прилагают к своей жизни. Родясь после составления обществ, мнение сие не могло войти в общий залог, а напротив того — чувство, нас к оному привязующее, есть минутное возвращение в природное состояние, выводящее на самое короткое время из-под власти законов, которые в некоторых случаях недовольно защищают гражданина.

Из сего следует, что в чрезвычайной политической свободе и в чрезвычайной неволе понятие о чести исчезает из общества или соединяется с другими понятиями. В первом случае власть законов делает бесполезным для гражданина старание приобретать почтение других, а во втором — деспотизм, сокрушая гражданское существование, оставляет всякому человеку одну только ненадежную и кратковременную личность. Итак, честь есть одно из положительных правил тех монархий, которые ничто иное суть, как ограниченный деспотизм, где и производит те же действия, что революция в деспотических государствах, то есть, на одну минуту приводит подданного в состояние природы, а государю напоминает о древнем равенстве...

Науки должны быть разделены не по предметам, коим они занимаются, а по орудиям человеческим, посредством коих он познает оные... Науки по предмету своему разделяются на три рода: на физические, мечтальные, или *философские,* и на политические, или *общественные.*

Всякий гражданин имеет право объявить правитель-

Библиотека "Руниверс"

ству, что такой-то гражданин нарушает закон, обладая свыше позволенного имением под чужим именем или каким бы то ни было другим образом. Кто достигает до количества положенного законами имения и захочет иметь больше, того отрешить от должностей... Собрать сведения о доходах каждого помещика, о количестве и качестве земли, наложить подати сообразно по количеству и качеству земли.

ПРИМЕЧАНИЯ -

[1] Эти черновые записки (их общий объем — 296 рукописных листов) были зашиты в один мешок с «Русской Правдой» Пестеля и зарыты в землю. Благодаря этому они и сохранились. Впервые в отрывках опубликованы в кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 2. С. 421—423. Публикуется в отрывках по этому изданию.

[2] Долгое время считалось, что «Записная книжка П. Ив. Пестеля», сохранившаяся в «Деле» Н. А. Крюкова, принадлежит Пестелю. Однако в 1925 г. было установлено, что записи в ней делал Н. А. Крюков. Часть записей впервые опубликована в кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 2. С. 424—431. Они полностью воспроизводятся по этому изданию.

Библиотека "Руниверс"

БОРИСОВ ПЕТР ИВАНОВИЧ

П. И. Борисов родился в 1800 г. в семье преподавателя Черноморского штурманского училища. Получив домашнее воспитание, в 16 лет поступает юнкером в артиллерийскую бригаду, с которой участвует в сражениях на Кавказе в составе корпуса Ермолова.

В 1818 г., когда его полк стоял в селе Решетилове Полтавской губернии, П. Борисов вместе с братом — юнкером А. Борисовым — организует тайное «Общество друзей согласия», а позже «Общество друзей' природы». Он много читает, особенно французских материалистов XVIII в., переводит Монтескье, Вольтера, Гельвеция. Как сам Борисов показывал на следствии, в то время он «совершенно предался «изучению» натуральной истории, философии, морали».

В 1820 г. П. Борисову присвоили воинское звание поручика. В 1823 г. во время службы в Новгород-Волынске он создает Общество соединенных славян, для которых пишет «Правила соединенных славян» и «Присягу соединенных славян». Все члены общества были последовательными противниками крепостного рабства крестьян. Основной задачей они признавали создание федерации славянских общин.

Когда членам общества стало известно о существовании Южного общества декабристов, они в сентябре 1825 г. объединились с ними.

Узнав о восстании Черниговского полка, П. Борисов разработал план присоединения к нему, привлечения к восстанию поляков. Но плану не суждено было осуществиться.

По приговору Верховного уголовного суда П. Борисов был осужден по первому разряду и приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. Во время каторжных работ в Петровском заводе он был членом декабристской «Большой артели».

Выйдя на поселение, П. Борисов продолжал естест-

Библиотека "Руниверс"

веннонаучные наблюдения, собирал гербарий, много читал и писал. Академик М. В. Нечкина считает, что не И. И. Горбачевский, а П. И. Борисов — автор анонимных «Записок» об Обществе соединенных славян.

Скончался П. И. Борисов в Сибири в 1854 г.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Борисов П. И.* Из показаний; Правила Соединенных славян; О возникновении планет; Присяга Соединенных славян // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 3. С. 61—82.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чулков Г.* Братья Борисовы. М.: Огонек, 1929. 40 с.

2. *Бахаев В. Б.* Декабристы братья Борисовы на поселении в Бурятии (1839—1841)//Тр. Ин-та обществ, наук Бурят, филиала СО АН СССР. 1973. Вып. 20. С. 163—173.

3. *Сухов А. Д.* Декабристы: П. И. Борисов // Сухов А. Д. Атеизм передовых русских мыслителей. М., 1980. С. 58—60.

4. *Нечкина М. В.* Три письма декабриста Петра Борисова // Нечкина М. В. О нас в истории страницы напишут. Иркутск, 1982. С. 64—74.

8 Заказ 263

Библиотека "Руниверс"

О ВОЗНИКНОВЕНИИ ПЛАНЕТ[1]

[...] Из всех предположений о происхождении земного шара и других подобных тел самое вероятнейшее есть предположение, что вначале первоначальные атомы, составляющие нашу планету, были рассеяны в неизмеримых пространствах, что вследствие непреложного закона природы они совершали поступательные и вращательные движения, что приблизясь один к другому на такое расстояние, на котором обнаруживается влияние притягательной силы, они слеплялись вместе и составляли известные сочетания; это продолжалось до тех пор, пока однородные и разнородные атомы, имеющие между собою сродство, вошли в новые сочетания и образовали различные тела, которые также двигались и обращались вокруг самих себя и, наконец, встретившись вместе, по силе притяжения составили какую-нибудь планету. Должно думать, что эти тела имели фигуру сфероидов, ибо, не принимая даже, что во время своего образования все тела были в жидком состоянии, мы необходимо должны принять, что сфероидная форма есть форма первоначальная; мы встречаем ее в первоначальных атомах, составляющих кристаллы и все тела, доселе разложенные химиею; они же поражают наши взоры и в беспредельном пространстве эфира, где около огромного огненного шара кружатся с быстротою бурного ветра планеты-сфероиды, более или менее сжатые. Таким образом, система г-на Д. кажется нам весьма удовлетворительной, она соглашает науки математические с естественными.

Некоторые ученые не без основания полагают, что комета Энке[2], которой орбита видимо уменьшается, со временем упадет к солнцу и составит с ним одно тело. Правда, некоторые наблюдения дают право думать, что почти все вообще кометы не имеют плотности, потому что при прохождении своем в весьма близком расстоянии от планет и спутников их они не производят ощути-

Библиотека "Руниверс"

тельных возмущений в орбитах этих небесных тел; однакоже нельзя отрицать, что и кометы состоят из частей матерьяльных и движение их претерпевает значительные возмущения от тяготения планет, подле которых они проходят; точно так же мнение о мировом происхождении аэролитов, принятое многими учеными мужами нашего века, мнение, которое каждый день становится вероятнейшим, подтверждает некоторым образом вышеизложенную гипотезу.

Кажется, что *Палласово железо*[3] свидетельствует нам, что образование новых тел из рассеянных в пространстве эфира первоначальных частиц еще продолжается и, вероятно, будет продолжаться вечно, даже, может быть, наше солнце с окружающими его планетами со временем соединится с какою-нибудь звездою Геркулесова созвездия, к которому оно несется, составит новый мир и даст бытие новым существам. Сомнительно, но не невероятно, что наша земля п другие планеты произошли от соединения небесных тел уже населенных разного рода животными и растениями, которые погибли при сем соединении.

Принимая в соображение прогрессивное увеличивание планетных орбит по мере удаления их от солнца, остроумный Галилей предсказал, что между Марсом и Юпитером должна непременно находиться еще планета. По прошествии почти двух веков Ольберс, Пиадун (?) и Гардинг (?) открыли четыре телескопические планеты, которые многие астрономы почитают обломками некогда существовавшей в сем месте большой планеты. Известно, что это мнение основывается на угловатой фигуре планет, на слишком большом угле наклонения их чэрбит к эклиптике и на разнощентрости и перепутанно•сти их путей; но нельзя ли с таковой же вероятностью 'предположить, что эти четыре планеты суть приготовительные части новой будущей, которая должна занять место Весты и таким образом пополнить промежуток правильной прогрессии в расстоянии планет от солнца. Надобно знать, что предположение угловатой фигуры телескопических планет основано на быстром изменении их света, но такие изменения, может быть, происходят от не известных еще нам причин.

Во всех отраслях наших знаний мы находим первоначальные частицы шарообразными; возьмем химию: новейшие опыты и наблюдения заставляют предполагать 'Первоначальные атомы шаровидными. Микроскопические

Библиотека "Руниверс"

наблюдения показывают нам в физиологии и анатомии, что части крови и других влаг шарообразны, а физика парообразные и текучие жидкости принимает за тела, состоящие из маленьких шариков; в ботанике атомы плодотворной пыли и сперулы имеют сферическую фигуру; в геологии был пробел, который пополняет теория г-на Д.; теперь и череп земли состоит из сфероидов. Если бы тщательные наблюдения над понижением пластов и не доказывали с математической точностью такового состава земного черепа, то и тогда должно бы было принять это предположение, следуя одним только умственным выводам, потому что все тела от малейшего атома до солнца и до величайшей из неподвижных звезд представляют нам шарообразную фигуру, которой величина может возрастать в правильной, но бесконечной для нас прогрессии в беспредельном пространстве вселенной.

Впрочем, на каждую гипотезу можно иметь два воззрения. Можно говорить против нее, можно говорить и в ее пользу, но вообще все софисты, если они добросовестны, то, наверное, знания их поверхностны, ибо нельзя защищать гипотезу, когда мы знаем, что есть другие, вероятнейшие. Еще более нельзя отвергать ее, видя превосходство ее над другими.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Публикуемый отрывок — отклик П. И. Борисова на книгу А. А. Дейхмана «Мысли об основании землеописательнои науки» (СПб., 1829). Впервые опубликовано в кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т.. 3. С. 79—82. Печатается по этому изданию.

[2] Открыта в 1812 г.

[3] *Палласово железо* — известный метеорит, привезенный из Сибири естествоиспытателем П. С. Палласом.

Библиотека “Руниверс”

БАРЯТИНСКИЙ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

А. П. Барятинский родился в 1798 г. Происходил из старинного княжеского рода Рюриковичей. Воспитывался в иезуитском пансионе в Петербурге. После сдачи квалификационного экзамена в Петербургском педагогическом институте А. П. Барятинский служил переводчиком в Коллегии иностранных дел. С 1817 г. он на военной службе в гвардейском гусарском полку, затем с 1820 г. в чине штабс-ротмистра — в Тульчине вместе с Пестелем, который в 1821 г. принял его в Южное общество декабристов. Барятинский был республиканцем, видным деятелем декабристского движения, начальником Тульчинской управы. По поручению Пестеля он готовил террористическую группу заговорщиков-цареубийц, переводил на французский язык «Русскую правду» Пестеля.

Осужден А. П. Барятинский был по первому разряду: приговорен к каторге с последующей ссылкой. Каторгу отбывал после заключения в Кексгольмской крепости на Нерчинских рудниках, с 1830 г.— в Петровском заводе. С 1839 г. А. П. Барятинский жил в крайней бедности на поселении в Тобольске, где и скончался в больнице общественного призрения в 1844 г.

А. П. Барятинский был всесторонне образованным человеком, атеистом и материалистом, знал языки, увлекался математическими исследованиями, писал стихи. В 1824 г. в Москве он опубликовал небольшую книжку стихов на французском языке «Часы досуга в Тульчине». Работы, написанные на каторге и в ссылке, не сохранились. Среди них были вольнолюбивые стихи, философский трактат материалистического содержания, направленный против декабристов-идеалистов.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Барятинский А. П.* Пестелю; Ко дню именин; Стансы в темнице; Из показаний // Избранные социально-политические и фило-

Библиотека "Руниверс"

софские произведения декабристов. М., 1951. Т. 2. С. 435—447.
2. Дело А. П. Барятинского//Восстание декабристов: Материалы. Т. 10. М., 1953. С. 253—306.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Розанов И.* Декабристы-поэты: Атеист А. П. Барятинский// Красная новь. 1926. № 3. С. 250—256.
2. *Сухов А. Д.* Декабристы: А. П. Барятинский // Сухов А. Д. Атеизм передовых русских мыслителей. М, 1980. С. 55—57.

Библиотека "Руниверс"

О БОГЕ[1]

Восседающий на молниях этот бог, исполненный гнева,
Вдыхает испарения дымящейся повсюду крови...
— Да, у всех народов, в древнейшие времена
Лилась всегда кровь во имя твое, пугающее всех.
— Это ты создал это всеобщее стремление,—
Ты сам пил без конца кровь беспомощной жертвы.
Но мало этого. Чтобы насытить алчущего Титана,
Вооружилось, чем могло, всякое живое существо.
Это ты заострил огромный коготь льва
И вытянул клыки у черного вепря.
Видишь ужасную змею, свернувшуюся клубком?
Это ты напоил ядом ее жало!
Это ты зубами бешеного пса
Сеешь повсюду смерть, пылающую в крови.
(Часто мрачный дар твоей красоты
Превращается в палача из самого нежного друга).
Это ты для обмана беззащитной жертвы
Спрятал в вероломный бархат кошачий коготь.
Сколько страдания на земле, в волнах, в воздухе!
Акула пожирает сонмы морских живых существ,
Остроглазый ястреб кровавыми когтями
Разрывает в воздухе дрожащую голубку,
А голубка своим невинным клювом
Безотчетно давит стонущее насекомое,
А оно, силой того же стремления, своим крохотным жалом
Уничтожает живой атом, незаметный взору.
Отвратительный паук в серой бархатистой шерсти
Соизмеряет свою ловкость со своею прожорливостью
...Прозрачная паутина, сотканная им,
Обманывает беспечный полет насекомого —
Чудовище, прыгнув на него, сжимает его в своих объятиях
И, не внемля его стонам, упивается его медленной смертью,

Библиотека "Руниверс"

Острыми зубами грызет его, и медленный яд
По капле выпускает и кровь его и жизнь.
Пусть мудрец видит божество в этом переплетеньи —
Но сердце мое отвергает его за такую жестокость.
Воистину,— какая слава для небесного владыки,
Что живое существо может жить лишь за счет другого!
И вот,— когда солнце, поднявшись на небо,
Заливает вселенную океаном огня,
Когда гром, раскатываясь в мрачных высотах,
Бросается из тучи на колеблющиеся горы,
Когда сверкающий поток молний освещает все небо,—
Тайный ужас заставляет признавать твое имя.
И когда темная ночь расстилает свой покров,
Я читаю твое величие на челе звезд,—
Но крик птицы, умирающей в острых когтях,
Внезапно отталкивает от тебя мое упавшее сердце.
Жестокий инстинкт кошки, несмотря на всю огромность
твоего творения,
Отрицая благость твою, отрицает твое существование.
— «Остановись, дерзкий вопрошающий», скажут мне:
«Ты хочешь своим законам подчинить собственного
твоего творца!
Если он заботливо хранит весь этот огромный мир,
То что значит убыль нескольких живых созданий?..
Давая всему бесконечную жизнь, его щедрая рука,
Ничего не уничтожая, могла бы уничтожить все,
Чтобы сохранить жизнь всей природе!
Излишек жизни берет он от бытия,—
Увы, если смерть — удел всякого существа,
Не все ли равно, от кого она приходит!
В лоне смерти бесконечно рождается жизнь»...
Но... которое имя его внушает вселенной,
То, что имя его обожествлено, что выполняются его
предначертания,
Это — естественные плоды воспитания.
Ах, я видел не одного отрекавшегося мудреца,
Чувствовавшего весь ужас этих басен,
'[Напрягая] тончайшие фибры мозга,
С помощью разума, с помощью силы
Тщетно добивается он уничтожения заблуждения,
Но след остается! И в возрасте немощей и страдания —
Это один из предрассудков, баюкавших его детство.
Увы, кто из нас, клеймя эти заблуждения,
Не любил, не лелеял эти тщетные ужасы?
Сколько раз..., утомившись игрою,

Библиотека "Руниверс"

Соединенные дружбой и [невинностью?..]
Мы . . . . ужасы
Мы . . . . наши юные сердца
Около . . . . умирающего . . старая
Магическим покрывалом удлиняя наше бдение,
Это святой, преследуемый окровавленным призраком
Ужас . . . . наш
Или все угасает . . . .
Не будучи в силах остановить его расточительство,
Его жестокость . . должна ограничивать его
благость.
Столь щедрый бог, пред которым преклоняется разум,
Расточает жизнь, чтобы ее разрушить.
Но может ли он лишить нас этих роковых благ
остановить стремление вперед во всяком
существе?
И, отнимая от нас оружие бешенства и злобы,
Остановить в . . . . кипучее волнение жизни?
Если он не может этого, ты должен, считая его благим,
Уменьшить его предвидение и связать его волю.
Ведя сонмы солнц и мельчайших звезд,
Блещущих планет и незаметных [тел]
Он кажется тебе слишком большим и могущественным,
Чтобы услышать стон страдающего насекомого.
. . . Твой разум, закутывая его непроницаемым
покровом,
Измеряет его величие . . . высотою звезд . . .
Остановись, если он существует, и уважай его имя.
— Нужен же был какой-то бог и для сотворения
мошки! —
И, если этот бог ее сотворил, бесконечное могущество
Должно же напоить инстинктами ее хрупкое
существование!
Атом, как и земной шар, свидетельствует о его
величии,
И размеры . . . . не нужны его величию.
Но, допуская бога
О, разобьем . . . .
Пусть страх сжимает наше сердце более . .
Вот это и есть колыбель заблуждений мира .
О, разобьем алтарь, которого он не заслужил.
Или он благ, но не всемогущ, или всемогущ, но не благ.
Вникните в природу, вопросите историю,
Вы поймете тогда, наконец, что для собственной
славы бога,

Библиотека "Руниверс"

При виде зла, покрывающего весь мир,
Если бы даже бог существовал,— нужно было бы
его отвергнуть[2].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Написано по-французски. Впервые опубликовано в стихотворных отрывках в кн.: Поэзия декабристов. Л.: Сов. писатель, 1950. Подстрочный перевод М. В. Нечкнной опубликован в кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 2. С. 437—440. Публикуется по этому изданию. Текст оригинала представлен черновиком с неразобранными словами. При публикации они заменены многоточием.

[2] Знаменитый афоризм Вольтера: «Если бы даже бога не было, его следовало бы выдумать» Барятинский заменяет на противоположный.

Библиотека "Руниверс"

БЕСТУЖЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

А. А. Бестужев (литературный псевдоним Марлинский) родился в 1797 г. в семье известного просветителя А. Ф. Бестужева. Десяти лет его отдали в Горный институт. Не закончив его, Бестужев в 1816 г. поступает юнкером в лейб-гвардии драгунский полк.

А. А. Бестужев рано начал выступать в печати как переводчик, талантливый критик, поэт и прозаик; был активным членом Вольного общества любителей российской словесности, в которое вступил в 1820 г. В конце 1818 г. он подал в Петербургский цензурный комитет прошение о разрешении издавать журнал, но получил отказ. Позже, в 1823—1825 гг., совместно с К- Ф. Рылеевым он издавал декабристский альманах «Полярная звезда», где помещал обзоры исторического развития русской литературы. В них А. А. Бестужев высоко оценивает только те литературные произведения, которые пронизаны гражданскими мотивами, идеями народности и самобытности.

В конце 1822 г. он становится членом Северного общества декабристов, а с апреля 1825 г. входит в состав Коренной думы. А. А. Бестужев принимал активное участие в подготовке вооруженного восстания, совместно с Рылеевым написал несколько агитационных песен в «народном» духе. Он принял участие в восстании 14 декабря, вывел на Сенатскую площадь Московский полк.

Во время следствия Бестужев обращался к царю с записками, в которых анализировал причины зарождения тайных обществ и предлагал провести некоторые социальные реформы. Его приговорили к 15 годам каторги, но приговор не был приведен в исполнение. Бестужева заключили в крепость, затем отправили на поселение в Якутск, а в 1829 г.— рядовым в действующую армию на Кавказ. Там он много пишет. С 1832 г. анонимно, а позже под псевдонимом Марлинский выходят

Библиотека "Руниверс"

его романтические повести и рассказы, имевшие громадный успех.

В 1836 г. А. А. Бестужева произвели в прапорщики и наградили орденом за храбрость. В 1837 г. А. А. Бестужев погиб в бою за мыс Адлер. Тело его на поле боя не было найдено, что породило немало легенд о его дальнейшей судьбе.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Бестужев А. А.* Сочинения: В 2 т. М.: Гослитиздат, 1958.

2. *Бестужев А. А.* Статьи//Литературно-критические работы декабристов. М., 1978. С. 29—137.

3. *Бестужев А. А.* Статьи; Из писем//Их вечен с вольностью союз. М., 1983. С. 34—118.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Овсянникова С. А.* А. А. Бестужев-Марлинский и его роль в движении декабристов//Очерки по истории движения декабристов. М., 1954. С. 404—450.

2. *Шарупич А. П.* Декабрист А. Бестужев: Вопросы мировоззрения и творчества. Минск: Минвуз БССР, 1962. 92 с.

3. *Канунова Ф. З.* Эстетика русской романтической повести: (А. А. Бестужев-Марлинский и романтики-беллетристы 20—30-х гг. XIX в.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. 307 с.

4. *Каменский З. А.* Эстетические идеи декабризма//Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. М., 1974. Т. 2. С. 61—77.

Библиотека "Руниверс"

О РОМАНТИЗМЕ[1]

Человек живет чувствами, умом и волею. Слияние их есть мысль, ибо что такое чувство, как не осуществленная мысль? Что такое ум, как не опытность мысли? Что такое воля, как не мысль, преходящая в дело? Потому-то существо, одаренное мыслью, стремится чувствовать, познавать и действовать. Полагая чувства только орудиями, передающими разуму впечатление предметов, в пас и около нас находящихся, мы прямо обратимся к познанию. Человек не иначе может познавать свое бытие, как в сосуществовании внешних предметов, чувствам его подлежащих.

Прикасаясь, например, ко мне, он ощущает, что рука его не камень; глядя на солнце, он отличает, что то не глаз его, и, следовательно, убеждается в одно время не только в том, что он сам существует, но что и предметы существуют так же как он. Из этого видим, что *бытие* и познание равно как *вещепознание* и самопознание, неразлучны. Но, неразделимые по своей сущности, они могут быть двойственны по способам наблюдения, то есть человек может созерцать природу или из себя на внешние предметы, или обратно—-от внешних предметов на себя. В первом случае он более объемлет окрестную природу; во втором — более углубляется в свою собственную. Цель и свойство каждого наблюдения есть *истина;* но и к познанию истины есть два средства. Первое, весьма ограниченное,— *опыт,* другое, беспредельное, *воображение.* Опыт постигает вещи, каковы они суть или каким быть должны, соображение творит их в себе, каковы они *быть могут,* и потому условия первого необходимость, границы его *мир* — но условия второго *возможность,* и оно беспредельно, как сама вселенная. Так руководимый соотношениями и опытом, Архимед, купаясь, постиг тайну удельного веса твердых тел; так Невтон по сверканию воды предсказал ее горючесть, так Колумб, наблюдая течение моря, угадал бытие Нового Света.

Библиотека "Руниверс"

Все уступило предприимчивости естествоиспытателей. Земля, вода, огонь и ветер, пары и молния заплатили дань их воле, на все наложили они цепи общественных мыслей своих, то есть орудий, ими изобретенных. Но творческое воображение далеко опередило опыт, не имея никаких данных. Оно облекло речи одеждой письма, но вообразило математическую точку, постигло делимость бесконечно малых; извлекло общие законы даже из отвлеченностей изящного, убедилось в беспредельности миров за границею зрения и бессмертии духа, непостижимого чувствам. Одним словом, воображение, или, лучше сказать, мысль, от чувства независимая, *бесконечна,* ибо равно невозможно определить как далека она от *ничтожества* и от совершенства, к которому стремится.

До сих пор мы говорили только о самобытности мысли в человеке., До сих пор ее умозрения могли существовать, не проявляясь. Теперь обратимся к обнаруженной воле, то есть *действию,* душа которого есть *доброта,* ибо для чего иного, как не для достижения собственного или общего блага, покидает человек покой бездействия? Самое избежание вреда и удовольствие суть уже блага.

Правда, собственное невежество, предрассудки, воспитание и дурные примеры высших совращают не только людей, но целые народы с пути добродетели, не понимая того, что пороки, сколько бы они лестны ни были, разрушают здоровье и покой. Это личное благо каждого основано на непременном благе общем, что высочайшая политика есть правота, что возмездие за добро и зло и самое счастие находятся не вне, а внутри нас самих. Люди корыствуют, угнетают, мстят во имя бога, законов, которых не понимают они! Но даже и сии заблуждения доказывают враждебное стремление души человеческой к взаимному благу, то есть доброте. Итак, действие или проявление мыслей может выразиться в разных видах или формах. Все равно, будет ли оно облечено словами или музыкою, краскою, или движениями, или деяниями. Но все образы вещественные заключаются в известном пространстве. Все явления происходят в известном времени. Следовательно, они ограничены, они конечны. Всегда ли же беспредельная мысль может вместиться в известные пределы выражения? Конечно, нет. При этом представляются три случая: или выражение превзойдет мысль, и тогда следствием того будет смешная надутость, пышность оболочки, которая еще явнее выкажет нищету идеи, или мысль найдет равносильное себе выра-

Библиотека "Руниверс"

жение, и тогда чем совершеннее будет союз их, тем прекраснее, тем ощутительнее окажется достоинство обеих. *Простота и единство* суть отличительные качества подобного выражения. Вид этот я назову *отражательностию,* потому что он, как в зеркале, передает мысль производителя во всей полноте и со всеми ее оттенками, или, наконец, мысль огромностию своею превысит объем выражения, в которое теснится, и тогда она или должна расторгнуть форму, как порох орудие, или разлиться, как преполненный кубок, или вместиться во многие виды, подобно соку древесному, разлагающемуся в кору, в стебли и листья, то развитому цветом, то зреющему в плоде. Неясность и многосторонность должны быть необходимыми спутниками такого слияния бесконечного с конечным, утонченного с грубым. Назовем его *идеальностию,* потому что идея или мысль превышает здесь свое выражение. Вот начало классицизма и романтизма.

Цель наблюдения, сказали мы, есть *истина,* а душа действия — *доброта.* Прибавим, что совершенное слияние той и другой есть изящное, или поэзия (здесь я беру поэзию не как науку, но как идею), неотъемлемым качеством которой должно быть *изобретение,* творчество. Поэзия, объемля всю природу, не подражает ей, но только ее средствами облекает идеалы своего оригинального, творческого духа. Покорная общему закону естества — движению, она, как необозримый поток, катится вдаль между берегами того, что *есть и* чего *быть не может;* создает свой условный мир, свое образцовое человечество, и каждый шаг к собственному усовершенствованию открывает ей новый горизонт идеального совершенства. Требуя только возможного, она является во всех видимых образах, но преимущественно в совершеннейшем выражении мыслей в словесности.

Но там, где нет творчества,— нет поэзии, и вот почему науки описательные, точные и вообще всякое подражание природе и произведениям людей даже случайной добродетели не входят в очаровательный круг прекрасного, потому, что в них нет или доброты в истине, *или истины в доброте.* Например, в летописи заключается истина, но она не оживлена нравоучительными уроками доблести. Картины Теньера[2] верны без всякого благородства. Подражание мяуканью может быть весьма точно, но какая цель его? Храбрость для защиты отечества — добродетель, но храбрость в разбойнике — злодейство. Самоотвержение Дон-Кишота привлекательно, но

Библиотека "Руниверс"

зато дурное применение оного к действиям смешно и вредно. Благодеяние из корыстных видов, близорукая доброта, которая обращается во вред многим, принадлежит к сему же разряду.

Мало-помалу туман, скрывающий границу между классическим и романтическим, рассеивается. Эстетики определят качества того и другого рода. В самой России, правда, немногие, но зато истинно просвещенные люди выхаживают права гражданства милому гостю романтизму. Считаю не лишним и я изложить здесь новейшие о том понятия, как отразились они в уме моем сквозь призму философии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Написано в 1829 г. Впервые опубликовано в кн.: Новогодник: Собрание сочинений в прозе и стихах современных русских писателей, изданное Н. Кукольником. СПб.: Б. и.,. 1839. С. 337—341. Публикуется по кн.: Литературно-критические работы декабристов. С. 79-82.

[2] А. Бестужев имеет в виду фламандского художника XVII в. Д. Тенирса-младшего.

Библиотека "Руниверс"

Раздел IV

ЧААДАЕВ ПЕТР ЯКОВЛЕВИЧ

П. Я- Чаадаев родился в Москве в 1794 г. в семье служилого дворянина. Рано лишившись родителей, с трех лет он воспитывался в доме тетки — княгини Щербатовой, где получил отличное образование, выработал независимость суждений, овладел многими европейскими и древними языками.

Четырнадцати лет Чаадаев поступает в Московский университет. Здесь он изучает философию, читает Локка, Декарта, Фихте, французских материалистов, запрещенного Радищева. С друзьями Н. Тургеневым, И. Якушкиным, А. и Н. Муравьевыми, А. Грибоедовым ведет политические споры о судьбах России.

В чине лейб-прапорщика гвардейского Семеновского полка Чаадаев прошел всю Отечественную войну 1812 г., участвовал во всех крупных сражениях: под Бородино, Тарутиным, Кульмом, Лейпцигом, во взятии Парижа. За боевые заслуги получил несколько орденов.

В 1814—1818 гг. П. Я. Чаадаев состоит в масонской ложе «Соединенных друзей», но вскоре выходит из нее: «Пресек всякое сношение с масонством по собственному верению в ничтожестве и безрассудстве оного» (Литературное наследство. М., 1935. Т. 19—21. С. 24).

В 1817 г. Чаадаев становится адьютантом командира гвардейского корпуса генерал-адьютанта Васильчикова. У двадцатишестилетнего полковника Чаадаева впереди блестящая карьера, но он подает в отставку. У него формируются антикрепостнические взгляды.

В 1821 г. Чаадаев вступает в декабристский «Союз благоденствия», поддерживает интенсивные связи с Якушкиным, братьями Муравьевыми-Апостолами, Тургеневыми.

В 1823 г. П. Я. Чаадаев уехал за границу, посетил Германию, Англию, Францию, Италию, где изучал науки, философию. Летом 1825 г. в Карлсбаде он познакомился с Шеллингом и долгие годы поддерживал с ним переписку.

Библиотека "Руниверс"

В 1826 г. П. Я. Чаадаев возвратился в Россию, хотя о его связях с декабристами царю было известно. В Брест-Литовске его задержали, допросили, взяли подписку о непринадлежности к противоправительственным организациям.

Чаадаев поселяется в Москве. Для него начинаются годы одиночества, мучительных раздумий о причинах поражения декабристов, о судьбах России. В это время Чаадаев создает свой знаменитый трактат,' названный им «Философические письма». Ныне известно восемь «Философических писем» Чаадаева.

С начала 30-х годов они начали распространяться в списках, а в 1836 г. в журнале «Телескоп» было опубликовано «Философическое письмо к г — же***. Письмо первое». Это «...письмо потрясло всю мыслящую Россию» (Герцен). Незамедлительно последовали репрессии: редактора журнала Надеждина сослали в Усть-Сысольск, цензора — ректора Московского университета — отстранили от должности, у Белинского, выпустившего «письмо», произвели обыск. П. Я. Чаадаева царь объявил умалишенным. П. Я. Чаадаев, однако, продолжал работать, написал афоризмы, «Апологию сумасшедшего», «Прокламацию». Умер он в Москве в 1856 г.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Чаадаев П. Я.* Сочинения и письма: В 2 т. М.: Путь, 1913—1914.

2. Неизданные «Философические письма П. Я- Чаадаева» // Литературное наследство. 1935. Т. 22—24. С. 1—78.

3. Неизданный проект прокламации П. Я. Чаадаева 1848 г.// Литературное наследство. 1935. Т. 22—24. С. 678—682.

4. *Чаадаев П. Я-* I. Афоризмы и разные заметки; П. Отрывки и разные мысли //Вопр. философии. 1986. № 1. С. 121—139.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шкурите П. С.* Мировоззрение П. Я- Чаадаева. М.: Изд-во МГУ. 1958. 67 с.

2. *Смирнова З. В.* П. Я. Чаадаев и русская общественная мысль первой половины XIX века//Вопр. философии. 1968. № 1. С. 111—122.

3. *Малинин В. А.* Социализм и философия истории П. Я. Чаадаева //Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1968. № 3. С. 61—71.

4. *Каменский З. А.* Урок Чаадаева // Вопр. философии. 1986. № 1. С. 111—121.

5. *Лазарев В. В.* Чаадаев. М.: Юрид. лит., 1986. 112 с.

Библиотека "Руниверс"

ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА[1]

Письмо первое

[...] Учение, основанное на верховном принципе единства и прямой передачи истины в непрерывном ряду его служителей, конечно, всего более отвечает истинному духу религии; ибо он всецело сводится к идее слияния всех существующих на свете нравственных сил в одну мысль, в одно чувство и к постепенному установлению такой социальной системы или *церкви,* которая должна водворить царство истины среди людей. Всякое другое учение уже самим фактом своего отпадения от первоначальной доктрины заранее отвергает действие высокого завета спасителя: *Отче святый, соблюди их, да будет едино, якоже и мы,* (Иоанн XVII, 11) и не стремится к водворению царства божия на земле [...]

[...] В жизни есть известная сторона, касающаяся не физического, а духовного бытия человека. Не следует ею пренебрегать; для души точно так же существует известный режим, как и для тела; надо уметь ему подчиняться. Это — старая истина, я знаю; но мне думается, что в нашем отечестве она еще очень часто имеет всю ценность новизны. Одна из наиболее печальных черт нашей своеобразной цивилизации заключается в том, что мы еще только открываем истины, давно уже ставшие избитыми в других местах и даже среди народов, во многом отставших от нас. Это происходит оттого, что мы никогда не шли об руку с прочими народами; мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого. Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода.

Эта дивная связь человеческих идей на протяжении веков, эта история человеческого духа, вознесшие его до той высоты, на которой он стоит теперь во всем остальном мире,— не оказали на нас никакого влияния. То, чтс в других странах уже давно составляет самую основу

Библиотека "Руниверс"

общежития, для нас — только теория и умозрение [...]

[...] У каждого народа бывает период бурного волнения, страстного беспокойства, деятельности необдуманной и бесцельной. В это время люди становятся скитальцами в мире, физически и духовно. Это — эпоха сильных ощущений, широких замыслов, великих страстей народных. Народы мечутся тогда возбужденно, без видимой причины, но не без пользы для грядущих поколений. Через такой период прошли все общества. Ему обязаны они самыми яркими своими воспоминаниями, героическим элементом своей истории, своей поэзией, всеми наиболее сильными и плодотворными своими идеями; это — необходимая основа всякого общества. Иначе в памяти народов не было бы ничего, чем они могли бы дорожить, что могли бы любить; они были бы привязаны лишь к праху земли, на которой живут. Этот увлекательный фазис в истории народов есть их юность, эпоха, в которую их способности развиваются всего сильнее и память о которой составляет радость и поучение их зрелого возраста. У нас ничего этого нет. Сначала — дикое варварство, потом грубое невежество, затем свирепое и унизительное чужеземное владычество, дух которого позднее унаследовала наша национальная власть,— такова печальная история нашей юности. Этого периода бурной деятельности, кипучей игры духовных сил народных, у нас не было совсем. Эпоха нашей социальной жизни, соотвествующая этому возрасту, была заполнена тусклым и мрачным существованием, лишенным силы и энергии, которое ничто не оживляло, кроме злодеяний, ничто не смягчало, кроме рабства. Ни пленительных воспоминаний, ни грациозных образов в памяти народа, ни мощных поучений в его предании. Окиньте взглядом все прожитые нами века, все занимаемое нами пространство,— вы не найдете ни одного привлекательного воспоминания, ни одного почтенного памятника, который властно говорил бы вам о прошлом, который воссоздал бы его перед вами живо и картинно. Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя. И если мы иногда волнуемся, то отнюдь не в надежде или расчете на какое-нибудь общее благо, а из детского легкомыслия, с каким ребенок силится встать и протягивает руки к погремушке, которую показывает ему няня.

Истинное развитие человека в обществе еще не началось для народа, если жизнь его не сделалась более

Библиотека "Руниверс"

благоустроенной, более легкой и приятной, чем в неустойчивых условиях первобытной эпохи. Как вы хотите, чтобы семена добра созревали в каком-нибудь обществе, пока оно еще колеблется без убеждений и правил даже в отношении повседневных дел и жизнь еще совершенно не упорядочена? Это — хаотическое брожение в мире духовном, подобное тем переворотам в истории земли, которые предшествовали современному состоянию нашей планеты. Мы до сих пор находимся на этой стадии. [...]

• [...] Обратимся еще раз к истории: она — ключ к пониманию народов. Что мы делали о ту пору, когда в борьбе энергетического варварства северных народов с высокою мыслью христианства складывалась храмина современной цивилизации? Повинуясь нашей злой судьбе, мы обратились к жалкой, глубоко презираемой этими народами Византии за тем нравственным устазом, который должен был лечь в основу нашего воспитания. Волею одного честолюбца эта семья народов только что была отторгнута от всемирного братства, и мы восприняли, следовательно, идею, искаженную человеческою страстью. В Европе все одушевлял тогда животворный принцип единства. Все исходило из него и все сводилось к нему. Все умственное движение той эпохи было направлено на объединение человеческого мышления; все побуждения коренились в той властной потребности отыскать всемирную идею, которая является гением-вдохновителем нового времени. Непричастные этому чудотворному началу мы сделались жертвою завоевания. Когда же мы свергли чужеземное иго, и только наша оторванность от общей семьи мешала нам воспользоваться идеями, возникшими за это время у наших западных братьев,— мы подпали еще более жестокому рабству, освященному, притом, фактом нашего освобождения.

Сколько ярких лучей озаряло тогда Европу, на вид окутанную мраком! Большая часть знаний, которыми теперь гордится человек, уже были предугаданы отдельными умами; характер общества уже определился, а, приобщившись к миру языческой древности, христианские народы обрели и те формы прекрасного, которых им еще недоставало. Мы же замкнулись в нашем религиозном обособлении, и ничто из происходившего з Европе не достигало до нас. Нам не было никакого дела великой мировой работы. Высокие качества, которые религия принесла в дар новым народам и которые в глазах здра-

Библиотека "Руниверс"

вого разума настолько же возвышают их над древними народами, насколько последние стояли выше готтентотов и лапландцев; эти новые силы, которыми она обогатила человеческий ум; эти нравы, которые, вследствие подчинения безоружной власти, сделались столь же мягкими, как раньше были грубы,— все это нас совершенно миновало. В то время как христианский мир величественно шествовал по пути, предначертанному его божественным основателем, увлекая за собой поколения,— мы, хотя и носили имя христиан, не двигались с места. Весь мир перестраивался заново, а у нас ничего не созидалось; мы по-прежнему прозябали, забившись в свои лачуги, сложенные из бревен и соломы. Словом, новые судьбы человеческого рода совершались помимо нас. Хотя мы и назывались христианами, плод христианства для нас не созревал.

Спрашиваю вас, не наивно ли предполагать, как это обыкновенно делают у нас, что этот прогресс европейских народов, совершившийся столь медленно и под прямым и очевидным воздействием единой нравственной силы, мы можем усвоить сразу, не давая себе даже труда узнать, каким образом он осуществлялся?

Совершенно не понимает христианство тот, кто не видит, что в нем есть чисто историческая сторона, которая является одним из самых существенных элементов догмата и которая заключает в себе, можно сказать, всю философию христианства, так как показывает, что оно дало людям и что даст им в будущем. С этой точки зрения христианская религия является не только нравственной системою, заключенной в преходящие формы человеческого ума, но вечно божественной силой, действующей универсально в духовном мире и чье явственное обнаружение должно служить нам постоянным уроком. Именно таков подлинный смысл догмата о вере в единую церковь, включенного в символ веры. В христианском мире все необходимо должно способствовать — и действительно способствует — установлению совершенного строя на земле; иначе не оправдалось бы слово господа, что он пребудет в церкви своей до скончания века. Тогда новый строй,— царство божие,— который должен явиться плодом искупления, ничем не отличался бы от старого строя,— от царства зла,— который искуплением должен быть уничтожен, и нам опять-таки оставалась бы лишь та призрачная мечта о совершенстве, которую лелеют философы и которую опровергает каждая стра-

Библиотека "Руниверс"

ница истории,— пустая игра ума, способная удовлетворить только материальные потребности человека и поднимающая его на известную высоту лишь затем, чтобы тотчас низвергнуть в еще более глубокие бездны. [. . .]

[.. .] В христианстве надо различать две совершенно разные вещи: его действие на отдельного человека и его влияние на всеобщий разум. То и другое естественно сливается в высшем разуме и неизбежно ведет к одной и той же цели. Но срок, в который осуществляются вечные предначертания божественной мудрости, не может быть охвачен нашим ограниченным взглядом. И потому мы должны отличать божественное действие, проявляющееся в какое-нибудь определенное время в человеческой жизни, от того, которое совершается в бесконечности. В тот день, когда окончательно исполнится дело искупления, все сердца и умы сольются в одно чувство, в одну мысль, и тогда падут все страны, разъединяющие народы и исповедания. Но теперь каждому важно знать, какое место отведено ему в общем призвании христиан, т. е. какие средства он может найти в себе и вокруг себя, чтобы содействовать достижению цели, поставленной всему человечеству.

Отсюда необходимо возникает особый круг идей, в котором и вращаются умы того общества, где эта цель должна осуществиться, т. е., где идея, которую бог открыл людям, должна созреть и достигнуть всей своей полноты. Этот круг идей, эта нравственная сфера в свою очередь естественно обусловливают определенный строй жизни и определенное мировоззрение, которые, не будучи тождественны для всех, тем не менее создают у нас, как и у всех не европейских народов, одинаковый бытовой уклад, являющийся плодом той огромной 18-вековой духовной работы, в которой участвовали все страсти, все интересы, все страдания, все мечты, все усилия разума. [. . .]

[. . .] Вся история новейшего общества совершается на почве мнений; таким образом, она представляет собою настоящее воспитание. Утвержденное изначала на этой основе, общество шло вперед лишь силою мысли. Интересы всегда следовали там за идеями, а не предшествовали им; убеждения никогда не возникали там из интересов, а всегда интересы рождались из убеждений. Все политические революции были там в сущности духовными революциями: люди искали истину и попутно нашли свободу и благосостояние. Этим объясняется характер

Библиотека "Руниверс"

современного общества и его цивилизации; иначе его совершенно нельзя было бы понять. [. . .]

• [...] Действие христианства отнюдь не ограничивается его прямым и непосредственным влиянием на дух человека. Огромная задача, которую оно призвано выполнить, может быть осуществлена лишь путем бесчисленных нравственных, умственных и общественных комбинаций, где должна найти себе полный простор безусловная свобода человеческого духа. Отсюда ясно, что все свершившиеся с первого дня нашей эры, или, вернее, с той минуты, когда спаситель сказал своими ученикам: *Идите по миру и проповедуйте Евангелие всей твари,* включая и все нападки на христианство, без остатка покрывается этой общей идеей его влияния. Стоит лишь обратить внимание на то, как власть Христа непреложно осуществляется во всех сердцах,— с осознанием или бессознательно, по доброй воле или принуждению,— чтобы убедиться в исполнении его пророчеств. Поэтому несмотря на всю неполноту, несовершенство и порочность, присущие европейскому миру в его современной форме, нельзя отрицать, что царство божие до известной степени осуществлено в нем, ибо он содержит в себе начало бесконечного развития и обладает в зародышах и элементах всем, что необходимо для его окончательного водворения на земле. [.. .]

Письмо второе[2]

([. . .] Эти рабы, которые вам прислуживают, разве не они составляют окружающий вас воздух? Эти борозды, которые в поте лица взрыли другие рабы, разве это не та почва, которая вас носит? И сколько различных сторон, сколько ужасов заключает в себе одно слово: раб! Вот заколдованный круг, в нем все мы погибнем, бессильные выйти из него. Вот проклятая действительность, о нее мы все разбиваемся. Вот что превращает у нас в ничто самые благородные усилия, самые великодушные порывы. Вот что парализует волю всех нас, вот что пятнает все наши добродетели. Отягченная роковым грехом, где она, та прекрасная душа, которая бы не заглохла под этим невыносимым бременем? Где человек, столь сильный, чтобы в вечном противоречии с самим собою, постоянно думая одно и поступая по-другому, он не опротивел самому себе? И вот я снова вернулся,

Библиотека “Руниверс”

сам того не замечая, к тому, с чего начал: позвольте мне еще немного на этом остановиться, и я затем вернусь к вам.

Эта ужасная язва, которая нас изводит, в чем же ее причина? Как могло случиться, что самая поразительная черта христианского общества как раз именно и есть та, от которой русский народ отрекся на лоне самого христианства? Откуда у нас это действие религии наоборот? Не знаю, но мне кажется, одно это могло бы заставить усомниться в православии, которым мы кичимся. Вы знаете, что ни один философ древности не пытался представить себе общества без рабов, да и не находил никаких возражений против рабства. Аристотель, признанный представитель всей той мудрости, какая только была в мире до пришествия Христа, утверждал, что люди родятся — одни, чтобы быть свободными, другие — чтобы носить оковы[3]. Вы знаете также и то, что по признанию самых даже упорных скептиков уничтожением крепостничества в Европе мы обязаны христианству. Более того, известно, что первые случаи освобождения были религиозными актами и совершались перед алтарем и что в большинстве отпускных грамот мы встречаем выражение: pro redemptione animae — ради искупления души. Наконец, известно, что духовенство показало везде пример, освобождая собственных крепостных, и что римские первосвященники первые вызвали уничтожение рабства в.области, подчиненной их духовному управлению. Почему же христианство не имело таких же последствий у нас? Почему, наоборот, русский народ подвергся рабству лишь после того, как он стал христианским, а именно в царствование Годунова и Шуйского? Пусть православная церковь объяснит это явление.

Пусть скажет, почему она не возвысила материнского голоса против этого отвратительного насилия одной части народа над другой. И посмотрите, пожалуйста, как мало нас знают, невзирая на всю нашу внешнюю мощь. Как раз на этих днях в одно время и на Босфоре и на Евфрате прогремел гром наших пушек[4]. А между тем, историческая наука, которая именно в это самое время доказывает, что уничтожение рабства есть заслуга христианства, даже и не подозревает, что христианский народ в 40 миллионов душ пребывает в оковах. Дело в том, что значение народов в человечестве определяется лишь их духовной мощью и что то внимание,

Библиотека "Руниверс"

которое они к себе возбуждают, зависит от их нравственного влияния в мире, а не от шума, который они производят. [. . .]

'[...] Многократно возвращаясь к основному началу нашей духовной деятельности, к тому, что вызывает наши мысли и наши поступки, невозможно не заметить, что значительная часть их определяется чем-то таким, что нам отнюдь не принадлежит, и что самое хорошее, самое возвышенное, самое для нас полезное из происходящего в нас вовсе не нами производится. Все то благо, которое мы совершаем, есть прямое следствие присущей нам способности подчиняться неведомой силе: [а] единственная действительная основа деятельности, исходящей от нас самих, связана с представлением о нашей выгоде, в пределах того отрезка времени, который мы зовем жизнью; это не что иное, как инстинкт самосохранения, который общ нам со всеми одушевленными существами, но видоизменяется в нас согласно нашей своеобразной природе. Поэтому, что бы мы ни делали, какую бы незаинтересованность ни стремились вложить в свои чувства и свои поступки, руководит нами всегда одна только эта выгода, более или менее правильно понятая, более или менее близкая или отдаленная. Как бы ни было пламенно наше стремление действовать для общего блага, это воображаемое нами отвлеченное благо есть лишь то, чего мы желаем для самих себя, а устранить себя вполне нам никогда не удается: в желаемое нами для других мы всегда подставляем нечто свое. И потому высший разум, выражая свой закон на языке человека, снисходя к нашей слабой природе, предписал нам только одно: поступать с другими так, как мы желаем, чтобы поступали с нами. И в этом, как и во всем другом, он идет вразрез с нравственным учением философии, которая берется постигнуть абсолютное благо, т. е. благо универсальное, как будто только от нас зависит составить себе понятие о полезном вообще, когда мы не знаем и того, что нам самим полезно. Что такое абсолютное благо? Это незыблемый закон, по которому все стремится к своему предназначению: вот все, что мы о нем знаем. Но если руководить нашей жизнью должно понятие об этом благе, разве не необходимо знать о нем что-либо еще? Мы без всякого сомнения действуем в известной степени сообразно всеобщему закону, в противном случае мы заключали бы в себе самих основу нашего бытия, а это нелепость, но мы действуем именно

Библиотека "Руниверс"

так, сами не зная почему: движимые невидимой силой, мы можем улавливать ее действие, изучать ее в ее последствиях, подчас отождествляться с нею, но вывести из всего этого положительный закон нашего духовного бытия — вот это нам недоступно. Смутное чувство, неоформленное понятие без обязательной силы — большего мы никогда не добьемся. Вся человеческая мудрость заключена в этой страшной насмешке бога в ветхом завете: *вот Адам стал как один из нас, познав добро и зло.*

Я думаю, вы из сказанного уже предугадываете всю неизбежность откровения: и вот что по моему мнению доказывает эту неизбежность. Человек научается познавать физический закон, наблюдая явления природы, которые чередуются у него перед глазами сообразно единообразному и неизменному закону. Собирая воедино наблюдения предшествующих поколений, он создает систему познаний, проверяемую его собственным опытом, а великое орудие исчисления облекает ее в неизменную форму математической достоверности. Хотя этот круг познаний охватывает далеко не всю природу и не возвышается до значения общей основы всех вещей, он заключает в себе вполне положительные познания, потому что познания эти относятся к существам, протяжение и длительность которых могут быть познаны чувствами или же предусмотрены достоверными аналогиями. Словом, здесь царство опыта, и поскольку опыт может сообщить достоверность понятиям, которые он вводит в наш ум, постольку мир физический может быть нам ведом.

Вы хорошо знаете, что эта достоверность доходит до того, что мы можем предвидеть известное явление за много времени вперед и способны с невероятной силой воздействовать на неодушевленную материю.

Итак, нами указаны средства достоверного познания, которыми располагает человек. Если, помимо этого, разум наш имеет еще способности собственного почина, т. е. деятельное начало, независящее от восприятия материального мира, то во всяком случае и эту собственную свою силу он может применять лишь к материалу, который доставляет ему [в порядке материальном — наблюдение] ; а в порядке духовном — [к чему] применит человек эти средства? Что именно придется ему наблюдать для раскрытия закона духовного порядка? Природу разума, не правда ли? Но разве природа разума такова

Библиотека "Руниверс"

же, как природа материальная? Не свободен ли он? Разве он не следует закону, который сам себе полагает? Поэтому, исследуя разум в его внешних и внутренних проявлениях, что мы узнаем? Что он свободен, вот и все. И если мы при этом исследовании достигнем чего-либо абсолютного, разве ощущение нашей свободы не отбросит нас немедленно, и притом неизбежно, в тот самый круг рассуждения, из которого мы только что перед тем как будто выбились? Не очутимся ли мы вслед затем на прежнем месте? Круг этот неизбежен. Но это не все. Предположим, что мы на самом деле возвысились до некоторых истин, настолько доказанных, что разум вынужден их принять непременно. Предположим, что мы действительно нашли несколько общих законов, которым разумное существо непременно должно подчиниться. Эти законы, эти истины будут относиться лишь к одной части всей жизни человека, к его земной жизни, ничего общего не будут иметь с другой частью, которая нам совершенно неведома, и тайну которой не сможет нам раскрыть никакая аналогия. Каким же образом могут они быть истинными законами духовного существа, раз они касаются лишь части его существования, одного мгновения в его жизни? Так что, если мы и постигнем эти законы на основании опыта, то они смогут быть только законами одного периода времени, пройденного духовной природой, а в таком случае как можем мы их признать за законы духовной природы вообще? Не значило ли бы это то же самое, как если бы сказали, что для каждого возраста есть специальная врачебная наука, и чтобы лечить, например, детские болезни, излишне знать немощи зрелого возраста? Что для предписания образа жизни, подходящего для молодежи, нет нужды знать тот, который пригоден человеку вообще? Что состояние нашего здоровья не определяется состоянием здоровья всех моментов нашей жизни и, наконец, что мы можем предаваться всяким отступлениям и излишествам в известные эпохи безнаказанно для дальнейшей жизни? Я спрашиваю вас, какое мнение составили вы себе о человеке, который бы утверждал, что существует одна нравственность для юности, другая для зрелого возраста, еще другая для старости, и что значение воспитания ограничивается только ребенком и юношей? А между тем это именно то, что утверждает мораль ваших философов. Она научает нас тому, что надлежит нам делать сегодня, а о том, что будет с нами

Библиотека "Руниверс"

завтра, она не помышляет. А что такое будущая жизнь, если не завтрашний день жизни настоящей?

Все это приводит нас к такому заключению: жизнь духовного существа в целом обнимает собою два мира, из которых только один нам ведом, и так как всякое мгновение жизни неразрывно связано со всей последовательностью моментов, из которых слагается жизнь, то ясно, что собственными силами нам невозможно возвыситься до познания закона, который необходимо должен относиться к тому и другому миру. Поэтому, закон этот неизбежно должен быть нам преподан таким разумом, для которого существует один единственный мир, единый порядок вещей.

Впрочем, не подумайте, что нравственное учение философов не имеет с нашей точки зрения никакой ценности. Мы как нельзя лучше знаем, что оно содержит великие и прекрасные истины, которые долго руководили людьми и которые еще и сейчас с силой отзываются в сердце и в душе. Но мы знаем также, что истины эти не были выдуманы человеческим разумом, но были ему внушены свыше в различные эпохи общей жизни человечества. Это одна из первых истин, преподанных естественным разумом, и которую откровение лишь освящает своим высшим авторитетом. [...]

Письмо третье[5]

;[...] Нет иного разума, кроме разума подчиненного; это без сомнения так; но это еще не все. Взгляните на человека; всю жизнь он только и делает, что ищет, чему бы подчиниться. Сначала он находит в себе силу, сознаваемую им отличною от силы, движущей все вне его; он ощущает жизнь в себе; в то же время он убеждается, что [внутренняя его] сила не безгранична; он ощущает собственное ничтожество; тогда он замечает, что вне его стоящая сила над ним властвует и что он вынужден ей подчиняться, в этом вся его жизнь. С самого первого пробуждения разума эти два рода познания, одно — силы, внутри нас находящейся и несовершенной, другое — силы, вне нас стоящей и совершенной,— сами собою проникают в сознание человека. И хотя они доходят до нас не в таких ясных и определенных очертаниях, как познания, сообщаемые нашими чувствами или переданные нам при сношениях с другими людьми, все же

Библиотека "Руниверс"

все наши идеи о добре, долге, добродетели, законе, а также и им противоположные, рождаются только от этой ощущаемой нами потребности подчиняться тому, что зависит не от нашей преходящей природы, не от волнений нашей изменчивой воли, не от увлечений наших тревожных желаний. Вся наша активность есть лишь проявление силы, заставляющей нас стать в порядок общий, в порядок зависимости. Соглашаемся ли мы с этой силой, или противимся ей,— все равно, мы вечно под ее властью. Поэтому нам только и надо стараться отдать себе возможно верный отчет в ее действии на нас и, раз мы что-либо об этом узнали, предаться ей со спокойной верой: эта сила, без нашего ведома действующая на нас, никогда не ошибается, она-то и ведет вселенную к ее предназначению. Итак, вот в чем главный вопрос жизни; как открыть действие верховной силы на нашу природу.

Так понимаем мы первооснову мира духовного и, как видите, она вполне соответствует первооснове мира физического. Но по отношению к природе первооснова эта кажется нам непреодолимой силой, которой все неизбежно подчиняется, а по отношению к нам — она представляется лишь силой, действующей в сочетании с нашей собственной силой и до некоторой степени видоизменяемой последней. Таков логический вид, придаваемый миру нашим искусственным разумом. Но этот искусственный разум, которым мы своевольно заменили уделенную нам изначала долю разума мирового, этот злой разум, столь часто извращающий предметы в наших глазах и заставляющий нас видеть их вовсе не такими, каковы они на самом деле, все же не в такой мере затемняет абсолютный порядок вещей, чтобы лишить нас способности признать главенство подчиненности над свободой и зависимость устанавливаемого нами для себя закона — от общего закона мирового. Поэтому разум этот отнюдь не препятствует нам, принимая свободу, как данную реальность, признавать зависимость подлинною реальностью духовного порядка, совершенно так, как мы это делаем по отношению к порядку физическому. Итак, все силы ума, все его средства познания основываются лишь на его покорности. Чем более он себя подчиняет, тем он сильнее. И перед человеческим разумом стоит только один вопрос: знать, чему он должен подчиниться. Как только мы устраним это верховное правило всякой деятельности, умственной и нравствен-

Библиотека "Руниверс"

ной, так немедленно впадем в порочное рассуждение или в порочную волю. Назначение настоящей философии только в том и состоит, чтобы, во-первых, утвердить это положение, а затем показать, откуда исходит этот свет, который нами должен руководить в жизни. [...]

[...] Природа познается нами не только через опыт и наблюдение, а также и через рассуждение. Всякое природное явление есть силлогизм с большей и меньшей посылками и выводом. Следовательно, сама природа внушает уму путь, которому он должен следовать для ее познания; стало быть и тут он только повинуется закону, который перед ним раскрывается в самом движении вещей. Таким образом, когда древние, например, стоики, с их блестящими предчувствиями, толковали о подражании природе, о повиновении ей, о согласованности с ней, они, находясь еще гораздо ближе нас к началу всех вещей и не разбив еще, подобно нам, мира на части, лишь провозглашали это основное начало духовной природы, именно то, что никакая сила, никакой закон не создаются сами из себя.

Что касается побуждающего нас действовать начала, которое есть не что иное, как желание собственного блага, то к чему бы пришло человечество, если бы понятие об этом благе было одной лишь только выдумкой нашего разума? Что ни век, что ни народ имели бы тогда о нем свою особую идею. Как могло бы человечество в целом шествовать вперед в своем беспредельном прогрессе, если бы в сердце человека не было одного мирового понятия о благе, общего всем временам и всем странам и, следовательно, не человеком созданного? В силу чего наши действия становятся нравственными? Не делает ли их таковыми то повелительное чувство, которое заставляет нас покоряться закону, уважать истину? Но ведь закон только потому и закон, что он не от нас исходит; истина потому и истина, что она не выдумана нами. Мы иногда устанавливаем правило поведения, отступающее от должного, но это лишь потому, что мы не в силах устранить влияние наших наклонностей на наше суждение; в этих случаях нам предписывают закон наши наклонности, а мы ему следуем, принимая его за общий мировой закон. Конечно, есть и такие люди, которые как будто без всяких усилий сообразуются со всеми предписаниями нравственности; таковы некоторые великие личности, которыми мы восхищаемся в истории. Но в их избранных душах чувство

Библиотека "Руниверс"

долга развивалось не через мышление, а через те таинственные побуждения, которые управляют людьми помимо их сознания, в виде великих наставлений, которые мы, не ища их, находим в самой жизни и которые гораздо сильнее нашей личной мысли. Они истекают из мысли, общей всем людям: ум бывает поражен то примером, то счастливым стечением обстоятельств, подымающих нас выше самих себя, то благоприятным устройством всей жизни, заставляющим нас быть такими, какими мы без этого никогда бы не были; все это живые уроки веков, которыми наделяются по неведомому нам закону определенные личности; и если ходячая психология не отдает себе отчета в этих таинственных пружинах духовного движения, то психология более углубленная, принимающая наследственность человеческой мысли за первое начало духовной природы, находит в этом разрешение большей части своих вопросов. Так, если героизм добродетели или вдохновение гения и не вытекли из мысли отдельного человека, они являются все же плодом мысли протекших веков. И все равно, мыслили мы или не мыслили, кто-то уже мыслил за нас и до нашего появления на свет; в основе всякого нравственного действия, как бы оно не казалось самостоятельным и оторванным, всегда лежит, следовательно, чувство долга, а тем самым — и подчинения. [...]

[...] Так вот та высшая жизнь, к которой должен стремиться человек, жизнь совершенства, достоверности, ясности, беспредельного познания, но прежде всего — жизнь совершенной подчиненности; жизнь, которой он некогда обладал, но которая ему также обещана в будущем. А знаете ли вы, что это за жизнь? Это Небо: и другого неба помимо этого нет. Вступить же в него мы можем отныне же, сомнений тут быть не должно. Ведь это не что иное, как полное обновление нашей природы в данных условиях, последняя грань усилий нашего существа, конечное предназначение духа в мире. Я не знаю, призван ли каждый из нас пройти этот огромный путь, достигнет ли он его славной конечной цели, но TOJ что предельной точкой нашего прогресса только и может! быть полное слияние нашей природы с природой всего! мира, это я знаю, ибо только таким образом может наш дух вознестись в совершенство всего, а это и есть подлинное выражение высшего разума *. [...]

* Здесь надлежит заметить две вещи, во-первых, что мы не имели в виду утверждать, будто в этой жизни содержится все

Библиотека "Руниверс"

Письмо четвертое[6]

[...] Положительные науки были, разумеется, всегда предметом изучения, но, как вы знаете, лет сто тому назад они сразу возвысились до теперешнего их состояния. Три открытия сообщили им толчок, вознесший их на эту высоту: анализ — создание Декарта, наблюдение — создание Бэкона и небесная геометрия — создание Ньютона. Анализ ограничивается областью математики и нас здесь не касается; заметим только, что он вызвал приложение начала необоснованной принудительности к нравственным наукам, а это сильно повредило их успехам. Новый способ изучать естественные науки, открытый Бэконом, имеет величайшую важность для всей философии, ибо этот метод придал ей эмпирическое направление, а оно надолго определило весь строй современной мысли. Но в настоящем нашем исследовании нас особенно занимает закон, в силу которого все тела тяготеют к одному общему центру; этим законом мы и займемся.

С первого взгляда кажется, что все силы природы сводятся к всемирному тяготению; а между тем эта сила природы отнюдь не единственная; и именно поэтому закон, которому природа подвластна, имеет на наш взгляд такой глубокий смысл. Само по себе притяжение не только не объясняет всего в мире, но оно вообще ничего еще не объясняет. Если бы оно одно действовало, то вся вещественность обратилась бы в одну бесформенную и косную массу. Всякое движение в природе производится двумя силами, возбуждающими в движимом стремление в двух противоположных направлениях, и в космическом движении эта истина проявляется всего явственнее. А между тем, астрономы, удостоверившись, что тела небесные подлежат закону тяготения и что действия этого закона могут быть вычислены с точностью, превратили всю систему мира в геометрическую задачу, и теперь самый общий закон природы воспринимают при помощи некоторого рода математической функции, под одним именем Притяжения или Всемирного тяготения. Но есть еще другая сила, без которой тя-

небо целиком: оно в этой жизни лишь начинается, ибо смерть более не существует с того дня, как она была побеждена спасителем; и, во-вторых, что здесь, конечно, говорится не о слиянии вещественном во времени и пространстве, а лишь о слиянии в идее и в принципе.

Библиотека "Руниверс"

жесть ни к чему бы не послужила: это Начальный толчок, или Вержение. Итак, вот две движущие силы природы: Тяготение и Вержение. На отчетливой идее совокупного действия этих двух сил, как она нам дается наукой, покоится все учение о Параллелизме двух миров: сейчас нам приходится только применить эту идею к совокупности тех двух сил, которые нами ранее установлены в духовной области, одной — силы, сознаваемой нами — это наша свободная воля, наше хотение, другой, нами не сознаваемой,— это действие на наше существо некоей вне нас лежащей силы. [...]

[...] Может быть подумают, что в этой системе нет места для философии нашего Я. И ошибутся. Напротив, эта философия прекрасно уживается с изложенной системой: она только сведена здесь к своей действительной значимости, вот и все. Из того, что мы сказали о двояком действии, управляющем мирами, отнюдь не следует, что наша собственная деятельность сводилась к нулю; значит должно разбираться в присущей нам силе и пытаться понять ее по возможности правильно. Человек постоянно побуждается силой, которой он в себе не ощущает, это правда; но это внешнее действие имеет на него влияние через сознание, следовательно, как бы ни дошла до меня идея, которую я нахожу в своей голове, нахожу я ее там только потому, что сознаю ее. А сознавать значит действовать. Стало быть, я на самом деле и постоянно действую, хотя в то же время подчиняюсь чему-то, что гораздо сильнее меня,— *я сознаю*[1]. Одно не устраняет другого, одно следует за другим, его не исключая, и первый факт мне так же доказан, как и последний. Вот если меня спросят, как именно возможно такое действие на меня извне, это совсем другой вопрос, и вы, конечно, понимаете, что здесь не время его рассматривать: на него должна ответить философия высшего порядка. Простому разуму следует только установить факт внешнего воздействия и принять его за одно из своих основных верований; остальное его не касается. Впрочем, кто не знает, как чужая мысль вторгается в наше сознание? Как мы подчиняемся мнениям, убеждениям других? Всякий, кто об этом размышлял, отлично понимает, что один разум подчиняется другому и вместе с тем сохраняет всю свою силу, все свои способности. Итак, несомненно, великий вопрос о свободе воли, как бы он ни был запутан, не представлял бы затруднений,

Библиотека “Руниверс”

если бы умели вполне проникнуться идеей, что природа существа, одаренного разумом, заключается только в сознании и что поскольку одаренное разумом существо сознает, оно не утрачивает ничего из своей природы, каким бы путем сознание в него ни вливалось. [...)

Письмо пятое[8]

[...] Если, как мы убедились, движение в мире нравственном, как и движение в мире физическом — последствие изначального толчка, то не следует ли из этого, что то и другое и в дальнейшем подчинены одним и тем же законам, а следовательно, все явления жизни духа могут быть выведены по аналогии? Значит, подобно тому, как столкновение тел в природе служит продолжением этого первого толчка, сообщенного материи, столкновение сознаний, также продолжает движение духа; подобно тому, как в природе всякая вещь связана со всем, что ей предшествует и что за ней следует, так и всякий отдельный человек и всякая мысль людей связаны со всеми людьми и со всеми человеческими мыслями, предшествующими и последующими: и как едина природа, так, по образному выражению Паскаля, и вся последовательная смена людей есть один человек, пребывающий вечно, и каждый из нас — участник работы сознания, которая совершается на протяжении веков. Наконец, подобно тому, как некая построяющая и непрерывная работа элементов материальных или атомов, т.е. воспроизведение физических существ, составляет материальную природу, подобная же работа элементов духовных или идей, т. е. воспроизведение душ, составляет природу духовную; и если я постигаю всю осязаемую материю как одно целое, то я должен одинаково воспринимать и всю совокупность сознаний, как единое и единственное сознание.

Главный рычаг образования душ есть без сомнения слово: без него нельзя себе представить ни происхождения сознания в отдельной личности, ни его развития в человеческом роде. Но одно только слово недостаточно для того, чтобы вызвать великое явление всемирного сознания, слово далеко не единственное средство общения между людьми, оно, следовательно, совсем не обнимает собой всю духовную работу, совершающуюся в

Библиотека "Руниверс"

мире. Тысячи скрытых нитей связывают мысли одного разумного существа с мыслями другого; наши самые сокровенные мысли находят всевозможные средства вылиться наружу; рассеиваясь, скрещиваясь между собой, они сливаются воедино, сочетаются, переходят из одного сознания в другое, обсеменяют, оплодотворяют — и, в конце концов, порождают общее сознание. Иногда случается, что проявленная мысль как будто не производит никакого действия на окружающее; а между тем — движение, передалось, толчок произошел; в свое время мысль найдет другую, родственную, которую она потрясет, прикоснувшись к ней, и тогда вы увидите ее возрождение и поразительное действие в мире сознаний. [...]

[...] А что такое то мировое сознание, которое соответствует мировой материи и на лоне которого протекают явления духовного порядка подобно тому, как явления порядка физического протекают на лоне материальности? Это не что иное, как совокупность всех идей, которые живут в памяти людей. Для того, чтобы стать достоянием человечества, идея должна пройти через известное число поколений; другими словами, идея становится достоянием всеобщего разума лишь в качестве традиции. [...]

[...] Как бы ни замыкаться в себе, как бы ни копаться в сокровенных глубинах своего сердца, мы никогда там ничего не найдем, кроме мысли, унаследованной от наших предшественников на земле. Это разумение, как его ни разлагать, как его ни расчленять на части, оно всегда останется разумением всех поколений, сменившихся со времен первого человека и до нас; и когда мы размышляем о способностях нашего ума, мы пользуемся лишь более или менее удачно этим самым мировым разумом, с тем, чтобы наблюдать ту его долю, которую мы из него восприняли в продолжение нашего личного существования. Что означает то или иное свойство души? Это идея, идея, которую мы находим в своем уме вполне готовой, не зная, как она в нем появилась, а эта идея в свою очередь вызывает другую. Но первая-то идея, откуда по вашему может в нас возникнуть она, если не из океана идей, в который мы погружены? Лишенные общения с другими сознаниями, мы [мирно] щипали бы траву, а не рассуждали бы о своей природе. Если не согласиться с тем, что мысль человека есть мысль рода человеческого,

Библиотека "Руниверс"

то нет возможности понять, что она такое. Подобно всей остальной части в созданной вселенной, в мире сознаний не может быть постигнуто совершенно обособленным, существующим самим собою. И, наконец, если справедливо, что в верховной или объективной действительности разум человеческий на самом деле лишь постоянное воспроизведение мысли бога, то его разум во времени, или разум субъективный, очевидно, тот, который он, благодаря свободной воле, сам себе создал. [...]

[...] В итоге произведенного нами сейчас исследования получается следующее. Сколько ни есть на свете идей, все они последствия некоторого числа передаваемых традиционно понятий, которые так же мало составляют достояние отдельного разумного существа, как природные силы — принадлежность особи физической. *Архитипы* Платона, *врожденные идеи* Декарта, a priori Канта, все эти различные элементы мысли, которые всеми глубокими мыслителями по необходимости признавались за предваряющие какие бы то ни было проявления души, за предшествующие всякому опытному знанию и всякому самостоятельному действию ума, все эти изначала существующие зародыши разума сводятся к идеям, которые переданы нам от сознаний, предваривших нас к жизни и предназначенных ввести нас в наше личное бытие. Без восприятия этих результатов человек был бы просто на просто двуногим или двуруким млекопитающим, ни более, ни менее, и это несмотря на лицевой угол, близкий к прямому, несмотря на размер своей черепной коробки, несмотря на вертикальное положение своего тела и т. д. Вложенные чудесным образом в сознание первого человеческого существа в день его создания той же рукой, которая направила планету по эллиптической орбите, которая привела в движение мертвую материю, которая даровала жизнь органическому существу,— именно эти-то идеи сообщили разуму свойственное ему движение и кинули человека в тот огромный круг, который ему предначертано пробежать. Идеи эти, возникающие посредством взаимного соприкосновения душ и в силу таинственного начала, которое увековечивает в созданном сознании действие сознания верховного, поддерживают Жизнь природы духовной таким же порядком, как сходное соприкосновение и аналогичное начало поддерживает жизнь природы материальной. Так продолжается

Библиотека "Руниверс"

во всем первичное воздействие; так оно выливается окончательно в некое провидение, постоянное и непосредственное, простирающее свое действие на всю совокупность существа. [...]

Письмо шестое[9]

[...] Я знаю, что наши мудрецы ожидают этого слияния умов от философии и успехов просвещения вообще; но если мы размыслим, что народы, хотя они и сложные существа, являются на деле такими же нравственными существами, как отдельные люди, и что, следовательно, один и тот же закон управляет умственной жизнью тех и других, то, мне кажется, мы придем к заключению, что деятельность великих человеческих семейств необходимо зависит от того личного чувства, в силу которого они сознают себя обособленными от остального рода человеческого, имеющими свое самостоятельное существование и свой индивидуальный интерес; что это чувство есть необходимый элемент всемирного сознания и составляет, так сказать, личное *я* коллективного человеческого существа; что поэтому в своих надеждах на будущее благоденствие и на безграничное совершенствование мы точно так же не вправе выделять эти большие человеческие индивидуальности, как и те меньшие, из которых первые состоят, и что надо, следовательно, все их принимать безусловно, как принципы и средства, заранее данные для достижения более совершенного состояния.

Итак, космополитическое будущее, обещаемое нам философией,— не более как химера. Надо заняться сначала выработкой домашней нравственности народов, отличной от их политической нравственности; надо, чтобы народы сперва научились знать и ценить друг друга совершенно так же, как отдельные личности, чтобы они знали свои пороки и свои добродетели, чтобы они научились раскаиваться в содеянных ими ошибках, исправлять сделанное ими зло, не уклоняться со стези добра, которою они идут. Вот, по нашему мнению, первые условия истинного совершенствования как индивидов, так равно и масс. Лишь вникая в свою протекшую жизнь, те и другие научатся выполнять свое назначение; лишь в ясном понимании своего прошлого почерпнут они силу воздействовать на свое будущее. [...]

Библиотека "Руниверс"

,[...] Дело в том, что как только материальный интерес удовлетворен, человек больше не прогрессирует: хорошо еще, если он не идет назад! Не будем заблуждаться: в Греции, как и в Индостане, в Риме, как и в Японии, вся умственная работа, какой бы силы не достигла она в прошлом и в настоящем, всегда вела и теперь ведет лишь к одной и той же цели; поэзия, философия, искусство, все это, как прежде, так и теперь, всегда преследует там только удовлетворение физического существа. Все, что есть самого возвышенного в учениях и умственных привычках Востока, не только не противоречит этому общему факту, но, напротив, подтверждает его, так как кто же видит, что беспорядочный разгул мысли, который мы там встречаем, объясняется не чем иным, как иллюзиями и самообольщением материального существа в человеке? Не надо думать однако, что этот земной интерес, являющийся исконным двигателем всей человеческой деятельности, ограничивается одними чувственными вожделениями; он просто выражает общую потребность в благополучии, которая проявляется всевозможными способами и в самых разнообразных формах, в зависимости от большей или меньшей степени развития общества и от разных местных причин, но никогда не подымается до уровня чисто духовных потребностей. Только христианское общество поистине одушевлено духовными интересами, и именно этим обусловлена способность новых народов к совершенствованию, именно здесь вся тайна их культуры. Как бы ни проявлялся у них тот другой интерес, вы видите, что он всегда подчинен этой могучей силе, которая овладевает всеми способностями души, заставляет служить себе все силы разума и чувства и направляет все в человеке на выполнение его предназначения. [...]

Письмо восьмое[10]

[...] Итак, хотя печать, наложенную человеческой мыслью, надо признать необходимой составной частью нравственного мира, настоящая основа слияния сознаний и мирового развития разумного существа, на самом деле, содержится в ином, а именно живом слове, в слове, которое видоизменяется по времени, странам и лицам, и пребывает всегда тем, чем оно должно быть, которое не нуждается ни в разъяснениях, ни в толко-

Библиотека "Руниверс"

вании, подлинность которого не требует защиты на основе канонов — в слове, этом естественном орудии нашей мысли. Так что предложение, будто вся мудрость заключается в столбцах одной книги, как это утверждают протестанты, не скажу даже — не правоверно, оно, во всяком случае, не имеет ничего общего с философией. А с другой стороны, несомненно, есть высшая философия в этих устойчивых верованиях, заставляющих людей закона признавать другой источник истины, более чистый, другой авторитет, менее земной.

Надо уметь ценить этот христианский разум столь уверенный в себе, столь точный в этих людях: это инстинкт правды, это последствие нравственного начала, перенесенного из области поступков в область сознания; это бессознательная логика мышления, вполне подчинившегося дисциплине. Удивительное понимание жизни, принесенное на землю создателем христианства; дух самоотвержения; отвращение от разделения; страстное влечение к единству: вот что сохраняет христианин чистыми при любых обстоятельствах. Так сохраняется свыше идея, а через нее совершается великое действие слияния душ и различных нравственных сил мира в одну душу, в единую силу. Это слияние — все предназначение христианства. Истина едина: царство божие, небо на земле, все евангельские обетования — все это не иное что, как прозрение и осуществление соединения всех мыслей человечества в. единой мысли; и эта единая мысль есть мысль самого бога, иначе говоря,— осуществленный нравственный закон. Вся работа сознательных поколений предназначена вызвать это окончательное действие, которое есть предел и цель всего, последняя фаза человеческой природы, разрешение мировой драмы, великий апокалиптический синтез.

АФОРИЗМЫ И РАЗНЫЕ ЗАМЕТКИ[11]

106

Говорят про Россию, что она не принадлежит ни к Европе, ни к Азии, что это особый мир. Пусть будет так. Но надо еще доказать, что человечество, помимо двух своих сторон, определяемых словами — запад и восток, обладает еще третьей стороной.

Библиотека "Руниверс"

107

Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее, только бы ее не обманывать.

108

Русский либерал — бессмысленная мошка, толкущаяся в солнечном луче; солнце это — солнце запада.

109

За каждым предметом в природе имеется нечто, что вкладывается в него нашим умом или нашим воображением: это и есть то невидимое, что художник должен воплотить в своем произведении, ибо это именно нас трогает, нас волнует, а вовсе не сам предмет, нами созерцаемый.

ПО

Горе народу, если рабство не смогло его унизить, такой народ создан, чтобы быть рабом. [...]

122

Ясно, что бог, предоставив человеку свободу воли, отказался от части своего владычества в мире и предоставил место этому новому началу в мировом порядке; вот почему можно и должно ежечасно взывать к нему о пришествии царствия его на земле, т. е. о том, чтобы он соблаговолил восстановить порядок вещей, господствовавший в мире, пока злоупотребления человеческой свободой еще не ввело в него зло. Но просить его, как этого требуют некоторые из наших учителей, чтобы царство его наступило на небе, бессмысленно, потому что там царство его никогда не прерывалось, так как мы знаем, что создания, по своей природе предназначенные обитать в небе, которые ослушались бога, были оттуда изгнаны, прочие же просветленные неизъяснимым светом, там сияющим, никогда не злоупотребляли своей свободой и шествовали всегда по божьим путям. Надо еще сказать, что если бы указанная система была верна, пока не настало царство бога, он не царствует нигде,

Библиотека “Руниверс”

ни на земле, ни на небе. Мы хотели бы верить, что это следствие не было учтено сторонниками этого учения.

123

Благо, внесенное христианством, утверждают еще наши «учителя», если оно и воспоследствовало, вовсе не должно было непременно произойти, а явилось чисто случайно; христианство предназначено к воздействию на отдельную личность: до общества и всего человечества ему нет дела. Человечество, по их мнению, шествует к погибели и должно к ней идти; Иисус Христос пришел и должен был прийти не на помощь ему. Христианство обращается именно к отдельной личности, если же оно было полезно человечеству, то произошло это по недосмотру. К тому же христианство вовсе не заботится о земных благах, оно занимается лишь благами небесными. Мир должен прийти в полное расстройство, отнюдь не останавливайте его движения, несущего его к разрушению! Наконец, эта предписанная Спасителем возвышенная молитва: «Да приидет царствие твое», которая как бы заключает в себя всю социальную идею христианского учения, согласно этому взгляду есть лишь нескромное пожелание, которому никогда не суждено сбыться. Ясно, что это точка зрения чрезмерного и непросвещенного аскетизма в сущности не отличается вовсе или очень мало от взгляда неверующих, так как те также отрицают благодеяния христианства или же рассматривают их как невольное последствие этой религии на том бесспорном основании, что ей дела нет до земных интересов. [...]

125

Религия начинает с веры в то, что она хочет познать: это путь веры; наука принимает что-либо на веру, лишь подтвердив это путем ряда совпадающих фактов: это путь индукции; и та и другая, как видите, разными путями приходит к тому же результату — к познанию.

126

Религия есть познание бога. Наука есть познание вселенной. Но с еще большим основанием можно утверждать, что религия научает познать бога в его сущности, а наука в его деяниях; таким образом обе в конце кон-

Библиотека "Руниверс"

цов приходят к богу. В науке имеются две различные вещи: содержания или достижения, с одной стороны, приемы или методы с другой; поэтому, когда ставится вопрос об определении ее отношения к природе, следует им ясно указать, хотят ли говорить о самой сущности науки или об ее методе; а вот этого-то и не различают. [...]

129

В области нравственности, движение не основано на одном удовольствии двигаться, должна быть и цель; отрицать возможность достичь совершенства, то есть дойти до цели, значило бы — просто сделать движение возможным.

131

Некоторые люди никогда не творят добро из-за одного удовольствия, доставляемого добрым поступком; немудрено, что они не могут постигнуть абсолютного блага, а понимают, по их же словам, одно только благо относительное. Постигнуть совершенство дано только тем, которые к нему стремятся с единой целью стать к нему ближе.

132

Общество заставляют двигаться вперед не те, кто колеблется между истиной и ложью, эти плясуны на канате, а люди принципиальные. Логика золотой середины может, поэтому, в лучшем случае, поддерживать некоторое время существование общества, но она никогда ни на шаг не двинет его вперед. Плодотворен один лишь фанатизм совершенства, страстное стремление к истинному и прекрасному. [...]

134

Как всем известно, христианство с самого возникновения своего подвергалось живейшим нападкам, и только путем отчаянной, страстной сознательной борьбы возвысилось до господства над миром. И все же нашлись в наше время люди, которые в религии Христа усматривают не что иное, как миф. Между тем, видано ли, чтобы

Библиотека "Руниверс"

миф создавался в подобной среде и при таких условиях? Правда, указывают, что христианская легенда явилась на свет не в образованных слоях, среди евреев, а среди населения невежественного и весьма склонного воспринимать самые нелепые верования. Но это совсем неверно: мы видим, напротив, что христианство с первого же века поднимается до общественных верхов и немедленно упрочивается среди самых выдающихся умов. Другие уверяют нас, будто христианство просто-напросто еврейская секта, будто все его нравственное учение заключается в Ветхом завете, что Иисус Христос присоединил к этому лишь несколько идей, имевших более общее распространение в его время. Надо признать, что эта последняя точка зрения, как она ни отлична от христианской, вносит нечто такое, что может до некоторой степени удовлетворить, если не положительное христианство, то по крайней мере христианство рассудочное. В самом деле, было ли это простым человеческим действ-ием — придать жизнь, действительность и власть всем этим разрозненным и бессильным истинам, разрушить мир, создать другой, соорудить из всей груды разрозненных идей, разнообразных учений однородное целое, единое стройное учение победоносной силы, чреватое бесчисленными последствиями и заключающее в себе основу беспредельного движения вперед? И выразить всю совокупность рассеянных в мире нравственных истин на языке, доступном всем сознаниям, и наконец, сделать добро и правду осуществимыми для каждого? Удивительное дело! Даже и низведенное до этих ничтожнейших размеров, великое явление христианства еще в такой степени носит на себе печать независимого действия высшего разума, что не может быть объяснено приемами человеческой логики, какие бы логические измышления при этом не пускались в ход. [...]

136

Неудовлетворительность философских приемов особенно обнаруживается при этнографическом изучении языков. Разве не очевидно, что. ни наблюдение, ни анализ, ни индукция нисколько не участвовали в создании этих великих орудий человеческого разума? Никто не может сказать, при помощи каких приемов народ создал свой язык. Но несомненно, что это не был ни один из тех приемов, к которым мы прибегаем при наших

Библиотека "Руниверс"

логических построениях. Это был лишь синтез от начала до конца. Нельзя себе представить ничего остроумнее, ничего глубже различных сочетаний, которые народ применяет на заре своей жизни, для выражения тех идей, которые его занимают и которые ему нужно бросить в жизнь, и вместе с тем нет ничего более таинственного. Сверх того первобытный человеческий язык несомненно явился на свет разумом и это по той простой причине, что без слов нельзя мыслить. Но вот как образовались эти группы, эти семьи наречий, на которые распадается ныне мир,— наши философы-лингвисты никогда не смогут этого объяснить. А именно в этих поразительных явлениях таинственно заключены самые творческие приемы человеческого разума, т. е. именно те, которые было бы всего важнее изучить.

137

Вы ведь хотите быть счастливыми. Так думайте как можно меньше о собственном благополучии, заботьтесь о чужом; можно биться об заклад, тысяча против одного, что вы достигнете высших пределов счастья, какие только возможны.

138

Как известно, по Канту, работа разума сводится к некоей постоянной проверке собственных наших восприятий; по его мнению, мы знаем и наблюдаем только нас самих, поэтому мы можем воздействовать только на самих себя. Ясно, что человеческий разум не мог на этом остановиться, как не мог он несколько позднее довольствоваться и точкой зрения Фихте, в сущности составляющей чрезмерное развитие той же критической философии. Впрочем, это возвеличивание своего «Я», начатое Кантом и завершенное Фихте, должно было неизбежно погрузить человеческий разум в своего рода ужас и заставить его отшатнуться от необходимости в будущем раз и навсегда расчитывать на одни только свои единичные силы; поневоле человеческому разуму пришлось искать убежища в *«абсолютном тождестве»* Шеллинга, искать помощи и содействия в чем-то вне самого себя, в чем-то таком, что не есть он сам. К несчастью, разум обратился к природе, и, к еще большему несчастью, он, в конце концов, слился с природой. Вот,

Библиотека "Руниверс"

в каком он сейчас положении, несмотря на работу *спекулятивной* философии, несмотря на все те более или менее осторожные оговорки, которые она пытается установить. Остается теперь, воспользовавшись все же завоеванием человеческого разума, вернуть его к подножию вечного. Таково предназначение философии наших дней, и, как нам кажется, она его недурно выполняет, хотя, может быть, и не отдает себе отчета во всем значении своей работы. [...]

140

Спор о человеческих расах стал для нас злободневным вопросом с тех пор, как мы принялись создавать для себя новую народность. Точка зрения этой идеи весьма любопытна. Вся философия истории сводится у них к физиологической классификации великих семейств человечества; отсюда делают несколько неожиданные выводы о социальном развитии человечества, движении человеческого разума, о будущем мира. А так как все идеи, как бы они ни были отвлеченны, в наши дни окрашиваются своего рода материальной актуальностью, то и эти идеи отвечают на известные запросы дня и вступают отчасти в область политики. К сожалению, вся эта работа совершается вдали от великих очагов цивилизации, источников плодотворных мыслей. Успех этой своеобразной революции в пользу расы, которая являлась до сих пор на мировой арене лишь в пассивных ролях, пока довольно сомнителен. Но как бы то ни было, это интересное и немаловажное явление для дальнейшего хода просвещения, поэтому следует обратить на него внимание основательных умов и постараться его охарактеризовать.

141

Что расы существуют, в этом никто не сомневается; что они внесли во всю совокупность знания на земле свои необходимые начала, никто не станет оспаривать; но как только что выяснено, сейчас дело этим не ограничивается; вопрос в том, должны ли сохраниться навсегда; следует ли стремиться к общему слиянию всех народов или же надлежит монголу навсегда оставаться монголом, малайцу — малайцем, негру — негром, славянину — славянином? Словом, следует ли идти вперед

Библиотека "Руниверс"

по пути, начертанному евангелием, которое не знает рас помимо одной человеческой, или же следует обратить человечество вспять, вернуть его к исходной точке, на которой оно стояло в то время, когда слово человечность еще не было изобретено, т. е. следует ли вернуться к язычеству? Дело по существу в том, что вся эта философия своей колокольни, которая занята разбивкой народов по загородкам на основании френологических и филологических признаков, только питает национальную вражду, создает новые рогатки между странами, она стремится совсем к другим целям, а не к тому, чтобы создать из человеческого рода один народ братьев.

142

Реальное, без сомнения, не есть *материальное,* потому что всякая верная мысль становится более или менее реальной вне зависимости от того, воплотилась ли она в материю; но вместе с тем не следует забывать, что совершенно реальное, как таковое, обладает свойством осуществляться и материально, потому что всякая совершенная реальность заключает в себе и форму, в которой она должна явиться на свет. Так это бывает по отношению к любой математической аксиоме, ко всякой абсолютной истине; так обстояло дело и с истиной христианской, пока она еще не обнаружилась в мире и, наконец, так обстоит дело с царствием божиим, совершенной реальностью, пока еще не материализованной.

143

Вы имеете форму познания и его содержание; факт субъективный и факт объективный; Я и не-Я, приходится согласовать все это. Все философские системы пытались этого достигнуть, порой более или менее сознательно относясь к этой задаче, порой не осознавая ее; философия наших дней действует с полным сознанием поставленной перед собой цели и в этом заключается ее отличие по сравнению со всеми прежними системами.

144

Без слепой веры в отвлеченное совершенство невозможно шагу ступить по пути к совершенству, осущест-

Библиотека "Руниверс"

вляемому на деле. Только поверив в недостижимое благо, мы можем приблизиться к благу достижимому. Без этой светящейся точки, которая сияет впереди нас в отдалении, мы шагу не могли бы ступить среди глубокой окружающей нас тьмы. Всякий раз, когда этот блестящий светоч затмевался, приходилось останавливаться и выжидать его появления на беспросветном небосклоне. На пути, ведущем к абсолютному совершенству, расположены все те маленькие совершенства, на которые могут притязать люди.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Написано по-французски в 1829 г. Перевод с купюрами впервые опубликован в «Телескопе» (1836, октябрь). Без сокращений напечатано Гагариным в 1860 г. во-Франции. Публикуется в отрывках по кн.: Сочинения и письма П. Я. Чаадаева. Т. 2. С. 107—108, 109—110, 111—113, 117—119, 120, 121, 123.

[2] Написано в 1829 г. Впервые напечатано Д. Шаховским в кн.: Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1935. Т. 22—24. Печатается в отрывках по этому изданию: С. 23, 24—27.

[3] См.: *Аристотель.* Политика. 2 изд. М.: Б. и., 1893. Кн. I, гл. 2.

[4] Чаадаев, видимо, имеет в виду блокаду Босфора русской эскадрой и взятие Эрзерума, относящееся к апрелю — маю 1829 г.

[5] Написано в 1830 г. Впервые напечатано Д. Шаховским в кн.: Литературное наследство. Т. 22—24. Печатается в отрывках по этому изданию: С. 40—41, 43—44.

[6] Написано в 1830 г. Впервые напечатано Д. Шаховским в кн.: Литературное наследство. Т. 22—24. Печатается в отрывках по этому изданию. С. 40—41, 43—44.

[7] Д. Шаховскип, опубликовавший письмо, считает, что этим термином Чаадаев передает декартовское «я мыслю».

[8] Написано предположительно в 1830 г. Впервые напечатано Д. Шаховским в кн.: Литературное наследство. Т. 22—24. Публикуется по этому изданию: С. 48—49, 49—50, 53—54, 56—57.

[9] Написано предположительно в 1830 г. Впервые напечатано Гагариным в кн.: Избранные сочинения Чаадаева (Париж, 1862). Печатается в отрывках по кн.: Сочинения и письма П. Я. Чаадаева. Т. 2. С. 134—135, 145.

[10] Написано предположительно в 1831 г. Впервые напечатано Д. Шаховским в кн.: Литературное наследство. Т. 22—24. Публикуется в отрывках по этому изданию: С. 62.

[11] Написано в 1830—1840 гг. Впервые на русском языке опубликовано З. А. Каменским в «Вопросах философии» (1986. № 1). Публикуется в отрывках по этому изданию: С. 121—125.

Библиотека "Руниверс"

Раздел V

СТАНКЕВИЧ НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Н. В. Станкевич родился в 1813 г. в родовом имении — деревне Удеревке Воронежской губернии. В 1823 г. он поступает в Острогожеское уездное училище, а спустя два года — в Благородный мужской пансион в Воронеже, который успешно заканчивает. В 1830 г. Станкевич поселяется в доме профессора Московского университета М. Г. Павлова, который готовит его к поступлению на словесное отделение.

В доме Павлова зимой 1831 г. начал собираться кружок, вошедший в историю русской общественной мысли как кружок Станкевича. Заседания кружка проходили открыто. На них читались стихи, обсуждались философские работы, проблемы этики и эстетики.

Станкевича всегда привлекала философия. Будучи студентом, он посещал публичные лекции главы русских шеллингианцев М. Г. Павлова, а также лекции профессоров Н. И. Надеждина, С. П. Шевырева, читал много философской литературы.

В студенческие годы появились первые печатные произаические и поэтические произведения Станкевича. В 1833 г. он создает набросок философской ситемы под названием «Моя метафизика», который свидетельствует о высоком уровне его философского развития.

На формирование мировоззрения Н. В. Станкевича повлияли идеи ранней философии Шеллинга, философия Гегеля. Он переводит с французского и публикует в «Телескопе» (1835. № 13—15) большую статью Жозефа Вильма «Опыт о философии Гегеля» — одну из первых работ о Гегеле, напечатанных в России.

После окончания в 1834 г. Московского университета Н. В. Станкевич едет в родную деревню, намереваясь посвятить себя практической деятельности. Там он продолжает самообразование, много читает, увлекается историей и философией. Дальнейшее развитие его философских взглядов прослеживается по письмам членам

Библиотека "Руниверс"

кружка из разных городов России и из-за границы, куда Станкевич уезжает в 1837 г. для лечения и продолжения образования. В Берлинском университете он слушает лекции профессоров Ганса и Ранке, знакомится и берет частные уроки у Вердера. Станкевич постепенно освобождается от мистицизма, взамен которому, как и Фейербах, предлагает «религию любви». В 1840 г. он начал писать работу «Об отношении философии к искусству», оставшуюся неоконченной.

Интеллектуальная деятельность, эволюция философских взглядов Н. В. Станкевича прервалась на 27-м году жизни 25 июня 1840 г. Он скончался в Италии от чахотки. Похоронен в России, в родной Удеревке.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Станкевич Н. В.* Стихотворения; Трагедия; **Проза.** М.: Б. и., **1890. X,** 246 с.

2. *Станкевич Н. В.* Переписка: 1830—1840. М.: Б. и., 1914. XI, 786 с.

3. *Станкевич Н. В.* Избранное. М.: Сов. Россия, 1982. 256 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Григорьян М. М.* Философские взгляды Н. В. Станкевича// Русская прогрессивная философская мысль XIX века: (30—60-е годы). М., 1959. С. 3—32.

2. *Машинский С.* Станкевич и его кружок // Вопр. литературы. 1964. № 5. С. 125—148.

3. *Манн Ю. В.* Эстетическая эволюция Станкевича//Манн Ю. В. Русская философская эстетика. М., 1969. С. 191—248.

4. *Каменский З. Л.* Николай Владимирович Станкевич//Каменский З. А. Московский кружок любомудров. М., 1980. С. 194—279.

5. *Каменский З. А.* Николай Станкевич и Иммануил Кант// Кантовскнй сб. Калининград. 1983. С. 100—105.

6. *Манн Ю. В.* В кружке Станкевича: Историко-литературный очерк. М.: Дет. лит., 1985. 319 с.

Библиотека "Руниверс"

МОЯ МЕТАФИЗИКА[1]

Природа существует (знание, основанное на вере в чувства). Ее существование обнаруживается постоянным поддерживанием самой себя — рождением. Жизнь природы в ней есть непрерывное творчество и хотя все в ней рождающееся умирает, ничего не гибнет в ней, не уничтожается: ибо смерть есть рождение *. Не знаю, почему говорят многие: в природе есть сила, *сила творящая:* не знаю, как можно представить природу трупом, в который входит нечто чуждое и одушевляет его; не знаю, почему не сказать — природа есть Сила, Жизнь, Творчество.

Целое природы составлено из неделимых; каждое неделимое живет на основании общих законов, есть часть общей жизни природы. Одна и та же жизнь развивается в различных видах, но одинаково, по своим законам. В каждом неделимом жизнь эта действует независимо от него, всегда почти без его сознания и всегда без его воли, повинуясь себе самой, своим законам, которые вечны и непреложны, следовательно составляют сущность ее. Многие неделимые не сознают себя, но жизнь, во всех их распространенная, сознает себя, ибо действует целесообразно (zwegmassig), сле,-довательно жизнь есть разумение. Итак, жизнь в целом есть *Разумение.*

В *целом* природа есть Разумение. С этим сознанием заря утешения восходит для человека; он не потерян в бесконечности творений, он выполняет наравне с про-

* Смерть есть разрушение; разрушение в природе есть перерождение из одного состояния в другое. Смерть одного звена природы есть рождение другого. Вода, уничтожаясь, переходит в пары; воздух делается водою; человек становится землею; земля перерождается в растение.

Библиотека "Руниверс"

чими тварями жизнь природы. Но это не одно его назначение: он может возвышаться над видимым; он может восходить к разумению, отождествоваться (s'identifier) с ним; может проникнуть его законы, провидеть его цели, чувствовать красоту создания; он может верить, надеяться, любить. *Верить,* ибо законы его Творца непреложны, земля и небо идут мимо, слова же его не идут мимо; *надеяться,* все цели его — благо; любить, ибо он (Разум, Творец) прекрасен в своем создании, прекрасен в своем образе — человеке. Так, человек есть его образ (человек в чистом смысле), сохранивший все то, что составляет человечество, humanitas, и воспользовавшийся способами, данными для совершенствования всего, составляющего сущность бытия человеческого — обо всем этом в следующих письмах.

Все (das All) есть жизнь, а жизнь действует разумно, следовательно сопряжена с Разумением.

Все создания есть жизнь, развивающаяся по законам Разумения (по своим законам). Роды существ составляют лестницу, по которой жизнь (разумеющая себя в целом) идет к самоуразумению в неделимых. Не менее разумно действует она в камнях, как и в человеке; но, развиваясь в первых по тем же законам, по каким и в последнем (с разного целью), не дает первым возможности сознать себя *отдельно.* Камни живут в массе природы; растению дает она уже ощущение, животному — произвольное движение; наконец, с полною свободою *вся* является в человеке. Здесь жизнь, сознающая себя в целом, разумная и свободная, является жизнью, сознающей себя *отдельно* — разумною и свободною. Все уже согласились, что человек венец создания, есть повторение всей природы, он есть повторение разумной жизни.

В человеке многое делается без его ведома, без его воли (он рождается, вырастает; он чувствует жажду, голод). В нем действует разумная жизнь всей природы, которая имеет свою волю *(жизнь всего),* независимо от его воли. Человек желает знать, действовать; человек ощущает; в нем действует жизнь, сознавая себя отдельно. Человек разрушается без воли своей; разумная жизнь природы принимает другую форму. Свою отдельную жизнь человек теряет; куда отлетает она?

Об этом после. В этом письме я положил определить по возможности отношение человека к природе и Разумению, составляющему сущность ее. Рассудок мой

Библиотека "Руниверс"

подтверждает эти положения. Сердце мое не противоречит им и часто верит в те минуты, когда я люблю.

* * *

Не знаю, о чем следовало бы говорить по порядку, но все равно. Стану говорить о том, о чем хочется. Через это система не разрушится, ибо основанием всякой системы должна быть внутренняя связь, а не наружная форма.

Вот вопрос, с которого стану продолжать: вследствие показанных отношений человека к природе, к всеобщей жизни, каково может и каково должно быть его воздействие (обратное действие) на природу, на всеобщую жизнь (Zurucwirkung, Reaction)?

В человеке повторилась природа; в человеке жизнь, разумеющая себя в целом, уразумела себе отдельно. Следовательно, все отправления, все факты жизни должны быть фактами человека. Факт жизни один — жизнь, или: сама жизнь есть единственный существующий факт. Если мы в жизни различаем несколько фактов, то мы придаем ей свойства собственно человеческие и смотрим на нее взглядом слишком специальным. Один факт нашей жизни мы называем разумом, другой — волей, третий — чувством. Но мы всегда разумеем, всегда решаемся, всегда чувствуем. Эти три факта составляют один факт жизни, с разных точек рассматриваемый. Но правда, что вся жизнь наша берет то или другое направление по преимуществу.

На основании этого жизнь абсолютная, отрешенная, рассматривается как разум, воля, чувство и жизнь природы, действительная — как истина, благо, красота. Тут ничего еще худого нет, но это пахнет схоластикой. Зачем все так дробить? Кто станет отрицать у жизни всеобщей и разумение, и свободу действия, и чувство? Но эти не три способности одного существа: напротив, оно условливает собою единство всех этих способностей. Рассмотрим всеобщую жизнь в отношении к этим способностям.

Вне жизни ничего не лежит, ибо она есть все; следовательно постепенное познавание ей чуждо; сознавая себя, она все знает. Ее Разум, разумение, есть сознание себя самой (сознание в бытии совершающееся), следовательно бытие, следовательно она сама. Ее воля не определена ничем, следовательно свободна, но не от-

Библиотека "Руниверс"

ступает от вечных законов разумения, следовательно воля жизни есть вместе и свобода, и необходимость. Если воля непреложна, а препятствий нет и все средства заключаются в том же существе, в каком воля, то воля есть действие; действие природы — жизнь; следовательно воля жизни есть сама жизнь. Итак жизнь есть разум и воля, если мы хотим судить ее по-человечески; но это разумение зависит единственно от нашего взгляда на жизнь; в сущности она ни то, ни другое, но жизнь.

Да не покажется тебе это противоречием тому, что я говорил в предыдущем письме. Я назвал жизнь разумением; я не отрицаю в ней этого, но хочу доказать, что это разумение есть законы, составляющие сущность жизни, самую жизнь, а не есть принадлежность, способность жизни; надобно стать повыше детского взгляда на природу.

В человеке жизнь сознала себя отдельно. Он есть центр этой жизни в миниатюре. Как *жизнь,* она имеет стремление (по сродству, может быть) усвоять вне ее лежащее, *познавать,* и как жизнь — развить себя во внешности, *действовать.* Как жизнь она сознает влияние другой жизни, чувствует. И вот разум, воля, чувство — три действительные направления человеческой жизни, которые он переносит в жизнь всеобщую. Я сказал, что разум во всеобщей жизни, что воля. Что же называется чувством всеобщей жизни?

Если жизнь есть разум, если жизнь есть воля, то она чувство по преимуществу. Вся она держится чувством — в неделимых, начавших сознавать себя отдельно, чувство это обнаруживается любовью. Она в них есть чувство инстинктуальное, следовательно чувство, принадлежащее общей жизни и непокорное воле.

Любовь!.. Друг мой! Для меня с этим словом разгадана тайна жизни. Жизнь есть любовь. Вечные законы ее и вечное их исполнение — разум и воля. Жизнь беспредельна в пространстве и времени, ибо она есть любовь. С тех пор, как началась любовь, должна была начаться жизнь: покуда есть любовь, жизнь не должна уничтожаться, поскольку есть любовь, и жизнь не должна знать пределов. Если нужны слабые сравнения, это теплота, все расширяющая, это свет незаходимый, все поддерживающий; это цвет, которым украшается природа в глазах наших; это огонь, из которого все выгорает и в который все обращается. Мир вечен, ибо любовь не кончится; *не кончится,* ибо она *есть.*

Библиотека “Руниверс”

Показать тебе иначе, что любовь — жизнь? Разум идет смело и отважно, сознавая свои законы; воля старается следовать его законам; но человек тогда только все познает, когда полюбит, и кто любит, тот действует прекрасно. (Что такое прекрасно действовать? Поговорим после, скажу теперь: действовать, как действует всеобщая любовь. А как она действует? Люби и узнаешь).

Чувство любви составляет прелесть жизни животных; оно доступно растениям. Его надобно допустить в минералах, если они живут любовью всеобщей жизни, ибо без любви нет жизни.

Жизнь есть любовь, любовью поддерживается жизнь в неделимых (она в них средство размножения); в таком случае любовь есть средобежная сила природы; ею примыкает последнее звено творения к началу, в нем повторившемуся, следовательно любовь есть самовозвратная сила природы — безначальный и бесконечный радиус в круге мироздания.

Человек выше всего, ибо он есть вся жизнь. Он не может возвышаться (не разрушив сущности бытия своего); он только не должен падать; он должен равняться самому себе. Но он пал (об этом после); следовательно, опять должен возвышаться. В каждом неделимом человека есть частицы человека нормального; в каждом есть низшие свойства. Взаимные отношения людей должны очистить, образовать совершенного человека (но этого недостаточно; сейчас предложу еще способ совершенствования). Отсюда несомненная, хотя и не новая истина: жизнь рода человеческого есть его воспитание. Как же один, отдельный человек должен воспитывать существо свое? Что он должен принять за образец, прототип свой? Но где он?

Одно средство совершенствования остается ему — приближение к всеобщей жизни. Всеобщею жизнью человек сделаться не может (ему не достает абсолютности); он должен принять от нее все, что может принять. Как узнать ее, уравняться ей?

Жизнь — любовь. Чтобы познавать ее отчасти, чтобы действовать по одним с ней законам, надобно любить.

(Следует о любви человека. В письме этом нужно коротко объяснить свободу воли, падения человека, достоинство человеческих действий из сравнения с действиями всеобщей жизни).

Буду писать дальше.

Библиотека "Руниверс"

ОБ ОТНОШЕНИИ ФИЛОСОФИИ К ИСКУССТВУ[2]

Я здесь не намерен выводить систематически значение философии и искусства. Тогда эти коротенькие замечания расширились бы в книгу — бесполезную после многих, написанных об этом предмете. Я хочу сказать несколько слов об отношении философии и искусства к жизни, к современной нашей жизни и угадать, если можно, их будущность.

Кто хочет говорить и писать в наше время об искусстве, должен иметь по крайней мере предчувствие того, что сделала новейшая философия,— говорит Гете. Время еще подвинулось с тех пор, как вышли из-под пера его эти строки, и теперь мы вправе, может быть, требовать от судей искусства чего-нибудь больше предчувствия.

Было время, когда вопрос об искусстве казался чуждым философии (Винкельман, Лессинг). Со времени Канта пришли они в ближайшую связь, и с тех пор мы встречаем более просторный, более ясный взгляд на творения гениев. Шиллер, воспитанный в его школе, и Гете, уже знакомый с его системой, но еще более посвященный в нее Шиллером, бросили новый, яркий свет на мир искусства. Их поэтические создания, в которых в первый раз засиял дух новой жизни, подняли и расширили наблюдения не меньше их теоретических сочинений. Ни одна отрасль духовной жизни не развивается независимо; каждый член духа живет и растет с целым его организмом. Тихо, но верно совершилась духовная реформа в Германии, и дух наконец без шума сбросил с себя старую кору, которая стала теперь не нужна ему. Философия наконец достигла того широкого начала, к которому вели ее и прежние системы, исполненные с железною последовательностью, и этот дух простора и полной жизни, который проникал творения двух немецких гениев. Уже не праздные мечты — серьезные, вечные интересы духа облекались в поэтические формы, и философ строгим путем ума, его неумолимой дисциплиной достиг того, что мог смело назвать вечными и разумными те убеждения, которые внушал ему первоначально поэт и которые одушевляли его в кровавом труде и освещали темный путь.

Библиотека "Руниверс"

* * *

Мещане увидели слова: философия Гегеля, и сказали: сухо. Надо за ним следовать, чтобы увидеть, какая жизнь выходит из громады, которой разумная гармония понятна только тому, кто вполне обозрел ее; надо быть в системе, чтобы понять ее; те суждения, которые сыплятся на нее снаружи — опровергнуты в ней и из нее. Эта философия сказала: искусство есть прошедшее для нас. Это один из главных поводов к обвинению ее в холодности. Но надо понять смысл этого выражения: оно не так страшно, как звучит.

* # *

Для объяснения этого отношения нашего времени к искусству, я хочу, как сказал, взглянуть на разные его отрасли. Для этого нужно будет начать немного подальше — но главное не с логики, избави боже! Главное основание предполагается известным. Я не стану останавливаться над объяснением идеи, которая должна руководить нас в этом случае — она перешла уже в общее сознание, сделалась силою своей истины,— непреодолимою верою тех, которые почему-то не могли начать дальше своих исследований.

* * *

Сколько гениальных трудов приходит мне здесь на память, посвященных какому-нибудь одному ряду искусства! Сколько мыслей, набросанных художниками в порыве их любви — сколько истин, угаданных ими!... Винкельман — Лессинг — я не забуду даже фантазий Гофмана о музыке!

Но сколько посредственностей продолжают до сих пор — или руководимые преданиями посредственности или собственною натурою — толковать об искусстве так, как будто бы гигантская работа мысли никогда не совершалась, как будто бы дух не жил целое столетие! Когда философия еще не возвышала своего голоса об искусстве, гениальная натура заставляла многих наблюдателей открывать величие истины. Они бы увидели в наше время, как разрослись их открытия, какой плод принесли — и увидели бы, как спокойно, самодовольно многочисленные эстетики, критики и литераторы, став

Библиотека "Руниверс"

спиною к солнцу, толкут еще свой старый уголь. Оставим их в покое. Пусть еще говорят о примирении опытности с умозрением, сравнивают вокальную и инструментальную музыку с эпопеей и драмой (как будто драму можно так же неизменно переделать в эпопею, как сыграть или спеть одну мелодию?!!) и советуют присматриваться и наблюдать в произведениях искусства, что ему прилично, что нет. Для нас пределы и значение каждого искусства можно узнать только из всех, а значение искусства — из идеи вообще.

Искусство есть прошедшее для нас. Это можно было бы сказать так: искусство не есть более высшее для нас. Но и тут вышли бы недоразумения. Предложение немного значит, когда оно не высказывается совсем, не говорит все, что его оправдывает. Итак, я скажу наперед в утешение нетерпеливым, что есть непогибающий элемент в искусстве, который останется высшим и последним, элемент цельной, индивидуальной жизни, прямого созерцания, нераздробленного знания — элемент энергии и личности, этот элемент вечен, как вечна потребность человека в каждое мгновение сознавать всю нераздробленную полноту своей жизни. Но в искусстве есть еще другой элемент, который осуществляется в описанном. Это элемент *общего, вечного* — божественного. Здесь нет места распространяться об этой основной идее искусства. Много форм принимало искусство — они были сообразны возрасту духа. К глубоким, плодовитым открытиям новейшей философии принадлежит то, что история искусства, рассматриваемая разумно, есть вместе и его теория и что роды его вполне соответствуют его эпохам, которые в свою очередь совпадают с эпохами общего духовного развития. Эта мысль делает совершенный переворот в эстетике; искусство, вместо того чтобы терять, получает мировое значение; оно выходит из бессмысленного оцепенения, в котором оставалось разбитым неизвестно почему и для чего на разные роды; оно является целым, которое живет с духом и из духа и переживает с *ним* все судьбы его.

Человек, по натуре своей, по назначению — общее духовное существо — всегда имел больше или меньше

Библиотека "Руниверс"

ясное сознание — по крайней мере предчувствие чего-то высшего, нежели все происходящие вещи, нежели он сам в своей единичности. С этого предчувствия начинается история человечества, потому что только с этого предчувствия начинается духовная жизнь человека. Это сознание принимает разные формы; но первая, в которой она является нам исторически (и которую выводит нам спекулятивно философия), есть натурально ничтожество всего единичного перед одною силою: *одно есть* • — все единичности ложь и погибают в этой истине. Это *одно* есть род, которого жизнь есть смерть всего живого. Было время, когда это воззрение хотели сделать господствующим в философии и видели что-то грандиозное в этой жизни общего, забывая, что здесь гибель личности, следственно и духа — и что это *одно,* неживущее, безличное, есть только как понятие — следовательно] зарождается в лице, в духе. Еще забавнее, что это воззрение хотели приписать Гегелю, который с такой силой выводит дух и лицо победоносным из этого рода (в Феноменологии духа) и который отдельно во многих местах полемизирует против этой безжизненной философии. Обвинители не читали его.

* * *

Но возвратимся к нашему предмету. Сознание такого незримого, недвижного, неназванного существа не могло бы, кажется, породить историю. Но человеческая индивидуальность непобедима: фантазия облекает все своими образами, а ей нужно было *созерцать невидимое.* Воплотить это всепоглощающее одно в • какой-нибудь отдельный образ природы значило утратить смысл его — тогда прибегли к символу, к аллегории.— Эти невидимые вещи должны были выразить бесконечное, но не сами собою, а только своими отдельными отношениями и т. п. Наконец высочайшее развитие этого направления является в стремлении построить *жилище* божеству, которое намекнуто в отдельном изображении, но все оставалось неизобразимым. Храм не представляет божества; он внушает его ожидание. Архитектура есть первая ступень искусства, приближение к искусству, которое есть *созерцаемая идея.*

* *

Библиотека "Руниверс"

В архитектуре она только предчувствуется, и этот древний догреческий мир есть преимущественно мир архитектуры, ее символический характер носят все другие искусства той эпохи. У греков усовершенствовалась, угармонизировалась архитектура, но уже не имела настоящего значения; у них уже были *боги*.

*

Человек доживает новой степени: общее начинает представляться в более живой форме; богатая, разнообразная природа, его окружающая, дух жизни и деятельности не дают ему этого мертвого общего признать основою всего. Чувство жизни влечет за собой чувство гармонии, а венец непосредственной жизни, ее цвет и последнее выражение есть человеческий образ. Обожание натуры как жизни, как гармонии приводит к антропотеизму, к обоготворению *человека*. Но непосредственная единичность не в состоянии вместить всего — и божество раздробляется на богов. Высокие человеческие образы, которые заведуют отдельными частями природы и жизни, все населяют и воодушевляют.— Вот история перехода к новому виду идеи; мы оставляем спекулятивный ее вывод. Это идея в непосредственности, идея как жизнь, единичность, *изобразимая* идея — идеал. Греческий мир представляет ее развитие; это мир искусства по преимуществу. Он здесь вполне осуществляет свое понятие. Оттуда полнота, оконченность во всех творениях греков. Скульптура, как самое ощутительное выражение идеала, есть классическое искусство по преимуществу, и она есть искусство этой эпохи. Видимый бог вносится в храм, который теряет свою первую символическую форму и дышит стройностью и оконченностью греческого духа.

Но невидимый образ составляет божество. Как ни проглядывает дух во всех формах человеческого *образа,* как ни выражают его черты лица,— дух *не весь* в этом наружном образе. Только внутренне можно ощущать его, только мыслию постигать. Он неизобразим, он живет своей независимой жизнью и понимается духом.

Библиотека "Руниверс"

Это сознание разрушает непосредственное единство идеи с жизнью. Классический идеал разрушен. Искусство грозит упасть в первоначальное индийское безобразие, но дух сделал успех; с этим сознанием начинается новый, более истинный вид идеи.

* * *

Она, эта идея, не мертвое единство; она живущий дух, лицо, но лицо только как сознание невидимого. Все, что изобразимо, носит только его отпечатки! Новый вид искусства, где внешняя форма становится только отражением внутренней, незримой идеи — есть *романтическое искусство*. Но как в нем является уже истинный дух, что это дает ему начало движения, разделения в себе; оно является как отражение идеи в видимых образах: живопись как идея, ощущаемая сердцем и облекающаяся в субъективное бытие, звук — музыка, как идея представляемая и мыслимая — поэзия. Мы видим, как внутренно одухотворилась здесь идея!..

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Написана в 1833 г. Представляет собой набросок философской системы. Печатается полностью по *кн.: Станкевич Н. В.* Стихотворения; Трагедия; Проза. С. 149—155.

[2] Н. В. Станкевич предполагал написать трактат «Об отношении философии к искусству». Но смерть помешала исполнить это намерение. Сохранившиеся наброски трактата публикуются полностью по кн.: *Станкевич Н. В.* Стихотворения; Трагедия; Проза. С. 176—182.

Библиотека “Руниверс”

Раздел VI

СЛАВЯНОФИЛЫ

КИРЕЕВСКИЙ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

И. В. Киреевский родился в 1806 г. в семье широко образованного орловского помещика. После смерти отца в 1813 г. воспитанием его занималась мать, отчим А. А. Елагин и близкий родственник поэт В. А. Жуковский.

После переезда семьи в Москву в 1822 г. И. В. Киреевский посещает лекции профессоров Московского университета Снегирева, Мерзлякова, Цветаева, известного шеллингианца М. Г. Павлова. Выдержав экзамен, он поступает в 1824 г. в Московский главный архив Иностранной коллегии.

В 1822 г. И. В. Киреевский знакомится с Д. В. Веневитиновым, через год — с В. Ф. Одоевским. Созданный ими кружок любомудров стал заметным явлением философской жизни Москвы. Увлечение философией Шеллинга, характерное для кружка, у Киреевского сохранилось и после его роспуска в 1826 г.

В 1830 г. он девять месяцев проводит в Германии (Берлин, Дрезден, Мюнхен). В Берлинском университете И. В. Киреевский знакомится и беседует с Гегелем, слушает его университетские лекции, а также курсы Риттера и Шлейермахера. В Мюнхене он встречается с Шеллингом и Океном, слушает их лекции. Из-за распространившейся в Москве холеры он прерывает свою заграничную поездку и возвращается на родину.

В 1831 г. Киреевский получает разрешение и начинает издавать журнал «Европеец» с большой просветительской программой. В нем приняли участие Баратынский, Жуковский, Хомяков, Языков. Сам Киреевский опубликовал в «Европейце» две работы: «Обозрение русской литературы за 1831 год» и первую часть статьи «Девятнадцатый век». Вторая часть не была напечатана, так как журнал был запрещен, а его издатель попал в поле зрения жандармов.

Библиотека "Руниверс"

В статьях И. В. Киреевского 30-х годов появляются идеи, приведшие его во второй половине жизни в лагерь славянофилов. В статье «Обозрение русской словесности 1829 г.» он возлагает надежды исторического обновления человечества на русский народ, поскольку европейские народы уже «...пережили собственное свое направление». Славянофильские идеи И. В. Киреевского наиболее четко сформулированы в его «Ответе А. С. Хомякову» (1839), не предназначавшемуся к печати.

В 40-х годах Киреевский пытался занять кафедру в Московском университете, но безуспешно. В 1845 г. он редактирует славянофильский «Москвитянин», публикует в нем свою статью «Обозрение современного состояния литературы». В 50-е годы он пишет две программные статьи: «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» (1855) и «О возможности и необходимости новых начал для философии» (1856). Последнюю И. В. Киреевский напечатанной уже не увидел. Он скончался в 1856 г. в Петербурге от холеры.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Киреевский И. В.* Полное собрание сочинений. М.: Путь, 191].
2. *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. 439 с.
3. *Киреевский И. В.* Избранные статьи. М.: Современник, 1984. 383 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ковалевский М. М.* Ранние ревнители философии Шеллинга в России: Чаадаев и И. Киреевский//Русская мысль. 1916. № 12. С. 115—136.
2. *Манн Ю.* Путь Ивана Киреевского // Манн Ю. Русская философская эстетика. М., 1969. С. 76—103.
3. *Котельников В. А.* Философские искания И. В. Киреевского и развитие русского художественного сознания // Проблемы художественного метода и жанра. Л., 1978. С. 22—27.
4. *Манн Ю.* Эстетическая эволюция И. Киреевского // *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М., 1979. С. 7—59.

Библиотека "Руниверс"

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК[1]

Сколько уже говорено о направлении девятнадцатого века, что мудрено было бы сказать об нем что-либо новое, если бы девятнадцатый век был для нас прошедшим. Но он живет и, следовательно, изменяется, и каждое изменение его господствующего духа ставит нас на новую точку зрения. Другая перспектива, в которой минувшее располагается перед текущею минутою, дает ему другое значение. Так путешественник с каждою переменою места видит в новом свете пройденную дорогу. Так новый опыт в жизни дает целому миру воспоминаний новую стройность и новый смысл.

Этим новым опытом в жизни девятнадцатого века были события последних лет. Я говорю не о политике. Но в литературе, в обществе, в борьбе религиозных партий, в волнениях философских мнений — одним словом, в целом нравственном быте просвещенной Европы заметно присутствие какого-то нового, какого-то недавнего убеждения, которое если не изменяет господствующего направления, то по крайней мере дает ему другие оттенки и другие отношения.

В чем же состоит эта особенность текущей минуты?

Ответ на этот вопрос должен служить основанием наших суждений обо всем современном, ибо одно понятие текущей минуты, связывая общие мысли с частными явлениями, определяет в уме нашем место, порядок и степень важности для всех событий нравственного и физического мира. Было время, когда понятие настоящей минуты века составляло исключительную принадлежность гения, предполагая в нем порыв какого-то безотчетного, пророческого и немногим доступного вдохновения. Но теперь, когда определить господствующее направление века сделалось главною общею целию всех мыслящих; когда все *данные* для того известны и собраны; когда все отрасли ума и жизни породнились между собою столь тесно, что изучение одной открывает нам современное состояние всех других, понятие настоящего на-

Библиотека "Руниверс"

правления времени уже не требует ни гениальности, ни вдохновения; оно сделалось доступно для каждого мыслящего и предполагает в нем только внимательный взгляд на окружающий мир, холодный расчет и беспристрастное соображение.

Однако, несмотря на это всеобщее стремление постигнуть дух своего времени, не было века, изучение которого представляло бы столько трудностей, сколько представляет изучение нашего, ибо никогда изменения господствующего направления не совершалось столь быстро и столь решительно. Прежде характер времени едва чувствительно переменялся с переменою поколений; наше время для одного поколения меняло характер свой уже несколько раз, и можно сказать, что те из моих читателей, которые видели полвека, видели несколько веков, пробежавших пред ними во всей полноте своего развития.

Утверждение это не игра пустых слов: его истина подтверждается ежедневно очевидными доказательствами. Сравните прежние времена с настоящим; раскройте исторические записки, частные письма, романы и биографии прошедших веков: везде и во всякое время найдете вы людей *одного времени*. При всем разнообразии характеров, положений и обстоятельств каждый век представит вам один общий *цвет*, одно клеймо, которое больше или меньше врезано на всех одновременных лицах. Все воспитаны одномысленными обстоятельствами, образованы одинаковым духом времени. И те умы, которые в борьбе с направлением своего века, и те, которые покорствуют ему, все равно обнаруживают его господство: оно служит общим центром, к которому примыкают направления частные, как правая и левая сторона в палате депутатов.

Но взгляните на европейское общество нашего времени: не разногласные мнения одного века найдете вы в нем, нет! Вы встретите отголоски нескольких веков, не столько противные друг другу, сколько *разнородные* между собою. Подле человека *старого времени* найдете вы человека, образованного духом *французской революции;* там человека, воспитанного обстоятельствами и мнениями, *последовавшими непосредственно за французскою революциею;* с ним рядом человека, проникнутого тем порядком вещей, который начался на твердой земле Европы с нападением Наполеона; наконец, между ними встретите вы человека последнего времени, и каж-

Библиотека "Руниверс"

дый будет иметь свою особенную физиономию, каждый будет отличаться от всех других во всех возможных обстоятельствах жизни — одним словом, каждый явится пред вами отпечатком особого века.

Некоторые полагают, что эта быстрота изменений духа времени зависит от самой сущности сих изменений; другие, напротив того, думают, что она происходит от обстоятельств посторонних, от случайных характеров действующих лиц и т. п., третьи видят причину ее в духе настоящего просвещения вообще. Мы не станем разыскивать степени справедливости каждого из сих объяснений; заметим только существование самого *факта* и постараемся определить категорически особенность и сущность последнего из сих изменений господствующего направления *европеизма*.

В конце осьмнадцатого века, когда борьба между старыми мнениями и новыми требованиями просвещения находилась еще в самом пылу своего кипения, господствующее направление умов было безусловно *разрушительное*. Науки, жизнь, общество, литература, даже самые искусства изящные — все обнаруживало одно стремление: ниспровергнуть старое. Замечательно, что даже мысль о новом, долженствовавшем заступить место старого, почти не являлась иначе как *отрицательно*. Эти электрические слова, которых звук так потрясал умы: *свобода, разум, человечество,* — что значили они во время французской революции?

Ни одно из сих слов не имело значения *самобытного;* каждое получало смысл только из отношений к прежнему веку. Под *свободою* понимали единственно отсутствие прежних стеснений; под *человечеством* разумели единственно материальное большинство людей, то есть противуположность тем немногим лицам, в коих, по прежним понятиям, оно заключалось; царством *разума* называли отсутствие предрассудков или того, что почитали предрассудками — и что не предрассудок пред судом толпы непросвещенной? Религия пала вместе с злоупотреблениями оной, и ее место заступило легкомысленное неверие. В науках признавалось истинным одно ощутительно испытанное, и все сверхчувственное отвергалось не только как недоказанное, но даже как невозможное. Изящные искусства от подражания классическим образцам обратились к подражанию внешней неодушевленной природе. Тон общества от изысканной искуственности перешел к необразованной естественности. В философии

Библиотека "Руниверс"

господствовал грубый, чувственный материализм. Правила нравственности сведены были к расчетам непросветленной корысти. Одним словом, все здание прежнего образа мыслей разрушалось в своем основании; вся совокупность нравственного быта распалась на составные части, на азбучные, материальные начала бытия.

Но это направление разрушительное, которому ясным и кровавым зеркалом может служить французская революция, произвело в умах направление противное, контрреволюцию, которая хотя совершилась не везде одновременно, но выразилась везде однозначительно. Систематические умозрения взяли верх над ощутительным опытом, который перестал уже быть единственным руководителем в науках. Мистицизм распространился между людьми, не поддавшимися увлечению легкомысленного неверия. Общество, униженное до простонародности, старалось возвыситься блеском внешнего великолепия и пышности. В искусствах подражание внешней природе заменилось сентиментальностию и мечтательностию, которые на всю действительность набрасывали однообразный цвет исключительного чувства или систематической мысли, уничтожая таким образом самобытность и разнообразие внешнего мира. В области философии как противуположность прежнему материализму начали развиваться системы чисто духовные, выводящие весь видимый мир из одного невещественного начала. Таким образом, во всех отраслях ума и жизни более или менее заметна была потребность *единства,* противуположная прежнему разрушительному началу. Эта потребность единства произвела ту насильственную стройность, то искусственное однообразие, которые так же относятся к прежнему безначалию, как великий похититель французского престола[2] относится к воспитавшей его французской республике. Но сии два противуположные направления, *разрушительное и насильственно соединяющее,* согласовались в одном: в борьбе с прежним веком. Из этой борьбы родилась потребность мира; из противуречащих волнений — потребность успокоительного равновесия,и образовалось третье изменение духа девятнадцатого века: стремление к мирительному соглашению враждующих начал.

Терпимость вместе с уважением к религии явилась на место ханжества, неверия и таинственной мечтательности. В философии идеализм и материализм помирились системою тождества. Общество высшим законом своим признало изящество образованной простоты, равно уда-

Библиотека "Руниверс"

ленной от той простоты грубой, которая происходит от разногласного смешения состояний, и от той изысканности неестественной, которая царствовала при дворе Людовика XIV, и от того великолепия необразованного, которое окружало Наполеона в его величии. В поэзии подражание видимой действительности и мечтательность заменились направлением историческим, где свободная мечта проникнута неизменяемой действительностью и красота однозначительна с правдою. И эта поэзия историческая почти не заимствовала предметов своих ни из древней истории, ни из новой; содержанием ее почти исключительно была история средняя, то есть то время, из которого развился недавно прошедший порядок вещей, находившийся в борьбе с новыми стремлениями. Исторические разыскатели также ограничивались преимущественно эпохою средних веков, исключая некоторых немецких филологов, далеко не составляющих большинства. Даже мода искала *готического* в своих минутных нарядах, в убранствах комнат и т. п. Вообще в целом быте просвещеннейшей части Европы образовался новый, *сложный* порядок вещей, в состав которого вошли не только результаты новых стремлений, но и остатки старого века, частию еще уцелевшие, частик» возобновленные, но в обоих случаях измененные новыми отношениями. Господствующее направление умов, соответствовавшее этому новому порядку вещей, заключалось в стремлении к успокоительному уравновешению нового духа с развалинами старых времен и к сведению противуположных крайностей в одну общую, *искусственно отысканную середину*.

Но долго ли продолжалось это направление?

Оно продолжается еще и теперь, но уже значительно измененное. Докажем это состоянием литературы.

В литературе результатом сего направления было стремление согласовать воображение с действительностью, правильность форм' с свободою содержания, округленность искусственности с глубиною естественности [...]

[...] Многие думают, что время поэзии прошло и что ее место заступила жизнь действительная. Но неужели в этом стремлении к жизни действительной нет своей особенной поэзии? Именно из того, что Жизнь *вытесняет* Поэзию, должны мы заключить, что стремление к Жизни и к Поэзии *сошлись* и что, следовательно, час для поэта Жизни наступил.

Библиотека "Руниверс"

Такое же сближение жизни с развитием человеческого духа, какое мы заметили в поэзии, обнаруживается и в современном состоянии наук. В доказательство возьмем самое умозрительное и самое отвлеченное из человеческих познаний: философию.

Натуральная философия, названная так по случайной особенности своего происхождения, была последнею ступенью, до которой возвысилось новейшее любомудрие. Идеализм Фихте и реализм Спинозы, догматизм схоластики и критицизм Канта, предустановленная гармония Лейбница и вещественная последовательность английского и французского материализма — одним словом, все развитие новейшего мышления от Декарта до Шеллинга совместилось в системе сего последнего и нашло в ней свое окончательное развитие, дополнение и оправдание. Казалось, судьба философии решена, цель ее отыскана и границы раздвинуты до невозможного. Ибо, постигнув сущность разума и законы его необходимой деятельности, определив соответственность сих законов с законами безусловного бытия, открыв в целом объеме мироздания повторение того же вечного разума по тем же началам вечной необходимости, куда еще могла бы стремиться любознательная мысль человека?

Таково было мнение почти всех приверженцев системы тожества, то есть не одних шеллингистов, но и последователей Гегеля, Окена, Аста, Вагнера и других предводителей новейшего немецкого любомудрия. И по мере того, как это любомудрие распространялось вне Германии, вместе с ним распространялась уверенность, что оно составляет последнее звено и верховный венец философского мышления.

Но тот же Шеллинг, который первый создал систему тожества, теперь сам открывает новую цель и прокладывает новую дорогу для философии. Истинное познание, говорит он, познание *положительное, живое,* составляющее конечную цель всех требований нашего ума, не заключается в логическом развитии необходимых законов нашего разума. Оно *вне* школьно-логического процесса и потому *живое;* оно *выше* понятия вечной необходидимости и потому *положительное;* оно *существеннее* математической отвлеченности и потому *индивидуально-определенное, историческое.* Но все системы новейшего любомудрия, под какими бы формами они ни обнаруживались, под какими бы ни скрывались именами, преследовали единственно развитие законов умственной необ-

Библиотека "Руниверс"

ходимости, и даже новейший материализм основывался на убеждении чисто логическом, выведенном из отвлеченного понятия законов нашего разума, но не из живого познания сущности вещей и бытия. Весь результат такого мышления мог заключаться только в познании *отрицательном,* ибо разум, сам себя развивающий, сам собою и ограничивается. Познания отрицательные необходимы, но не как цель познавания, а только как средство; они очистили нам дорогу к храму живой мудрости, но у входа его должны были остановиться. Проникнуть далее предоставлено философии положительной, *исторической,* для которой теперь только наступает время, ибо теперь только довершено развитие философии отрицательной и логической.

Очевидно, что это требование исторической существенности и положительности в философии, сближая весь круг умозрительных наук с жизнью и действительностью, соответствует тому же направлению, какое господствует, и в новейшей литературе. И то же стремление к существенности, то же сближение духовной деятельности с действительностью жизни обнаруживается в мнениях религиозных.

Мы уже заметили, что с легкомысленным и насмешливым неверием, распространенным Вольтером и его последователями, боролся мечтательный мистицизм, который, однако же, по сущности своей доступен только для немногих и, следовательно, не мог преодолеть почти всеобщего вольтеровского вольнодумства. Но чего не мог совершить мистицизм, то совершилось успехами просвещения вообще, искоренившего некоторые злоупотребления и уничтожившего предрассудки, которые мешали беспристрастию. Теперь, благодаря сим успехам просвещения, уважение к религии сделалось почти повсеместным, исключая, может быть, Италию, где тон легкомысленного безверия, данный Вольтером, еще во всей силе, но где просвещение и не в этом одном отстало от образованной Европы.

Но это уважение к религии по большей части сопровождалось каким-то равнодушием, которое противоречило дальнейшему развитию просвещения и которое теперь начинает проходить вместе с распространением более истинных понятий. Ибо недавно еще как понимала религию большая часть людей просвещенных? Либо как совокупность обрядов, либо как внутреннее, индивидуальное убеждение в известных истинах. Но это ли религия?

Библиотека "Руниверс"

Нет, религия не один обряд и не одно убеждение. Для полного развития не только истинной, но даже ложной религии необходимо единомыслие народа, освященное яркими воспоминаниями, развитое в преданиях одномысленных, сопроникнутое с устройством государственным, олицетворенное в обрядах однозначительных и общенародных, сведенное к одному началу положительному и ощутительное во всех гражданских и семейственных отношениях. Без этих условий есть убеждение, есть обряды, но собственно религии нет. Истина эта особенно распространяется в наше время, когда жизнь народов развита глубже и многостороннее и когда потребность религии стала ощутительна не в одних умозрениях. Замечательно, что и паписты, и иезуиты, и сенсимонисты, и протестанты-супранатуралисты и даже рационалисты — одним словом, все религиозные партии, которые теперь в таком множестве волнуются по Европе и которые несогласны между собою во всем остальном, все, однако же, в одном сходятся: *в требовании большего сближения религии с жизнью людей и народов.*

Такая же потребность сближения с жизнью заметна и в целом мире европейской образованности. Везде господствует направление чисто практическое и деятельно положительное. Везде дело берет верх над системою, сущность над формою, существенность над умозрением. Жизнь и общество становятся прямее и проще в своих отношениях, яснее и естественнее в своих требованиях. То *искусственное* равновесие противуборствующих начал, которое недавно еще почиталось в Европе единственным условием твердого общественного устройства, начинает заменяться равновесием *естественным,* основанным на просвещении общего мнения. [...]

[...] Жизнь европейского просвещения девятнадцатого века не имела на Россию того влияния, какое она имела на другие государства Европы. Изменения и развитие сей жизни отзывались у нас в образе мыслей некоторых людей образованных, отражались в некоторых оттенках нашей литературы, но далее не проникали. Какая-то китайская стена стоит между Россиею и Европою и только сквозь некоторые отверстия пропускает к нам воздух просвещенного Запада; стена, в которой великий Петр ударом сильной руки пробил широкие двери; стена, которую Екатерина долго старалась разрушить, которая ежедневно разрушается более и более, но несмотря на то, все еще стоит высоко и мешает.

Библиотека "Руниверс"

Скоро ли разрушится она? Скоро ли образованность наша возвысится до той степени, до которой дошли просвещенные государства Европы? Что должны мы делать, чтобы достигнуть этой цели или содействовать к ее достижению? Извнутри ли собственой жизни должны мы заимствовать просвещение свое или получать его из Европы? И какое начало должны мы развивать внутри собственной жизни? И что должны мы заимствовать от просветившихся прежде нас?

Чтобы отвечать на эти вопросы, надобно определить характер и степень просвещения русского, характер и степень просвещения европейского и их взаимные отношения.

Как же относится русское просвещение к европейскому? На этот вопрос слышим мы ежедневно столько же ответов, сколько встречаем людей, почитающих себя образованными. Между тем от понятия, которое мы имеем об отношениях России к Европе, зависят наши суждения о том, что может ускорить или замедлить наше просвещение; о том, что дает ему ложное или истинное направление; о том, к чему мы должны стремиться и чего избегать; о том, что нам полезно и вредно, что мы должны заимствовать у соседей наших и чего удаляться, и, следовательно, вся совокупность наших мыслей об России, о будущей судьбе ее просвещения и настоящем положении; вся совокупность наших надежд и ожиданий;" вся совокупность наших желаний и ненавистей, и — если мы хотим быть согласны сами с собою — самый характер нашей практической деятельности посредственно или непосредственно должен зависеть от *того понятия, которое мы имеем, об отношении русского просвещения к просвещению остальной Европы.*

Итак, нет истины, которой признание было бы важнее; нет мнения, в котором общее согласие было бы благодетельнее.

Но общее мнение составляется из частных. Там, где оно еще не составилось или не обнаружилось явно, ничей голос не может быть лишний; напротив, каждый *обязан* произносить свой приговор, ибо приговор каждого может содействовать к образованию общего. Вот почему я постараюсь высказать здесь свое мнение, хотя в общих чертах и сколько позволят мне необходимые условия журнальной статьи. Если читатель найдет мои мысли ошибочными, то по крайней мере увидит в них искреннее стремление к истине и потому, я надеюсь, не оставит

Библиотека "Руниверс"

их без внимания; я надеюсь также, что благонамеренные литераторы не откажутся почтить их своими замечаниями, исправят ошибочное и подтвердят справедливое.

Я знаю, что общие мысли, не развитые в ощутительных подробностях, редко понимаются в том смысле, в каком их хотят представить, ибо редко даже человеку с талантом удается найти выражение простое и незапутанное когда он говорит общими выводами о предметах сложных и подлежащих не одному разуму, но вместе и опыту, и памяти, и личным соображениям каждого. Потому я никогда не решился бы начать этой статьи, если бы не смотрел на нее единствено как на введение к подробнейшему изложению моих мыслей; если бы не надеялся каждую из них развить особенно и в применениях к *действительности* подтвердить и пояснить то, что в кратком очерке не может быть представлено иначе, как умозрительно.

Не со вчерашнего дня родилась Россия: тысячелетие прошло с тех пор, как она начала себя помнить, и не каждое из образованных государств Европы может похвалиться столь длинною цепью столь ранних воспоминаний. Но, несмотря на эту долгую жизнь, просвещение наше едва начинается, и Россия в ряду государств образованных почитается еще государством молодым. И это недавно начавшееся просвещение, включающее нас в состав европейских обществ, не было плодом нашей прежней жизни, необходимым следствием нашего внутреннего развития; оно пришло к нам извне и частию даже насильственно, так что внешняя форма его до сих пор еще находится в противоречии с формою нашей национальности.

Очевидно, что причины, столь долгое время удалявшие Россию от образованности, не могут быть случайными, но должны заключаться в самой сущности ее внутренней жизни, и хотя в каждую эпоху нашей истории находим мы особенные и различные обстоятельства, мешавшие нашему развитию, но совокупность сих обстоятельств заставляет нас заключать, что враждебное влияние их зависело не столько от их случайного явления, сколько от коренного образования первоначальных элементов нашего быта, и, может быть, то же обстоятельство, которое вредило просвещению в России, могло бы способствовать его успехам в Италии или в Англии.

Но если даже случайные, внешние причины останавливали успехи нашей образованности, то все же влия-

Библиотека "Руниверс"

ние сих причин должно было условливаться внутренним состоянием России, и внешнее обстоятельство, действуя таким образом, становилось уже одним из элементов внутренней жизни, одною из постоянных пружин последующего развития. Следовательно, прежде нежели мы приступим к вопросу, какое отношение между просвещением России и Европы существует *теперь,* мы должны еще рассмотреть, какие элементы личной и гражданственной образованности представляет нам прошедшая жизнь России и в каком отношении находились эти элементы к просвещению европейскому.

От самого падения Римской империи до наших времен просвещение Европы представляется нам в постепенном развитии и в беспрерывной последовательности. Каждая эпоха условливается предыдущею, и всегда прежняя заключает в себе семена будущей, так что в каждой из них являются те же стихии, но в полнейшем развитии.

Стихии сии можно подвести к трем началам: 1-е — влияние христианской религии; 2-е — характер, образованность и дух варварских народов, разрушивших Римскую империю; 3-е — остатки древнего мира. Из этих трех начал развивалась вся история новейшей Европы. Которого же из них недоставало нам, или что имели мы лишнего.

Еще прежде десятого века имели мы христианскую религию; были у нас и варвары, и, вероятно, те же, которые разрушили Римскую империю, но *классического древнего мира* недоставало нашему развитию. Посмотрим, и какое отличие произошло от того в нашей истории.

Известно и после ученых разысканий Савиньи[3], после глубокомысленных соображений Гизо[4] уже несомненно, что во все продолжение средних, так называемых варварских веков римские законы, римское устройство, разнообразно измененные, иногда смешанно, иногда чисто, но всегда очевидно существовали во всех местах Европы, куда прежде простиралось римское владычество. Эти законы, эти устройства, примешиваясь к обычаям варваров, естественно должны были способствовать к их образованию и действовать на их гражданский быт, а часто и на личное их просвещение. Но очевиднее всего влияние их на устройство торговых городов, которые, сделавшись независимыми, стали одною из сильнейших пружин и одним из необходимых элементов европейского образования.

Библиотека "Руниверс"

У нас также были Новгород и Псков; но внутреннее устройство их (занятое по большей части из сношений с иноземцами) тогда только могло бы содействовать к просвещению нашему, когда бы ему не противоречило все состояние остальной России. Но при том порядке вещей, который существовал тогда в нашем отечестве, не только Новгород и Псков долженствовали быть задавлены сильнейшими соседями, но даже их просвещение, процветавшее столь долгое время, не оставило почти никаких следов в нашей истории,— так несогласовано оно было с целою совокупностью нашего быта.

Но еще важнее, чем на образование вольных городов, действовало устройство древнего мира на внешнее образование римской церкви и на ее политическое влияние во времена средних веков. Известно, что гражданская власть духовенства в Европе была прямым наследием устройства римского и что светское правление епископов было устроено по образцам римским, еще уцелевшим в частях, когда целое уже и разрушилось *. Самая противоположность-, которая существует между духом древнего языческого мира и христианством, долженствовала служить к усилению последнего и к его многостороннейшему развитию, ибо, находясь в постоянной борьбе со всем его окружающим, христианство получало беспрестанно новые силы от беспрестанно новых успехов, и, побеждая язычество, подчиняло себе его просвещение. Таким образом, являлось, оно в двух различных видах двум противуположным и борющимся стихиям; на остатки древнего мира христианство действовало как противуположное ему, обновляющее, преобразовывающее начало, которое разрушает для того, чтобы создать новое; варварам оно являлось как начало созидающее, образовывающее, как источник просвещения, порядка и единства посреди разногласного, нестройного и невежественного брожения; и это двойное отношение христианства к новому и древнему миру сделало его центром обоих и средоточием всех элементов европейского развития. Оттого церковь в обновленной Европе стала не только источником духовного образования, но и главою устройства политического. Она была первым звеном того феодального порядка, который связал в одну систему все различные государства

* Еще римские императоры предоставили епископам почти не ограниченную власть над городами, и «эта власть», говорит Тьерри[5], «беспрестанно возрастая после падения Римской империи, Почти везде преобразовывалась в господство феодальное».

Библиотека "Руниверс"

Европы; на ней утверждена была Святая римская империя; она была первою стихиею того рыцарства, которое распространило один нравственный кодекс посреди разнородных политических отношений; она была единственным узлом между всеми нестройными элементами и всеми различными народами; она дала один дух всей Европе, подняла крестовые походы и, быв источником единодушия и порядка, остановила набеги варваров и положила преграду нашествиям мусульман.

В России христианская религия была еще чище и святее. Но недостаток классического мира был причиною тому, что влияние нашей церкви во времена необразованные не было ни так решительно, ни так всемогуще, как влияние церкви римской. Последняя, как центр политического устройства, возбудила одну душу в различных телах и создала таким образом ту крепкую связь христианского мира, которая спасла его от нашествий иноверцев,— у нас сила эта была не столь ощутительна, не столь всемогуща, и Россия, раздробленная на уделы, не связанная духовно, на несколько веков подпала владычеству татар, на долгое время остановивших ее на пути к просвещению.

Ненужным почитаю я доказывать здесь, что система раздробления была свойственна не одной России, что она была во всей Европе и особенно развилась во Франции, несмотря на то остановившей стремительный натиск арабов *. Но мелкие королевства, связанные между собою сомнительною и слабою подчиненностью политическою, были соединены более ощутительно узами религии и церкви. Известно также, что дети владетелей таких королевств наследовали поровну владения своего отца, раздробляя его таким образом более и более, и что образ внутренного управления их во многом походил на образ управления наших удельных князей. Из этого, однако, не следует, чтобы феодальная система и система уделов были одно и то же, как утверждали у нас некоторые писатели, ибо, не говоря уже о другом, одна зависимость феодального устройства от церкви, служащей первым основанием всех феодальных прав и отношений, уже полагает такое различие между двумя системами, что непонятно, каким образом многие из

* Seulement en Belgique et sur les bords du Rhin on a comte jusqu a cent vingt — trois grandes terres, Possedees par les rois de la seconde race. Augustin Thierry. Lettres sur l'Histoire de France, Lettre XII.[6]

Библиотека "Руниверс"

литераторов наших хотя на минуту могли почитать их одинаковыми. Но, с другой стороны, феодальное устройство представляет столько сходного с нашими уделами, что нельзя не предположить, что система уделов была одним из элементов феодализма **.

Этот элемент, отчужденный от всего остального образования Европы, произвел у нас то устройство, которого следствием были татары, коим мы не могли противупоставить ни зрелой образованности, ни силы единодушия. Не имея довольно просвещения для того, чтобы соединиться против них *духовно,* мы могли избавиться от них единственно *физическим,* материальным соединением, до которого достигнуть могли мы только в течение столетий. Таким образом, очевидно, что и нашествие татар и влияние их на последующее развитие наше имело основанием одно: *недостаток классического мира.* Ибо теперь даже разделите Россию на такие уделы, на какие она разделена была в XII веке,— и завтра же родятся для нее новые татары, если не в Азии, то в Европе. Но если бы мы наследовали остатки классического мира, то религия наша имела бы более политической силы, мы обладали бы большею образованностью, большим единодушием и, следовательно, самая разделенность наша не имела бы ни того варварского характера, ни таких пагубных последствий.

Этот же недостаток образованности общего развивающегося духа, происходящий от недостатка классического мира, отзывается и в самой эпохе нашего освобождения от татар. Нам не предстояло другого средства избавиться от угнетения иноплеменного, как посредством соединения и сосредоточения сил; но так как силы наши были преимущественно физические и материальные,- то и соединение наше было не столько выражением единодушия, сколько простым материальным совокуплением и сосредоточие сил было единственно сосредоточением *физическим,* не смягченным, не просвещенным образованностью. Потому избавление наше от татар происходило медленно и, совершившись, должен-

** Сходство сие служит одним из убедительнейших доказательств общего происхождения варягов, нашедших на Россию, и германских народов, разрушивших Римскую империю. Но одинакне обычаи сих варваров должны были измениться различно, смотря по различию тех земель, куда они являлись, и, вероятно, то же начало, которое у нас произвело систему уделов, в Европе образовалось в систему феодального устройства.

Библиотека "Руниверс"

ствовало на долгое время остановить Россию в том тяжелом закостенении, в том оцепенении духовной деятельности, которые происходили от слишком большого перевеса силы материальной над силою нравственной образованности. Это объясняет нам многое и, между прочим, показывает причины географической огромности России.

Пятнадцатый век был для Европы веком изобретений, открытий, успехов умственных и гражданских. Но пятнадцатый век был приготовлен четырнадцатым, который сам был следствием предыдущих, развившихся под влиянием остатков древнего мира. Это влияние сначала обнаруживалось образованностью и силою римской церкви; но потом, когда просвещение уже распространилось в самом быте народа и вкоренилось в светской гражданственности, тогда и церковь перестала быть единственным проводником образованности, и Европа обратилась прямо к своим умственным праотцам — к Риму и Греции. И это новое, самопознавшееся стремление к миру классическому обнаруживается не только в высших умах, в людях, стоящих впереди своего народа; оно обнаруживается не только в науках и искусствах, дышавших единственно освеженными воспоминаниями о греках и римлянах, но даже и в самом народном быту просвещенных земель, в самом устройстве их гражданственности и национальности. И еще прежде падения греческой империи уже итальянские республики образовывались по образцу древних, между тем как архитектура, живопись, ваяние, науки и самый патриотизм- в Италии носили глубокую печать одного идеала: *классического мира*.

Таким образом, для новой Европы довершился круг полного наследования прежнего просвещения человечества. Таким образом, новейшее просвещение есть не отрывок, но продолжение умственной жизни человеческого рода. Таким образом, государства, причастные образованности европейской, внутри самих себя совместили все элементы просвещения всемирного, сопроникнутого с самою национальностью их.

И на Западе почти в то же время, как у нас, происходила подобная кристаллизация сил и элементов: мелкие королевства соединялись в большие массы, частные силы сосредоточились в подчиненности одной силе общей. Но это сосредоточение и соединение имели совершенно другой характер оттого, что частные силы, част-

Библиотека "Руниверс"

ные элементы были образованы, развиты и самобытны. И тут и там идет борьба за национальность, независимость и целость; и тут и там стремление к сосредоточению и единству; но там просвещение уже развитое, следовательно, знаменем борьбы, целью стремления является всегда *мысль* религиозная или политическая; тут место заступает *лицо,* частное событие, *самозванец*.

Только с того времени, как история наша позволила нам сближаться с Европою, то есть со времени Минина и Пожарского, начало у нас распространяться и *просвещение в истинном смысле сего слова,* то есть не отдельное развитие нашей особенности, но участие в общей жизни просвещенного мира, ибо отдельное, китайски особенное развитие заметно у нас и прежде введения образованности европейской; но это развитие не могло иметь успеха *общечеловеческого,* ибо ему недоставало одного из необходимых элементов всемирной прогрессии ума.

Что это европейское просвещение начало вводиться у нас гораздо прежде Петра, и особенно при Алексее Михайловиче,— это доказывается тысячью оставшихся следов и преданий. Но, несмотря на то, начало сие было столь слабо и ничтожно в сравнении с тем, что совершил Петр, что, говоря о нашей образованности, мы обыкновенно называем его основателем нашей новой жизни и родоначальником нашего умственного развития. Ибо прежде него вводилось к нам мало-помалу и *отрывисто,* отчего по мере своего появления в России оно искажалось влиянием нашей пересиливающей национальности. Но переворот, совершенный Петром, был не столько развитием, сколько переломом нашей национальности; не столько внутренним успехом, сколько внешним нововведением.

Но могло ли просвещение прийти к нам иначе как посредством перелома в нашем развитии, иначе как в виде внешней силы, противуположной нашему прежнему быту, сражающейся с нашею национальностию на жизнь и смерть и долженствующей не помириться с нею, но победить ее, покорить своему владычеству, преобразовать, породить новое?

Ответ на этот вопрос выводится ясно из предыдущего, и если в нашей прежней жизни недоставало одного из необходимых элементов просвещения — мира классического,— то как могли бы мы достигнуть образованности, не заимствуя ее извне? И образованность

Библиотека "Руниверс"

заимствованная не должна ли быть в борьбе с чуждою ей национальностию?

Просвещение человечества, как мысль, как наука, развивается постепенно и последовательно. Каждая эпоха человеческого бытия имеет своих представителей в тех народах, где образованность процветает полнее других. Но эти народы до тех пор служат представителями своей эпохи, покуда ее господствующий характер совпадается с господствующим характером их просвещения. Когда же просвещение человечества, довершив известный период своего развития, идет далее и, следовательно, изменяет характер свой, тогда и народы, выражавшие сей характер своею образованностью, перестают быть представителями всемирной истории. Их место заступают другие, коих особенность всего более согласуется с наступающею эпохою. Эти новые представители человечества продолжают начатое их предшественниками, наследуют все плоды их образованности и извлекают из них семена нового развития. Таким образом, с тех самых пор, с которых,начинаются самые первые воспоминания истории, видим мы неразрывную связь и постепенный, последовательный ход в жизни человеческого ума, и если по временам просвещение являлось как бы останавливающимся, засыпающим, то из этого сна человек пробуждался всегда с большею бодростью, с большею свежестью ума и продолжал *вчерашнюю* жизнь с новыми силами. Вот отчего просвещение каждого народа измеряется не суммою его познаний, не сомкнутым развитием его национальности, не утонченностью и сложностью той машины, которую называют *гражданственностью,* но единственно участием его в просвещении всего человечества, тем местом, которое он занимает в общем ходе человеческого развития. Ибо просвещение одинокое, китайски отделенное должно быть и китайски ограниченное: в нем нет жизни, нет блага, ибо нет прогрессии, нет того успеха, который добывается только совокупными усилиями человечества.

На чем же основываются те, которые обвиняют Петра, утверждая, будто он дал ложное направление образованности нашей, заимствуя ее из просвещенной Европы, а не развития изнутри нашего быта?

Эти обвинители великого создателя новой России с некоторого времени распространились у нас более, чем когда-либо, и мы знаем, откуда почерпнули они свой

Библиотека “Руниверс”

образ мыслей. Они говорят нам о просвещении национальном, самобытном; не велят заимствовать, бранят нововведение и хотят возвратить нас к коренному и старинно-русскому. Но что же? Если рассмотреть внимательно, то это самое стремление к национальности есть не что иное, как непонятное повторение мыслей чужих, мыслей европейских, занятых у французов, у немцев, у англичан и необдуманно применяемых к России. Действительно, лет десять тому назад стремление к национальности было господствующим в самых просвещенных государствах Европы: все обратились к своему народному, к своему особенному; но там это стремление имело свой смысл: там просвещение и национальность одно, ибо первое развилось из последней. Потому если немцы искали чисто немецкого, то это не противоречило их образованности; напротив, образованность их таким образом доходила только до своего сознания, получала более самобытности, более полноты и твердости. Но у нас искать национального — значит искать необразованного; развивать его на счет европейских нововведений — значит изгонять просвещение, ибо, не имея достаточных элементов для внутреннего развития образованности, откуда возьмем мы ее, если не из Европы? Разве самая образованность европейская не была последствием просвещения древнего мира? Разве не представляет она теперь просвещения общечеловеческого? Разве не в таком же отношении находится она к России, в каком просвещение классическое находилось к Европе?

Правда, есть минуты в жизни Петра, где, действуя иначе, он был бы согласнее сам с собою, согласнее с тою мыслию, которая одушевляла его в продолжение всей жизни. Но эта мысль, но общий характер его деятельности, но образованность России, им начатая,— вот основание его величия и нашего будущего благоденствия. Ибо благоденствие наше зависит от нашего просвещения, а им обязаны мы Петру. Потому будем осмотрительны, когда речь идет о преобразовании, им совершенном. Не позабудем, что судить об нем легкомысленно есть дело неблагодарности и невежества; не позабудем, что те, которые осуждают его, не столь часто увлекаются ложною системою, сколько под нею скрывают свою корыстную ненависть к просвещению и его благодетельным последствиям, ибо невежество, как преступник, не спит ночью и боится дня.

Библиотека "Руниверс"

Екатерина II действовала в том же духе, в каком работал Великий Петр. Она также поставила просвещение России целью своего царствования и также всеми средствами старалась передать нам образованность европейскую. Может быть, средства сии были не всегда самые приличные тогдашнему состоянию России; но, несмотря на то, образованность европейская начала распространяться у нас видимо и ощутительно только в царствование Екатерины. Причина тому заключается, по моему мнению, не столько в том, что Екатерина нашла в России уже многое приготовленным, сколько в том особенном направлении, которое просвещение Европы начало принимать в половине восемнадцатого века.

Мы видели, что с половины восемнадцатого века просвещение в Европе приняло направление, противуположное прежнему. Новые начала и старые явились в борьбе, различно измененной, но всегда одномысленной. Мы видели, что в науках, в искусствах, в жизни, в литературе — одним словом, в целой сфере умственного развития Европы новые успехи * хотя были последствием прежнего развития, но, несмотря на то, принимали характер противуположный ему и с ним несовместимый, как плод, который родился и созрел на дереве, но, созрев, отпадает от него и служит семенем нового дерева, которое вытесняет старое.

Для большего пояснения возьмем еще несколько примеров. Нет сомнения, что изобретение паровых машин есть следствие европейского просвещения, что оно благодетельно для рода человеческого вообще и для будущих успехов промышленности. Но настоящее состояние промышленности европейской, которое также есть следствие предыдущего, противуречит успехам сего изобретения. Миллионы людей должны искать новых средств к пропитанию, между тем как средства сии и без того затруднены следствием прежнего устройства промышленности. Но паровые машины еще в начале своих применений; еще тысячи новых работ будут заменены ими: какой же сильный переворот должен произойти в промышленности европейской! Какое противоречие между прежним порядком вещей и новыми успехами просвещения!

* Не должно смешивать успехи истинные с мнимыми и нововведения мечтательные, вредные с необходимым развитием просвещения.

Библиотека "Руниверс"

То же, что и о промышленности, можно сказать и о юриспруденции. Римские законы, мы видели, были основанием образованности и началом законного порядка. Но польза их уже кончилась, и теперь они являются в противуречии с потребностями гражданского устройства. Между тем во многих государствах они еще имеют силу живую и не могут быть заменены иначе как с совершенным преобразованием уложений.

Внешнее устройство римской церкви было первым источником европейской образованности; но именно потому формы сего устройства должны были совершенно соответствовать тому времени, в которое они произошли. Естественно, что с изменением времени и формы сии в некоторых государствах во многих отношениях не совмещались с новыми потребностями. Оттого явились реформации, нарушившие единство европейской церкви, а в некоторых землях водворилось совершенное безверие, которое с трудом побеждается теперь успехами светского просвещения.

Так образованность европейская является.нам в двух видах: как просвещение Европы прежде и после половины восемнадцатого века. 'Старое просвещение связано неразрывно с целою системою своего постепенного развития, и, чтобы быть ему причастным, надобно пережить снова всю прежнюю жизнь Европы. Новое просвещение противуположно старому и существует самобытно. Потому народ, начинающий образовываться, может заимствовать его прямо и водворить у себя без предыдущего, непосредственно применяя его к своему настоящему быту. Вот почему и в России и в Америке просвещение начало приметно распространяться не прежде восемнадцатого и особенно в девятнадцатом веке.

Сказанное нами достаточно для того, чтобы вывести все нужные результаты и данные для определения настоящего характера нашей образованности и ее отношений к просвещению общечеловеческому. Но мы предоставляем сделать сей вывод самим читателям, ибо, если нам удалось изложить наши мысли ясно и убедительно, то результаты их очевидны. Если же, читая статью сию, читатели не разделили нашего мнения, то и последствия сего мнения покажутся им произвольными и неосновательными.

Библиотека "Руниверс"

В ОТВЕТ А. С. ХОМЯКОВУ[7]

Статья г. Хомякова возбудила во многих из нас желание написать ему возражение. Потому я хотел сначала уступить это удовольствие другим и предложить вам статью об ином предмете. Но потом, когда я обдумал, что понятие наше об отношении прошедшего состояния России к настоящему принадлежит не к таким вопросам, о которых мы можем иметь безнаказанно то или другое мнение, как о предметах литературы, о музыке или о иностранной политике, но составляет, так сказать, существенную часть нас самих, ибо входит в малейшее обстоятельство, в каждую минуту нашей жизни; когда я обдумал еще, что каждый из нас имеет об этом предмете отличное от других мнение, тогда я решился писать, думая, что моя статья не может помешать другому говорить о том же, потому что это дело для каждого важно, мнения всех различны и единомыслие могло бы быть не бесполезно для всех.

Вопрос обыкновенно предлагается **таким образом:** прежняя Россия, в которой порядок вещей слагался из собственных ее элементов, была ли лучше или хуже теперешней России, где порядок вещей подчинен преобладанию элемента западного? Если прежняя Россия была лучше теперешней, говорят обыкновенно, то надобно желать возвратить старое, исключительно русское, и уничтожить западное, искажающее русскую особенность; если же прежняя Россия была хуже, то надобно стараться вводить все западное и истреблять особенность русскую.

Силлогизм, мне кажется, не совсем верный. Если старое было лучше теперешнего, из этого еще не следует, чтобы оно было лучше теперь. Что годилось в одно время, при одних обстоятельствах, может не годиться в другое, при других обстоятельствах. Если же старое было хуже, то из этого также не следует, чтобы его элементы не могли сами собой развиться во что-нибудь лучшее, если бы только развитие это не было остановлено насильственным введением элемента чужого. Молодой дуб, конечно, ниже однолетней с ним ракиты, которая видна издалека, рано дает тень, рано кажется деревом и годится на дрова. Но вы, конечно, не услужите дубу тем, что привьете к нему ракиту.

Таким образом,- и самый вопрос предложен неудовлетворительно. Вместо того чтобы спрашивать, лучше

Библиотека "Руниверс"

ли была прежняя Россия, полезнее, кажется, спросить: нужно ли для улучшения нашей жизни теперь возвращение к старому русскому или нужно развитие элемента западного, ему противоположного?

Рассмотрим, какую пользу мы можем извлечь из решения этого вопроса.

Положим, что вследствие беспристрастных изысканий мы убедимся, что для нас особенно полезно бы было исключительное преобладание одного из двух противоположных бытов; положим притом, что мы находимся в возможности иметь самое сильное влияние на судьбу России,— то и тогда мы не могли бы от всех усилий наших ожидать исключительного преобладания одного из противоположных элементов, потому именно, что хотя и один избран в *нашей теории,* но другой вместе с ним существует *в действительности.* Сколько бы мы ни были врагами западного просвещения, западных обычаев и т. п., но можно ли без сумасшествия думать, что когда-нибудь какою-нибудь силою истребится в России память всего того, что она получила от Европы в продолжение двухсот лет? Можем ли мы не знать того, что знаем, забывать все, что умеем? Еще менее можно думать, что 1000-летие русское может совершенно уничтожиться от влияния нового европейского. Потому сколько бы мы ни желали возвращения русского или введения западного быта, но ни того, ни другого исключительно ожидать не можем, а поневоле должны предполагать что-то третье, долженствующее возникнуть из взаимной борьбы двух враждующих начал.

Следовательно, и этот вид вопроса — который из. двух элементов исключительно полезен теперь? — также предложен неправильно. Не в том' дело, который из двух, но в том, какое оба они должны получить направление, чтобы действовать благодетельно. Чего от взаимного их действия должны мы надеяться или чего бояться?

Вот вопрос, как он существенно важен для каждого из нас: направление туда или сюда, а не приобретение того или другого.

Рассматривая основные, начала жизни, образующие силы народности в России и на Западе, мы с первого взгляда открываем между ними одно очевидно общее: это христианство. Различие заключается в особенных видах христианства, в особенном направлении просвещения, в особенном смысле частного и народного быта.

Библиотека "Руниверс"

Откуда происходит общее, мы знаем; но откуда происходит различие и в чем заключается его характеристическая черта?

Два способа имеем мы для того, чтобы определить особенность Запада и России, и один из них должен служить поверкою другому. Мы можем или, восходя исторически к началу того или другого вида образованности, искать причину различия их в первых элементах, из которых они составились; или, рассматривая уже последующее развитие этих элементов, сравнивать самые результаты. И если найдется, что то же различие, какое мы заметим в элементах, окажется и в результатах их развития, тогда очевидно, что предположение наше верно, и, основываясь на нем, нам уже виднее будет, какие можно делать из него дальнейшие заключения.

Три элемента легли основанием европейской образованности: римское христианство, мир необразованных варваров, разрушивших Римскую империю, и классический мир древнего язычества.

Этот классический мир древнего язычества, не доставшийся в наследие России, в сущности своей представляет торжество формального разума человека над всем, что внутри и вне его находится,— чистого, голого разума, на себе самом основанного, выше себя и вне себя ничего не признающего и являющегося в двух свойственных ему видах — в виде формальной отвлеченности и отвлеченной чувственности. Действие классицизма на образованность европейскую должно было соответствовать тому же характеру.

Но потому ли, что христиане на Западе поддались беззаконно влиянию классического мира, или случайно ересь сошлась с язычеством, но только римская церковь в уклонении своем от восточной отличается именно тем же торжеством рационализма над преданием внешней разумности, над внутренним духовным разумом. Так, вследствие этого внешнего силлогизма, выведенного из понятия о божественном равенстве Отца и Сына, изменен догмат о Троице в противность духовному смыслу и преданиК»; так, вследствие другого силлогизма папа стал главою церкви вместо Иисуса Христа, потом мирским властителем, наконец, непогрешаемым; бытие боже во всем христианстве доказывалось силлогизмом; вся совокупность веры опиралась на силлогическую схоластику; инквизиция, иезуитизм — од-

Библиотека "Руниверс"

ним словом, все особенности католицизма развились силою того же формального процесса разума, так что и самый протестантизм, который католики упрекают в рациональности, произошел прямо из рациональности католицизма. В этом последнем торжестве формального разума над верою и преданием проницательный ум мог уже наперед видеть в зародыше всю теперешнюю судьбу Европы как следствие вотще начатого начала, то есть и Штрауса, и новую философию со всеми ее видами, и индустриализм как пружину общественной жизни, и филантропию, основанную на рассчитанном своекорыстии, и систему воспитания, ускоренную силою возбужденной зависти, и Гете, венец новой поэзии, литературного Талейрана, меняющего свою красоту, как тот свои правительства, и Наполеона, и героя нового времени, идеал бездушного расчета, и материальное большинство, плод рациональной политики, и Лудвига Филиппа, последний результат таких надежд и таких дорогих опытов!

Я совсем не имею намерения писать сатиру на Запад; никто больше меня не ценит тех удобств жизни общественной и частной, которые произошли от того же самого рационализма. Да, если говорить откровенно, я и теперь еще люблю Запад, я связан с ним многими неразрывными сочувствиями. Я принадлежу ему моим воспитанием, моими привычками жизни, моими вкусами, моим спорным складом ума, даже сердечными моими привычками; но в сердце человека есть такие движения, есть такие требования в уме, такой смысл в жизни, которые сильнее всех привычек и вкусов, сильнее всех приятностей жизни и выгод внешней разумности, без которых ни человек, ни народ не могут жить своею настоящею жизнию. Потому, вполне оценивая все отдельные выгоды рациональности, я думаю, что в конечном развитии она своею болезненною неудовлетворительностию явно обнаруживается началом односторонним, обманчивым, обольстительным и предательским. Впрочем, распространяться об этом было бы здесь неуместно. Я припомню только, что все высокие умы Европы жалуются на теперешнее состояние нравственной апатии, на недостаток убеждений, на всеобщий эгоизм, требуют новой духовной силы вне разума, требуют новой пружины жизни вне расчета — одним словом, ищут веры и не могут найти ее у себя, ибо христианство на Западе исказилось своемыслием.

Библиотека “Руниверс”

Таким образом, рационализм в начале был лишним элементом в образовании Европы и теперь является исключительным характером просвещения и быта европейского. Это будет еще очевиднее, если мы сравним основные начала общественного и частного быта Запада с основными началами того общественного и частного быта, который если не развился вполне, то по крайней мере ясно обозначился в прежней России, находившейся под прямым влиянием чистого христианства, без примеси мира языческого.

Весь частный и общественный быт Запада основывается на понятии о индивидуальной, отдельной независимости, предполагающей индивидуальную изолированность. Оттуда святость внешних формальных отношений, святость собственности и условных постановлений важнее личности. Каждый индивидуум — частный человек, рыцарь, князь или город — *внутри своих прав* есть лицо, самовластное, неограниченное, само себе дающее законы. Первый шаг каждого лица в общество есть окружение себя крепостию, из нутра которой оно вступает в переговоры с другими независимыми властями.

В прошедший раз я не докончил статьи моей, а потому обязан продолжать ее теперь. Я говорил о различии просвещения в России и на Западе. У нас образовательное начало заключалось в нашей церкви. Там вместе с христианством действовали на развитие просвещения еще плодоносные остатки древнего языческого мира. Самое христианство западное, отделившись от вселенской церкви, приняло в себя зародыш того начала, которое составляло общий оттенок всего греко-языческого развития: начала рационализма. Потому и характер образованности европейской отличается перевесом рациональности.

Впрочем, этот перевес обнаружился только впоследствии, когда логическое развитие, можно сказать, уже задавило христианское. Но вначале рационализм, как я сказал, является только в зародыше. Римская церковь отделилась от восточной тем, что некоторые догматы, существовавшие *в предании* всего христианства, она изменила на другие вследствие *умозаключения*. Некоторые распространила вследствие того же логического процесса и также в противность преданию и духу церкви вселенской. Таким образом, логическое убежде-

Библиотека "Руниверс"

ние легло в самое первое основание католицизма. Но этим и ограничилось действие рационализма на первое время.

Внутреннее и внешнее устройство церкви, уже совершившееся прежде в другом духе, до тех пор существовало без очевидного изменения, покуда вся совокупность церковного учения не перешла в сознание мыслящей части духовенства. Это совершилось в схоластической философии, которая по причине логического начала в самом основании церкви не могла иначе согласить противоречие веры и разума, как силою силлогизма, сделавшегося, таким образом, первым условием всякого убеждения. Сначала, естественно, этот же самый силлогизм доказывал веру против разума и подчинял ей разум силою разумных доводов. Но эта вера, логически доказанная и логически противопоставленная разуму, была уже не живая, но формальная вера, не вера собственно, а только логическое отрицание разума. Потому в этот период схоластического развития католицизма именно по причине рациональности своей западная церковь является врагом разума, угнетающим, убийственным, отчаянным врагом его. Но, развившись до крайности, продолжением того же логического процесса, это безусловное уничтожение разума произвело то известное противодействие, которого последствия составляют характер теперешнего просвещения. Вот что я разумел, говоря о рациональном элементе католицизма.

Христианство восточное не знало ни этой борьбы веры против разума, ни этого торжества разума над верою. Поэтому и действия его на просвещение были не похожи на католические.

Рассматривая общественное устройство прежней России, мы находим многие отличия от Запада, и во-первых: образование общества в маленькие так называемые миры. Частная, личная самобытность, основа западного развития, была у нас так же мало известна, как и самовластие общественное. Человек принадлежал миру, мир ему. Поземельная собственность, источник личных прав на Западе, была у нас принадлежностью общества. Лицо участвовало во столько в праве владения, во сколько входило в состав общества.

Но это общество не было самовластное и не могло само себя устроивать, само изобретать для себя законы, потому что не было отделено от других ему подобных обществ, управляющихся однообразным обычаем. Бес-

Библиотека "Руниверс"

численное множество этих маленьких миров, составляющих Россию, было все покрыто сетью церквей, монастырей, жилищ уединенных отшельников, откуда постоянно распространялись повсюду одинакие понятия об отношениях общественных и частных. Понятия эти мало-помалу должны были переходить в общее убеждение, убеждение — в обычай, который заменял закон, устроивая по всему пространству земель, подвластных нашей церкви, одну мысль, один взгляд, одно стремление, один порядок жизни. Это повсеместное однообразие обычая было, вероятно, одною из причин его невероятной крепости, сохранившей его живые остатки даже до нашего времени сквозь все противодействие разрушительных влияний, в продолжение 200 лет стремившихся ввести на место его новые начала.

Вследствие этих крепких, однообразных и повсеместных обычаев всякое изменение в общественном устройстве, не согласное с строем целого, было невозможно. Семейные отношения каждого были определены прежде его рождения; в таком же предопределенном порядке подчинялась семья миру, мир более обширный — сходке, сходка — вечу и т. д., покуда все частные круги смыкались в одном центре, в одной православной церкви. Никакое частное разумение, никакое искусственное соглашение не могло основать нового порядка, выдумать новые права и преимущества. Даже самое слово *право* было у нас неизвестно в западном его смысле, но означало только справедливость, правду. Потому никакая власть никакому лицу, ни сословию не могла даровать, ни уступить никакого права, ибо правда и справедливость не могут ни продаваться, ни браться, но существуют сами по себе, независимо от условных отношений. На Западе, напротив того, все отношения общественные основаны на *условии* или стремятся достигнуть этого искусственного основания. *Вне* условия нет отношений правильных, но является произвол, который в правительственном классе называется *самовластием,* в управляемом — *свободою.* Но и в том и в другом случае этот произвол доказывает не развитие внутренней жизни, а развитие внешней, формальной. Все силы, все интересы, все права общественные существуют там отдельно, каждый сам по себе и соединяются не по нормальному закону, а или в случайном порядке, или в искусственном соглашении. В первом случае торжествует материальная сила, во втором — сумма индивидуальных разумений. Но материальная

Библиотека "Руниверс"

сила, материальный перевес, материальное большинство — сумма индивидуальных разумений в сущности, составляют одно начало, только в разных моментах своего развития. Потому *общественный договор* не есть изобретение энциклопедистов, но действительный идеал, к которому стремились без сознания, а теперь стремятся с сознанием все западные общества-под влиянием рационального элемента, перевесившего элемент христианский.

В России мы не знаем хорошо границ княжеской власти прежде подчинения удельных княжеств Московскому; но если сообразим, что сила неизменяемого обычая делала всякое самовластное законодательство невозможным; что разбор и суд, который в некоторых случаях принадлежал князю, не мог совершаться несогласно со всеобъемлющими обычаями, ни толкование этих обычаев по той же причине не могло быть произвольное; что общий ход дел принадлежал мирам и приказам, судившим также по обычаю вековому и потому всем известному; наконец, что в крайних случаях князь, нарушавший правильность своих отношений к народу и церкви, был изгоняем самим народом,— сообразивши все это, кажется очевидно, что собственно княжеская власть заключалась более в предводительстве дружин, чем во внутреннем управлении, более в вооруженном покровительстве, чем во владении областями.

Вообще, кажется, России так же мало известны были мелкие властители Запада, употреблявшие общество как бездушную собственность в свою личную пользу, как ей неизвестны были и благородные рыцари Запада, опиравшиеся на личной силе, крепостях и железных латах, не признававшие другого закона, кроме собственного меча и условных правил чести, основанных на законе самоуправства. [...]

С первого взгляда кажется непонятным, почему у нас не возникло чего-нибудь подобного рыцарству, по крайней мере во время татар. Общества были разрознены, власть не имела материальной силы, каждый мог переходить с места на место, леса были глубокие, полиция была еще не выдумана; отчего бы, кажется, не составиться обществам людей, которые бы пользовались превосходством своей силы над мирными земледельцами и горожанами, грабили, управлялись как хотели, захватили бы себе отдельные земли, деревни и строили бы там крепости; составили бы между собой известные правила

Библиотека "Руниверс"

и, таким образом, образовали бы особенный класс сильнейшего сословия, которое, по причине силы, могло бы назваться и благороднейшим сословием? Церковь могла бы воспользоваться ими, образуя из них отдельные ордена с отдельными уставами и употребляя их против неверных, подобно западным крестоносцам. Отчего же не сделалось этого?

Именно потому, я думаю, что церковь наша в то время не продавала чистоты своей за временные выгоды. У нас были богатыри только до введения христианства. После введения христианства у нас были разбойники, шайки устроенные, еще до сих пор сохранившиеся в наших песнях, но шайки, отверженные церковью и потому бессильные. Ничего не было бы легче, как возбудить у нас крестовые походы, причислив разбойников к служителям церкви и обещав им прощение грехов за убиение неверных: всякий пошел бы в честные разбойники. Католицизм так и действовал; он не поднял народы за веру, но только бродивших направил к одной цели, назвав их святыми. Наша церковь этого не сделала, и потому мы не имели рыцарства, а вместе с ним и того аристократического класса, который был главным элементом всего западного образования.

Где больше было неустройства на Западе, там больше и сильнее было рыцарство; в Италии его было всего менее. Где менее было рыцарства, там более общество склонялось к устройству народному; где более — там более к единовластному. Единовластие само собой рождается из аристократии, когда сильнейший покоряет слабейших и потом правитель на условиях переходит в правителя безусловного, соединяясь против класса благородных с классом *подлых,* как Европа называла народ. Этот класс подлых, по общей формуле общественного развития Европы, вступил в права благородного, и та же сила, которая делала самовластным одного, естественным своим развитием переносила власть в материальное большинство, которое уже само изобретает для себя какое-нибудь формальное устройство и до сих пор еще находится в процессе изобретения.

Таким образом, как западная церковь образовала из разбойников рыцарей, из духовной власти власть светскую, из светской полиции святую инквизицию, что все, может быть, имело свои временные выгоды,— таким же образом действовала она и в отношении к наукам, искусствам языческим. Не извнутри себя произвела она

Библиотека "Руниверс"

новое искусство христианское, но прежнее, рожденное и воспитанное другим духом, другой жизнью, направила к украшению своего храма. Оттого искусство романтическое заиграло новою блестящею жизнию, но окончилось поклонением язычеству и теперь кланяется отвлеченным формулам философии, покуда не возвратится мир к истинному христианству и не явится миру новый служитель христианской красоты.

Науки существенною частию своею, то есть как познания, принадлежат равно языческому и христианскому миру и различаются только своею философскою стороною. Этой философской стороны христианства католицизм не мог сообщить им, потому что сам не имел ее в чистом виде. Оттого видим мы, что науки как наследие языческое процветали так сильно в Европе, но окончились безбожием как необходимым следствием своего одностороннего развития.

Россия не блестела ни художествами, ни учеными изобретениями, не имея времени развиться в этом отношении самобытно и не принимая чужого развития, основанного на ложном взгляде и потому враждебного ее христианскому духу. Но зато в ней хранилось первое условие развития правильного, требующего только времени и благоприятных обстоятельств; в ней собиралось и жило то устроительное начало знания, та философия христианства, которая одна может дать правильное основание наукам. Все святые отцы греческие, не исключая самых глубоких писателей, были переведены, и читаны, и переписываемы, и изучаемы в тишине наших монастырей, этих святых зародышей несбывшихся университетов. Исаак Сирин, глубокомысленнейшее из всех философских писаний, до сих пор еще находится в списках XII—XIII веков. И эти монастыри были в живом, беспрестанном соприкосновении с народом. Какое просвещение в нашем подлом классе не вправе мы заключить из этого одного факта! Но это просвещение не блестящее, но глубокое; не роскошное, не материальное, имеющее целью удобства наружной жизни, но внутреннее, духовное, это устройство общественное, без самовластия и рабства, без благородных и подлых; эти обычаи вековые, без писаных кодексов, исходящие из церкви и крепкие согласием нравов с учением веры; эти святые монастыри, рассадники христианского устройства, духовное сердце России, в которых хранились все условия будущего самобытного просвещения; эти отшельники, из роскошной

Библиотека "Руниверс"

жизни уходившие в леса, в недоступных ущельях изучавшие писания глубочайших мудрецов христианской Греции и выходившие оттуда учить народ, их понимавший; эти образованные сельские приговоры; эти городские веча; это раздолье русской жизни, которое сохранилось в песнях,— куда все это делось? Как могло это уничтожиться, не принесши плода? Как могло оно уступить насилию чужого элемента? Как возможен был Петр, разрушитель русского и вводитель немецкого? Если же разрушение началось прежде Петра, то как могло Московское княжество, соединивши Россию, задавить ее? Отчего соединение различных частей в одно целое произошло не другим образом? Отчего при этом случае должно торжествовать иностранное, а не русское начало?

Один факт в нашей истории объясняет нам причину такого несчастного переворота; этот факт есть Стоглавый Собор[8]. Как скоро ересь явилась в церкви, так раздор духа должен был отразиться и в жизни. Явились партии, более или менее уклоняющиеся от истины. Партия нововводительная одолела партию старины именно потому, что старина разорвана была разномыслием. Оттуда при разрушении связи духовной, внутренней явилась необходимость связи вещественной, формальной, оттуда местничество, опричнина, рабство и т. п. Оттуда искажение книг по заблуждению и невежеству и исправление их по частному разумению и произвольной критике. Оттуда перед Петром правительство в разномыслии с большинством народа, отвергаемого под названием раскольников. Оттого Петр как начальник партии в государстве образует общество в обществе, и все, что за тем следует.

Какой же результат всего сказанного? Желать ли нам возвратить прошедшее России и можно ли возвратить его? Если правда, что самая особенность русского быта заключалась в его живом исхождении из чистого христианства и что форма этого быта упала вместе с ослаблением духа, то теперь эта форма не имела бы решительно никакой важности. Возвращать ее насильственно было бы смешно, когда бы не было вредно. Но истреблять оставшиеся формы может только тот, кто не верит, что когда-нибудь Россия возвратится к тому живительному духу, которым дышит ее церковь.

Желать теперь остается нам только одного: чтобы какой-нибудь француз понял оригинальность учения христианского, как оно заключается в нашей церкви, и написал об этом статью в журнале; чтобы немец, пове-

Библиотека "Руниверс"

ривши этому, изучил нашу церковь поглубже и стал бы доказывать на лекциях, что в ней совсем неожиданно открывается именно то, чего теперь требует просвещение Европы. Тогда, без сомнения, мы поверили бы французу и немцу и сами узнали бы то, что имеем.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Первая часть статьи печаталась в журнале «Европеец» (1832. Ч. 1. № 1. С. 3—23). Третий номер журнала, где публиковалась вторая часть статьи, был запрещен. Печатается с сокращениями по кн.: *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. С. 79—101.

[2] Наполеон Бонапарт.

[3] *Савиньи Фридрих* (1779—1861)—немецкий юрист, глава исторической школы права. Имеется в виду его семитомный труд «История римского права в средние века».

[4] *Гизо Франсуа* (1787—1874)—французский историк, один из создателей буржуазной теории классовой борьбы. Имеется в виду его труд «История цивилизации в Европе».

[5] *Тьерри Огюст* (1795—-1856)—французский историк, один из создателей буржуазной теории классовой борьбы. Цитата из его «Писем по истории Франции».

[6] В одной только Бельгии и вдоль Рейна было сто двадцать три обширных владения, принадлежавших королям боковой ветви (*Тьерри О.* Письма по истории Франции. Письмо XII).

[7] Статья, написанная в 1839 г., не предназначалась для печати. Это ответ на статью А. С. Хомякова «О старом и новом». Впервые напечатана в 1861 г. Публикуется полностью по кн.: *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. С. 143—153.

[8] *Стоглавый Собор* — церковно-земский собор 1551 г., принявший «Стоглав» — кодекс правовых отношений между обществом, государством и церковью. На нем «иосифляне» одержали окончательную победу над «нестяжателями», объявленными еретиками. Ранее отношения между ними обсуждались на соборах в 1503 и 1531 гг.

Библиотека "Руниверс"

АКСАКОВ КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ

К. С. Аксаков родился в 1817 г. в селе Ново-Аксаково Бугурусланского района Оренбургской губернии в семье известного русского писателя С. Т. Аксакова. Пятнадцати лет он поступил на словесное отделение Московского университета. В годы учебы К. Аксаков не только слушает университетские лекции, но и войдя в 1833 г. в кружок Н. В. Станкевича, с увлечением изучает немецкую философию. Общение с Белинским, Бакуниным, Станкевичем способствовало его духовному развитию. Позже он вспоминал: «В этом кружке выработалось уже общее воззрение на Россию, на жизнь, на литературу, на мир, воззрение большей частью отрицательное» (*Аксаков К. С.* Воспоминания студентства. Пг.: Огни, 1911. С. 18).

Университет К. С. Аксаков окончил в 1835 г. кандидатом и в течение нескольких лет сотрудничал в «Телескопе», «Молве», «Московском наблюдателе» — журналах, которые редактировал В. Г. Белинский. В эти же годы он сближается с И. В. Киреевским и А. С. Хомяковым и переходит на славянофильские позиции. К. С. Аксаков становится одним из наиболее ярких и последовательных идеологов славянофильства.

В 1842 г. происходит окончательный разрыв его с бывшими друзьями из кружка Станкевича, с Белинским. Побудительной причиной разрыва была полемика славянофилов с западниками по поводу первого тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

В 1846 г. К- С. Аксаков публикует свою магистерскую диссертацию «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка». В ней он строит русскую историю по гегелевской триаде, полагая, что Петр Первый был антитезой отсталой Древней Руси. В марте 1847 г. Аксаков защищает диссертацию в Московском университете, предполагая занять кафедру. Но вакансии в университете не оказалось, и он полностью отдается литературно-публицистической деятельности.

Библиотека "Руниверс"

Начиная с диссертации, царская цензура внимательно следила за творчеством К. С. Аксакова. Она запретила постановку его драмы «Освобождение Москвы в 1616 году», не разрешила печатать статью о богатырях великого князя Владимира, изуродовала многие работы.

В 1855 г. К. С Аксаков после предварительного обсуждения с друзьями-славянофилами подал царю «Записку о внутреннем состоянии России». В ней он открыто критикует общественные отношения России, разлад между правительством и народом и предлагает меры по улучшению положения крестьян. Написанная в духе славянофильских представлений, «Записка», однако, новым царем Александром II не была принята во внимание.

Смерть отца в 1859 г. сильно повлияла на К- С. Аксакова. Он уезжает на греческий остров Занте, где в 1860 г. умирает от скоротечной чахотки.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Аксаков К- С.* Полное собрание сочинений. М.: Б. и., 1861—1880. -

2. Неопубликованная речь К. С. Аксакова о Карамзине // Рус. лит. 1977. № 3. С. 102—110.

3. *Аксаков К- С, Аксаков И. С.* Литературная критика. М.: Современник, 1981. 383 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* Историко-социологические взгляды К. С. Аксакова // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. Экономика, философия и право. 1965. Вып. 3. № 17. С. 70—78.

2. *Анненкова Е. И.* Эстетические искания молодого К. Аксакова//Страницы русской литературы середины XIX века. Л., 1974. С. 110—135.

3. *Цимбаев Н. И.* Из истории славянофильской политической мысли: К. С. Аксаков в 1848 году//Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1976. № 5. С. 81—95.

4. *Янковский Ю. З.* Патриархально-дворянская утопия: Страница русской общественно-литературной мысли 1840—1850 годов.. М.: Худ. лит., 1981. 373 с.

Библиотека “Руниверс”

ЛОМОНОСОВ
В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
И РУССКОГО ЯЗЫКА[1]

История нашей литературы и тесно связанная с нею история языка до сих пор еще для нас предмет новый и почти неизвестный; у нас есть только некоторые указания, некоторые пособия, далеко не содержащие в себе исторических судеб нашей литературы, которая, должно сказать, до сих пор не возбуждала еще нашего настоящего ученого внимания. Но до сего времени мы были развлечены посторонним, если, в продолжении столетия, влияние чуждое, необходимое следствие предыдущего периода, деспотически у нас господствовало, зато в настоящую минуту внимание наше обращено к судьбам отечества на всех путях, во всех выражениях его жизни. Энергетически освобожденные Петром от оков исключительной национальности, пережившие период безотчетного подражания чуждому, наставший логически и необходимо непосредственно за предыдущим, мы с полным сознанием, свободные от всякой возможной односторонности, возвращаемся к нашей истории, к нашей жизни, к нашему отечеству, нами снова приобретенному, и с большим правом, нежели прежде, называем его своим. Просвещение Запада, нас некогда ослепившее и сначала так односторонне на нас подействовавшее, не может уже у нас отнять его, ибо результатом этого просвещения, при настоящем его понимании, было необходимое сознательное возвращение к себе *. В самой истине, нам открывшейся, нашли мы доказательство, сильную опору нашему народному чувству, мы поняли необходимость национальной стороны и в то же время ее значение и место. До Петра Великого мы были неразрывно соединены с отечеством, любили его; но любовь наша не была свободна, она была односторонняя; в ней был страх чужеземного; только через незнание, через отчуждение думали мы сохранить

* Возвращение в смысле философском и потому не шаг назад, не отступление.

Библиотека "Руниверс"

свою национальность; здесь была темная сторона, которая давала возможность поколебать самое чувство. Так и случилось. Петр вывел на свет, что таилось во мраке; обличил и поразил односторонность и был поворотной точкой. Время после Петра Великого являет новую односторонность, ужасную крайность, до какой когда-либо достигал народ: доходило до того, что мы вовсе отрекались от нашей истории, литературы, даже языка. Столицей нашей стал город с чужим именем[2], на берегах чуждых, не связанный с Россиею никакими историческими воспоминаниями. Это время новой односторонности, сленого отрицания памятно и нам; оно простирается даже до настоящей минуты; между прочим, отрицание от языка русского едва начинает утрачивать свою силу. Но теперь именно настает новый период; теперь союз наш с отечеством и ясная наша любовь к нему уже не имеет той односторонности, которая могла бы дать поколебать ее; не в удалении от иных стран, не в страхе ищет она опоры; нет, мы приняли в себя просвещение Запада, приняли его не даром и не боимся, чтобы оттого поколебался наш вновь возникший союз; односторонность исчезла, просвещение доводит всегда до истины; его сознательным путем дошли мы до необходимости национальной жизни, но не исключительной, как прежде, и уступая вместе влечению нашего чувства, никогда нас вполне не оставлявшего, мы возвращаемся, откинув далеко отчуждение предыдущего отрицательного периода, полные любви и разумного убеждения к отечеству, с которым союза нашего ничто уже расторгнуть не может: той прежней темной стороны в нем уже нет.

Естественно, что в такое время, время уничтожения односторонности и оправдания всего действительного, мы обращаемся к памятникам нашей жизни в религии, истории, литературе, языке. Находясь прежде в первобытном непосредственном единстве сами с собою, могли ли мы понимать себя? Мы должны были оторваться сами от себя и вместе выйти из исключительной национальности — и мы оторвались; мы долго, даже слишком долго находились в периоде отрицания, периоде также одностороннем, но также необходимом. Теперь же, когда мы понимаем эту односторонность, когда она кончилась (для сознания нашего, по крайней мере), одним словом, в настоящее время, о котором говорили мы выше, внимание мысли нашей вообще обращено к жизни нашего отече-

Библиотека "Руниверс"

ства — мысли, сфере которой по преимуществу природна истина, ибо она, по существу своему, первая видит право и указывает настоящий путь. У нас нет недостатка в богатстве во всех отношениях; всюду встречаем мы жизнь бодрую, мощную, самобытную, богатую содержанием, совершающую стройно путь развития. Мы надеемся, что скоро в этом многие уверятся, на которых еще неизвестность наводит сомнение.

Предмет этого рассуждения — русская литература, и собственно одно, по преимуществу важное, историческое лицо ее — Ломоносов, лицо, с которым связано все ее предыдущее и последующее. Вместе с именем Ломоносова соединяется представление о многообразной деятельности, которой этот великий человек был предан. Указав на сферу, составляющую предмет нашего внимания, т[о] е[сть] на сферу литературной деятельности, мы исключаем все труды его, сюда не входящие, труды, о которых, в их совокупности, может дать отчет только собрание ученых. Но самое слово «литература» требует определения, и произнесши его, мы еще не сказали ничего положительного; границы нашего рассуждения оттого едва ли стали ясны. Это одно из тех несчастных слов, которые определяются через ограничение, стеснение извне. Такие слова сначала обнимают чрезвычайно много и потом мало-помалу лишаются своих значений, усекаемых одно за другим; объем их теснеет, и они доходят иногда до очень бедного круга понятий; и тут они не заключают в себе одного содержания (положим, с его возможными видоизменениями), их наполняющего,— нет, а впускают в себя по два, по три и более понятий, видимо только, близости ради, примыкающих друг к другу, и остаются лишенными единства настоящего значения. Слово «литература» имело такую же участь; начинает с определения, по которому сперва в литературу входит все, что только изображено буквами, но потом, найдя, что этим еще ничего не сказано, хотя по-видимому и очень много, начинают мало-помалу ограничивать теснее, отсекая одно значение от другого; является несколько литератур, доходят, наконец, до изящной литературы или до литературы собственно; в эту изящную литературу вместе с поэзией входит и красноречие, и историческое и ученое изложение. Таким образом пределы литературы произвольны и не тверды; нет основной мысли, из которой бы вытекало значение слова, органически, ясно, необходимо опре-

Библиотека "Руниверс"

деленное и не принимающее в себя уже никакого постороннего, чуждого или лишнего понятия. Итак, здесь дадим определение этому слову, определение, которое, вероятно, будет противоречить обычному его употреблению; но в таком случае спор будет только о словах: слово «литература» может служить условным выражением понятия, тем более что оно так разно употребляется и так неверно и зыбко поставлено. Искусство вообще, и именно поэзия, как искусство в слове, переходя в действительность, осуществляясь, конкретируется в отдельных произведениях и вместе с тем у такого или другого народа. Таким образом, поэзия, как отвлеченная сила, обнаруживаясь в отдельных произведениях, является последовательно, исторически; эти произведения, в которых являясь поэзия дает себе действительность, в их исторической совокупности есть — литература; и так как человечество существует в действительности, как совокупность народов, то и литература принадлежит именно тому или другому народу. Разница между поэзией и литературой ясна. Поэзия есть искусство в слове, понимаемое само в себе, тогда как литература есть совокупность самих отдельных произведений в их исторической связи, в которых необходимо конкретируется поэзия, находя в них свою действительность. [...]

Поэзия, конкретируясь в своем развитии, является в отдельных произведениях, совокупность которых понимаем мы под словом литература; это развитие поэзии совершается в них последовательно, конкретируя в них свои моменты; история такого развития есть история литературы. Итак, если все они, эти отдельные явления — осуществление поэзии, то поэзия есть то общее, которое соединяет, содержит их, как свои явления поэтические. Мы видим здесь общее, предстающее в совокупности своих явлений; это общее переходит в явления, следовательно, отрицает себя как общее, как чистое общее, и вместе с тем не теряет, а находит себя и сохраняет в совокупности своих отдельных явлений, следовательно, при отрицании себя как чистого общего. Связь явлений с общим понятна, необходима; то, что является отдельно, уже содержится в общем и, следовательно, может выразить только это общее и вместо себя, ибо оно в нем содержится. С другой стороны, общее, чтобы быть, явиться, должно непременно не быть общим, а быть явлением, следовательно отречь себя как общее,— выразиться в явлении, в котором оно выражает

Библиотека "Руниверс"

необходимо и себя, ибо это его явление, его необходимое условие осуществления; итак: *общее,—- явление* — не что иное собственно, как только моменты развития одного и того же. В законе развития лежит причина и объяснение значения и отношений этих моментов, перехождение общего в явление или отрицание общего, как общего. Это перехождение общего в явление, это полное конкретирование совершается необходимо в живом законе развития, условии всего. [...]

Искусство, деятельность духа в одной из абсолютных его сфер, и именно поэзия, искусство в слове (предмет нашего внимания), как поэзия вообще, не существует и, следовательно, отрицает себя как поэзию вообще и переходит от общего в область особности. Здесь является бесконечное множество произведений поэзии на этой степени, произведений, как необходимое отрицательное движение, вытекших из самой поэзии, в которых она себя не находит; ибо всякое отдельное, особное произведение в поэтической сфере уже по существу своему отрицает поэзию, как общее. В этом отрицании поэзия исчезает; ибо здесь отрицает она себя только как поэзию вообще; другого условия нет, и потому всякое отдельное только произведение имеет право здесь явиться, и потому нет конца произведениям. Мы должны помнить, что не говорим здесь о неопределенном общем; мы берем определенную, абсолютную деятельность духа, мы говорим о поэзии как общем, следовательно, в отрицании, из нее истекающем, необходимо является, что это отрицание поэзии (а не чего-нибудь другого), ибо это есть ее движение, и всякое явление, всякое произведение в ее сфере должно быть запечатлено ее характером, должно носить ее отпечаток духа, результатом движения которого оно возникает. Всякое произведение значит как отдельное: *не-общее;* и именно здесь: *не-общее* — поэзия, не поэзия вообще.

Итак, с первым отрицанием поэзии мы находимся в области отдельных поэтических произведений, в которых теряется поэзия. На всякий случай приведем пример, который, надеемся, уяснит нашу мысль: трагика не является как трагика вообще; для того; чтобы явиться, она должна отречь себя как общее; тогда она является как *трагедия,* которая, каждая, есть отрицание трагики как общего; но в этом отрицании общего, в этой сфере *не-общего,* особного, общее себя не находит. Трагика в своем отрицании, как общего, отрицании, которое выразилось

Библиотека "Руниверс"

как множество трагедий, не находит себя; здесь является еще только определение трагики как не-общего, по которому всякая особая трагедия (ибо всякая особая трагедия исполняет это требование) может явиться — и нет конца их числу. Но выразилась ли в этом определении поэзия — трагика .находится ли она здесь? В таком случае каждая трагедия была бы уже произведением искусства, произведением изящным. Неужто же трагедия уже потому произведение искусства, что она трагедия; разве не может быть плохой трагедии? С этим спорить нельзя, и так это показывает, что это определение особности еще недостаточно для поэзии, что явление трагедии, как отдельного произведения, есть только отрицание трагики (ибо мы взяли ее в пример) вообще. Дело в том, что в этой области особности является только видимым, что отрицание совершается в сфере трагики или вообще поэзии; что здесь, следовательно, в области, которая есть только отрицание поэзии как общего, нет еще поэзии; что в этом определении особности (как простом только отрицании поэзии как общего) поэзия теряется. Но отрицание поэзии есть отрицание в ее же сфере; это ее же необходимое движение; итак, степень, ее не удовлетворяющая, не может оставаться; поэзия проходит ее, идет далее, она отрицает свое отрицание, отрицает особность и переходит в область единичности, отрицает бесчисленное количество отдельных произведений искусства, которые только потому произведения искусства, что суть произведения в области искусства,— к единому произведению, значащему для себя, мгновенно отрывающемуся от всего множества, исчезающего перед ним, произведению, имеющему индивидуальный смысл и достоинство,— здесь поэзия вновь себя находит. Это отрицание совершается на предыдущем определении, единое возникает из множества; итак, отдельность произведений, грозившая поглотить поэзию, на себе приняла новое отрицание, и только усвоила его; из области, особности, из множества *произведений* возникло единое *произведение,* в сфере единичности. Здесь находим мы вновь поэзию, совокупляющую свои моменты, поэзию, прошедшую через отрицание себя, через особность, через отдельность произведений и вновь нашедшую себя в сфере единичности, в едином произведении, отрекшем особность и вместе ею условленном,— произведении, которое значит для себя и с которым, уже, не как отвлеченное общее, является

Библиотека "Руниверс"

поэзия конкретно в присутствии всех своих моментов. Мы можем повторить пример, нами приведенный, и провести его дальше. Трагическая поэзия как общее не существует; она отрицает, следовательно, себя как общее и является как трагедия; все произведения трагики имеют потому только смысл, что они произведения трагики, что они не трагика вообще, следовательно, трагика в особенности, в своих явлениях — *трагедии;* но, как сказано выше, в трагедиях * еще нельзя найти поэзии трагической потому только, что они в ее сфере; трагедия еще не поэтическое произведение, потому что она только трагедия в трагедиях, одна из трагедий. Итак, трагическая поэзия отрицает эту степень, в которой «только трагедии», отрицающие ее как общее; отрицает, следовательно, множество, и множество бесконечное, ибо здесь степень дает равное право проявляться всем возможным произведениям и доходить до *единого* **,— прямого отрицания всей предыдущей области, которая вся исчезает перед *единым* (имеющим индивидуальное значение), следовательно, носящим в себе невозможность того движения, многоразличия, невозможность повториться. Единое значит (gilt) само для себя; как отрицание, вытекшее из предыдущей сферы, оно имеет ее на себе как момент; таким образом, трагическая поэзия, как таковая, как *общее,* отрицая себя до *трагедии (особности),* от трагедий опять *(особности)* отрицает себя до *трагедии (единичности),* в которой находит она вновь сама себя, и выражается вполне таким образом, в присутствии всех своих моментов. Так как об этом было уже говорено и в другом месте и другими словами, то мы думаем, что не нужно пояснять еще более слова наши. История развития искусства оправдывает этот взгляд.

Итак, вот путь, необходимый путь отрицания искусства вообще и следовательно, поэзии. Но самый этот путь конкретирования, понятый как сам в себе, конкретируется также. Искусство, как абсолютная деятельность человеческого духа, являет на себе необходимо определение самого этого человеческого духа: это определение

* Мы употребляем здесь множественное число как выражающее естественно особность, ибо здесь лежит количественное неограниченное значение.

** Не до единственного. Во всяком художественном произведении, для себя значащем, есть это единое, индивидуальное, не могущее повториться.

Библиотека "Руниверс"

нисколько не стесняет его, напротив, согласно с его сущностью, а следовательно, необходимо дает ему истинную, стало быть свободную, действительность. Человек, как человек, как общее, не существует; он отрицает себя как общее, переходит в сферу особности: здесь на степени особности является он как только ряд, собрание индивидуумов, как множество, здесь отношение чисто количественное. В таком определении является нам человек, как народ, как нация *. Если мы будем помнить путь отрицания, то увидим, что здесь на степени национальности отрицается общее человека, и вместе он не имеет значения индивидуума, значения *единого,* которое является только в области единичности, которая, как отрицание отрицания, есть вместе с тем возвращение, освобождение, т[о] е[сть] общего, утраченного в предыдущем отрицании особности. Итак, на степени особности, определение человека есть чисто национальное; где нет общего,— чего не допускает исключительная национальность и нет значения индивидуума, как такового, которое также невозможно в сфере национальности. Здесь каждый индивидуум имеет постольку смысл, поскольку он нация; на этой степени особности, выражающейся в развитии человека, как национальность,— поэзия, деятельность человека, соответствуя, следовательно, степени его развития, может быть определена только до особности и, другими словами, только национальна. Мы сказали выше, что поэзия на степени особности заключает в себе все возможные произведения поэтические, только бы принадлежащие поэтической области, только имеющие поэтическую форму (известно уже, что здесь не в смысле достоинства принимается слово: поэтический, а в смысле просто принадлежания поэтической сфере). Итак, мы можем сказать, что поэзия на этой степени определила себя только как отдельные произведения, и в то же время отрицая общее, дала возможность всякому явлению уже быть поэтическим потому только, что оно принадлежит к сфере ее. Следовательно, нет конца поэтическим произведениям, когда нет другого условия на этой степени развития, выше мы видели, что здесь необходимо заключается противоречие, что поэзия на степени первого отрицания не нахо-

* Здесь употребляем мы собственно слово нация, ибо это слово (как понимаем мы) выражает: определение; тогда как народ есть то, что определяется.

Библиотека "Руниверс"

дит полного осуществления,— и выразили это ощутительными и для здравого смысла словами, говоря: разве трагедия имеет поэтическое достоинство, разве она хороша потому только, что она трагедия. Итак, на степени особности все поэтические произведения имеют значение постольку, поскольку они — особные произведения в поэтической сфере. Этот момент особности поэзии конкретируется в человеке, которого она абсолютная деятельность, и именно в народе, необходимом определении человека, условливающем и поэзию вместе с тем и дающем ей действительность. Здесь возникает вопрос, как становится этот момент поэзии конкретным, историческим? Другими словами, как осуществляется он в истории литературы? Мы сказали, что человек является исключительно, как народ или, лучше, как нация, будучи на степени своего отрицания особности. Поэтическая его деятельность определена, следовательно, также до этой степени, поэзия народа в эту минуту также национальна и может выразить только его. Только исключительно национальную жизнь народа отражает она; здесь не может быть общего, общих человеческих интересов, не может быть единичной, индивидуальной жизни; индивидуум на этой степени значит лишь постольку, поскольку он нация; итак, жизнь индивидуума только в народе и только как народ может выразить поэзия. Какую же форму принимает она, как является на степени своего отрицания, особности, получающей действительность в человеке, в развитии человеческого духа и становящейся историческим конкретным ее моментом и потому приобретающей постоянный смысл, значение? Эта форма поэзии, определенной до особности, исключительно национальной поэзии,— есть *народная песня.* В народной песне выражается жизнь народа, только народа, под исключительно национальным определением. Здесь нет общечеловеческого содержания, отреченного уже самым определением народа, нации, моментом особности; здесь нет и индивидуальной жизни человека, недопускаемой еще той же степенью. Песня определена только жизнью народной; поэтому песня равно принадлежит всякому в народе, поэтому народную песню поет весь народ, имея весь на нее равное право, поэтому на песни нет имени сочинителя, и она является вдруг, как бы пропетая всем народом. В период развития национальности поэзия, с нею получающая свое осуществление и, следовательно,ей соответствующая, именно находится на та-

Библиотека "Руниверс"

кой степени, на которой отдельность поэтического произведения, или лучше поэтическая форма сама, отвлеченно взятая, есть уже ручательство за достоинство. Мы уже сказали прежде, что на этой степени форма покуда все; ложность этого условия мы уже видели выше. Это условие, единственное условие поэзии, определенной до особности, здесь совершенно выполняется, и, получая в народе возможность осуществления, становясь историческим, имеет пребывающее значение. Национальная песня потому прекрасна, что она национальная песня; здесь, следовательно, форма есть уже ручательство за достоинство, и такое ручательство, которое не обманывает; но зато это и есть единственная форма поэзии, заверяющая в достоинстве поэтическом (трагедия, комедия и прочее не суть такие формы). Если это еще не кажется необходимым с первого взгляда, то постараемся объяснить. В определении народа осуществляется здесь определение поэзии. Момент отрицания поэзии получает исторический, пребывающий смысл. Народ есть всегда действительное лицо, есть необходимое определение; поэзия отражающая только народ, только нацию постоянно, будучи произведением только нации, необходимо действительна и истинна, ибо содержание всегда неизменно, необходимо, действительно. Вся субстанция народа, со всею глубиною своею и богатством, со всеми своими сторонами, но только как народная субстанция, выражается в поэзии. Народ является еще одною цельною массою, поглощающею индивидуумов: поэтому неизменяем, всегда себе верен; поэтому и национальная поэзия всегда истинна и, имея в то же время поэтическую форму, всегда прекрасна. Итак, есть точно сфера, в которой первое отрицание поэзии до особности получает пребывающий исторический смысл, сфера, в которой форма есть единственное ручательство, и вместе с тем верное ручательство, за поэтическое достоинство. Эта сфера, эта поэзия, определившаяся действительно вместе с народом и в народе до особности, есть поэзия национальная, народная песня. Здесь поэтов нет, здесь поэт — народ. Следовательно, везде, где есть народ, есть и национальная поэзия и народные песни. Великое значение имеет народная поэзия, выражая вечную и истинную сущность народа; она открывает нам его, она всегда остается верною опорою, верною порукою за будущее народа, к каким бы сомнениям и противоречиям ни привело нас его дальнейшее

Библиотека "Руниверс"

развитие, разрешившееся от целости чисто национального, необходимо-верного, определения. Эту степень, как мы сказали, имеет в своем движении каждый народ; она уже необходима в нем, потому что он народ, нация.

Но, как можно уже заключить, эта сфера не есть полная истинная сфера; это только момент, эта степень развития есть только степень, и потому развитие должно перейти ее и идти далее, сохраняя свое, данное этой степенью, определение только как момент. Выше было объяснено значение первого отрицания особности и необходимость разрешения, необходимость отрицания отрицания. Здесь нет еще общего, в этом простом его отрицании. Только с единичностью возможно конкретное проявление общего.

Отсюда уже вытекает необходимость разрешиться сфере национальной. Сфера национальная отрицает, поглощает, тем самым, человека вообще, и, будучи вместе с тем не что иное, как степень развития человека вообще, она таким образом заключает в себе противоречие, долженствующее разрешиться. Мы объяснили переход из сферы особности, мы показали, что отрицание особности есть единичность. В нации, определении человека к особности, должен совершиться тоже этот переход. Он совершается. Из национального определения, где каждый имеет постольку значения, поскольку он нация,— человек вырывается, исторгает себя, отрицает особность— национальность, и является как единичность, как индивидуум, значит, как индивидуум, и вместе с тем, как человек вообще. Только с единичностью возможно проявление и общего, только с индивидуумом или с значением индивидуума (как индивидуума) возможно в народе общее человеческое значение. Точно так же как единичность, будучи отрицанием отрицания, предыдущее отрицание — особность полагает в себе момент, ею условливается; так точно и индивидуум, отрицая национальность, необходимо полагает ее в себе как момент, ею условливается. Период исключительной национальности проходит, индивидуум освобождается и в то же время освобождается человек вообще; но национальность как необходимый момент не теряет своего места, а только становится как момент вечно пребывающий. Здесь образуется, отсюда выходит индивидуум, освобождающий и являющий в себе общее, но,— как индивидуум такого-то народа, определенный таким-то народом, дающим ему действительность,

Библиотека "Руниверс"

и, стало быть, действующий из него, его стороною, его участием, значением в общем, его силою и вместе его средствами и орудиями, носящими, разумеется, то же определение народа. Укажем, например, на язык. Национальность, переставая быть исключительною, нисколько от того не теряет, напротив, в дальнейшем развитии народа, при наполнении его через индивидуумов общим содержанием, она возвышается, ибо в ней, стало быть, лежала, лежит эта возможность возвыситься до общих интересов; тут только, на этой третьей степени, постигается и значение народа, и его отношение к общему, ко всему человечеству,— и чем выше, чем обширнее проявляется в народе общее, человеческое, чем, стало быть, выше становится нация, пребывающая всегда условием такого понимания; здесь хвала нации; тогда-то получает она истинный, глубокий смысл. Народ восходит на высшую степень своей деятельности; в этой его сфере в одно и то же время является человек, нация и индивидуум. Эти моменты родные друг другу, говоря философски; следовательно, между собой дружественно связаны. Не нужно и говорить (это видно само собою), как далеки мы от космополитизма, от того недействительного и жалкого усилия создать сферу в самой себе ложную и потому навсегда далекую от действительности. В то же время мы также смотрим на исключительную национальность, как на исторический момент, и, следовательно, также не останавливаемся на ней.

Такое же развитие, такой же шаг совершается вместе с народом и в истории литературы, где в народе осуществляется и получает действительность необходимое движение, развитие поэзии. Всякий человек перестает иметь значение постольку, поскольку он нация, принадлежит ей. Определение ложное проходит, становится моментом. Отдельность поэтического произведения, форма, перестает уже быть ручательством за достоинство; оно перестает иметь значение потому только, что оно произведение в сфере поэзии,— какова национальная песня. Поэзия переходит в *единичность;* вместе с тем общее становится ее содержанием. В области поэзии разрушается песенная сфера; освобождается дух, наконец могущий развить всего себя, всю глубину свою, все свое значение, и зиждет новую область, истинную область поэзии, вполне ей соразмерную; произведение в ней получает новое высшее значение. С разрешением особности и с явлением единичности произведение значит само для

Библиотека "Руниверс"

себя как единое; получает, так сказать, собственное индивидуальное достоинство. Это развитие конкретируется в народе и с народом, как развитие литературы. Вместе с разрешением особности и национальности — разрешается песенная сфера. На национальных песнях зиждется новая сфера — литература. Поэзия не отражает уже в себе только жизни целого нераздельного народа, национальной жизни: народ сам уже не живет этой нераздельной жизнью; общее вместе с пробуждением индивидуума проникает в него. И так поэзия, не отражая уже только национальности, наполняется общим содержанием, могущим явиться только с пробуждением единичности в поэтическом мире. Определение поэтической формы разумеется недостаточно; только в области особности, осуществляющейся в народе исторически в национальности,— в народных песнях, могла она иметь законное место как форма. Здесь, напротив, она становится только необходимым присущим моментом поэтического создания. Вместо песенной формы являются со всеми различиями *драма, эпос,* предчувствие которых и, подчиненный общему условию, образ лежал уже и в периоде национальности, и собственно вместо песни — *лирика.* Вместе с необходимостью всякому произведению иметь свое индивидуальное достоинство лежит возможность явиться и множеству плохих произведений, чего не могло быть прежде; ибо в этой новой сфере, в сфере единичности, форма по-прежнему доступна, но не по-прежнему ручательство верное за достоинство. Если же здесь взглянем мы на народ, то с пробуждением в нем индивидуальной жизни увидим пробуждение всех индивидуальных оттенков, неровностей, ошибок; разность индивидуумов, освободившихся теперь, их собственная неровная деятельность — все это потому самому является и в сфере искусства, отношение которого к развитию народа так близко и глубоко и которое явило новые высшие формы, с требованием индивидуального достоинства. Со всем тем только избранные, только художники проникают в его священный мир, а дерзкие и слабые бьются только с формою, уже лишенной своего смысла, который она имела именно через их отсутствие как индивидуумов. И так необходимость единичного достоинства уничтожает равенство поэтических произведений и дает возможность быть многим произведениям, которые хотя и поэтические произведения, но плохи. Плохие произведения, новость доселе неизвестная, то,

Библиотека "Руниверс"

о чем и не слыхать было в периоде национальности, где форма была все. Соответственно с этим, пробужденная деятельность индивидуумов в народе нарушает первобытную его целость, производит то же самое; вместе с этою свободою являются непризванные и становятся плохими сочинителями, чего также не могло быть прежде; ибо в периоде национальности, где индивидуумы вообще значили постольку, поскольку они нация, творцом была нация, вечная сущность (субстанция), следовательно, всегда необходимая, неизменная и ровная. Итак, вместе с пробуждением единичности в народе, как индивидуума, и, соответственно, в поэзии, как единого, для себя значащего, произведения — является возможность плохих индивидуумов — производителей и плохих отдельных произведений; но тем выше стало искусство, которого и требования стали выше.

Оно совершило полный круг своего развития, оно вышло из неподвижной сферы первого отрицания, из которой вышел и человек, оставив свою исключительную национальность. Конечно, противоречие, присущее поэзии на степени конкретировавшейся в народе особности,— национальности; поэзия освободилась от него и достигла сферы единичности, в которой она вновь себя находит как общее,— сферы, где возможно ее полнейшее выражение — литературы собственно; эта сфера, эта степень единичности есть сама не что иное, как момент; она не уничтожает предыдущего развития; будучи моментом, она не исключает, а полагает в себе и предыдущие моменты. Таким образом, здесь видим мы и общее, и *особность,* и *единичность.* В едином художественном произведении выражается и поэзия вообще как искусство, поэзия как поэтическое отдельное, особное произведение, и вместе как единое, само для себя значащее произведение, имеющее индивидуальный, неотделимый смысл и потому не могущее повториться. Поэзия совершает сей внутренний путь своего развития, и совершает его конкретно в совокупности своих произведений,— в литературе вообще, где, вместе с тем переходя в действительность как деятельность человеческого духа, осуществляется она в развитии человеческого духа, в народе; являясь на степени *особности* как *национальная поэзия,* именно *национальная песня;* на степени *единичности* как *литература собственно.* Определение национальности стало необходимым присущим моментом. Эта литература, содержанием которой вместе с едиными,

Библиотека "Руниверс"

для себя значащими произведениями, стало общее,— не отражает исключительно народ, но выражает это общее через него же, возвысившегося до общечеловеческого значения; она может принадлежать только именно такому-то народу; самое живое орудие ее — язык— принадлежит непременно известному народу. Здесь выражается, как именно в таком-то народе проявилось общее в сфере литературы. Таким образом в литературе видим мы и общее (общечеловеческое), и национальность, и индивидуальность произведения; в индивидуальном произведении видим мы и общее содержание, и национальное определение, и в то же время индивидуальное значение. В этой высшей области литературы вообще видим мы уже разнообразные роды поэзии, в ней вполне определяющиеся; то, что было предчувствием, может быть, в народе, покоряясь общей песенной форме, развилось в определенных родах поэзии: сама песня возвысилась до лирического стихотворения *. Эти роды определены в своем различии; это не только одна песня и песня, обнимавшая собою некогда все, всю жизнь народа, цельно, нераздельно проходившую; нет, народ вышел из этого состояния, и поэзия также вместе с ним доходит до полного развития, где и предыдущая степень не теряет своего значения, но становится присущим моментом; полнее стал народ, полнее стала поэзия. Как ни высоко и ни истинно философское воззрение, как ни вполне примиряются перед ним все противоречия, и многообразная жизнь является только вечною гармонией, чудною теодицею,— но свойственно полноте души человеческой отрываться от этого великого воззрения и жалеть о минувшем времени, о исчезнувшем величии. Становится грустно, когда взглянешь на колоссальные развалины некогда исполинского великого здания, когда посмотришь на следы прошедшего, некогда полного, кипевшего одною жизнию, хотя оно и уступило место другому высшему явлению и хотя в общем развитии все прекрасно,— прекрасно самое развитие. В ком, человеке, не пробуждалось грустное чувство при взгляде на свет-

* Здесь может возникнуть вопрос: роды поэзии (лирика, эпос, драма) и виды человека вообще: народы и прочее, где получают свое разделение? Разумеется, оно заключается в самом общем; общее, конкретируясь, проявляет свои стороны, также общие, необходимо в нем лежащие и развивающиеся при конкретировании (сначала). Впрочем, здесь устраняем мы вопрос этот о разделении поэзии и вообще о разделении общего; это удалило бы их слишком в сторону.

Библиотека "Руниверс"

лый мир Греции, на Рим, на средние века, некогда жившие полно и исчезнувшие? Так и умолкшие, утратившие свою всеобъемлемость песни народа, памятники его национального периода, невольно наводят печаль на душу. Но кроме этого человеческого чувства, само философское воззрение чтит с благоговением в исчезнувшем моментальное выражение вечной истины, хотя наслаждается самым ее развитием,— это воззрение полно любви, все обнимающей, все живящей. Одни профаны и невежды, полные грубой дерзости, готовы топтать эти памятники, крича: старое, старое! и ругаться над ними: им недоступно знание, и они лишены человеческого чувства; дети чисто преходящего, они уносятся без вреда и следа в потоке времени. [...]

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Впервые отдельным изданием с подзаголовком: «Рассуждение кандидата Московского университета Константина Аксакова, писанное на степень магистра философского факультета первого отделения» опубликовано в Москве в 1846 г. Печатается в отрывках по кн.: *Аксаков К. С, Аксаков И. С.* Литературная критика. С. 30—33, 36—47.

Заказ 2G3

Библиотека "Руниверс"

ХОМЯКОВ АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ

А. С. Хомяков родился в 1804 г. в Москве в родовитой дворянской семье. Получил великолепное домашнее воспитание. В 1822 г. он выдержал в Московском университете экзамен на степень кандидата математики. Первая его литературная публикация — перевод «Германии» Тацита — относится к 1821 г. Он был опубликован в «Трудах общества любителей российской словесности». Вступительная статья к публикации носила тираноборческий характер. В это же время А. С. Хомяков начинает писать свободолюбивую поэму «Вадим».

С 1822 по 1829 г. он находится на военной службе вначале в Астрахани, а затем в Петербурге, где знакомится со многими декабристами. Однако вскоре ясно обнаружилось неприятие Хомяковым декабристской идеологии, представлений декабристов о будущем России. По свидетельству современника, «Алексей Степанович во время службы своей в Петербурге был знаком с гвардейской молодежью, из которой вышли после все декабристы. И он сам говорил, что, возможно, попал бы под следствие как знакомый и друг многих из них, если бы не был случайно в эту зиму в Париже, где занимался живописью. В собраниях у Рылеева он бывал часто и горячо опровергал политические мнения и его и Одоевского, настаивая, что всякий военный бунт, революция сам по себе безнравственен» (Цит. по кн.: *Кулешов В. И.* Славянофилы и русская литература. М.: Худ. лит. 1976. С. 30).

По возвращении из-за границы Хомяков близко сходится с бывшими «любомудрами», особенно с поэтом Веневитиновым, разделяет их философско-эстетические взгляды, печатается в журнале «Московский вестник».

А. С. Хомяков был разносторонне образованным человеком. Историограф славянофильства А. И. Кошелев отмечает широту его интересов: это философия и богословие, история и механика, математика, эстетика, поли-

Библиотека "Руниверс"

тика, поэзия, публицистика, грамматика, археология, юриспруденция, агрономия, живопись.

В середине 30-х гг. совместно с И. В. Киреевским А. С. Хомяков создает славянофильскую идеологию, основные принципы которой изложены в его программной статье «О старом и новом» (1839). Он призывает изучать «старое», т. е. разумные основания общественной жизни, выработанные предками, для укрепления «нового». В 40-х гг. Хомяков занят поисками «жизненного закона» исторического развития русского народа и находит его в «вере». Многие идеи славянофильства (отмена крепостного права, уничтожение бюрократического аппарата и т. д.) были созвучны взглядам прогрессивных представителей русской общественной мысли, что стало причиной гонений на славянофилов со стороны царя и жандармов.

Однако А. С. Хомяков, как и другие славянофилы, был монархистом и не принимал демократических, «европейских» путей преобразования России. Мировоззрение его носило христианско-идеалистический характер, а политические взгляды представляли собой разновидность феодального социализма. А. С. Хомяков был поэтом славянофильства. Его стихотворения пронизаны философскими, социальными, эстетическими идеями славянофильства и потому являются программными.

Умер А. С. Хомяков в своем имении в 1860 г. от холеры.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Хомяков А. С.* Полное собрание сочинений. М.: Русский архив, 1900—1907.

2. *Хомяков А. С.* Стихотворения. М.: Русский архив, 1910.221с.

3. *Веневитинов Д., Шевырев С, Хомяков А.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1937. С. 197—289.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чесноков Д. И.* А. С. Хомяков//Учен. зап. Свердл. пед. ин-та. 1939. Вып. 2. С. 197—220.

2. *Даниленко Т. И.* Некоторые вопросы теории познания в философии ранних славянофилов: (И. Киреевский, А. Хомяков, Ю. Самарин)//Актуальные проблемы истории философии народов СССР. М., 1983. С. 55—62.

3. *Цимбаев Н. И.* Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М: Изд-во МГУ, 1986. 274 с.

Библиотека "Руниверс"

О СТАРОМ И НОВОМ[1]

Говорят: в старые годы лучше было все в земле Русской. Была грамотность в селах, порядок в городах, в судах правда, в жизни довольство. Земля Русская шла вперед, развивала все силы свои, нравственные, умственные и вещественные. Ее хранили и укрепляли два начала, чуждые остальному миру: власть правительства, дружного с народом, и свобода церкви, чистой и просвещенной.

Грамотность! Но на *копии* (которая находится у меня) с присяги русских дворян первому из Романовых, вместо подписки князя Троекурова, двух дворян Ртищевых и многих других, менее известных, находится крест с отметкою: по неумению грамоты.— Порядок! Но еще в памяти многих, мне известных, стариков сохранились бесконечные рассказы о криках ясачных; а ясачный крик был тоже, что на Западе cri de guerre[2], и беспрестанно в первопрестольном граде этот крик сзывал приверженцев, родственников и клиентов дворянских, которые, при малейшей ссоре, высыпали на улицу, готовые на драку и на сражение до смерти или до синяков.— Правда! Но князь Пожарский был отдан под суд за взятки; старые пословицы полны свидетельств против судей прежнего времени; указы Алексея Михайловича и Михаила Федоровича повторяют ту же песнь о взятках и о новых мерах для ограждения подсудимых от начальства; пытка была в употреблении всеобщем, и слабый никогда не мог побороть сильного.— Довольство! При малейшем неурожае люди умирали с голода тысячами, бежали в Польшу, кабалили себя татарам, продавали всю жизнь свою и будущих потомков крымцам, или своим братьям русским, которые едва ли были лучше крымцев и татар.— Власть, дружная с народом! Не только в отдаленных краях, но и в Рязани, в Калуге и в самой Москве бунты народные и стрелецкие были происшествием до-

Библиотека “Руниверс”

вольно обыкновенным, и власть царская частехонько сокрушалась о препоны, противопоставленные ей какой-нибудь жалкой толпою стрельцов, или делала уступки какой-нибудь подлой дворянской крамоле. Несколько олигархов вертели делами и судьбою России, и растягивали или обрезывали права сословий для своих личных выгод.— Церковь просвещенная и свободная! Но назначение патриарха всегда зависело от власти светской, как скоро только власть светская хотела вмешиваться в дела избрания; архиерей Псковский, уличенный в душегубстве и в утоплении нескольких десятков псковитян, заключается в монастырь; а епископ Смоленский метет двор патриарха и чистит его лошадей в наказание за то, что жил роскошно; Собор Стоглавый остается бессмертным памятником невежества, грубости и язычества, а указы против разбоя архиерейских слуг показывают нам нравственность духовенства в виде самом низком и отвратительном. Что же было в золотое старое время? Взгрустнется по неволе. Искать ли нам добра и счастья прежде Романовых? Тут встречает нас волчья голова Иоанна Грозного, нелепые смуты его молодости, безнравственное царствование Василия, ослепление внука Донского, потом иго монгольское, уделы, междоусобия, унижение, продажа России варварам и хаос грязи и крови. Ничего доброго, ничего благородного, ничего достойного уважения или подражания не было в России. Везде и всегда была безграмотность, неправосудие, разбой, крамолы, личности, угнетение, бедность, неустройство, непросвещение и разврат. Взгляд не останавливается ни на одной светлой минуте в жизни народной, ни на одной эпохе утешительной и, обращаясь к настоящему времени, радуется пышной картине, представляемой нашим отечеством.

Хорошо! Да что же нам делать с сельскими протоколами, отысканными Языковым, с документами, открытыми Строевым? Это не подделка, не выдумка, это не догадка систематиков; это факты ясные, неоспоримые. Была же грамотность и организация в селах,— от нее остатки в сходках и мирских приговорах, которых не могла уничтожить ни власть помещика, ни власть казенных начальств. Что делать нам с явными свидетельствами об городском порядке, о распределении должностей между гражданами, о заведениях, которых цель была облегчать, сколько возможно, низшим доступ к высшим судилищам? Что делать с судом присяжных,

Библиотека "Руниверс"

который существовал бессомненно в Северной и Средней России, или с судом словесным, публичным, который и существовал везде и сохранился в названии суда, по форме, прекрасного, но неполного учреждения? Что делать с песнями, в которых воспевается быт крестьянский? Этих .песен теперь не выдумали русские крестьяне. Что делать с отсутствием крепостного права, если только можно назвать правом такое наглое нарушение всех прав? Что с равенством, почти совершенным, всех сословий, в которых люди могли переходить все степени службы государственной и достигать высших званий и почестей? Мы этому имеем множество доказательств, и даже самые злые враги древности русской должны ей отдать в сем отношении преимущество перед народами западными. Власть представляет нам явные доказательства своего существования в распространении России, восторжествовавшей над столькими и столь сильными врагами, а дружба власти с народом запечатлена в старом обычае, сохранившемся при царе Алексее Михайловиче, собирать депутатов всех сословий для обсуждения важнейших вопросов государственных. Наконец, свобода чистой просвещенной церкви является в целом ряде святителей, которых могучее слово более способствовало к созданию царства, чем ум и хитрость государей,— в уважении не только русских, но и иноземцев к начальникам нашего духовенства, в богатстве библиотек патриаршеских и митрополических, в письмах Иоанна, и особенно в отпоре, данном нашей церковью церкви римской.— После этого, что же думать нам о старой Руси? Два воззрения, совершенно противоположные, одинаково оправдываются и одинаково опровергаются фактами неоспоримыми, и никакая система, никакое искусственное воссоздание древности не соответствует памятникам и не объясняет в полноте их всестороннего смысла.

Нам непозволительно было бы оставить вопрос неразрешенным тогда, когда настоящее так ясно представляется нам в виде переходного момента и когда направление будущего почти зависит от понятия нашего о прошедшем, Если ничего доброго и плодотворного не существовало в прежней жизни России, то нам приходится все черпать из жизни других народов, из собственных теорий, из примеров и трудов племен просвещеннейших, и из стремлений современных. Мы можем приступить к делу смело, прививать чужие плоды к домашнему дичку, перепахивать землю, не таящую в себе никаких семян, и при неу-

Библиотека "Руниверс"

дачах успокаивать свою совесть мыслью, что как ни делай, хуже прежнего не сделаешь. Если же, напротив, старина русская была сокровище неисчерпаемое всякой правды и всякого добра, то труд наш переменит свой характер, а все также будет легок. Вот архивы, вот записки старых бумаг, сделок, судебных решений, летописей и пр. и пр. Только стоит внести факт критики под архивные своды и воскресить, на просторе царства, учреждения и законы, которых трупы истлевают в забытых шкапах и сундуках.

После краткого обзора обоих мнений, едва ли можно пристать к тому или другому. Вопрос представляется в виде многосложном и решение затруднительным: что лучше, старая или новая Россия? Много ли поступило чуждых стихий в ее теперешнюю организацию? Приличны ли ей эти стихии? Много ли она утратила своих коренных начал, и таковы ли были эти начала, чтобы нам о них сожалеть и стараться их воскресить?

Современную Россию мы видим: она нас и радует и теснит; об ней мы можем говорить с гордостью иностранцам, а иногда совестимся говорить даже с своими; но старую Русь надобно — угадать.

Сличение всех памятников, если не ошибаюсь, приведет нас к тому простому заключению, что прежде, как и теперь, было постоянное несогласие между законом и жизнью, между учреждениями писанными и живыми нравами народными. Тогда, как и теперь, закон был то лучше, то хуже обычая, и редко исполняемый, то портился, то исправлялся в приложении. Примем это толкование, как истину, и все перемены быта русского объяснятся. Мы поймем, как легко могли измениться отношения видимые, и в то же время будем знать, что изменения редко касались сущности отношения между людьми и учреждениями, между государством, гражданами и церковью. Для примера возьмем один из благороднейших законов новейшего времени, которым мы можем похвалиться перед стариною, и одно из старых постановлений, о котором мы должны вспомнить с горестью. Пытка отменена в России тогда, когда она существовала почти во всех судах Европы, когда Франция и Германия говорили об ней без стыда и полагали ее необходимою для отыскания и наказания преступников. Скажем ли, однако, что пытка не существовала в России? Она существует, она считается неизбежною, она существует при всяком следствии, дерзко бросается в глаза во всех су-

Библиотека "Руниверс"

дах, и еще недавно в столице, при собрании тысячи зрителей, при высших сановниках государства, при самом государе, крикнула веселым голосом: «а не хочешь ли покушать селедки?» Крепостное состояние крестьян введено Петром Первым; но когда вспомним, что они не могли сходить с своих земель, что даже отлучаться без позволения они не смели, а что между тем суд был далеко, в Москве, в руках помещиков, что противники их были всегда и богаче, и выше их в лестнице чинов государственных,— не поймем ли мы, что рабство крестьян существовало в обычае, хотя не было признано законом, и что отмена Холопьего Приказа не могла произвести ни потрясений, ни бунтов, и должна казаться практическому уму Петра простым уничтожением ненужного и почти забытого присутственного места? Так-то факты и учреждения письменные разногласят между собою. Конечно, никто из нас не может вспомнить без горя о том, что закон согласился принять на себя ответственность за мерзость рабства, введенного уже обычаем, что закон освятил и укоренил давно вкрадывавшееся злоупотребление аристократии, что он видимо ограничил свободу церкви; но вспомним также, что дворянство слабеет ежедневно, расширяется, отворяет свои ворота почти для всех желающих, и до того тяготится собою, что готово само проситься в отставку из дворян; а церковь в земле самодержавной более ограждена равнодушием правительства к ней, чем сановитым, но всегда зависимым лицом полупридворного патриарха. Бесконечные неустройства России доромановской не позволяют сравнивать ее с нынешнею, и потому я всегда говорю об той России, которую застал Петр и которая была естественным развитием прежней. Я знаю, что в ней хранилось много прекрасных инстинктов, которые ежечасно искажаются, что когда-нибудь придется нам поплатиться за то, что мы попрали святые истины равенства, свободы и чистоты церковной; но нельзя не признаться, что все лучшие начала не только не были развиты, но еще были совершенно затемненны и испорчены в жизни народной, прежде чем закон коснулся их мнимой жизни.

По мере того, как царство Русское образовывалось и крепло, изглаживались мало-помалу следы первого, чистого и патриархального состава общества. Вольности городов пропадали, замолкали веча, отменялось заступничество тысяцких, вкрадывалось местничество, составлялась аристократия, люди прикреплялись к земле, как

Библиотека "Руниверс"

прозябающие, и добро нравственное сохранялось уже только в мертвых формах, лишенных прежнего содержания. Невозожно государству подвигаться в одно время по всем направлениям: когда наступила минута, в которую самое существование его подверглось опасности, когда, безмерно расширяясь и помня прежнее свое рождение, оно испугалось будущего,— тогда, оставляя без внимания все частные и мелкие выгоды личные, пренебрегая обычаи и установления, несколько обветшавшие, не останавливаясь, чтобы отыскивать прекрасную сущность, обратившуюся в бесполезный обряд,— государство устремилось к одной цели, задало себе одну задачу и напрягло все свои силы, чтобы разрешить ее. Задача состояла в сплочении разрозненных частей, в укреплении связей правительственных, в усовершенствовании, так сказать, механическом всего общественного состава. [...]

Если сравнить состояние России в XIX веке с состоянием ее в XVII, мы придем, кажется, к следующему заключению. Государство стало крепче и получило возможность сознания и постепенного улучшения без внутренней борьбы; несколько прекрасных начал, прежде утраченных и забытых, освящено законом и поставлено на твердом основании: такова отмена смертной казни, человеколюбие в праве уголовном и возможность низшим слоям восходить до высших степеней государственных на условиях известных и правильных. Наконец, закон освятил несколько злоупотреблений, введенных обычаем в жизнь народную, и через это видимо укоренил их. Я знаю, как важна для общества нравственная чистота закона; я знаю, что в ней таится вся сила государства, все начала будущей жизни, но полагаю также, что иногда злоупотребление, освященное законом, вызывает исправление именно своей наглостью, между тем как тихая и скрытая чума злого обычая делается почти неисцелимою. Так в наше время мерзость рабства законного, тяжелая для нас во всех смыслах, вещественном и нравственном, должна вскоре искорениться общими и прочными мерами, между тем как илотизм[3] крестьян до Петра мог сделаться язвою вечною и по меньшей мере вел к состоянию пролетариев или безземельных английских работников.

Начал чуждых вижу я весьма мало: дворянство, введенное Петром третьим, уже столько изменилось от действия духа народного, что оно не только не имеет характера аристократического, но даже чище, чем оно было

Библиотека "Руниверс"

до Петра Великого, после усиления боярских родов и безусловного обращения поместий в отчины.

В жизни же и ходе просвещения: излишний космополитизм, некоторое протестанство мыслей и отчуждение от положительных начал веры и духовного усовершенствования христианского, сопряженные (в то же время) с отстранением безобразной формальности, (с отстранением) равнодушия к человечеству, переходящего почти в ненависть и какого-то усыпления умственного и духовного, граничащего с европейским самодовольствием и языческой беспечностью.

Я уже говорил о многих прекрасных стихиях, которые нами утрачены; но я, кажется, также показал, что они уничтожены обрядами, прежде чем законы коснулись их. Они прежде были убиты народом, потом уже схоронены государями. Сказать ли нам: «почий в мире»? Нет; лучше скажем: вечная им память, и вечно их будем поминать. Камбасерес сказал: la desuetude est la plus juste et la plus агпёге critique d'une loi[4]. Это правда, но правда неполная. Когда государство находилось в продолжение нескольких веков в осадном положении, многие законы могли быть совершенно забыты; но это забвение невольное не есть укор закону. Бессильный временно, лишенный действия' и приложения, он живет скрытно в душах, несмотря на злые обычаи, введенные необходимостью, несмотря на невежество народа или на крутое действие власти.

Эти-то лучшие инстинкты души русской, образованной и облагороженной христианством, эти-то воспоминания древности неизвестной, но живущей в нас тайно, произвели все хорошее, чем мы можем гордиться: уничтожение смертной казни, освобождение Греции и церкви греческой в недрах самой Турции, открытие законных путей к возвышению лиц по лестнице государственных чинов, под условием заслуг или просто просвещения, мирное направление политики, провозглашение закона Христа и правды, как единственных законов, на которых должны основаться жизнь народов и их взаимные сношения. Кое-что сделано; более, несравненно более, остается сделать такого, на что вызывает нас дух, живущий в воспоминаниях, преданиях и символах, уцелевших от древности. Весь этот прекрасный мир замирал, почти замер в беспрестанных борьбах, внутренних и внешних, России. Без возобновления государства все погибло; государство ожило, утвердилось, наполнилось крепостью

Библиотека "Руниверс"

необычайной: теперь все прежние начала могут, должны развиваться и разовьются собственною своею неумирающею силою.— Нам стыдно бы было не перегнать Запада. Англичане, французы, немцы не имеют ничего хорошего за собою. Чем дальше они оглядываются, тем хуже и безнравственнее представляется им общество. Наша древность представляет нам пример и начала всего доброго в жизни частной, в судопроизводстве, в отношении людей между собою; но все это было подавлено, уничтожено отсутствием государственного начала, раздорами внутренними, игом внешних врагов. Западным людям приходится все прежнее отстранять, как дурное, и все хорошее в себе создавать; нам довольно воскресить, уяснить старое, привести его в сознание и жизнь. Надежда наша велика на будущее.

Все, что можно разобрать в первых началах истории русской, заключается в немногих словах. Правительство из варягов представляет внешнюю сторону; областные веча — внутреннюю сторону государства. Во всей России исполнительная власть, защита границ, сношения с державами соседними, находятся в руках одной варяго-русской семьи, начальствующей над наемного дружиною; суд правды, сохранение обычаев, решение всех вопросов правления внутреннего, предоставлены народному совещанию. Везде, по всей России, устройство почти одинаковое; но совершенного единства обычаев не находим не только между отдаленными городами, но ниже между Новгородом и Псковом, столь близкими и по месту, и по выгодам, и по элементам народонаселения. Где же могла находиться внутренняя связь? Случайно соединено несколько племен славянских, мало известных друг другу, не живших никогда одною общею жизнью государства; соединены они какою-то федерациею, основанной на родстве князей, вышедших из народа и, может быть, отчасти единством торговых выгод: как мало стихий для будущей России!

Другое основание могло поддержать здание государственное, это единство веры и жизнь церковная; но Греция посылала нам святителей, имела над нами одну веру, одни догматы, одни обряды, а не осталась ли она нам совершенно чуждою? Без влияния, без живительной силы христианства не восстала бы земля Русская; но мы не имеем права сказать, что одно христианство воздвигло ее. Конечно, все истины, всякое начало добра, жизни и любви находилось в церкви, но в церкви возможной,

Библиотека "Руниверс"

в церкви просвещенной и торжествующей над земными началами. Она не была таковой ни в какое время и ни в какой земле. Связанная с бытом житейским и языческим на Западе, она долго была темною и бессознательною, но деятельною и сухо-практическою; потом, оторвавшись от Востока и стремясь пояснить себя, она обратилась к рационализму, утратила чистоту, заключила в себе ядовитое начало будущего падения, но овладела грубым человечеством, развила его силы вещественные и умственные и создала мир прекрасный, соблазнительный, но обреченный на гибель, мир католицизма и реформаторства. Иная была судьба церкви восточной. Долго боролась она с заблуждениями индивидуального суждения, долго не могла она успокоить в правоте веры разум, взволнованный гордостью философии эллинской и мистицизмом Египта или Сирии. Прошли века, уяснилось понятие, смирилась гордость ума, истина явилась в свете ясном, в формах определенных; но промысел не дозволил Греции тогда же пожать плоды своих трудов и своей прекрасной борьбы. Общество существовало уже на основании прочном, выведенном историей, определенном законами положительными, логическими, освященном великою славою прошедшего, чудесами искусства, роскошью поэзии; и между тем все это — история, законы, слава, искусство, поэзия,— разногласило с простотой духа христианского, с истинами его любви. Народ не мог оторваться от своей истории, общество не могло пересоздать свои законы; христианство жило в Греции, но Греция не жила христианством. Долго от живого источника веры получала империя силы, почти невероятные, для сопротивления врагам внешним; долго это дряхлое тело боролось с напором варваров северных, воинственных фанатиков Юга и диких племен Средней Азии; но восстать и окрепнуть для новой жизни оно не могло, потому что упорные формы древности неспособны были принять полноту учения христианского. Мысль *(утомленная)* тщетною борьбою с внешностью быта общественного и государственного, уходила в пустыни, в обители Египта и Палестины, в нагорные монастыри Малой Азии и Эллады. Туда-то лучшие, избранные души уносили из круга гражданского красоту своей внутренней жизни и, удаляясь от мира, которому они не хотели и который не мог им покориться, они избрали поприще созерцания, размышления, молитвы и духовного восторга. В них жило все прекрасное и высокое, все то, что не

Библиотека "Руниверс"

осуществлялось современным обществом. Тогда-то замолкает лира Греции, источник песни иссякает. Поэзия перешла в монастыри, в самый быт монашеский, так сказать, в самую сущность отшельников. Но так как суждено роду человеческому всегда более или менее покоряться или, по крайней мере, преклоняться пред чистотою поэтического духа,— мир греческий обращается с безграничным почтением к людям, отвергнувшим его. Почтение, оказанное великим наставникам и основателям монашеского подвига, увлекло с собою бесконечное число подражателей, и ложные монахи размножились на Востоке, как мнимые поэты размножаются в наше время на Западе. По всему обществу распространяется характер отчуждения людей друг от друга; эгоизм и стремление к выгодам частным делались отличительными чертами грека. Гражданин, забывая отечество, жил для корысти и честолюбия; христианин, забывая человечество, просил только личного душеспасения; государство, потеряв святость свою, переставало представлять собою нравственную мысль; церковь, лишившись всякого действия и сохраняя только мертвую чистоту догмата, утратила сознание своих живых сил и память о своей высокой цели. Она продолжала скорбить с человеком, утешать его, отстранять его от преходящего мира; но она уже не помнила, что ей поручено созидать здание всего человечества. Такова была Греция, таково было ее христианство, когда угодно было богу перенести в наш Север семена жизни и истины. Не могло духовенство византийское развить в России начала жизни гражданской, о которой не знало оно в своем отечестве. Полюбив монастыри сперва, как я сказал, поневоле, Греция явилась к нам со своими предубеждениями, с любовью к аскетизму, призывая людей к покаянию и совершенствованию, терпя общество, но не благословляя его, повинуясь государству, где оно было, но не созидая там, где его не было. Впрочем, и тут она заслужила нашу благодарность. Чистотой учения она улучшила нравы, привела к согласию обычаи разных племен, обняла всю Русь цепью духовного единства и приготовила людей к другой, лучшей эпохе жизни народной.

Всего этого было еще мало. Федерация южных и северных племен, под охраною дома Рюрикова, не составляла могучего единоначального целого. Области жили жизнью отдельной, самобытной. Новгород не был врагом врагов Киева. Киев своей силою не отстаивал Новгоро-

Библиотека "Руниверс"

да. Народ не просил единства, не желал его. Внешняя форма государства не срослась с ним, не проникла в его тайную, душевную жизнь. Раздоры князей разрывали и опустошали Россию, но области оставались равнодушными к победителю, также как и к побежденному. Когда же честолюбивый и искусный в битвах Великий князь стремился к распространению власти своей, к сосредоточиванию сил народных (какие бы ни были побудительные причины его действия, любовь ли к общественному благу или своекорыстие), против него восставало не телько властолюбие других князей, но еще более завистливая свобода общин и областей, привычных к независимости, хотя вечно терпевших угнетения. Одно было в праве, а другое в деле.

Новгороду, вольному, городу, эгоистическому, привыкшему к своей отдельной политической жизни, в которой преобладало начало племенное, не приходило в мысль соединить всю Россию; Киеву бессильному, случайно принявшему в себя воинственный характер варягов, нельзя было осуществить идею великого государства. До нашествия монголов никому, ни человеку, ни городу, нельзя было восстать и сказать: «Я представитель России, я центр ее, сосредоточу в себе ее жизнь и силу».

Гроза налетела с Востока, ужасная, сокрушившая все престолы Азии, достаточная для уничтожения всей Европы, если бы Европа не была спасена от нее безмерным расстоянием. Тень будущей России встретила ее при Калке, и побежденная — могла не стыдиться своего поражения. Бог как будто призывал нас к единению и союзу. Но церковь молчала и не предвидела гибели; народ оставался равнодушным, князья продолжали свои междоусобицы. Кара была правосудна, перерождение было необходимо. Насилие спасительно, когда спит внутренняя деятельность человека. Когда вторичный налет монголов ударил в Россию, ее падение было бесславно. Она встретила гибель без всякого сопротивления, без попытки на отпор. Читая летописи, чувствуешь, что какое-то глубокое уныние проникло весь этот нестройный состав русского общества, что он уже не мог долее существовать, и что монголы были случайностью, счастливою для нас; ибо эти дикие завоеватели, разрушая все существующее, по крайней мере не хотели и не могли ничего создать.

В то время, когда ханы уничтожали всю восточную и южную полосу России, когда Запад ее волей или нево-

Библиотека "Руниверс"

лей признал над собой владычество грубого племени литовского, а Север, чуждый всякой великой идеи государственной, безумно продолжал свою ограниченную и местную жизнь, торговую и разбойническую, возникла новая Россия. Беглецы с берегов Дона и Днепра, изгнанники из богатых областей Волыни и Курска бросились в леса, покрывающие берега Оки и Тверцы, верховья Волги и скаты Алаунские. Старые города переполнились, выросли новые села, выстроились новые города, Север и Юг смешались, проникнули друг друга, и началась в пустопорожних землях, в диких полях Москвы, новая жизнь, уже не племенная и не окружная, но общерусская.

Москва была город новый, не имеющий прошедшего, не представляющий никакого определительного характера, смешение разных славянских семей, и это ее достоинство. Она была столько же созданием князей, как и дочерью народа; следственно, она совместила в тесном союзе государственную внешность и внутренность, и вот тайна ее силы. Наружная форма для нее уже не была случайною, но живою, органическою, и торжество ее в борьбе с другими княжениями было несомненно. От этого-то так рано в этом молодом городке (который, по обычаям русской старины, засвидетельствованной летописцами, и по местничеству городов должен был быть смиренным и тихим) родилось вдруг такое буйное честолюбие князей, и от того народ мог сочувствовать с князьями.

Я не стану излагать истории Московского княжества; из предыдущих данных легко понять ее битвы и «е победы. Как скоро она объявила желание быть Россиею, это желание должно было исполниться, потому что оно выразилось вдруг и в князе, и в гражданине, и в духовенстве, представленном в лице митрополита. Новгород устоять не мог, потому что идея города должна была уступить идее государства; князья противиться долго не могли, потому что они были случайностью в своих княжествах; областная свобода и зависть городов, разбитых и уничтоженных монголами, не могли служить препоною, потому что инстинкт народа, после кровавого урока, им полученного, стремился к соединению сил, а духовенство, обращающееся к Москве, как к главе православия русского, приучало умы людей покоряться ее благодетельной воле.

Таковы причины торжества. Каковы же были послед-

Библиотека "Руниверс"

ствия? Распространение России, развитие сил вещественных, уничтожение областных прав, угнетение быта общинного, покорение всякой личности мысли государства в лице государя — добро и зло допетровской России. С Петром начинается новая эпоха. Россия сходится с Западом, который до того времени был совершенно чужд ей. Она из Москвы выдвигается на границу, на морской берег, чтобы быть доступнее влиянию других земель, торговых и просвещенных. Но это движение не было действием воли народной; Петербург был и будет единственно городом правительственным и, может быть, для здорового и разумного развития России не осталось и не останется бесполезным такое разъединение в самом центре государства. Жизнь власти государственной и жизнь духа народного разделились даже местом их сосредоточения. Одна, из Петербурга, движет всеми видимыми силами России, всеми ее изменениями формальными, всею внешнею ее деятельностью; другая незаметно воспитывает характер будущего времени, мысли и чувства, которым суждено еще облечься в образ и перейти из инстинктов в полную, разумную, проявленную деятельность. Таким образом вещественная личность государства получает решительную и определенную деятельность, свободную от всякого внутреннего волнения, и в то же время бесстрастное и спокойное сознание души народной, сохраняя свои вечные права, развивается более и более в удалении от всякого временного интереса и от пагубного влияния сухой практической внешности.

Мы видели, что первый период истории русской представляет федерацию областей независимых, охваченных одной цепью охранной стражи. Эгоизм городов нисколько не был изменен случайностью варяжского войска и варяжских военачальников, которых мы называем князьями, не представляя себе ясного смысла в этом слове. Единство языка было бесплодно, как и везде: этому нас учит древний мир Эллады. Единство веры не связывало людей, потому что она пришла к нам из земли, от которой вера сама отступилась, почувствовав невозможность ее пересоздать. Когда же гроза монгольская и властолюбие органически созданного княжества Московского разрушили границы племен, когда Русь срослась в единое целое, — жизнь частей исчезла; но люди, отступившись от своей мятежной и органиченной деятельности в уделах и областях, не могли еще перенести к новосозданному целому теплого чувства любви, с которым они стре-

Библиотека "Руниверс"

мились к знаменам родного города при криках: «за Новгород и святую Софию» или: «за Владимир и Боголюбскую Богородицу»; России еще никто не любил в самой России: ибо, понимая необходимость государства, никто не понимал его святости. Таким образом, даже в 1612 году, которым может несколько похвалиться наша история, желание иметь веру свободную сильнее действовало,. чем патриотизм, а подвиги ограничились победою всей России над какой-то горстью поляков.

Между тем, когда все обычаи старины, все права и вольности городов и сословий были принесены на жертву для составления плотного тела государства; когда люди, охраненные вещественной властью, стали жить не друг с другом, а так сказать, друг подле друга, язва безнравственности общественной распространилась безмерно, и все худшие страсти человека развились на просторе: корыстолюбие в судьях, которых имя сделалось притчею в народе, честолюбие в боярах, которые просились в аристократию, властолюбие в духовенстве, которое стремилось поставить новый папский престол. Явился Петр и, по какому-то странному инстинкту души высокой, обняв одним взглядом все болезни отечества, постигнув все прекрасное и святое значение слова: государство, он ударил по России как страшная, но благодетельная гроза. Удар по сословию судей-воров; удар по боярам, думающим о родах своих и забывающим родину; удар по монахам, ищущим душеспасения в кельях и поборов по городам, а забывающим церковь и человечество, и братство христианское. За кого из них заступится история?

Много ошибок помрачают славу преобразователя России, но ему остается честь пробуждения ее к силе и к сознанию силы. Средства, им употребленные, были грубые и вещественные; но не забудем, что силы духовные принадлежат народу и церкви, а не правительству; правительству же предоставлено только пробуждать или убивать их деятельность каким-то насилием, более или менее суровым. Но грустно подумать, что тот, кто так живо и сильно понял смысл государства, кто поработил вполне ему свою личность, также как и личность всех подданных, не вспомнил в то же время, что там только сила, где любовь, а любовь только там, где личная свобода.

Быть может, я строго судил о старине; но виноват ли я, когда она сама себя осудила? Если ни прежние обы-

'8 Заказ 263

Библиотека "Руниверс"

чаи, ни церковь не создали никакого видимого образа, в котором воплотилась бы старая Россия, не должны ли мы признаться, что в них не доставало одной какой-нибудь или даже нескольких стихий? Так и было. Общество, которое вне себя ищет сил для самосохранения, уже находится в состоянии болезненном. Всякая федерация заключает в себе безмолвный протест против одного общего начала. Федерация случайная доказывает отчуждение людей друг от друга, равнодушие, в котором еще нет вражды, но еще нет и любви взаимной. Человечество воспитывается религией, но оно воспитывается медленно. Много веков проходит прежде, чем вера проникнет в сознание общее, в жизнь людей, in succum et sanguinem[5]. Грубость России, когда она приняла христианство, не позволила ей проникнуть в сокровенную глубину этого святого учения, а ее наставники утратили уже чувство первоначальной красоты его. От того-то народ следовал князьям, когда их междоусобицы губили землю русскую; а духовенство, стараясь удалить людей от преступлений частных, как будто и не ведало, что есть преступления общественные.

При всем том, перед Западом мы имеем выгоды неисчислимые. На нашей первоначальной истории не лежит пятно завоевания. Кровь и вражда не служили основанием государству Русскому, и деды не завещали внукам преданий ненависти и мщения. Церковь, ограничив круг своего действия, никогда не утратила чистоты своей жизни внутренней и не проповедовала детям своим уроков неправосудия и насилия. Простота дотатарского устройства областного не чужда была истины человеческой, и закон справедливости и любви взаимной служил основанием этого быта, почти патриархального. Теперь, когда эпоха создания государственного кончилась, когда связались колоссальные массы в одно целое, несокрушимое для внешней вражды, настало для нас время понимать, что человек достигает своей нравственной цели только в обществе, где силы каждого принадлежат всем и силы всех каждому. Таким образом, мы будем подвигаться вперед смело и безошибочно, занимая случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий или открывая в них те человеческие начала, которые для Запада остались тайными, спрашивая у истории церкви и законов ее — светил путеводительных для будущего нашего развития и воскрешая древние формы жизни русской, потому что они были

Библиотека "Руниверс"

основаны на святости уз семейных и на неиспорченной индивидуальности нашего племени. Тогда, в просвещенных и стройных размерах, в оригинальной красоте общества, соединяющего патриархальность быта областного с глубоким смыслом государства, представляющего нравственное и христианское лицо, воскреснет древняя Русь, но уже сознающая себя, а не случайная, полная сил живых и органических, не колеблющаяся вечно между бытием и смертью.

ПО ПОВОДУ ГУМБОЛЬДТА[6]

[...] Есть эпохи, в которых медленное и почти незаметное развитие духовных начал, убеждений и мыслей, лежащих в основе человеческих обществ, скрывает от наблюдателя разумность самих исторических законов. Есть эпохи, в которых эти духовные начала, уже уличенные в односторонности, бессилии или лжи, как будто бы еще ищут обмануть строгую логику истории хитростью своих оборотов, притяжением к себе других, несвойственных им начал, союзом с чисто вещественными интересами и даже примирением с началами, совершенно противоположными. И тут еще наблюдателю не легко дознаться истины. Но есть эпохи, в которых развитие духовных начал, правивших прошедшею историей, окончено; уловки их истощены, и неподкупная логика историческая произносит над ними свой приговор. В такие эпохи слепота непростительна.

Такова наша эпоха. [...]

Современным явлениям, на которые теперь обращено всеобщее любопытство, предшествовало, тому лет десять назад, другое явление, которое было замечено весьма многими, но не всеми: это было сильное пробуждение интересов и вопросов религиозных. Латинство и протестанство, казалось, были готовы снова вступить в бой; но ни то, ни другое не выдержало критики, сопровождающей всякое явление нашего века; ни то, ни другое не могло отвечать на заданные ему вопросы. Интерес религиозный, по-видимому, погас; но раздор, пробужденный в душе человеческой и непримиренный разумным разрешением, должен был принести свои плоды и принес их. Логика истории произносит свой при-

Библиотека "Руниверс"

говор не над формами, но над духовной жизнью Западной Европы. Иначе быть и не могло. Как скоро оба духовные начала или, лучше сказать, обе формы одного и того же духовного начала, которыми жила и управлялась Европа в продолжение стольких веков, замолкли перед требованием критики, самая область духовная опустела, внутренний мир души исчез, вера в разумное погибла, и жадное нетерпение вещественных интересов (отчасти законных) не могло признать перед собой ни какого другого пути, кроме пути взрывов и насилия.

Людям Запада теперешнее его состояние должно казаться загадкою неразрешимою. Понять эту загадку можем только мы, воспитанные иным духовным началом.

Наука признала, что новый европейский мир создан христианством. *Это* справедливо вот в каком смысле: христианство в полноте своего божественного учения, представляло идеи единства и свободы, неразрывно соединенные в *нравственном законе взаимной любви*. Юридический характер римского мира не мог понять этого закона: для него единство и свобода явились противоположными друг другу, антагонистическими между собой; из двух начал высшим показалось ему, по необходимости, единство, и он пожертвовал ему свободой. Таково было влияние римской стихии. Стихия германская, противная римской, удержала бы за собой другое начало, но этого быть не могло; она сама являлась в Западной Европе завоевательницею, насильницею. Вследствие своего положения она приняла в себя то же начало, которое принимала римская стихия вследствие своего внутреннего характера. Итак, Западная Европа развивалась не под влиянием христианства, но под влиянием латинства, т.е. христианства односторонне понятого, как закон внешнего единства. Тот, кто понимает историю, может легко усмотреть постепенное развитие этого начала в идее всехристианства (tota Christianitas), понятого как государство, в борьбе императоров и пап в крестовых походах, в военно-монашеских орденах, в принятии одного церковно-дипломатического языка (латинского) и т.д. Он увидит, что и вся жизнь Запада была проникнута этим началом и развивалась в полной зависимости от него, в иерархии феодальной, в аристократизме, в понятии о праве, в понятии о государственной власти и т. д. Для того, кто только вытвердил историю по иностранным писателям, пришлось бы

Библиотека "Руниверс"

говорить слишком много. Поэтому мы и не станем здесь рассматривать историю Западной Европы с этой точки зрения.

Таков был первый период западной истории; второй был периодом реакции. Односторонность латинства вызвала противодействие, и мало-помалу, после многих неудачных попыток, после долгой борьбы наступил период протестанства, одностороннего как и латинство, но одностороннего в направлении противоположном первому: ибо протестантство удерживало идею свободы и приносило ей в жертву идею единства. Иначе и быть не могло, ибо примирение было невозможно для Запада, воспитанного началом латинства, под условиями завоевания германского и юридической формальности римской. Вся новая история Европы принадлежит протестанству, даже в землях, слывущих за католические. Как идея единства латинского была внешняя, так и идея свободы протестанской была внешнею; ибо свобода, отрешенная от идеи разумного содержания, есть понятие чисто отрицательное и следовательно внешнее. Протестанство удерживалось в продолжение нескольких веков от совершенного самоуничтожения только посредством произвольных условий; но оно носило в себе семена своей собственной гибели, и этим семенам надобно было по необходимости развиться. Они развились. В области религии догматической протестанство исчезло и перешло в неопределенность философского мышления, то есть философского скепсиса; в области жизни общественной оно перешло в то состояние беспредельного брожения, которым потрясен западный мир. Произвольные условия не могли устоять ни против требований разумной критики, ни против личных страстей; ибо условие произвольное не может заключать в самом себе собственного освящения: оно может только освящаться извне, а всякое начало освящающее было уже уничтожено протестантством. В наше время суд истории совершается и совершится над латинством и протестантством. Таков смысл современного движения.

До сих пор не являлось, и явиться не может, нового начала духовного, которое могло бы пополнить в душе человеческой пустоту, оставленную в нем конечным падением начала латино-протестантского. Все попытки (их было много) отыскать или создать такое начало были неудачны. Таков смысл явлений и упадка всех систем, наделавших больше или меньше шуму под фир-

Библиотека "Руниверс"

мою Овена[7] или Сен-Симона, под именем коммунизма или социализма. Все эти системы, порожденные, по-видимому, вещественными болезнями общества и имевшие, по видимому, целью исцеление этих болезней, были действительно рождены внутреннею болезнью духа и устремлены к пополнению пустоты, оставленной в нем падением прежней веры или прежнего призрака веры. Все они пали или падают вследствие одной и той же причины, именно той субъективной произвольности, на которой они основаны. Другим путем пришла к той же цели философия германская в лице своего представителя Гегеля или, лучше сказать, учеников его. Строгий (хотя и неполный) в своем анализе, ничтожный в своем синтезе, гегелизм в своем падении показал всю глубину духовной бездны, над которой уже давно, сама того не зная, стояла философствующая Германия; он обличил язву, которой исцелить не мог. Но в этом бесспорно заключается и великая заслуга. Все будущие попытки по пути чисто философскому невозможны после Гегеля; все будущие попытки в роде устаревшего овенизма или нового социализма будут неудачны и ничтожны по тем же причинам, по которым были неудачны и ничтожны их предшественницы. Приговор над ними совершается своевременною нам историей; произнесен же он несколько лет назад в книге, нелепой по своей форме, отвратительной по своему нравственному характеру, но неумолимо-логической, в книге Макса Штирнера (Der Einzelne und sein Eigenthum)[8]. Эта книга, от которой с ужасом отступилась школа, породившая ее, о которой без глубокого негодования не может говорить ни один нравственный (sittlicher) немец, имеет значение историческое, не замеченное критикою и, разумеется, еще менее известное самому автору, значение полнейшего и окончательного протеста духовной свободы против уз всяких произвольных и налагаемых на нее извне. Это голость души, правда, безнравственной, но безнравственной потому, что ее лишили всякой нравственной основы, души, беспрестанно высказывающей, хотя бессознательно, и возможность, и разумность покорности началу, которое бы было ею создано и которому бы она поверила, и возстающей с негодованием и злобою на ежедневную проделку западных систематиков, не верящих и требующих веры, произвольно создающих узы и ожидающих, что другие примут их на себя с покорностью. Современная история есть живой комментарий

Библиотека "Руниверс"

на Макса Штирнера, фактический протест жизненной простоты против книжного умничанья, которое вздумало ее надувать призраками самодельных духовных начал, когда духовные начала, которыми она некогда действительно жила, уже не существуют.

Такова была воля промысла, или (если с нашей стороны слишком дерзко угадывать пути провидения) таков был смысл всемирной истории, чтобы человечество, не понявшее христианства или понявшее его односторонне, пришло путем отрицания к пониманию своей собственной ошибки. Бесполезные усилия отсталых мыслителей, бесполезные хитрости духовных правителей, уничтожающих веру до иезуитски нищенского союза с страстями и партиями политическими, не воскресят и даже не продлят эпохи латино-протестантства. Прежняя ошибка уже невозможна, человек не может уже понимать вечную истину первобытного христианства иначе, как в ее полноте, т. е. в тождестве единства и свободы, проявляемом в законе духовной любви. Таково православие. Всякое другое понятие о христианстве отныне сделалось невозможным. Представителем же этого понятия является Восток, по преимуществу же земли славянские и во главе их наша Русь, принявшая чистое христианство издревле, по благословению божьему, и сделавшееся его крепким сосудом, может быть, в силу того общинного начала, которым она жила, живет и без которого она жить не может. Она прошла через великие испытания, она отстояла свое общественное и бытовое начало в долгих и кровавых борьбах, по, преимуществу же в борьбе, возведшей на престол Михаила (как я уже сказал в одной из прежних своих статей),— и сперва спасшая себя, она теперь должна явиться их представительницею для целого мира. Таково ее призвание, ее удел в будущем. Нам позволено глядеть вперед смело и безбоязненно.

Постигнув значение современных движений и призвание русской земли в истории всемирной, мы приходим к глубокому убеждению, что русская земля исполнит свое призвание; но в то же время и к вопросу, как может она его исполнить и какие органы в частной деятельности она может найти в наше время для выражения и проявления своих внутренних начал.

Этот вопрос порождает невольное и справедливое мнение.

Только тот может выразить для других свои начала

Библиотека "Руниверс"

духовные, кто их уразумел для самого себя; только стройный и цельный организм духовный может передать крепость и стройность другим организмам, расслабленным и разъединенным. Мысль и жизнь народная может быть выражена и проявлена только теми, кто вполне живет и мыслит этою мыслию и жизнию. Таковы ли мы с нашим просвещением? [...]

[...] В прежних статьях я говорил о ничтожестве и о причинах ничтожества науки в России. Самый факт не подлежит сомнению: причины его ясны. Наука сама подвинуться не может, покуда не будет устранена причина ее мертвенности, т. е. тот внутренний разрыв, о котором я уже говорил; но любопытно видеть, с каким упорством она отстаивает свое благоприобретенное ничтожество и с каким жаром восстает она против всякой попытки, могущей возмутить ее умственный сон. Собственно наукообразное развитие нашего общества делится на два разряда. Большинство довольствуется издавна полученным направлением французской образованности и с тихим самодовольствием продолжает повторять старые уроки, перешедшие едва ли уже не в третье поколение, разнообразя их современными вариациями, взятыми из глубокомысленных французских журналов. По-видимому, в этом большинстве нет единства мнения, но действительные основы мнения одинаковы у всех; разницы же заключаются только в том, что для иного оракулом служит La Press, для другого National, для третьего Journal des Debats[9] и т.д. Все это большинство можно заключить под общим именем школьников французских журналов. Меньшинство пошло гораздо далее: оно проникло в глубь немецкого просвещения. Тому лет двадцать, с полною верою в Шеллинга, оно субъектировало, объективировало и субъектобъективировало весь мир; потом, вместе с Гегелем отвергая чуть-чуть не с презрением поэтическую мечтательность шеллинговой эпохи, оно, процессом феноменологии, высушивало тот же мир до совершеннейшего скелета или, лучше сказать, до призрака какого-то скелета, до бытия, тождественного небытию, и вдыхало ему снова жизнь и сущность посредством многосложного аппарата логических моментов. Прошла и эта эпоха. Умственная Германия протянула руку умственной Франции, которою пренебрегала чуть-чуть не полвека, и сливки нашего просвещения получили ту же закваску. Много-

Библиотека "Руниверс"

ученое меньшинство, школьники немецкой философии, поступило вместе с немецкими университетами под те знамена, под которыми идет большинство,— под знамена французской журналистики. Где же плоды того умственного воспитания, которое это меньшинство получало из Германии и которое могло обмануть поверхностного наблюдателя? Где тот жар увлечения, который заставлял людей, не знавших немецкого языка, но желавших принадлежать к ученому меньшинству, цитировать вкривь и вкось авторитеты немецкие, непонятные для них самих, или томить публику сухими и темными формулами, убивающими всякое живое разумение? Где тот жар верования, который обращал других, более добросовестных и сведущих, в истинных мучеников науки, проводящих бессонные ночи в бесконечных прениях о философских отвлеченностях не только в теплом убежище дружественных салонов, но и на трескучих морозах петербургских или московских ночей? -Правда, есть люди, но они наперечет, которые вынесли из этого воспитания умственную деятельность, поставившую их на новые самобытные пути мышления; большая же часть поносилась с мыслью, не оживившись ею, отстала от мысли, не додумав ее, и беспрестанно принимает из-за моря новые направления и, так сказать, новые временные верования, с тою же детскою доверчивостью, с которою она лепетала формулы немецкой науки. Для нее наукообразная форма германская была только модою, и скорее петербургская щеголиха (пожалуй, хоть и львица) наденет платье, сшитое по третьегодней моде, чем наш книжник заговорит формулами или о формулах мышления, некогда бывшего предметом его боготворения. Разумеется, наука невозможна при таком направлении. Если же как-нибудь случайно выскажется какая-нибудь мысль, естественно родившаяся на русской почве, полукнижное большинство и книжное меньшинство встречают ее одинаковою непонятливостью (очень естественною, потому что ум человеческий не без усилия вырывается из привычной своей колеи) и одинаковым недоброжелательством, происходящим также от весьма естественного желания сохранять неприкосновенность своего умственного сна. Все единогласно провозглашают новую мысль парадоксом (как в известной сцене Горе от ума: «это странно что-то!»), причем большинство объявляет, что новый парадокс не совсем благовиден (ибо наш общественный вигизм

Библиотека "Руниверс"

имеет сильное притязание на консерваторство и на торизм, не сознавая своего вигизма и не понимая, что торизм совершенно невозможен при полном разрыве с народом и народною жизнию). Меньшинство же хватает на скорую руку какое-нибудь пошлое возражение и бросает его, к общему удовольствию, в мир мелкой журналистики. Тем дело и поканчивается. [...]

[...] В самое то время, когда всемирное развитие истории, осудив неполные и односторонние начала, которыми она управлялась до сих пор, требует от нашей святой Руси, чтобы она выразила те более полные и всесторонние начала, из которых она выросла и на которые она опирается, выражение их является невозможным по недостатку органов. В этом отношении ясно, что Россия находится в несравненно более трудном положении, чем Англия, и что вигизм нашего общества несравненно хуже и ниже, чем вигизм, составляющий одну из социальных партий в Англии. Таков результат, который бы можно было вывести с первого взгляда.

Но на первом взгляде останавливаться не должно. Полное изучение вопроса дает вывод, совершенно противоположный первому. Английский вигизм, необходимая протестантская реакция против односторонности римских начал, был необходимостью, был развитием неизбежным и законным; торжество его так же неизбежно, как торжество всякой вполне логической мысли. От этого, как я уже сказал, в Англии будущее принадлежит вигам,— если английская земля не примет извне других, более полных духовных начал. У нас совсем другое дело: наш вигизм есть следствие исторической и, так сказать, внешней случайности, нисколько не обусловленной нашими внутренними началами общественными или духовными. Плод временной случайности, он может иметь и значение и существование только временное; и не только нельзя сказать, чтобы будущее ему принадлежало, но можно смело сказать, что будущее для него не существует. Законный в своем случайном начале, бессмысленный в своем общем развитии, он приближается к своему падению. Его существование продлить не могут ни частные усилия, ни полудобросовестные парадоксы устаревшей любви к западным школам, ни общественное упорство, ни даже неподвижная сила общественной апатии и умственной лени. Логика имеет свои неотъемлемые права, и беспристрастный

Библиотека "Руниверс"

наблюдатель, радуясь будущему, может уже найти утешение в признаках настоящего. Возврат русских к началам русской земли уже начинается.

Под этим словом возврата я не разумею возврата наших любезных соотечественников, которые, как голубки, потрепетавши крылышками над треволненным морем западного общества, возвращаются, утомленные, на русскую скалу и похваливают ее твердость. Нет, они возвращаются на Святую Русь, но не в русскую жизнь; они похваливают крепость своего убежища и не знают (как и все мы), что вся наша деятельность есть не что иное, как беспрестанное подкапывание его основ. К счастию, наши руки и ломы слишком слабы, и бессилие наше спасает нас от собственной слепоты. Я не называю возвратом и того, не совсем редкого, явления общественного, которое может, пожалуй, сделаться и минутною модою, что люди, совершенно оторванные от русской жизни, но не скорбящие об этом разрыве, а в полном самодовольствии наслаждающиеся своим мнимым превосходством, важно похваливают русский народ; дарят его, так сказать, своим ласковым словом, щеголяют перед обществом знанием, русского быта и русского духа' и преспокойно выдумывают для этого русского духа чувства и мысли, про которые не знал и не знает русский человек. Чтобы выразить мысль народа, надобно жить с ним и в нем. Я говорю о другом возврате. Есть люди, и к счастию этих людей уже немало, которые возвращаются не на русскую землю, но к Святой Руси, как к своей духовной родительнице и приветствуют своих братии с радостною и раскаивающеюся любовью. Этот мысленный возврат важен и утешителен. Наука, несмотря на слепое сопротивление книжников и на. ленивую устойчивость полукнижного большинства, не только начинает обращать внимание на истинные потребности русской жизни, но освобождаясь мало-помалу от прежних школьных оков, уже показывает стремление к сознанию своих родных начал и к развитию истин, до сих пор бессознательно таившихся в нашей собственной жизни. Эти труды остаются не совсем без награды: им сочувствуют многие, им сочувствуют по всей земле русской и, может быть, еще более в ее дальних областях, чем в тех мнимых центрах нашего просвещения, которые до сих пор суть действительно только центры западного школьничества. Им сочувствуют даже некоторые просвещенные люди на

Библиотека "Руниверс"

Западе, готовые уважать нашу мысль, когда она действительно будет нашею собственною, а не простым подражанием мысли чужой. Успех искусства медленнее, чем успех науки. Разумеется, так и следует быть. Искусство требует внутреннего мира и внутренней полноты, которых у нас еще быть не может; но за всем тем, в нем сильнее и сильнее начинает пробегать струя русской мысли. Никогда наш духовный мир, истинная потребность русской души, не оглашался теми чудными звуками и не обогащался теми глубокими мыслями, которыми отличается величайший из его современных деятелей; никогда художество слова в его бытовом направлении еще не имело такого русского представителя, как в наше время. Даже в искусствах пластических слышится и чуется тот же возврат. Даровитая молодость обращает глаза свои с любовью на тот строгий путь, который некогда был открыт нам Византиею и после того прерван бурями нашей треволненной жизни. Просвещенная любовь к художеству, поняв высокое достоинство этого пути, хочет записать снова в русской живописи имя, некогда блиставшее в ее летописях основанием иконописной школы. Наконец, люди более последовательные, понимающие связь бытовых мелочей с общим развитием мысленного организма, стараются хотя несколько приблизить свой домашний быт к жизни и обычаям русским. Кроме признаков положительных, есть не менее утешительные признаки отрицательные. Другого имени дать нельзя тому рассвирепенью, с которым учителя и подростки отживающей школы подражательной бросаются на всю старую Русь. Это не простое заблуждение критики, сбившее с толку Каченовского и его учеников; нет, это страсть, и страсть очень явная. Один во всеуслышание отвергает в России существование общины, тогда как в истории русской нельзя понять ни строки без ясного уразумения общины и ее внутренней жизни; другой, на зло всем преданиям и памятникам, уничтожает всю старорусскую торговлю, не замечая даже того, что по его же показаниям один Новгород платил ежегодно в великокняжескую казну (разумеется, с своей торговли), такую сумму, которая равнялась четвертой части откупа, взятого норманнами со всей Англии, и больше чем осьмой части самаго огромного откупа, взятого теми же торжествующими норманнами с целой Франции; а кто не знает, что значит военный откуп? Наконец, третий взялся за неожи-

Библиотека "Руниверс"

данное оправдание Иоанна Грозного и приписывает несчастное ожесточение его мягкого сердца мерзостям народа и бояр. Правда, что он не нашел ни в оправдательных письмах самого Иоанна, ни в современных свидетельствах иностранных или русских ни тени факта в пользу своего тезиса, но все равно! Старой Руси следовало быть виноватою, а журнальному читателю следует быть легковерным *. Такие явления могли бы показаться несколько оскорбительными и похожими на недобросовестное поругание памяти наших отцов, но школьные страсти заслуживают некоторого извинения. Злость, с которою нападают на старую Русь, носит на себе характер рассердившегося бессилья. Виновата старая Русь не в том, что была, а в том, что она есть и теперь, и даже изъявляет надежду на будущее существование и развитие. Точно так же должно оправдать и печатные нападения на самую личность, на наружность и, так сказать, на домашние отношения людей, осмелившихся выразить свое сочувствие к русским началам и свою веру в них. Сердитое бессилье не может быть разборчиво в средствах. Этот отрицательный признак столько же утешителен, сколько и положительные.

Без крайнего ослепления или без того уныния, которое внушено было поборникам русских начал, духовных и народных, прежним торжеством подражательного школьничества, нельзя не заметить, что совершается, хотя и медленно (так, как и следует быть) переход в нашем общественном мышлении; но надежда не должна порождать ни излишнюю уверенность, ни ленивую беспечность. Много еще времени, много умственной борьбы впереди. Не вдруг разгоняется умственный сон, медленно переменяются убеждения; еще медленнее изменяются привычки, данные полуторастолетним направлением. Все дело людей нашего времени может быть еще только делом самовоспитания. Нам не суждено еще сделаться органами, выражающими русскую мысль; хорошо, если сделаемся хоть сосудами, способными сколько-нибудь ее воспринять. Лучшая доля предстоит

* Зато как обрадован был автор этого оправдания, когда впоследствие ревностный и даровитый труженик науки стал объяснять казни Грозного борьбою бояр с властью царскою за право отъезда. Я не могу вполне согласиться с г. Соловьевым; но во всяком случае его мысль, выраженная впоследствии, не имеет ничего общего с попыткою оправдать Грозного безнравственностью русского народа.

Библиотека "Руниверс"

будущим поколениям; в них уже могут выразиться вполне все духовные силы и начала, лежащие в основе святой православной Руси. Но для того, чтобы это было возможно, надобно, чтобы жизнь каждого была в полном согласии с жизнью всех, чтобы не было раздвоения ни в лицах, ни в обществе. Частное мышление может быть сильно и плодотворно только при сильном развитии мышления общего; мышление общее возможно только тогда, когда высшее знание и люди, выражающие его, связаны со всем остальным организмом общества узами свободной и разумной любви, и когда умственные силы каждого отдельного лица оживляются круговращением умственных и нравственных соков в его народе. История призывает Россию стать впереди всемирного просвещения; она дает ей на это право за всесторонность и полноту ее начал, а право, данное историею народу, есть обязанность, налагаемая на каждого из его членов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Речь «О старом и новом», написанная в 1839 г., не предназначалась для печати. Впервые опбуликована после смерти А. С. Хомякова в 1861 г. в собрании его сочинений. Печатается с небольшими сокращениями по изданию: *Хомяков А. С.* Сочинения. 2 изд. М.: Б. п., 1878. Т. 1. С. 359—365, 366—377.

[2] Воинственный клич.

[3] *Илотизм* — бесправие.

[4] Устарелость (неупотребимость) есть наиболее справедливая и горькая критика закона.

[5] Потом и кровью.

[6] Написано в 1849 г. Печатается в сокращении по изданию: *Хомяков А. С.* Сочинения. Т. 1. С. 145—146, 147—152, 157—159, 169-174.

[7] Оуэна.

[8] *Макс Штирнер* (1806—1856) —немецкий философ, автор книги «Единственный и его собственность» (1845).

[9] Известные европейские журналы первой половины XIX в.

Библиотека "Руниверс"

САМАРИН ЮРИЙ ФЕДОРОВИЧ

Ю. Ф. Самарин родился в богатой аристократической семье, близкой к царскому двору. Получил блестящее домашнее воспитание; одним из его домашних учителей был профессор Н. И. Надеждин.

В 1834 г. он поступил на словесное отделение Московского университета, где несколько лет учился вместе с Аксаковым. В университете большое влияние на Ю. Ф. Самарина оказали профессора, насыщавшие свои лекции философским содержанием — М. Г. Павлов, М. П. Погодин, С. П. Шевырев. В годы учебы и после окончания университета он сближается со славянофилами, особенно с Хомяковым, который привил ему пристрастие к исследованию богословских проблем. Не без влияния Хомякова Ю. Ф. Самарин пишет и защищает в 1844 г. магистерскую диссертацию «Стефан Яворский и Феофан Прокопович», в которой пытается обосновать решающую роль церкви в жизни русского общества.

Начиная с 1844 г. Ю. Ф. Самарин состоит на государственной службе: служит секретарем первого департамента Сената, затем в течение семи лет — чиновником министерства внутренних дел, изучает крестьянский вопрос в губерниях Российской империи. После одной из поездок в Прибалтийские губернии он пишет «Письма из Риги, поданные по начальству» (1849). В них он сообщает, что немцы притесняют русских, оскорбляя их национальные чувства. «Письма» вызвали недовольство царя. Ю. Ф. Самарина после двенадцатидневного заключения в Петропавловской крепости сослали в Симбирскую губернию.

В 1853—1856 гг. Ю. Ф. Самарин пишет записку «О крепостном состоянии и о переходе от него к гражданской свободе», распространявшуюся в списках и пользовавшуюся в либеральных кругах русского общества большой популярностью. В ней дан обстоятельный анализ различных сторон общественно-политической

Библиотека "Руниверс"

жизни России, крепостных отношений, намечаются пути их ликвидации. Как член правительственных комиссий Самарин был практическим исполнителем реформы 1861 г.

Публицистическая деятельность Ю. Ф. Самарина носила ярко выраженный славянофильский характер. В одной из наиболее известных своих статей «О мнениях «Современника» исторических и литературных» (1847) он изложил славянофильские взгляды по вопросам русской истории, литературы, эстетики. Из других работ Самарина, вызвавших споры, отметим «Два слова о народности в науке» и «О народном образовании», напечатанные в «Русской беседе» в 1856 г.

В 60-е годы он вступил в полемику с А. И. Герценом, с которым встречался в Лондоне в 1864 г., а в 70-е годы — с К- Д. Кавелиным по поводу его книги «Задачи психологии». Известность получила работа Ю. Ф. Самарина «Иезуиты и их отношение к России» (1866).

Умер Ю. Ф. Самарин в 1876 г. в Берлине.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Самарин Ю. Ф.* Сочинения: В 12 т. М.: Б. и., 1877—1911 <Т. 1-10, 12).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Григорьян М. М.* К характеристике религиозно-философской концепции славянофильства//Вопр. науч. атеизма. М., 1970. Сб. 10. С. 130—148.

2. *Попов В. П.* Социальная природа и функции раннего славянофильства//Науч. тр. Кубан. ун-та, 1974. Вып. 184. С. 56—83.

3. *Попов В. П.* Раннее славянофильство как эстетический феномен и проблема человека//Там же. С. 84—120.

4. *Кошелев В. А.* Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов: (1840—1850-е годы). Л.: Наука, 1984. 194 с.

Библиотека "Руниверс"

О МНЕНИЯХ «СОВРЕМЕННИКА» ИСТОРИЧЕСКИХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ[1]

[...] В статье г. Белинского, помещенной в № 1 «Современника», говорится о многом; в ней повторяются вариации на старую тему об отношении русской литературы к обществу, о непрерывном законе ее развития при внешней бессвязности ее явлений; тут же, мимоходом, решаются некоторые из труднейших философских вопросов, например об отношении случайности к необходимости, о значении личности и национальности и т.д., но по всему видно, что любимая тема г. Белинского в настоящую минуту есть восхваление новой литературной школы, для которой петербургские журналы придумали название натуральной. В той же статье помещена характеристика направления славянофилов, или староверов, писанная с претензией на беспристрастие, которая делает честь ее автору.

Начнем с натурализма. Петербургские журналы подняли знамя и провозгласили явление новой литературной школы, по их мнению, совершенно самостоятельной. Они выводят ее из всего прошедшего развития нашей литературы и видят в ней ответ на современные потребности нашего общества. Происхождение натурализма, кажется, объясняется гораздо проще; нет нужды придумывать для него родословной, когда на нем лежат ясные признаки тех влияний, которым он обязан своим существованием. Материал дан Гоголем, или, лучше, взят у него: это пошлая сторона нашей действительности. Гоголь первый дерзнул ввести изображение пошлого в область художества. На то нужен был его гений. В этот глухой, бесцветный мир, без грома и без потрясений, неподвижный и ровный, как бездонное болото, медленно и безвозвратно втягивающее в себя все живое и свежее, в этот мир высоко поэтический самым отсутствием всего идеального, он первый опустился как рудокоп, почуявший под землею еще не тронутую силу. С его стороны это было не одно счастливое внушение

Библиотека "Руниверс"

художественного инстинкта, но сознательный подвиг целой жизни, выражение личной потребности внутреннего ощущения. Под изображением действительности поразительно истинным скрывалась душевная, скорбная исповедь. От этого произошла односторонность содержания его последних произведений, которых, однако, нельзя назвать односторонними именно потому, что вместе с содержанием, художник передает свою мысль, свое побуждение. Оно так необходимо для полноты впечатления, так нераздельно с художественным достоинством его произведений, что литературный подвиг Гоголя только в этом смысле и мог совершиться. Ни страсть к наблюдениям, ни благородное негодование на пороки и вообще никакое побуждение, как бы с виду оно ни было бескорыстно, но допускающее в душе художника чувство личного превосходства, не дало бы на него ни права, ни сил. Нужно было породниться душою с тою жизнью и с теми людьми, от которых отворачиваются с презрением, нужно было почувствовать в себе самом их слабости, пороки и пошлость, чтобы в них же почувствовать присутствие человеческого; и только это одно могло дать право на обличение. Кто с этим не согласен или кто иначе понимает внутренний смысл произведений Гоголя, с тем мы не можем спорить— это один из тех вопросов, которые решаются без аппеляции в глубине сознания. Натуральная школа переняла у Гоголя только его односторонность, то есть взяла у него одно содержание. Она даже не прибавила к нему ни лепты. Гоголь изобразил пошлое в жизни чиновников и помещиков. Натуральная школа осталась лри тех же чиновниках и помещиках. Заимствование содержания, способа изображения, стиля до такой степени очевидно, что его не нужно и доказывать. Нет такого приема, такой фразы, свойственной Гоголю, под которую бы нельзя было подвести тысячи подделок. Вот хоть один пример. Гоголь подметил обыкновение лиц, живущих в тесном кругу, в мелочных и однообразных заботах, определять людей знакомых и незнакомых по случайным признакам, например по бородавке на носу, по цвету жилета и т. п. Кто не встречал того же самого приема в десятках повестей, украшавших в последних годах петербургские журналы? Мы не хотим этим сказать, что натуральная школа переняла личную манеру Гоголя, но что подражание распространено даже на манеру. Итак, вот откуда взят материал.

Библиотека “Руниверс”

Направление заимствовано у новейшей французской литературы — это карикатура и клевета на действительность, понятая как исправительное средство.

В то же время, когда во Франции социальные вопросы выдвинулись на первый план, оставив за собою интересы политические, изящная литература, недавно предъявлявшая громкие притязания под знаменем романтизма, потеряла всякую самостоятельность. Участие к искусству охладело; теперь новое произведение обращает на себя внимание и оценивается не по художественному его достоинству, а по тому, насколько оно подвигает тот или другой общественный вопрос и чего можно ожидать от предлагаемого разрешения: пользы или вреда. Сожалеть об этом незачем, уже потому, что во Франции, несмотря на претензии романтизма, искусство на самом деле никогда не было и вряд ли когда-либо будет самостоятельно. [...]

[...] Итак, натуральная школа обязана происхождением своим Гоголю, с которым она имеет общего только содержание, у него заимствованное, и влиянию новейшей французской литературы. Она основана на двойном подражании, следовательно, лишена всякой самостоятельности и так же далека от действительности, как и покойный романтизм. Ее влияние безвредно, потому что ничтожно. Не поддержанная ни одним сильным талантом, она должна исчезнуть так же скоро и случайно, как она возникла, как составлялись и исчезали на нашей памяти многие литературные кружки. И тогда тот самый критик, который пророчит ей долгую жизнь, отзовется о ней с тем самым пренебрежением, с каким когда-то он говорил о классицизме, с каким теперь издевается над романтизмом. Он будет прав отчасти, если и неверен самому себе; ибо классицизм, романтизм и натурализм не на нашей почве выросли и не ее оплодотворят; живая струя нашего развития протекает в стороне от них; они только отражаются на ее поверхности.

Замечательно, что чем далее, тем это отражение слабее; гений Ломоносова и Державина роптал под гнетом классицизма; романтизм имел сильное влияние на Жуковского и на первый период Пушкина; а натурализму не поддался ни один, даже второклассный талант.

Предоставив свое мнение о натурализме, мы не станем опровергать мнение г. Белинского; пусть рассудят читатели. Приступаем к той части его статьи, которая

Библиотека "Руниверс"

для нас особенно интересна: к суждению о так называемой партии славянофильской. Происхождение ее критик объясняет следующим образом: «известно, что в глазах Карамзина Иоанн III был выше Петра Великого, а допетровская Русь лучше России новой. Вот источник славянофильства». Коротко и ясно; но верно ли? Сравнение Иоанна III с Петром встречается у Карамзина в томе VI гл. VII[2]. Вот начало этого места: «Новейшие историки замечают в Иоанне разительное сходство с Петром Первым; оба, без сомнения, велики; но Иоанн и пр.» Далее: *«не здесь, но в Истории Петра* должно исследовать, кто из сих двух венценосцев поступил благороднее или согласнее с истинною пользою отечества». Итак, сравнение и суждение отложено; нечего искать его; здесь же показаны только некоторые различия в целях и образе действия; например: «не видим, чтобы Иоанн пекся о просвещении умов науками... он хотел единственно великолепия, силы», конечно, никто в этих словах не увидит предпочтения в пользу Иоанна, а простое указание различия, объясняемого различными потребностями двух царствований, разделенных двумя веками. В том же месте Карамзин говорит, что Иоанн ввел Россию в государственную систему Европы и заимствовал искусства у «образованных народов, но не мыслил о введении новых обычаев, о перемене нравственного характера подданных; принимал только тех иностранцев, от которых ожидал пользы в деле художеств, ремесел, торговли и политики, и оказывал им только милость, как пристойно великому монарху, к чести, не к унижению своего народа. Петр думал возвысить себя чужеземным названием императора; Иоанн гордился древним именем великого князя...» Здесь действительно проглядывает предпочтение, но не должно забывать, что Карамзин писал в такую эпоху, когда слишком худо знали и мало ценили старину, когда под влиянием суждения иностранцев у нас возводили государственное величие России не выше Петра. Карамзин во многих случаях писал ввиду современного предубеждения. Наконец, если бы даже из одного этого места мы захотели вывести образ мыслей Карамзина о предмете, о котором он не сказал решительного слова, то все, что мы имели бы право приписать ему, заключалось бы в следующем: Иоанн III уберегся от некоторых крайностей, в которые вовлечен был Петр I пристрастием к иностранцам.

Библиотека "Руниверс"

Следует ли из этого, что Иоанн III был выше Петра, и вправе ли был критик говорить об этом как о деле известном? Во' всяком случае, мысль Карамзина заключала бы в себе не более как суждение о сравнительном достоинстве двух личностей, и только. Самое суждение может быть справедливо и ошибочно, но никак не может быть распространено на две различные эпохи, еще менее служить источником какой-либо системы. Второе мнение, приписанное Карамзину, еще страннее. Во-первых, что значит слово *лучше?* Думал ли, например, Карамзин, что Русское государство до Петра было стройнее и могущественнее, или что учреждения Иоанна IV и Бориса Годунова были лучше учреждений Екатерины? Или что войско, разбитое при Калке, было лучше войска, одержавшего Полтавскую победу? Ведь это вещи также вещи *хорошие*. Но, может быть, он думал, что до Петра высшие сословия связаны были с низшими теснее, чем после реформы? Что общество было цельнее и тверже в своих убеждениях? Ведь и цельность общества и твердость убеждений вещи *не дурные?* Что ж, наконец, по вашему мнению, думал Карамзин? Слово *лучше* имело бы смысл только в том случае, если бы Карамзин сказал где-нибудь, что реформою Петра Россия ничего не выиграла или потеряла существенное, получив взамен излишнее; что вообще реформа была шагом назад. Но зачем гадать об исторических убеждениях Карамзина, когда их можно извлечь из собственных его слов. Всякому, кто прочел отрывок о древней и новой России, известно, что Карамзин видел в русской истории прогрессивный ход; что Карамзин видел в сближении древней допетровской России с Европою и в заимствовании от нее воинских уставов, системы дипломатической, образа воспитания или учения, самого светского обхождения он видел торжество явной пользы, явного превосходства над старым навыком (это подлинные слова его, стр. XIV). Далее, перечислив все личные достоинства, все подвиги Петра, все, чем обязана ему Россия, Карамзин сказал: «но мы, россияне, имея перед глазами свою историю, подтвердим ли мнение несведущих иноземцев и скажем ли, что Петр есть творец нашего величия государственного? Забудем ли князей московских: Иоанна I, Иоанна III, которые, можно сказать, из ничего воздвигли державу сильную и, что не менее важно,— учредили твердое в ней правление единовластное? Петр нашел средства

Библиотека "Руниверс"

делать великое. Князья московские приготовили оное». Вот что думал Карамзин, и вот пояснение сравнения Иоанна III с Петром I. Наконец, Карамзин написал следующие строки: «сравнивая все известные нам времена России, едва ли не всякий из нас скажет, что время Екатерины было одно из счастливейших для России, едва ли не всякий из нас пожелал бы жить в нем». Из каких же источников известно критику, что в глазах Карамзина Русь допетровская была лучше новой?

Итак, Карамзину приписано мнение, которого он не имел и, следовательно, не мог передать славянофилам.

Начав с двойного промаха, критик говорит, «что существование и важность этой литературной котерии (то есть славянофильства) чисто отрицательная, что она вызвана и живет не для себя, а для оправдания и утверждения именно той идеи, на борьбу с которою обрекла себя... положительная сторона доктрины заключается в каких-то туманных, мистических предчувствиях победы Востока над Западом, которых несостоятельность слишком ясно обнаруживается фактами действительности всеми вместе и каждым порознь. Но отрицательная сторона их учения гораздо более заслуживает внимания не в том, что она говорит против гниющего будто бы Запада (Запада славянофилы решительно не понимают, потому что меряют его на восточный аршин), но в том, что они говорят против русского европеизма, а об этом они говорят много дельного и т.д.».

Которая из двух сторон существует для другой — решит время; во всяком случае, хорошо было бы и то, если бы встреченное ими противоречие внушило не-славянофилам (как называет их автор) счастливую мысль подвергнуть свои убеждения строгой проверке, и буде возможно, оправдать их. Критик не нашел интереса говорить о положительной стороне доктрины славянофилов; наше дело идти за ним по пятам, куда он ведет, потому и мы отстраним этот предмет, заметив ему мимоходом, что если бы заменить слова «Восток» и «Запад» другими, в настоящем случае тождественными, то дело, может быть, прояснилось бы для него. Покойный Волуев очень ясно определил в предисловии к своему «Историческому сборнику»[3], что значит Восток. Это значит не Китай, не исламизм, не татары, а мир славяно-провославный, нам единоплеменный и единоверный, вызванный к сознанию своего единства и своей

Библиотека "Руниверс"

силы явлением Русского государства. В отличие от него Запад значит мир романо-германский или католико-протестантский. Есть ли между ними существенное, коренное различие и, следовательно, условие борьбы, в какой бы, впрочем, то ни было сфере,— в этом не трудно убедиться. Стоит несколько времени сряду следить за иностранными газетами и политическими брошюрами. Из них мы узнали бы, что Европа давно почувствовала в историческом явлении России и в пробуждении славянского племени присутствие какой-то новой силы, для которой она не находит у себя мерила. Она бы и рада убедиться вместе с критиком в несостоятельности предчувствия о победе восточного начала над западным — да почему-то ей не верится! Что касается до обвинения в непонимании Запада, то мы могли бы сказать ответ, что не-славянофилы не понимают России, потому что меряют ее на западный аршин; но мы желали бы оправдаться, если бы только мы знали, что именно значит теперь Запад и Европа; было время, когда под словом «Европа» разумели аудиторию берлинского университета, потом два или три журнала, издающиеся в Париже; но что именно оно значит теперь — нам неизвестно. Допустив основательность нападения славянофилов против русского европеизма, критик говорит: «нельзя остановиться на признании справедливости какого бы то ни было факта, а должно исследовать его причины, в надежде в самом зле найти и средства к выходу из него. Этого славянофилы не делали и не делают; но зато они заставили если не сделать, то делать это своих противников». Не сделали — конечно, потому, что это такое дело, над которым, вероятно, будет трудиться не одно поколение; не делали — это несправедливо. Критик согласится по крайней мере, что им стоило немалого труда заставить признать необходимость самой задачи; не далее как на следующей странице он возражает на приписанную им нелепость следующими словами: «нет, это означает совсем другое, а именно то, что Россия вполне исчерпала, изжила эпоху преобразования, что реформа совершила в ней свое дело, сделала для нее все, что могла и должна была сделать, и что настало для России время развиваться самобытно, из самой себя».

Наконец мы слышим из уст противной стороны повторение мысли, высказанной и пущенной в ход славянофилами; почему она обращена против них — это труд-

Библиотека "Руниверс"

но понять; но, во всяком случае, они определили задачу, стремление, к которому приобщается теперь сам критик. До сих пор оно ограничивается сферою ученых разысканий; -на этом поприще, то есть на поприще исследования нашей народности в Истории и Литературе, славянофилы сделали хоть что-нибудь*; что сделали не-славянофилы — неизвестно. Последний, выписанный нами отрывок служит ответом вот на какие слова: «Неужели славянофилы правы и реформа Петра Великого только лишила нас народности и сделала междоумками? И неужели они правы, говоря, что нам надо воротиться к общественному устройству и нравам времен не то баснословного Гостомысла, не то царя Алексея Михайловича (насчет этого сами господа славянофилы еще не условились между собою)?»

В другом месте: «по их мнению (литературных старообрядцев), реформа Петра убила в России народность, а следовательно, и всякий дух жизни, так что России для своего спасения не остается ничего другого, как снова обратиться к благодатным, полупатриархальным нравам времени Кошихина...»

Признаемся, мы прочли эти строки без досады. Если все наши споры должны содействовать развитию сознательных убеждений, то первым условием их должна быть обоюдная добросовестность. Мы не смеем думать, чтобы нам удалось когда-нибудь склонить наших противников на нашу сторону, но если они делают нам честь излагать и опровергать наш образ мыслей, то мы вправе требовать от них, чтобы они выслушивали нас. Вы возражаете нам — очень хорошо; но зачем же после этого затыкать себе уши, разве для того, чтобы не слышать ответа и быть вправе во второй и в третий раз повторить одно и то же возражение? Мы думали, что «Современник» оставит эту обветшалую систему.

Когда и кто из славянофилов, и в каком издании, высказал ту мысль, которую критик рассудил за благо им приписать? Не все ли они единогласно говорят, что время Алексея Михайловича было временем порчи? Не сказал ли еще недавно Погодин в заключении одной статьи: избави нас бог от застоя времен кошихинских? И когда шла речь об утрате нашей народности, не говорили ли они всегда, что утрата не безусловная,

* Стоит упомянуть о трудах Венелина, Шевырева, Погодина и пр.

Библиотека "Руниверс"

иначе мы бы погибли, а утрата временная, сознательная, свободная, утрата не в смысле потери, а в том смысле, в каком, человек увлеченный в одностороннюю деятельность, временно оставляет без употребления многие свои способности, удерживая за собой право и возможность обратиться снова к их развитию? И кому приходило в голову признать случайным явление Петра Великого, его реформу и последующие события до 1812 года; кто не признавал их исторически необходимыми? Нужно ли повторить еще раз объяснения, почти что поступившие в разряд общих мест? Кажется, незачем. Система спора, принятая критиком в отношении к славянофилам, так удобна, что действительно трудно от нее отказаться. Обыкновенно он навязывает им то, чего они никогда не говорили, а потом опровергает их тем, что они первые сказали.

Вот ответ критика на мнимый совет их обратиться к временам кошихинским: «Не об изменении того, что совершилось без нашего ведома и что смеется над нашею волею, должны мы думать, а об изменении самих себя на основании уже указанного нам пути высшею нас волею. Дело в том, что пора нам перестать *казаться* и начать *быть,* пора оставить как дурную привычку довольствоваться словами и европейские формы и внешности принимать за европеизм. Скажем более: пора нам перестать восхищаться европейским потому только, что оно не азиатское, но любить, уважать его, стремиться к нему, потому только, что оно *человеческое,* и на этом основании все европейское, в чем нет человеческого, отвергать с такою же энергией, как и все азиатское, в чем нет человеческого».

А вот что было напечатано в 1845 году в «Историческом сборнике»: «Пора бы, казалось, нам убедиться и в том, что многое из того, что Запад, по-видимому, уже выработал из нас и нам передал готовым и оконченным, нам еще придется начинать сызнова, но пользуясь разумеется, всем богатым запасом его науки, его уроков и опытов. Уже время подумать и о том, чтобы нам самим и из себя выработывать внутренние начала своей нравственной и умственной жизни, приняв на себя и всю ответственность в ней, умея дать в ней отчет и другим,— связать ее с своим народным прошедшим и будущим; а не довольствоваться в пустоте своей внутренней жизни одними убеждениями, взятыми напрокат вместе с последней модой из Парижа или системой из

Библиотека "Руниверс"

Германии,— посылками без вывода или выводами без данных, из силлогизма, прожитого или переживаемого другим миром...»

«Как мы с Петром Великим приняли в себя достоянье западного мира, так и этот западный или германский мир принял в себя когда-то наследие древнего человечества. Но условия нашего положения при этаком займе были гораздо благоприятнее для нас и нашего будущего. Мы получили западное просвещение не как переданное нам наследство от другого почившего мира, но как плод и опыт другой, более изведавшей и блестящей жизни, которая нам предложила свои уроки. Воспользоваться этими уроками и опытами, познакомиться с этим вновь для нас открывшимся, более просвещенным миром было для России, бесспорно, необходимостью; но воспользоваться тем или другим опытом, усвоить себе то или другое явление из его жизни предоставлено было нашему выбору».

Конечно, не все в разбираемой нами статье есть повторение старого. Вот, например, мысль совершенно оригинальная: «да в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль; но какое это слово, какая мысль — об этом пока еще рано нам хлопотать». Кажется, национальная жизнь, сознанная народом, есть его слово. Не хлопотать о мысли и слове значит не сознавать своей жизни, не стараться сознать ее. Хорош совет! Г. Кавелин доказывал, что до XVIII века в России не было сознания; г. Белинский пошел далее и сказал в начале своей статьи, «что Ломоносов не мог найти содержания для своей поэзии в общественной жизни своего отечества, потому что тут не было не только сознания, но и стремления к нему, стало быть, не было никаких умственных и нравственных интересов». Наконец, и это показалось мало; выходит, что теперь даже рано хлопотать о сознании. Читая подобные отзывы, не знаешь, чему более удивляться, широте ли размаха, о которой говорит г. Никитенко в своей статье, или необыкновенной быстроте, с которою разрослась мысль, пущенная в ход счастливою рукою г. Кавелина и подхваченная г. Белинским. При этом встречается только одно затруднение; как согласить совет повоздержаться в деле сознания с тем, который дан двумя страницами выше, «что настало для России время развиваться самобытно, из самой себя». Едва ли можно будет при этом обойтись без сознания?

Библиотека "Руниверс"

В последнем отрывке, нами выписанном, есть еще одна мысль, на которой следует остановиться.

Критик (все-таки в опровержение или в дополнение к образу мыслей славянофилов) объявляет, что надобно любить и заимствовать только человеческое и отвергать все национальное, в чем нет человеческого. Подобным правилом оканчивается и статья г. Кавелина, нами разобранная; наконец, то же самое повторялось и, вероятно будет повторяться много раз. Читая эти добродушные советы можно подумать, что ко всему, что может быть заимствовано нами, прибит ярлычок с надписью *человеческое* или *национальное* и что есть люди колеблющиеся в выборе.

Да кто же взял на себя труд сортировки? Где образчики для определения национального и человеческого? Неужели все то, что выдаваемо было и выдается за общечеловеческое, должно быть принято на веру? Католик вполне уверен, что учение римской церкви, практические правила, ею предписанные, безусловно истинны для всех времен и народов. По его понятиям, католическое и человеческое — слова тождественные, и с этим убеждением он заводит пропаганду. Француз прошлого века был почти уверен, что французский язык есть язык человеческий, а не национальный, что нравы французские решительно человеческие. Ни тому, ни другому мы не верим. Если нет внешнего признака, по которому бы можно было сразу отличить человеческое от национального, то значит, надобно прибегнуть к внутреннему признаку, то есть определить истину и достоинство каждой идеи, каждого учреждения. Итак, вместо слов «общечеловеческое» и «национальное» будем употреблять следующие, в этом случае тождественные: «безусловно-истинное» и «условно-истинное» или «условно-ложное» (это все равно), и тогда наставление г. Белинского получит следующий смысл: пора нам перестать восхищаться полуложным, пора и уважать и любить только безусловно-истинное. Да кто же когда-либо думал иначе? Какая школа сознательно предпочла ложное истинному? Правда, многие, лучше сказать, все они, стремясь к абсолютно-истинному, в то же время принимали и навязывали другим много национального и ложного. То же будет с вами и с нами, потому что ни вы, ни мы не безошибочны. Это несчастье, конечно, но не порок. Ваш совет хорош, но не нов; прежде чем вы его предложили, им руководствовалось все челове-

Библиотека "Руниверс"

чество; повторяя его, вы ничего не уясняете и не даете средств его исполнить. Вместо того чтобы играть словами «народное» и «человеческое», лучше укажите норму или признак человеческого, составьте свод человеческих начал; тогда мы примем его или отвергнем; по крайней мере, будет что принять, а до сих пор вы предлагали нам условное выражение, под которым можно разуметь что угодно. Наконец, и общечеловеческих начал нельзя пересчитать по пальцам; как выражение человеческой сущности они должны составлять одно целое, проникнутое одним духом: формулировав основные начала, вы должны будете определить и приложения их в различных сферах жизни. Все это также не легко, а главное—это задача не нашего времени, а постоянная задача всех времен.

Итак, сказавши: мы хотим общечеловеческого, а не национального, вы не решили спора. С вопросом: что есть общечеловеческое и как отличить его от национального, спор только начнется. Приложите это к предмету наших толков, и тогда вы увидите, что мы дорожим старою Русью не потому, что она старая или она наша, а потому, что мы видим в ней выражение тех начал, которые мы считаем человеческими или истинными, а вы, может быть, считаете национальными и временными.

Точно так г. Кавелин полагает, что мы заимствовали у Европы не ее исключительно национальные элементы, которые во время реформы будто бы исчезли или исчезали, а общечеловеческие; а мы, вероятно, по ближайшем определении этих элементов признали бы в них многое за народное и ложное.

Критик не взял на себя труда возвести спора до основных вопросов и продолжает по-своему излагать образ мыслей славянофилов. «Одни,— говорит он,— смешали с народностью старинные обычаи, сохранившиеся теперь только в простонародии, и не любят, чтобы при них говорили с неуважением о курной и грязной избе, о редьке и квасе, даже о сивухе». Славянофилы уважают дом, в котором живет русский крестьянин, каков бы он ни был, и пищу, добытую его трудом, какова бы она ни была; они удивляются, что есть на свете люди, которые могут находить удовольствие говорить об этом с неуважением; наконец, они не хуже других чувствуют неудобство курной избы, лишения и соблазны, которым подвергается крестьянин; но они думают, что брюзгливая чопорность, с которою натуральная

Библиотека "Руниверс"

школа говорит о курной избе, не есть необходимый приступ к ее перестройке, что вообще ирония и насмешка заключают в себе мало побуждений к улучшениям.

«Другие,— продолжает критик,— сознавая потребность высшего национального начала и не находя его в действительности, хлопочут выдумать свое и неясно, намеками, указывают нам на *смирение* как на выражение русской национальности. Им можно заметить, что смирение есть, в известных случаях, весьма похвальная добродетель для человека всякой страны, но что она едва ли может составить то, что называется народностью». Заметим и мы, никогда никому не приходило в голову видеть в *свойстве* народа (в этом смысле, если мы не ошибаемся, автор употребляет слово «смирение») высшее его *начало*. Свойство, как природное определение, не может быть началом, точно так, как нельзя сказать о человеке, что его высшее начало есть его сангвинический темперамент. Смирение само по себе, как свойство, может быть достоинством, может быть пороком, признаком силы и слабости, смотря по тому, от чего оно происходит и перед чем народ или человек смиряется; как *начало* смирение есть нравственная обязанность, предполагающая известные убеждения, известное понятие об отношении человека к богу и к другим людям, и в таком случае оно рассматривается и оценивается в совокупности с целым строем верований и духовных стремлений. Но мы не понимаем, что свойство общечеловеческое не может составить того, что называют народностью. Казалось бы, наоборот. Что же такое народность, если не общечеловеческое начало, развитие которого достается в удел одному племени преимущественно перед другими, вследствие особенного сочувствия между этим началом и природными свойствами народа. Так, личность есть начало, общечеловеческое, которое развито преимущественно племенем германским и потому сделалось его национальным определением.

То же самое странное возражение делает автор по поводу любви. «Толкуют еще о любви,— говорит он,— как о национальном начале, *исключительно* присущем одним славянским племенам, в ущерб галльским, тевтонским и иным западным... Мы, напротив, думаем, что любовь есть свойство человеческой натуры вообще и так же не может быть исключительною принадлежностью одного народа или племени, как и дыхание, зрение,

Библиотека "Руниверс"

голод, жажда, ум, слово...» «Ошибка здесь в том,— продолжает критик,— что относительное принято за безусловное». Нет, ошибка в том, что вы, вероятно, без умысла, второпях, вставили одно лишнее слово: *исключительно*. Оно, конечно, придает мысли особенную силу и для эффекта недурно, но зато оно искажает мнение, на которое вы возражаете. Любовь есть свойство общечеловеческое, доступное каждому лицу, но которое в одном племени может быть гораздо более развито, чем в другом; например, то племя, которого жестокость к рабам и побежденным была неумолима, в этом случае оказывало в себе менее любви, чем, то, которое смотрело на них с семейной точки зрения. Точно так зрение есть свойство общечеловеческое, а есть люди зоркие, есть близорукие, есть слепые. Наконец, что гораздо важнее, одно племя может верить твердо в творческую силу любви и стремиться основать на ней общественный союз; другое племя может вовсе не доверять ей, а, допуская ее только как роскошь, основывать свое благосостояние на законе и принуждении. Отличается ли русский народ преобладанием любви и доверием к ней, это другой вопрос. Критик не доказал противного, потому что стремление народа не доказывается в десяти строках примерами, выхваченными из его истории. Из того, что закон был нарушаем, не следует, чтобы не признавали его обязательным. Мы не станем приводить доказательств в пользу другого мнения, но мы берем на себя доказать тем способом, который употребил критик, что любой народ имеет или не имеет любое народное свойство.

Замечательно, между прочим, противоречие, в которое впадает автор, толкуя о любви. Он признал ее за общечеловеческое свойство всякого племени, как дыхание, жажда и пр., следовательно, без которого племя быть не может; затем, через 15 строк, мы читаем: «национальным началом ома (то есть любовь) никогда не была, но была человеческим началом, поддерживавшимся в племени его историческим, или, лучше сказать, его неисторическим положением. Положение изменилось, изменились и патриархальные нравы, а с ними исчезла и любовь как бытовая сторона жизни». Да в каком же виде и где она уцелела, если ее нет в быту? Разве в учреждениях или книгах? Не очевидно ли, что отсутствие ее как бытовой стороны все равно, что совершенное отсутствие; и, следовательно, русский народ

Библиотека "Руниверс"

утратил вместе с патриархальными нравами общечеловеческое свойство, столь же необходимое и неотъемлемое, как жажда, дыхание и т. д.

Вот все, что г. Белинский сказал о славянофилах.

В этой части его статьи есть мысли нелепые; это те, которые произвольно приписаны славянофилам. Повторим их:

Реформа Петра убила в России народность и всякий дух жизни.

Россия для своего спасения должна обратиться к нравам эпохи Кошихина или Гостомысла.

Свойство смирения есть русское национальное начало.

Любовь есть национальное начало, исключительно присущее славянским племенам.

Встречаются также мысли совершенно справедливые; это те, которыми г. Белинский возражает славянофилам, также произвольно, потому что некоторые из этих мыслей они первые пустили в ход, а других никогда не думали отвергать. Вот они:

Россия изжила эпоху преобразования, и для нее настало время развиваться самобытно, из самой себя.

Миновать эпоху преобразования, перескочить за нее нельзя.

Реформа Петра не могла быть случайна.

Пора нам перестать *казаться* и начать *быть;* пора уважать и любить только человеческое и отвергать все, в чем нет человеческого, будь оно европейское или азиатское.

Крепкое политическое и государственное устройство есть ручательство за внутреннюю силу народа.

Смирение и любовь суть свойства человеческой натуры вообще.

Впрочем, г. критик в одном месте заранее просит извинения у гг. славянофилов на случай, если бы, по неумышленной ошибке с его стороны, оказалось, что в его статье приписано им что-нибудь такое, чего они не думали или не говорили. Если бы г. критик предвидел также противоположный случай, то есть, что, может быть, в числе возражений встретятся мысли самих гг. славянофилов, тогда оговорка его была бы совершенно полна и обнимала бы всю его статью, во сколько она касается до его противников.

Мы, со своей стороны, ни минуты не сомневались в неумышленности его ошибок: мы уверены, что они

Библиотека "Руниверс"

произошли оттого, что он, подобно другим, судил с чужого голоса, держался на поверхности вопросов и не дошел до основной причины разномыслия. Заключим наш ответ такою же просьбою о снисхождении к нашим ошибкам и благодарностью г. критику за желание быть беспристрастным, обнаруженное в его статье, и которое, надеемся, когда-нибудь исполнится.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Впервые опубликовано в журнале «Москвитянин» (1847. Ч. 2). Статья является ответом Ю. Ф. Самарина на помещенные в «Современнике» (1847. № 1) статьи А. В. Никитенко, К. Д. Кавелина, В. Г. Белинского. Заключительная часть в сокращении публикуется по изданию: Русская эстетика и критика 40—50-х годов XIX века. М.: Искусство, 1982. С. 167—169, 178—191.

[2] Его «История государства Российского».

[3] Имеется в виду «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах, ей единоверных и единоплеменных».

Библиотека "Руниверс"

Раздел **VII**

ФИЛОСОФЫ-ТЕИСТЫ

ГОЛУБИНСКИЙ ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Ф. А. Голубинский родился в 1797 г. в Костроме в семье священника. По окончании Костромской семинарии в 1813 г. он в течение года преподавал там русский язык. С 1814 по 1818 г. учился в Московской духовной академии, окончил ее магистром и был оставлен для преподавательской деятельности. С 1824 г. Голубинский — ординарный профессор кафедры философии Московской духовной академии, где вплоть до своей смерти преподавал философские дисциплины: историю философии, метафизику, этику, психологию, введение в философию.

В 1828 г. Ф. А. Голубинский принял сан священника. С этого времени он многие годы исполнял должность цензора книг духовного содержания, был редактором издававшихся в 40-е гг. XIX в. творений отцов церкви. За несколько месяцев до смерти Голубинский оставил преподавательскую деятельность. Скончался он в Костроме в 1854 г.

Ф. А. Голубинский был большим знатоком истории философии, состоял в переписке с Шеллингом. Гаксгаузен, путешествовавший в 1843 г. по России, после беседы с ним записал: «Это один из самых ученых и образованных людей между духовными лицами, каких я только встречал в России. С самою обширною классическою ученостию он соединяет совершенное знание иностранных литератур и немецкой философии, которую изучил он до основания. Признаюсь, я был чрезвычайно изумлен, услышав, как глубоко и вместе с тем как понятно русский священник рассуждает о Шеллинге, Гегеле, их направлении и школе» (Цит. по: Биографический очерк и характеристика академических чтений Ф. А. Голубинского // Лекции философии профессора Московской духовной академии Ф. А. Голубинского. М.: Б. п., 1884. Вып. 1. С. 14).

20 Заказ 263

Библиотека "Руниверс"

Ф. А. Голубинский был профессором-теистом, противником материализма, который считал низшей формой философствования.

При жизни Ф. А. Голубинский опубликовал лишь одно произведение — «О конечных причинах. Письмо 1-е» (1845).

СОЧИНЕНИЯ

1. *Голубинский Ф. А.* О конечных причинах: Письмо 1-е// Прибавление к творениям святых отцов. М., 1847. Ч. 5. С. 176—205.

2. *Голубинский Ф. А.* Умозрительная психология. М.: Б. и., 1871. 142 с.

3. *Голубинский Ф. А.* Лекции философии. М.: Б. и., 1884—1886. Вып. 1—4.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Глаголев С. С.* Протоиерей Федор Александрович Голубинский: Его жизнь и деятельность. Сергиев Посад: Б. и., 1898. 46 с.

2. *Колубовский Я- Н.* Ф. А. Голубинский // Вопр. философии и психологии. 1890. Кн. 1. С. 2—6.

3. *Богатое В. В.* Реакционно-крепостническая идеология «православия, самодержавия и народности»: Теизм 30—40-х годов// История философии в СССР. М., 1968. Т. 2. Гл. 10. С. 202—203.

Библиотека "Руниверс"

ЛЕКЦИИ ФИЛОСОФИИ[1]

Общее введение в философию

В состав понятия философии входит: а) ее происхождение, б) предмет, в) источники, г) форма, д) разделение, е) цель.

О происхождении философии древние думали различно. Приписывают оное Платон и Аристотель чувству удивления при созерцании природы, другие любопытству ума; иные собственному достоинству ума; другие наконец стремлению ума к бесконечному. Во всех сих и подобных предположениях есть нечто истинное. Лучшее из сих есть то, которое полагает начало философии в стремлении ума к бесконечному: ибо искание мудрости основывается на стремлении ума к бесконечному; впрочем здесь нет еще главного начала философии.

Происхождение ее можно рассматривать в двояком отношении: а) в историческом, т. е. каким образом и в каких первых явлениях обнаружилось философствование; б) в отношении ко внутреннему началу, т. е. в основных законах сил человеческих (in structure mentis interna).

Обращая наше внимание на историю развития мысли человеческой, мы видим, что потомки не ограничивались познаниями, сообщаемыми им преданиями предков, не успокоивались на несвязных и рассеянных чувственных наблюдениях внутреннего и внешнего опыта, но хотели искать невидимого и сокровенного в видимом. Человек долгое время не отделяет себя от природы, долгое время находится в усыплении, увлекаясь только инстинктом физическим и духовным. Доколе он находится в таком состоянии, дотоле нет еще философии,— это первая низшая степень его бытия, когда он заботится только об удовлетворении своих нужд естественных. Высшая степень открывается тогда, когда человек становится выше чувственных потребностей, когда в нем открывается способность воображения, любовь к изящному.

Библиотека "Руниверс"

Но и здесь нет еще происхождения философии. Ибо оно подобно дитяти живет и дышет еще жизнию и духом отца и матери. Но, наконец, наступает минута, и он как бы вновь рождается и как бы вновь вступает в мир; доселе он не отделял бытия своего от внешнего мира и терялся в безразличном представлении того и другого; теперь усматривает самого себя среди множества предметов; светильник сознания в нем пробуждается, он открывает в себе мир мыслей, чувствований и желаний, отделяет свое я от того, что не есть я, и рассуждает: я не есть это; это не есть я, и спрашивает: что же такое я? и что не я? И здесь-то начало философии. Когда человек таким образом отделил себя от природы, тогда он перестает рассеиваться по бесконечно-разнообразным чувственным впечатлениям и ищет узнать причины вещей; впрочем, на сем отличении своего *я* от не я, на изыскании причин законов и действий для всего разнообразного, он еще не останавливается, но, замечая везде случайность и непостоянство, он старается выйти из круга ограниченных и разнообразных предметов; не видя начала всего, он стремится к изысканию бесконечного. Так и рассуждает он: я никогда не существовал, мир предлежащий также случаен, подлежит изменениям и может существовать так, или иначе, может и вовсе не существовать; и так, кто же дал бытие сим двум мирам? Конечно, существо бесконечное и вечное. Если бы в человеке не было сего стремления к бесконечному существу, ясно ли оно открывается, или неясно, то не было бы и самой философии. Если бы, говорю, не было в уме человека свидетельства о существовании бесконечном и его совершенствах, то не было бы и философии. Испытание главнейших и коренных начал всего существующего не имело бы основания. Прочие познавательные силы не ведут к философии. Опыт внутренний и внешний доставляет одни материалы в виде рассеянном, без взаимной связи предметов между собою, без сведения, откуда все это начиналось и на чем основывается. Выше чувства внутреннего и внешнего находится в душе нашей разум (intellectus), коего свойство разнообразное приводит в единство сознания; по действию сей силы человек вводит как бы свой порядок в явления внешнего и внутреннего мира; все частное и разнообразное подводит под роды и виды.

Впрочем здесь вводится только частное единство в наблюдения; но последнего звена, или той первой, глав-

Библиотека "Руниверс"

ной, верховной причины, на коей бы все основывалось, разум не видит. Если бы он не был соединен с чем-либо высшим, то не мог бы составить и сего единства. Но поелику соединен с умом (ratio), поелику сей имеет идею о едином начале всех вещей, то разум и вводит единство. Итак, главное начало одного единства скрывается в уме; а его главный предмет, к коему он единственно стремится, есть существо бесконечное, божественное и его совершенства. Оно не объемлется ограниченными чувствами, низшими способностями так, как каждый чувственный предмет - • - частный, ограниченный: оно выше пространства и времени. Посему как для познания чувственных — ограниченных предметов формою служат пространство и время, так и для познания бесконечного умом служит формою отделение и отложение всякого предела пространства и времени, т. е. беспредельность. Бог, как бесконечный, не может быть познаваем низшими способностями: из чувств ни одно не свидетельствует о беспредельном. По сему оно не может сообщить сего разуму, который из себя ничего не заимствует, но только приводит в порядок данное: без данной материи он был бы вечно пуст. Итак для сего нужен высший орган, способный к познанию бесконечного,— особенная сила, свидетельствующая б бесконечном. Ежели человек знает что-либо о бесконечном, то это не из чувства внутреннего или внешнего и не из разума собственно, ибо он о беспредельности свидетельства дать не может; ему принадлежит только составлять понятия, но из силы, направленной к бесконечному,— ума, как органа, через который открывается бесконечное. Итак, если мы имеем какое-либо познание о бесконечном; то это от высшей силы, т. е. ,ума; коего свойства есть вера в бытие бесконечного, иначе философия не будет иметь твердости и прочности.

Всякая сила действует внутрь и вне себя, и притом имеет приемлемость и самодеятельность: так и сила ума имеет внутреннее и внешнее действие. Внутреннее и главное действие ума есть помышление о боге, как предмете своем, и прилепление к нему. Не может быть, чтобы сие помышление исчезло в способности ума и чтобы опять снова началось: ибо родившись в нем, сие помышление не может обновиться через опыт; ибо конечное не породит идеи бесконечного. Свидетельство о бесконечном сообщается от бесконечного. Итак от бога вложено в ум свидетельство о нем. Попечение — все

Библиотека "Руниверс"

действия и способности направлять к нему, вера в бытие его — это необходимый и существенный характер ума; ибо по уничтожении веры в бесконечное, уничтожилась бы и сила ума, уничтожился бы и ум.

Но от чего, спросят, это стремление высшей и лучшей части существа нашего так редко и поздно мы в себе открываем? Это внешнее действование ума на наше сознание и на все способности есть только раскрытие его идеи вне себя! Здесь не ясное и темное свидетельство о бесконечном должно уясняться и раскрываться. Но из сего не следует, чтобы и эта идея о бесконечном начиналась во времени. Иное дело стремление ума к бесконечному, внутреннее его бытие и действование; иное же внешнее его раскрытие.

Доколе человек по собственным недостаткам внимает не силе ума, но внешним предметам или суетным пожеланиям жизни и тем заглушает внутренний голос его, дотоле нет в нем раскрытия оной силы, хотя впрочем внутри ума существует идея бесконечного. Человек имеет одну часть разумную; он живет еще жизнию физическою. Посему доколе он увлекается низшими способностями — чувствами, дотоле закрыто в нем внутреннее зерцало самосознания, дотоле требования ума не отражаются в нем, дотоле не виден и светильник ума: нужно, чтобы мутные тени рассеялись — и самосознание было чисто, и тогда стоит только внимать уму. Но будем говорить собственными словами, без уподобления: в человеке свидетельство ума о бесконечном будет замечаемо в познании, поколику привязанность к конечному будет в нем исчезать; когда и внешние и внутренние мятежные помыслы умолкнут, напряженное действие разума утихнет, чувство, воображение, разум и воля с своими занятиями конечными ослабеют, тогда сознание бесконечного откроется и вовне; тогда действие ума распространится и на все способности; тогда идея ума о бесконечном будет направляемым началом для разума и для воли и для чувственности, тогда начнется и раскроется жизнь философская.

Здесь открывается различие философии, как состояния духа, в его стремлении к познанию, от философии, как ведения, или знания (inter statum et habitum Philosophiae et Philosophiam, ut sustema). Первое важнее, и человек должен проводить в нем всю свою жизнь. Оно относится ко второму, как сущность к форме. Если первое неправильно, то и последнее тщетно; ибо без;

Библиотека "Руниверс"

действия идеи ума, без сего направительного начала для всех способностей, невозможна философия. Когда разум руководствуется оными идеями, то отсюда происходит философия как ведение.

Таким образом, очевидно, почему один опыт не может быть источником философии. Хотя из истории философии известно, что все люди, поражаемые видимыми предметами, стремились к тому, чтобы узнать, из чего все видимое происходит; но сие стремление не было произведением низших сил, а высших. Одно действие чувств, собирающих впечатления внешних предметов, не послужило бы началом философии, если бы с оным не встретилось высшее действие ума.

Древние началом философии полагали удивление. В самом деле египетские и халдейские мудрецы поражались удивлением при созерцании величественной сцены вселенной и, забывши о низших потребностях, погружались в размышление. Откуда и что это за величественные существа, составляющие вселенную? Но сего удивления при созерцании вселенной нет в животных, хотя и пред ними происходят те же самые явления. От чего же сие? — От того, что в них нет идеи ума! И так для нас все красоты природы, все указания ее на премудрость, благость и другие божественные совершенства существа абсолютного не были ощутительны, и не производили бы в нас никакого удивления, если бы в идеях нашего ума не было идеи красоты, премудрости, благости и проч. Чтобы дойти от частных наблюдений за природой до представления о красоте и порядка, в ней усматриваемого, к сему чувства не руководят, ибо они не свидетельствуют о целесообразном порядке, о чем либо целом; это бывает только тогда, когда вместе с свидетельствами опыта соединяются свидетельства внутренние, кои как бы борятся с чувствами; и это суть идеи ума; чувства же представляют только разъясненное, идеи же ума заставляют вводить в оное единство, хотя философского действия внутренних сил мы еще не замечаем. Потому в древнем философствующем мире, еще не много знавшем природу, люди искали все объяснить силами духовными и все полагали под зависимостью и влиянием духов.

Пусть это были мечты воображения, но если бы не было в уме внутреннего свидетельства о мире духовном, то не было бы и оных. Только по действию силы идей, они под видимою оболочкою чувственных явлений, пред-

Библиотека "Руниверс"

полагали невидимые силы. Итак, поелику человек сильнее и ранее поражается чувственными предметами, поелику прежде действует в нем чувство, потом разум и наконец уже ум, то и внимание его прежде обращается на видимый мир; посему и первые испытатели удивлялись природе, ее порядку и красоте, но под влиянием идеи ума о бесконечном хотели узнать, отчего все сие происходит? ибо одно чувство смешанного не возбудит мысли о порядке мира и его красоте. Но сие свойственно идее красоты. Иначе сего можно бы было требовать от животных.

Источники философии

Итак, главным источником философии признаются идеи ума, а пособием к раскрытию оных служат свидетельства внутреннего и внешнего чувства; разум же есть только способность формальная, коей свойство разнообразное в чувственных впечатлениях приводить в единство сознания, неопределенное и неясное, доставляемое идеею ума, перелагать в чистые и ясные свои понятия.

Источники философии суть естественные; опыт внешний и внутренний и ум, открывающий силы, законы и цели природы внешней и внутренней. Главный и первоначальный источник всякого познания есть откровение единого истинного и премудрого; так что и свидетельство внешней природы и свидетельства внутреннего самосознания суть как бы проток или канал одного откровения; только должно ограничить их собственную сферу. Должно отличать сие откровение посредственное от непосредственного, которое бывает через слово божие, внутреннее и внешнее, философия не имеет права выступать из своих пределов, из пределов посредственного откровения; в руках ее одни естественные пособия: опыт, как внешний, так и внутренний. Опыт внешний есть состав наблюдений, собранных через наблюдение над ходом внешней природы. *Внутренний* состоит из таковых же наблюдений хода внутренней природы — состояний и действий душевных. Опыт внешний есть самое низшее пособие в познании даже внешней природы: дабы познать то, что есть в природе высшее, чтобы в законах и в явлениях ее видеть пути премудрости и благости божией, понимать ее красоту и строй-

Библиотека "Руниверс"

ность, для сего сии совершенства должны быть в человеке внутреннейшими представлениями, предшествующими опыту внешнему, которые человек как некоторую меру мог бы прилагать ко внешней природе, с которыми как бы с образцами мог сравнивать ее явления и через то постигать сообразность последних с первыми. Сие почерпается только из опыта внутреннего, который выше и важнее внешнего. Ибо предметом его суть действия духа такого, который во внутренних своих стремлениях гораздо ближе познает бога, поелику непосредственно выражает в себе божественные совершенства: премудрость, благость, любовь, красоту. И природа внешняя проявляет сии совершенства, но она не носит их в себе: это — не ее собственное, но чужое. Любовь, благость и премудрость насаждены и в природе внешней, но не внутри ее, а как бы на поверхности ее отражаются, и потому проявляются и уясняются для человека, что он сам в себе, во глубине своего духа, обретает напечатленными и усвоенными сии совершенства. Потому видение, почерпаемое из опыта внутреннего, есть собственное, ближайшее и яснейшее даже основание опыта внешнего: ибо без него во внешней природе человек познал бы не более, как одни механические законы ее действования. Она, говорит Якоби (рассуждая о божественных вещах), показует только согласные буквы; священные же гласные, без коих не могут быть прочтены ее письмена, кои изглаголало слово, воззвавши мир из хаоса, находится в человеке. Впрочем тот и другой опыт сам по себе открывает нам только происходящее в пространстве и времени, многочастное, многообразное и рассеянное: посему он один весьма недостаточный проводник к познанию. Внимание наше непрестанно терялось бы в беспредельной множественности и разнообразии наблюдений, если бы они не были проводимы в единство. Чтобы их соединить, из частного извлечь общее, сие уже выше опыта и принадлежит разуму (intellectus), который разнообразное приводит к единству, всегда стремясь восходить от причин к причинам, от множественного к единству и стараясь возвести все к последнему единому началу. Но и он сам по себе сего сделать не может, даже сам по себе и себе не мог бы дать направления к единому. Он стоит как бы в середине между двумя крайностями, между разнообразным мироявлением и полным единством и никогда не дошел бы до сего единства, если бы не было такой силы, которая непосредственно

Библиотека "Руниверс"

свидетельствует о бытии первого и единого .начала, на котором все основано и утверждено. Сия верховная сила есть *ум* (ratio), который потому составляет главный источник философского познания. Итак, хотя внешняя и внутренняя природа человека обезображена, он не лишен совершенно естественных пособий к исканию мудрости. Внешняя природа не так еще закрыта, загромождена злом, чтобы не открывались в ней следы мудрости, благости и любви божией, отражающейся в ее величии, поражающем человека,— красоте, смягчающей самые одичавшие сердца, непрерывном сохранении бытия и изведении жизни из самой смерти и разрушения в радовании и наслаждении всех тварей. Равно и внутренняя природа, хотя расстроена, но не разорена и не разрушена; ибо то, что создал всемогущий, один всемогущий и разрушить может. Силы первоначальные еще сохраняются в человеке: но он как бы удаляет себя от них, сам поставляет средостения между образом бога и самим собою, так что до него доносятся только некоторые прерывистые отголоски познания о нем. В нем остаются полуизглаженные черты оного образа, обломки так сказать храма божия, еще величественные в самих развалинах. Иначе нельзя бы было требовать от него никакого отчета, не было бы на нем никакой обязанности, ни вменения ему, когда бы не было сих остатков познания о боге, примечаемых во всех и даже самых диких народах, ни голоса совести, всегда спорящего с прихотями и страстями.

Предмет философии

Предмет философии составляет то, что есть общего, существенного и главнейшего, т. е. как основания, законы и силы духа человеческого и внешней природы, так и свойства верховного начала всего сущего — существа высочайшего. Впрочем, философия не должна быть посему собранием и составом всех знаний. Она относится к ним не как целое к частям, но как корень к отраслям, как начало, основание и причина к последствиям. Отличие философского познания состоит в том, что оно отсекает исторические только познания событий (facta) и явлений, внешних и внутренних: но все возводит к первым началам и причинам и ими только занимается. Правда, и другие науки входят в исследование начал

Библиотека "Руниверс"

и причин явлений или событий: но они ограничиваются в сем исследовании началами ближайшими к тому кругу вещей, которые составляют предмет их, и следовательно началами более частными; а философия объемлет все ветви познаний и потому, при обширности предмета, обращает внимание только на исследование главнейших и всеобщих начал. Впрочем и другие науки потому входят в круг философии, или с ней соприкасаются, что наследуют главные основания событий (facta), делают общие заключения о причинах, возводят многообразное к единым и простейшим началам, ибо сии начала, основания, причины извлекаются преимущественно из философии. Но поскольку эти основания начала применяются к многообразным частным явлениям, раздробляются во множестве различных последствий, то в сем разрешении и низшем приложении своему они выходят из круга ее в низшие сферы других познаний; напр[имер], наблюдения исторические, доколе составляют один рассказ событий, не принадлежат к кругу философии, но когда к наблюдениям присоединяется разум, который на них не останавливается, но ищет причин общих, откуда они происходят, основание какого-либо целого порядка событий, в сем случае история приблизится к философии. Итак, философия имеет предметом исследования только главных и основных *сил законов* и *целей* существ. Когда мы в действиях и явлениях ищем их начал и причин, то доходим до познания о *силе,* как причине действующей (causa efficiens). Это есть первый и необходимый шаг разума, исходящего из области опыта для философского познания о вещах: ибо наблюдение одних действий есть дело только опыта, рассеивающегося непрестанно в разнообразном, изменяющемся. Далее, всякая сила в действии своем, при всех ее многоразличных изменениях, всегда имеет один известный, общий образ действия, т. е. подчинена *закону,* по коему всегда удерживает свойственную себе форму, действует так, а не иначе и отличается от всех сил (causa formalis); первое показывает, от *чего* что-либо происходит, последняя — почему происходит; к исследованию законов сих разум побуждается как подлежательным, субъективным свойством своего познания, так и потребностью предлежательного познания, т. е., *во-первых,* при исследовании сил, поелику он тотчас замечает, что всякая из них имеет постоянный общий некоторый образ действования, по которому не действует на удачу,

Библиотека "Руниверс"

но имеет свое направление: сие само заставляет его изыскать тот центр, в коем все действия какой-либо силы сосредотачиваются и соединяются, или исследовать закон, на основании коего она действует и отличается от других. Далее, разум не мог бы приобрести ясного, раздельного и верного познания о силах, не зная законов, по коим одна различается от другой и вместе одна с другою имеют взаимное соотношение. Наконец, вниманию философа подлежат *цели* как причины, для чего что-нибудь происходит так, а не иначе, т. е. конечные причины (causa finalis), по коим силы имеют свое направление в действовании к чему-либо известному. Доколе он не откроет причины известного направления сил в их действиях, дотоле в природе многое останется для него неразрешимым, дотоле он не может знать истинной цены самым благодетельным действиям природы, не зная спасительного конца, к коему все стремится: ибо все ценится по отношению к своему концу. Посему-то и в наблюдении собственной нашей деятельности, в мире нравственном, иные действия ценимы дороже, признаем достожелательнее, другие ниже и недостойнее, по соображению с тою истинною целью, с тем высоким предназначением, к коему должны стремиться все наши мысли, желания и действия. Таким образом философы, входя в устроение природы внешней и внутренней, усматривают, как все связуется через средства и цели и наконец сосредоточивается в едином высочайшем конце бытия всех существ — боге.

Разделение

Итак, весь круг философских исследований заключается в рассматривании деятельности человека, деятельности природы и деятельности существа высочайшего, т. е. деятельности всего существующего. И сие разделение оных на три вида имеет верное основание. Ибо здесь; во 1-х, полагается главнейшее разделение существующего на *конечное* и *бесконечное;* и, во 2-х, в существах конечных разделяется деятельность природы духовной от действий природы вещественной. Общее той и другой природе — существовать, являть в себе образ совершенств бога, но различие между ними то, что в одной сии совершенства проявляются в свободной ее деятельности и сознаются в уме, созерцающем оные;

Библиотека "Руниверс"

в последней они не усвояются, а отражаются только, не сознаются, а возвещаются только для других существ, способных познавать и любить оные. Первый род существ носит образ внутренний, ради себя самого существующий; а последний — образ внешний, для него чуждый, существующий для других.

Форма и цель

Философия должна заниматься исследованием сил, законов и целей систематическим. Первая принадлежность систематического познания есть приводить все в однородность и единство, по коему все входящее в состав познаний *должно* сочетаваться не через случайное только преемственное последование и простое совмещение, не имеющее единого основания, но *должно быть возводимо* к общим основаниям, из коих все частные должны проистекать, или лучше к одному *началу,* на коем бы утверждались и сосредотачивались все прочие начала более частные. *Во-вторых, должно,* чтобы все познания, из сего общего начала извлекаемые, выводимы были постепенно и по порядку — низшие из высших, распологаемы были по однородности, т. е. чтобы однородные были совокупляемы и разнородные разделяемы и все вообще излагаемы были во взаимной связи и соотношении.

Философия по самому имени своему есть только *любовь к мудрости,* а не составляет еще самой мудрости, которая по мнению Платона принадлежит единому богу, так как и Пифагор ему единому приписывал имя *мудрого.* Имя мудреца давали до него людям, занимающимся философскими исследованиями, и он первый переменил его на имя *философа* — любителя мудрости. И подлинно говорит Платон, для человека драгоценно и то, что он стремится к мудрости. Те ошибаются, кто ожидает от философии такого познания, которое удовлетворяло бы всем исканиям любознательного духа человеческого. Таковое познание для человека а) *невозможно* и б) *пагубно.* Невозможно, потому что мудрость неисчерпаема, а силы духа человеческого ограничены и заключены в пределах, способных только более и более расширяться. Но вместе она была бы и пагубна, потому что оставила бы умственные силы человека в бездействии, столь противном их существенному стремлению—непрестанно расширять круг своей деятельности;

Библиотека “Руниверс”

или, по крайней мере, если бы и образовался разум, сердце бы оставалось грубым и гордым, поелику отсюда происходит самообольщение. Цель философии есть возбудить, воспитать и направить в человеке любовь к мудрости божьей, человеку предназначенной. Эта любовь человеку врождена; она предшествует всякому познанию, поскольку влечет человека к предметам познания и через познание стремится усвоить себе оные, но она часто бывает в человеке усыплена и подавлена.

Итак, нужно, во-первых, пробудить ее, открыть в себе, возбудить сие живое, свободное самостоятельное стремление к мудрости, и тогда уже мудрость сама, по выражению мудрого, *сретает человека на стезях,* на тех путях, какие во внешней природе открываются, и *при вратах сердца преседит,* т. е. когда он сходит в свое сердце, вникает в устроение и законы своего духа, своей собственной природы, она там уже готова научить его и таким образом питать в человеке любовь к мудрости. Наконец, философии предоставлено из направлений, какие может принимать эта любовь, видеть те, какие свойственны нашей природе, и по оным направлять эту любовь. Ибо любовь сия первоначально только ищет или побуждает человека чего-то искать, к чему-то стремиться; есть, так сказать, только исход деятельности, но часто может заблуждаться в рассуждении пути, избрать для своего искания предметы несродные, кои не могут питать ее. Итак, долг философии есть отличать пути косвенные, превратные от прямого и правильного, отделять чистое от нечистого, верное от неверного, между различными направлениями оной любви показать ее направление истинное, по крайней мере, отвратить ее от направлений ложных. Таким образом, философия не есть самый учитель мудрости, каковым может быть и есть один бог; но может быть, скажем с Климентом Александрийским, для человека естественного, детоводительницею к истинному учителю подобно тому, как закон для иудеев был *детоводителем ко Христу:* ибо как закон, открывая важность и святость требований нравственных и вместе бессилие человека к их исполнению, чрез то давал чувствовать нужду в искупителе: подобно сему и философия, пробуждая ум человека от усыпления, открывает ему высшие, духовные его потребности, вместе обнаруживает недостаточность собственных сил к их удовлетворению, показывает неверность, сбивчивость стезей к мудрости, кои указуются

Библиотека "Руниверс"

ему собственным светом, а через то дает познавать необходимость в пути вернейшем, руководителе высшем, возбуждает глад и жажду учения божественного, научает чувствовать высшее достоинство откровения, благоговеть пред ним, прилепляться к нему. Короче, высшая и главная цель философии состоит в том, чтобы возбудить в человеке нужду искания единой бесконечной премудрости божественной и человеку предназначенной, которая есть воплощенное слово; вторичная и сей первой подчиненная есть та, чтобы возбудить в человеке, направить и питать любовь к мудрости человеческой, которая должна приготовлять его к познанию премудрости божественной. К сей последней ведут человека два пути: углубление в самого себя и внимание к внешней природе. Углубляясь в самого себя, он находит в уме идею истины, в чувстве — идею красоты, в воле — идею добра. В сем случае цель философии есть возбудить, направить и питать в человеке любовь (studium) к идеям истины, красоты и добра или к осуществлению этих идей, т. е. к уравнению своих познаний с идею истины, своих ощущений — с идею красоты, своих действий— с идею добра. Углубляясь в силы, законы и цели природы внешней, он повсюду находит отражение премудрости, красоты и благости божественной. В этом случае цель философии есть возбудить в человеке любовь к премудрости, красоте и благости божественной. Таким образом, если человек осуществит в своей жизни идеи истины, красоты, добра и из рассматривания природы внешней познает премудрость, красоту и благость божию, если смиренно сознает недостаточность своих сил к удовлетворению сим идеям и восчувствует нужду в высшей помощи, что составляет мудрость человеческую; если взыщет и воспламенится любовью к премудрости божественной, которая есть воплощенное *слово:* то философия достигает своей цели в человеке.

Предмет сей любви, которую философия должна возбудить в человеке и направить, составляет премудрость божественную и человеку предназначенную. Первая представляет как бы путь *нисходящий свыше,* последняя — *восходящий.* В первой разум человека должен нисходить от существа высочайшего к его мудрым делам, открывающимся в устроении как природы внешней, так и внутренней природы нашего духа, и познавать всеобъемлющую деятельность его любви — в сем

Библиотека "Руниверс"

состоит *мудрость познания.* Во второй предоставлено ему раскрывать собственную любовь в многочисленных внешних действиях, расширять более и более круг ее деятельности, чтоб более и более усовершать себя, и очищать, и восходить таким образом постепенно к уподоблению себя Богу любви; это можно назвать *мудростью жизни*.

Достигает философия предположенной цели через систематическое рассмотрение всего того, что открывает нам с одной стороны *ум,* а с другой — *опыт,* внешний и внутренний, о главных силах, законах и целях как природы внешней, так и внутренней, через такое рассмотрение, где мы стараемся противное сим законам раскрыть, обнажить и отделить чистое от нечистого. Итак, рассмотрение сего пути должно разделиться на три части, кои обращают внимание 1) на источники и начало, 2) предмет и 3) форму философии.

Определение философии

Из всего высшесказанного вытекает следующее понятие о философии: «Философия есть система познаний, приобретенных разумом (Intellectus) под управлением ума (Rationis) и при способствовании опыта, как внешнего, так и внутреннего, о всеобщих главнейших, существеннейших силах, законах и целях природы внешней и внутренней, равно и свойствах виновника всех оных — бога; система, направленная к тому, чтобы возбудить в духе человеческом, воспитать и направить любовь к премудрости божественной и человеку предназначенной».

Поелику человек имеет три силы или способности души: способность познания, способность ощущения или чувство и способность хотения или волю, то дело философии, приемлемой в своей обширности, состоит в том, чтобы исследовать, как познавательная способность должна проявляться по идее *истины,* воля — по идее *добра нравственного,* и чувство — по идее *красоты.* По сим трем силам души, и трем родам предметов новейшие мыслители разделяют философию на теоретическую, эстетическую и практическую. И подлинно сие разделение согласно с ходом нашей деятельности. Силою познания человек вводит в себя законы всего существующего и таким образом приемлет, так сказать, в себя то, что есть существенного и основного в вещах.

Библиотека "Руниверс"

Это предмет части теоретической. Силою ощущения предметы познаваемые прилагает к сердцу, к средоточию своей жизни, и таким образом рождается чувство удовольствия или неудовольствия, приводящие в стройность или расстройство внутреннюю жизнь нашу, — сим занимается часть эстетическая. Наконец, силою воли человек исходит, так сказать, из себя, т. е. образовавшиеся внутри себя мысли, намерения и чувства изводит в область внешней деятельности — это часть практическая. Таким образом, философия должна *показать разуму путь,* по коему он должен стремиться к *истине, воле — предписать законы, чувству — дать истинное направление.* Впрочем, поелику законы познания и воли более необходимы и существенны, нежели законы ощущений, и философия только рассматривает главное, необходимое и существенное и поелику эстетика имеет свой обширный круг в рассуждениях об изящном, то мы ограничиваем круг философии только двумя первыми частями — теоретическою и практическою.

В дальнейшем разделе частей должно смотреть на форму и источники познаний. По форме системы философии те познания, кои пролагают путь уразумению других истин, должны предшествовать прочим. Рассматривая источники философии, мы видели, что они разнородны, как опыт и ум. Первый доставляет познания в порядке пространства и времени — только о том, что есть и бывает, в порядке же умственных познаний все основывается на рассмотрении возможности, на представлении того, что возможно и на каком основании. Итак, по причине разнородности познаний, прилично, даже необходимо, в круге философских наук отделить умственные познания от опытных, т. е. как те, так и другие должны составлять особенные части философии. Так психология опытная должна быть отделена от метафизики, как то видим в системе Вольфа; иначе произойдет смешение. Далее в метафизике познания о боге, природе внешней и человеке суть разнородные и потому должны, оставлять предмет особенных частей.

Но прежде, нежели приступим к исследованию предметов познания, нужно нам уяснить для себя законы, с коими мы должны сообразоваться в произведении суждений и умозаключений и самой системы, подобно как художник, приступающий к делу, наперед должен заняться нужными для сего орудиями. Это предмет логики.

Библиотека "Руниверс"

Платон так определяет философию: philosophia est tes epistemes peri to u aei onton orexis[2]. Taaei onta[3] кажется, указуют единственно на одно вечное существо — бога. И таким образом, хотя предмет философии слишком тесен, ибо не вмещает вселенной, но по духу автора «Ta aei onta» не только означают вечное и бесконечное существо — бога, но и все то, что есть и в конечных существах вечного и постоянного и пребывающего; в сем случае предмет философии в определении автора верно означен. Действительно, философия занимается исследованием существ конечных, но не довольствуется простым обзором их, а вникает в сущность их, в их законы и конечные цели, кои вечно и постоянно пребывают. Так, напр[имер], самая психология эмпирическая, хотя руководствуется опытными познаниями, кои посему ничего не показывают всеобщего и необходимого, впрочем принадлежит к кругу философии, поелику излагает такие свойства души человеческой, кои всегда у всех людей заметны, а не в каком-либо человеке особенном или какой-либо нации. Tes epistemes orexis[4] означает стремление к познанию. С первого взгляда на сие философия, представляющаяся не имеющей твердого основания, не означает ничего, кроме одного стремления к ведению, а не само ведение. Ведение есть состав познаний о каком-либо предмете, основанных на твердых началах и соединенных между собой правильным последованием. Таким образом, философия в отношении к началам должна быть действительно episteme[5], в отношении же объемлемости предметов не может быть episteme, но только orexis tes epistemes.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Лекции, читанные Ф. А. Голубинским в Московской духовной академии, были опубликованы после его смерти. Отрывок из них — «Общее введение в философию» — публикуется по кн.: Лекции философии профессора Московской духовной академии Ф. А. Голубинского. Вып. 1. С. 23—40.

[2] Философия есть страсть познания вечно сущего.

[3] Вечно сущее.

[4] Страсть познания.

[5] Познание.

Библиотека "Руниверс"

КАРПОВ ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ

В. Н. Карпов родился в 1798 г. в семье священника села Хренавого Воронежской губернии. Он закончил вначале Воронежскую семинарию, а затем в 1825 г.— Киевскую духовную академию. Несколько лет преподавал греческий и немецкий языки в Киевской семинарии, а в 1829 г. — французский язык в Киевской духовной академии, где два года спустя начал читать курс лекций по философии.

В 1833 г. В. Н. Карпова переводят в Петербургскую академию.- Здесь в должности профессора он более 30 лет преподает различные философские дисциплины.

Скончался В. Н. Карпов в Петербурге в 1867 г.

Его научная и журналистская деятельность была разносторонней. Он сотрудничал в «Энциклопедическом словаре» Плюшара, в Журнале министерства народного просвещения, в «Страннике», «Христианском чтении». В. Н. Карпов был известным переводчиком философской литературы. Он перевел «Историю философии древних времен» Риттера и все диалоги Платона за исключением его «Законов». Перу Карпова принадлежат два учебника: «Введение в философию» и «Систематическое изложение логики».

СОЧИНЕНИЯ

1. *Карпов В. Н.* Введение в философию: Сочинение профессора СПб духовной академии Карпова. СПб.: Б. и., 1840. VIII, 136 с.

2. *Карпов В. Н.* История философии; Введение; Понятие об истории философии: Лекции, читанные в СПб духовной академии в 1846—1847 гг. СПб.: Б. и., 1847. 644 с. (Литогр.).

3. *Карпов В. Н.* Взгляд на движение философии в мире христианском и на причины различных ее направлений. СПб.: Б. и., 1856. 32 с. (Оттиск из ЖМНП. 1856. № 11).

4. *Карпов В. Н.* Систематическое изложение логики. СПб.: Б. и., 1856. XIV, 314 с; 2 изд. 1866.

ЛИТЕРАТУРА

1. Памяти В. Н. Карпова, засл. проф. Санкт-Петербургской духовной академии: Некролог и речи. СПб.: Б. и., 1868. 98 с.

2. *Колубовский Я. Н.* В. Н. Карпов // Вопр. философии и психологии. 1890. Кн. 1. С. 6—12.

Библиотека "Руниверс"

ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ'

I. Предмет философии

[. . .] Весьма справедливо, что в природе нет ни одного вида вещей, исследование коего не входило бы в область какой-нибудь науки; так что философия не найдет себе здесь частного и исключительного поприща. Но должно заметить, что каждая наука рассматривает известную сторону предметов, независимо от других сторон бытия их, а еще в меньшей зависимости от целого; так что, при соображении наукословных пособий для развития какой-нибудь отрасли знания, иногда сомневаются, нужна ли ей помощь другой науки. Явно, что столь резкое отделение сфер наукословия может иметь место только в мире явлений, где всякий предмет обнаруживает свою частную жизнь и носит свою частную организацию. Следовательно все науки рассматривают явления *. Но при таком, конечно, необходимом состоянии их, и думать нельзя о приведении наукословия в одно стройное целое, соответствующее единству природы. Слабое стремление к сему мы усматриваем в так называемых философских обработках отдельных отраслей знания, но оно никогда не может достигать своего назначения, потому что направляется боле к частному, нежели к общему, по крайней мере общий взгляд подчиняет частной цели **. Между тем все науки, равно как и виды феноменальной жизни, исследованием которых они занимаются, должны составлять одну великую систему и быть единичным выражением природы. Это требование столь же законно, сколь верно положение, что природа —

* Как скоро наука обособилась, то можно смело заключить, что она действует в области опыта, а не наоборот: перешедши в область опыта, она необходимо должна обособиться. Для проверки этой истины стоит только заметить, каким богатым рассадником науки была эмпирия перипатетиков.

** Для примера можно указать на теорию Окена. Что она в области физики, как не гипотетическое построение для изъяснения явлений природы? Но в истинной науке не должно быть места гипотезам.

Библиотека "Руниверс"

одна, что всякое частное явление есть определенный результат общего, неявляемого, что нечто, по естественному порядку вещей, из ничего не бывает. Притом кому неизвестно, сколь часто одни обособившиеся науки по недостатку философской связи между ними, противоречат другим и завистливо ниспровергают плоды трудов их? * Сколь часто эти противоречия порождают в человеческом духе мрачный скептицизм и распространяют гибельное влияние даже на нравственно-религиозную сторону человеческой жизни? **. Столь враждебное отношение опытных наук одной к другой и всех вообще — к практике зависит между прочим от неопределенности их начал, которые обыкновенно бывают верны только по форме, а материя их — темная сторона знания***.

Рассматривая с этой точки зрения всю область наукословия, мы открываем в ней новое, важнейшее и обширнейшее поприще для умственной деятельности — такое поприще, на котором ум должен сблизить, соединить все науки в одно целое, или что то же, исследовать природу не в частных видах явлений, а в целом, как одно бытие, полное разнообразной жизни и деятельности. На этом поприще начала и результаты отдельных исследований должны быть только материалами, которые надобно согласить одно с другими и создать из них стройную систему. Поэтому здесь не может быть места неделимым, а только их связям: будучи сравниваемы между собою, они воспроизводятся, то есть, сохраняя свое содержание, получают новую форму отношений, соответствующую всеобщей жизни природы. Бытие неделимых в сей области тем менее уместно, что воспроиз-

* Можно вообразить, какое неприязненное столкновение должно быть напр[имер], между атомистическою физикою и динамическою физиологиею, между новейшим историческим ориентализмом и христианским богословием, между нынешнею теориею геологин и моисеевым бытоописанием, и проч[им], особенно когда эти учения передаются одним и тем же слушателям. Бедные слушатели! в головах их...

..chaos, rudis indigestque moles,
Nee quicquam, hisi pondus iners, congestaque codem
Non bene junctarum discordia semina rerum[2].

** Замечательно, что и философия получила характер индиффирентизма и деизма — именно тогда, когда нисходила в область опыта, и блуждала об руку с частными науками. Такова она была в эпохи перипатетиков, французских энциклопедистов и английских нравоучителей.

*** Таковы напр[имер] начала: «есть материя, одаренная известными силами», или: «есть силы в природе».

Библиотека "Руниверс"

ведение их здесь бывает не механическое, не химическое и не динамическое, а умственное, в котором внешние признаки предмета теряют свою важность *. Но приводить частные результаты знания, следовательно и частные явления природы к общей истине и общему бытию вещей, значит уже возвышаться над опытом, в котором все обособлено, и вступить в область *метафизического*. Область метафизики, несмотря на то, что многие по какому-то странному недоразумению, почитают ее страною вечного мрака и философских грез, мы не признаем областью слишком далекою и недоступною; потому что в ней каждый человек проводит по крайней мере половину своей жизни. Кто, в какой бы то ни было сфере, мыслит о вещах, то есть, соображает взаимное отношение и связь их: тот уже имеет дело с метафизическим: чувствам в этом случае делать нечего; они еще прежде окончили свою работу и передали свои впечатления рассудку.

Впрочем, чтоб об метафизическом составить более ясное и по возможности полное понятие, мы должны рассмотреть его 1) в отношении к физическому и духовному; 2) в отношении к субъекту и объекту.

1) *Физическое,* по нашему мнению, есть то, что каким бы образом само в себе ни существовало, необходимо обнаруживает свое бытие внешнею осязательною физиономиею, и как явление, может быть естественно или искусственно подведено — по крайней мере под один орган пяти чувств. Отсюда с понятием о физическом неизбежно соединяются понятие о материи, о пределе, о конечности, об ограниченности, о неделимости и проч. Человек рассматривает это многоразличие физиономий, знает дерево как дерево, камень — как камень, воду — как воду и т. д. Но если бы они пересмотрели и все вещи в природе физической, если бы они и столь же хорошо знали прошедшее, настоящее и будущее физиономий их, как грамотей знает фигуры букв алфавита; то и[1] тогда, зная их порознь, отдельно, без связи, без отношений, он находился бы еще вне области метафизики. Напротив, *духовным* мы почитаем то, что самому свойству своего бытия, то есть, по своей духовности, не может

* Люди, не имеющие понятия о существе философии, а только слыхавшие, что она рассматривает все *само в себе,* иногда спрашивают: что такое та или другая вещь *сама в себе?* На такой вопрос нечего отвечать, кроме того, что частный предмет сам в себе и сам по себе существовать не может.

Библиотека "Руниверс"

и не имеет нужды проявляться физически, или в каких-нибудь других организациях. С понятием о духовном мы соединяем полноту высочайших совершенств, от которых нельзя ничего отнять, и к которым нечего прибавить. Следовательно, духовному не свойственно ни расти, ни умаляться, ни дробиться, ни соединяться; оно не может делиться на бытие и деятельность, на существование и познание, на ноумен и феномен, оно всегда одно, неизменно, бестелесно, бесформенно. По сему духовное философы справедливо называют абсолютным, безусловным, бесконечным и проч. Но ни один философ, рассуждая метафизически о духовном, не возносился до действительного созерцания духовности и ни одна метафизика не вводила в область своих исследований истинно духовного; потому что это выше условий человеческого бытия в деятельности.

Итак, метафизическое не есть ни физическое, ни духовное. Из составленных нами понятий о физическом и духовном видно, что оно выше первого и ниже последнего. Каким же образом определить его значение и найти его сферу. Физическое и духовное, по существу своему, взаимно противоположны и. переход от одного к другому, по-видимому, вовсе невозможен. Но несмотря на то, опыт показывает, что они находятся во взаимной связи и выражаются в общих обоим результатах. Первый, очевиднейший результат взаимного ограничения их есть сам человек, которого нельзя, конечно, назвать ни физическим, ни духовным, но в котором, как единичное бытие, отражается и то и другое. То же должно сказать и о всякой собственно человеческой деятельности: никто без сомнения не признает ее ни чисто физическою, потому что ее основание в существе субъекта, ни чисто духовною, потому что она неразрывно соединена с миром явлений; каждый, однако ж, заметит, что в мышлении, чувствовании, желаниях и стремлениях человека есть нечто из мира физического, охарактеризованное духовным. Таким образом, человек и всякая человеческая деятельность образуют новую сферу жизни, посредствующую между противоположными областями физического и духовного, и развивающуюся из того и другого. Отсюда видно, что мы разумеем под именем[1] метафизического, не то, что доступно чувству, и не то, что есть дух, но что входит в область человеческого бытия и деятельности со стороны обоих начал, и что, воспроизведшись в новый ряд существ, является *сверх-*

Библиотека “Руниверс”

чувственным, и отражает в себе те самые начала, из которых оно развилось.

2) Физическое и духовное, входя в природу человека и его деятельности, тем не менее существуют объективно, сами по себе, независимо от своего участия в человеческом бытии. Но существуя объективно, они уже не могут не отличиться от самих себя в том внутреннем сочетании, посредством которого составили нашу природу; потому что, будучи внутренно соединены в нас, и сделавшись нераздельным нашим субъектом, сознающим себя, как себя, дали бытие миру сверхчувственному, отличному от физического и духовного. Таким образом, непосредственное соотношение между субъектом и объектом в деле познания, подобно тому как прежде непосредственное соотношение между физическим и духовным в бытии, совершенно исчезло, и предположение узнать объект как объект, или понять, как вещь существует сама по себе, значит, есть суетная претензия схоластики. Между тем человек познает и из всех его познаний нет ни одного, в котором не было бы чего-нибудь как со стороны мира объективного, так и со стороны субъекта; во всех субъективных формах умственной, нравственной и эстетической нашей деятельности есть содержание, очевидно заимствованное нами от природы внешней. Следовательно, между субъектом и объектом существует новый мир как условие взаимной связи их — такой мир, который сам по себе не будучи ни субъективным ни объективным, развивается из элементов того и другого- Отсюда опять видно, что мы разумеем под именем метафизического: и неодностороннее, чисто формальное представление нашего я, и не вещь саму по себе, но царство мысли, организующееся из их элементов, субъекто-объект, сочетающий в себе их реальности, одним словом: мыслимое, соединяющее внутреннее с внешним, познание с бытием*.

Итак, предмет философии определен: *самопознание и исследование всего в целом, как одного бытия, полного разнообразной жизни и деятельности, то есть, исследование мира метафизического, поколику он является сверхчувственным и мыслимым — вот существен-*

* Шеллинг, смотря на мир со стороны существа абсолютного, пришел к заключению, что божественная мысль есть уже бытие: напротив, мы, имея точку зрения на мир в человеке, должны сказать наоборот — что и самое бытие для нас в деле познания есть только *мыслимое.*

Библиотека "Руниверс"

ные моменты ее содержания! Но очевидно, что первый из них заключается во втором; ибо исследовать все как одно значит дать место в целом и природе человека. Человек есть также существо метафизическое, то есть входит в область сверхчувственного и мыслимого. Посему предметом философии надобно почитать собственно один последний момент ее; а первый, как увидим ниже, должен быть его основанием и ручаться за прочность всей науки. [...]

II. Начало философии

Так как наше введение есть пролог к систематическому изложению философии, в котором познание о гармоническом бытии мира должны составлять одно стройное целое; то необходимо рождается вопрос о начале системы, от которого зависит не только достоинство, но и самая возможность систематического целого. Посему мы. намерены теперь найти и постановить начало всей своей науки.

Началом (principium) вообще называется такое основоположение, из которого последовательно вытекает и изъясняется все, заключающееся в сфере известного бытия. Или иначе: начало есть истина, от которой мыслящий субъект начинает ряд своих выводов и заключений о каком-нибудь предмете. Этим понятием предполагается, что в исходной истине непременно должна скрываться причина, почему ум принимает ее за начало, и почему из нее могут быть выведены и действительно выводятся все другие истины: без такой причины начало системы было бы совершенно произвольно. Открыть ее и отвлечь от всех теоретических и нравственных частностей, свойственных известному лицу, значит указать существенные признаки начала вообще, по которым всегда можно найти и постановить его приступая к систематическому изложению какого-нибудь предмета. Причина, почему известная истина разумеется в смысле основоположения, без сомнения зависит частью от субъекта мыслящего, частью от объекта мыслимого. Основоположение, если можно позволить себе математический образ представления, есть мысль средняя пропорциональная между тем и другим: чем более в нем субъективности, тем менее объективности и наоборот — чем более объективности, тем менее субъективности; так

Библиотека "Руниверс"

что если которая-нибудь сторона его будет $=0$, то оно сделается или чисто субъективным, или чисто объективным, то есть перейдет в крайность и лишится неукословного достоинства. Основываясь на этом замечании, нетрудно определить существенные признаки истинного начала; надобно только каждый из элементов его порознь мысленно уравнять нулю и исследовать свойства элемента противоположного, а потом оба противоположные, верно исследованные элементы поставить в пропорцию.

Итак, положим сперва, что объективная сторона начала $=0$, то есть, пусть бытие и свойства его зависят от одного ума. Явно, что ум в этом случае будет исключительно следовать собственному закону и в самом себе разовьет предмет науки. Но каким бы образом ни построялась наука в недре субъекта, ряд ее выводов предполагает первую истину, на которой ум мог бы опереться, как на прочном основании, и которая служила бы началом его систематического целого; следовательно, его общее субъективное свойство начала состоит в том, что оно есть *первая истина*. Положение в наукословной архитектонике почитаемое первым, идеалисты обыкновенно разумеют в двояком смысле — как абсолютное и как относительное: абсолютное, по их мнению, есть истина, непосредственно присущая уму, известная сама по себе и не имеющая нужды в доказательствах; напротив, относительное выводится уже из абсолютного и занимает первое место в какой-нибудь частной отрасли знания, или даже в какой-нибудь частной аргументации. Верно ли это деление? — Никто, конечно, не будет отвергать бытие истин, не имеющих нужды в доказательствах, или которые нельзя доказывать: но мы не видим еще, почему это отрицательное свойство дает право называть их абсолютными. По нашему понятию, здесь скрывается такая же ошибка, какой подвергались древние физики и атомисты, когда, не находя способов разложить известную стихию или атом, прнимали их за начала абсолютные. Человеческая мысль может развиваться в бесконечность, может до бесконечности анализировать элементы познания,— и эта возможность в области наукословия, положим, зависит от какой-либо истины, непосредственно присущей уму: но и первая истина не условливается ли в свою очередь самим существом человека? Если же условливается, то должно заметить, что существо наше и не ог-

Библиотека "Руниверс"

раничивается конечным и не вмещает в себе бесконечного, и не останавливается во 'времени и не наполняет собою вечности, следовательно, ни в каком случае не абсолютно. А когда природу нельзя почесть абсолютною, то как выводить ее деятельность из абсолютного начала? Абсолютное всегда одно и то же; но если бытие наше усовершимо, то положение, называемое абсолютным, почему не сделать еще когда-нибудь абсолютнее? Избегнуть этих затруднений можно бы только посредством следующего ограничения: абсолютное начало, напр[имер] я есмь я (А=А), несмотря ни на какое развитие человеческой природы, всегда остается тем же по форме, логически: но в таком случае всякое выражение закона тождества было бы равно абсолютно и также могло бы служить началом системы. Итак, ища субъективных свойств начала, мы становимся одною степенью ниже идеалистов и в первой истине видим основоположение — не абсолютное и относительное, но или *философское,* или *наукословное.* Основоположением философским, по нашему мнению, надобно почитать то, которое непосредственно известно — не уму, а вообще человеку, и которое не может быть доказываемо — не потому, что будто бы оно безусловно, а потому, что его условия недоступны для непосредственного ведения. Напротив, основоположению наукословному нельзя ни в коем случае приписать известность непосредственную, хотя бы оно лежало в основании систематического изложения целой науки, и хотя бы эта наука составляла какую-нибудь ветвь самой философии; потому что начало отдельной отрасли знания, давая направление развитию более или менее частного предмета, необходимо должно условливаться общим центром наукословия — началом философским, и от него заимствовать свою силу *. Отличив, таким образом, первую истину в

* Ограничение наукословных предметов можно представить в бесконечной прогрессии: начинаясь от первой истины в смысле философском, то есть, от истины чисто субъективной и непосредственно известной, оно чем далее, тем более разветвляет предметы исследования, подобно тому, как в атмосфере, чем далее, тем более дробятся лучи солнца,— и все частные направления их утверждает на каких-нибудь началах. Явно, что субъективное значение этих начал будет находиться в обратном отношении к ограничению их предметов, а именно: чем ограниченнее предмет, тем менее должно быть субъективных свойств в отчетливости его начала; так что, наконец, оно .может всецело выступить из сферы субъекта, совер-

Библиотека "Руниверс"

смысле философском, то есть истину непосредственно присущую человеку, от основоположений, свойственных частным наукам, мы хотя довольно уже ограничили субъективную сферу, в которой надобно искать начало философии, однако ж все еще не можем указать на самое начало ее; потому что в человеческом субъекте, по-видимому, многое имеет право на известность непосредственную. Переливы внутренней нашей деятельности так быстры, частные оттенки мыслей, чувствований и желаний так неприметны, последовательность психических явлений и зависимость от них, одних от других, так неуловимы, что трудно решить, что непосредственно и что посредственно известно нам в нас самих. Поэтому философы, имея в виду одно и то же субъективное свойство начала, основывали свои системы то на чувстве животном или физическом, то на чувстве эстетическом и нравственном, то на мышлении и бытии, то на идее бога и постулатах закона, то на сознании и совести. Хотя из этих, совершенно различных оснований и можно исключить некоторые, явно противоречащие понятию о первой субъективной истине*, однако ж все еще будет неизвестно, как показать достаточность, или недостаточность прочих- Для преодоления сего затруднения, мы постановляем два необходимых признака истины, непосредственно присущей человеку: такая истина, бесспорно, должна быть *ясна сама по себе и одинаково присуща всем людям.* Прилагая эти признаки к исчисленным выше субъективным основаниям философов, всякий увидит, что почти все они или темны и погрешительны, или не равно очевидны для каждого. Нет сомнения, что чувство в психической нашей жизни есть коренной и весьма сильный движитель: оно могущественнее самой крепкой воли, быстрее самой легкой мысли; оно предваряет всякую внутреннюю нашу деятель-

шенно расторгнуть связь с философией и потерять свое значение в агрегате фактов, представляемых миром опыта. Это путь обособленного знания.

* Такими основаниями я почитаю: 1) Кондильяково, потому что животное чувство, или чувственность, как скоро оно — нечто более простого принятия впечатлений, необходимо условливается сознанием, без которого развитие чувства до степени познания невозможно; 2) Декартово, потому что в известном начале — cogito, ergo sum — мышлению всегда предшествует сознание — conscius mihi sum me cogitare. Нынешние французские философы стараются приписать Декарту начало сознания, но в философских его сочинениях нет на это никаких оснований.

Библиотека "Руниверс"

ность и, сообщая ей энергию, само не подчиняется ни теоретическим, ни нравственным ее формам. Чувство не терпит ни доказательств, ни опровержений: пред его внушениями те и другие равно слабы. То же должно сказать и о постулатах закона. Все мы внутренне одобряем справедливое и честное, все стремимся к истине и добру. Эти стремления в нашей природе глубже всего: они возникают из самого существа его и развиваются во всех видах нашей деятельности. С ними мы и рождаемся и умираем, ими украшаем свое бытие, с ними совершаем достохвальные подвиги на поприще истины и добродетели. То же, наконец, скажем мы и об идее бога. Нельзя представить разумное существо, которое бы, вошедши в себя, не ощутило потребности признавать бытие высочайшей премудрости. Необходимость этого требования очевидна не столько в истории человечества, сколько в самой природе человека: она есть результат не ученых исследований, но простого, бескорыстного взгляда на самого себя. Казалось бы, что эти внутренние деятели в нашем существе всего лучше могут быть органами истины, непосредственно присущей человеку, и дать твердое начало философии — тем более, что ими характеризуется не жизнь, не познание или желание, а само бытие наше. Но какой земной ум может слабым своим светом рассеять тот мрак, в котором они действуют, и вполне раскрыть значение их внушений? Внушения чувства и стремления духа, конечно, известны нам непосредственно: но истолкование и приложение их к частностям в умственной и нравственной нашей жизни не может быть совершенно зрелым плодом и целой науки; потому что они, ка« сказано выше, не подчиняются формам ума и воли; если же и входят в них, то в области понятий и желаний становятся уже не тем, чем были. Знамя истины и добра без сомнения водружено в человеческом субъекте: но оно, кажется, расторглось надвое, — и столько теперь под ним замаскировано заблуждений и пороков! Сердце, бесспорно, исповедует бога: но когда люди, основавшись на этом общем, идеальном исповедании, начнут изъяснять законы *его* ума и воли; то вместо единого бога, сотворят себе тысячи кумиров, а вместо одного человечества — миллионы неделимых. Правда, можно, говорят, вообразить себе человека на такой степени нравственного и религиозного развития, что для него, при руководстве внутреннего чувства и духов-

Библиотека "Руниверс"

ных стремлений, все ясно и определенно; но этим самым представлением очевидно предполагается уже предварительное развитие сих деятелей, следовательно, в науке они должны зависеть от средств своего воспитания, может быть, вовсе не субъективных и занимать уже второе место. При том, когда мы ищем начало философии в человеческом субъекте, то разумеем не частное лицо, а целое человечество; надобно, чтобы первая истина была для всех и всегда верною; иначе люди, не сознающие ее такою в самих себе, не обязываются принимать ее за начало.

Но между тем, как ни чувство, ни постулаты закона, ни идея бога не могут быть положены в основание философии, все признаки субъективного начала очевидно приличествуют *сознанию*. Сознание, понимаемое в смысле теоретическом и нравственном _ (совесть), по всей справедливости может быть названо первою истиною; потому что все, входящее в сферу человеческой жизни и являющееся в ней как наше, делается таким единственно под условием сознания. Какая бы деятельность ни призводилась в нашем существе, под какими бы видами ни открывалась нам наша природа, эти виды и эта деятельность известны нам потолику, поколику мы сознаем их. Самое внушение чувства и духа, когда они восходят в нас на высшую степень развития, непременно становятся предметами сознания. Без сознания, мы — не мы, наше — не наше. Отсюда само собою явствует, что сознание есть истина философская, то есть, непосредственно присущая человеку: оно не выводится из какой-нибудь другой истины; по крайней мере, приступая к исследованию человеческой природы, мы не можем ниоткуда вывести его. Сознание — первое слово, изрекаемое нашим существом, или первая нить, за которую хватается и ум в своих исследованиях, и воля в своем избрании. Сознание есть сознание: иного предиката, то есть, иного высшего понятия приписать ему невозможно. Равным образом, сознание есть истина, ясная сама по себе: это очевидно и без доказательств. Все методы воспитания, все науки, целая жизнь клонятся к тому, чтобы известные предметы ввесть в область сознания:* но для прояснения самого сознания нет и не нужно никаких способов, потому что ясность — существо его. Можно, правда, сознавать предмет темио: но в таком случае должно разуметь не темноту самого сознания, а сознание темноты изве-

Библиотека "Руниверс"

стного предмета; поэтому само в себе оно всегда ясно. Нечто подобное надобно сказать и о его всеобщности. Впрочем, почитая сознание всеобщим, мы хотим выразить не то, что оно есть у всех людей, — это разумеется само собою, — но что у всех людей оно — одно и то же. Каждый сознает, один то, другой другое; но все сознают одинаковым образом: сознанием, поколику оно рассматривается как сила субъекта и условие субъективно-человеческой деятельности, люди не разнятся между собою. Оно может иметь больший или меньший объем, такое или другое содержание, но во всяком объеме— • то же сознание, всякое содержание его непременно осознается. Такое понятие о всеобщности сознания, конечно, не может не быть предметом споров и недоумений, потому что люди привыкли понимать сознание конкретно. После мы увидим, что точно так и должно понимать его, но теперь смотрим только на субъективную его сторону и отвлекаем от нее все сознаваемое. Нельзя, конечно, отвергать, что выражения: погрешительная совесть, слабая совесть, потеря или отсутствие совести, бессовестность и т. п. явно противоречат всеобщности сознания; но кто вникнет в истинный смысл этих выражений, тот вдруг заметит, что ими указывается не на самую совесть в смысле психологическом, а на неосознавание предписаний нравственного закона, следовательно, на недостаток в содержании сознания.

Итак, субъективная сторона начала философии, по нашему мнению, найдена: сознание или совесть в значении силы психической, то есть, положение: *я сознаю,* как истина первая, непосредственно известная, сама по себе ясная и всеобщая, может и должно быть субъективным началом ее.

Теперь остается еще найти объективный элемент основоположения нашей науки. Для достижения сей цели, забудем на минуту о сознании, положим, что субъективная сторона начала философии = 0, и будем наблюдать, каково должно быть ее основание в отношении к самому предмету исследования. Предмет философии есть все, рассматриваемое как- одно бытие, полное разнообразной жизни и деятельности; а все как одно, или гармонию бытия,, мы назвали также метафизическим, сверхчувственным и мыслимым; посему, чтобы начало нашей науки находилось в действительном сродстве с ее предметом, оно должно иметь те же самые свойства, то есть быть мыслимым и заключать в себе элементы

Библиотека "Руниверс"

всякого бытия в гармоническом составе их. Если же таков должен быть общий и необходимый характер начала со стороны объективной, то не трудно заметить, что оно — то же в науке, что семя — в растении; как в семени свит полный организм растения; так в объективном начале должна быть сосредоточена целая система философии. Посему различие между субъективным и объективным ее началом состоит в том, что-первое есть истина, от которой она начинает исследование, а второе есть истина, из которой она развивается в систематическое целое. Где искать эту последнюю? Явно, что назвав ее сверхчувственною и мыслимою, мы устранили все вещественное и частное в природе, потому что никакое вещество, никакая частность в ней, сами по себе не мыслятся, а только входят в сферу мышления под видом элементов, воспроизводимых рассудком в представления: так, например, зерно, песчинка, камень, муравей и т. д. как неделимые, не могут быть предметами мысли, пока не припишем им какого-нибудь свойства или не поставим их в какое-нибудь отношение; ибо существо мышления состоит не просто в представлении, а в сочетании представлений. Поэтому все материальные начала, на которых многие философы древнего и нового мира построяли свои системы, не заслуживают имени истинных начал философии. С атомами, с коренною материей, даже с какою бы то ни было силою или соединяются* известные понятия, или не соединяются: в последнем случае эти начала — чистые предположения и так же не имеют значения в объекте, как абсолютная истина в субъекте; в первом — они выводятся из пределов мира материального и, вступив в область рассудка, ничем не отличаются от обыкновенных понятий, а через то делаются уже не столько началами бытия, сколько символами познания.

Доступное для науки основание мыслимого может находиться только в источнике мысли, то есть в существе мыслящем. Здесь, как в зеркале, отражаются бытие и жизнь природы; здесь сосредоточиваются бесчисленные свидетельства о ее силах, свойствах и действиях; здесь вещество получает иной образ существования; облекается в новые формы и становится бесконечным рядом понятий; здесь частные представления, преобразовавшиеся из .впечатлений мира объективного в умственные единицы, сводятся в один итог и под влиянием духовной природы человека, сообщающей конечному

Библиотека "Руниверс"

характер бесконечного, является идея, теория, целое или вообще — мир мыслимый. Но между бесчисленным множеством истин, теснящихся в уме, как узнать ту, из которой развивается или должно быть развито беспредельное царство мысли? Решение сего вопроса сопряжено с величайшими затруднениями и бывает одною из причин разногласия умов на всех путях философского исследования. Всякая человеческая истина сама по себе, всегда многостороння, как обломок какого-либо вещества в калейдоскопе; она не может находиться па всех местах, в бесконечно различных отношениях и, смотря по тому, где находится, ведет к таким или другим результатам. Истины простой, безотносительной, или как говорят, абсолютной, человеку мыслить не в силах; а потому у него нет и быть не может истины в собственном смысле объективно — первой, из которой могла бы быть развита полная система мыслимого. Впрочем, нельзя сказать,, чтобы все объективные, или реальные истины в мыслящем субъекте имели равное достоинство: мы легко можем сортировать их и отдавать одним преимущество перед другими. Явно, что некоторые из них представляются нам более несомненными, а иные — менее; те совершенно ясны, эти довольно темны и неопределенны. Но такая оценка истины основывается не на них самих, а на присутствии их в нашем сознании. Все сознаваемое вернее того, что не сознается, а только выводится из сознаваемого; все очевидное в сознании вернее того, что существует в нем как будто под покровом — обоюдно, загадочно: вот обыкновенное наше основание для оценки истины! Таким образом, мы опять пришли к осознанию, но уже со стороны не субъекта, а объекта. Если же сознание должно быть мерою истины, то и свойства сознания как субъективной стороны начала философии не могут не участвовать в определении их достоинства: а потому *истину, представляющуюся в сознании первою, непосредственно известною, ясною и всеобщею, без всякого сомнения, надобно почитать объективною стороною начала философии.*

Итак, сознание, когда оно принимается за начало нашей науки, надобно разуметь конкретно, то есть, не отделять в нем психической силы от содержания: это требование тем законнее, что они и на самом деле никогда не отделяются *.

* Сознание в конкрете не есть синтез сознаваемых фактов. Синтезом некоторые называют только содержание сознания; а ког-

Библиотека "Руниверс"

Ибо что такое сознание, рассматриваемое само по себе, психологически? — сила без действия, бытие без жизни, чистая потенция субъекта. В человеке оно таким не бывает: в нем невозможно ни сознание без сознаваемого, ни сознаваемое без сознания; эти элементы, не соединяясь взаимно, не существуют для человека.

Если же сознание принимается у нас конкретно, то оно есть *единственное начало всего,* что человек мыслит, что чувствует, чего желает и к чему стремится; потому что сознание обнимает и усвояет все формы нашей жизни. В этом отношении оно имеет важное преимущество перед такими началами философии, которыми выражается какая-нибудь одна сторона нашего бытия. Известно, что начала чувства редко бывают в гармонии с законами ума; а начала ума не дают никакой цены внушениям чувства. Известно, также, что философы, основывавшиеся на началах умственных, выводили из них и правила нравственной деятельности, и религиозные стремления сердца, а потому лишали самостоятельности самое лучшее и благороднейшее в человеке. Эти противоречия и несообразности в основаниях, проистекающих из частных отраслей нашей жизни, примиряются сами собою в сознании, потому что сознание есть общее доказательство их бытия и общая порука за большую или меньшую очевидность их предписаний. В сознании нет исключений: все сознаваемое находится в нем и принадлежит ему как бытие действительное. Посему философия, основывающаяся на сознании, не может допускать монополии в человеческой природе, не может одним жертвовать для другого, неизъяснимое почитать призраком, или вообще быть одностороннею.

Но когда сознанием озаряются и движения чувства, и стремление духа, и избрания воли, и мышление рассудка, то явно, что оно есть *начало и познания, и бытия.* Сознание есть начало познания, потому что все факты нашей жизни, входя в его сферу, становятся равно предметами знания. Что бы мы ни сознавали — чувствования

да обращается внимание и на самое условие предполагаемого синтеза, то есть, на самое сознание, тогда это будет уже конкретность]. Впрочем, по нашему мнению, и сознаваемое не есть синтез, потому что связь между фактами сознания зависит не от самих фактов, а от сознания, поколику оно заключает их в себе как одно. Поэтому Круг неосновательно утверждает, что начало сознания требует анализа сознаваемых фактов. Философия, основывающаяся на этом начале, не видит еще синтеза, следовательно], должна прежде привести к нему частные факты в сознании.

Библиотека "Руниверс"

ли сердца, результаты ли ума, но как скоро что-нибудь и как-нибудь сознаем, то сознаваемое известным образом — уже знаем. Для сознания различие путей, которыми вошли в него те или другие истины, безразлично. Сознание есть также и начало бытия. Философы иногда старались исследовать бытие природы независимо от тех свойств ее, за действительность которых она сама ручается человеку посредством производимых на него впечатлений. Целью такого исследования было узнать природу саму в себе. Но сколь мало успеха могут иметь подобные усилия и как много в них гипотетического, доказано уже Кантом. И нужно ли искать вещь там, где она не существует непосредственно для человека, между тем как действительный мир, изменив только объективные условия бытия, сам собою входит в наше сознание и непрестанно живет в нем? Мы, по какой-то детской прихоти, не довольствуемся тем, что получаем без труда; чтобы бытие в глазах наших явилось бытием действительным, признаются необходимыми подвиги. Мы хотим насильно разоблачить природу, а природа добровольно разоблачает себя каждый день в содержании нашего мышления, наших чувствований, наших желаний и стремлений— в целом существе человека и вместе с содержанием их вносит свое бытие в область нашего сознания. Правда, в тесных пределах этой области она вполне вместиться не может; однако ж из того, что в них вмещается, возможен ход науки до самого ее святилища, возможно развитие бесконечного рода заключений — и чем далее будет простираться это развитие, тем обширнее сделается сфера сознания, подобно тому, как чем выше растет дерево, тем глубже и шире раскидывается *его* корень.

Если же сознание есть начало познания и бытия, то нельзя не почесть его *началом формально-реальным*. Было время, когда философию основывали большей частью на началах реальных. Человек старался изъяснять природу из собственных ее стремлений и искать ключа к ее тайникам в собственном ее недре. Отпечатленная таким характером философия быстро увеличивала свое содержание, непрестанно умножала в своей области сумму материалов и представляла уму всегда новые и новые вопросы для решения. Но между тем накоплявшиеся познания, будучи разнородны и не имея внутреннего единства, слабо держались на основаниях, то слишком частных, то не довольно определенных, и

Библиотека "Руниверс"

наука при малейшем внимании критика распадалась. Поэтому настало другое время, когда, следуя Канту, начали доказывать, что реальные начала философии никуда не годятся, что они оттеняются личным интересом мыслителя и потому не могут быть всеобщи, что они несовместимы с требованиями наукословной архитектоники и потому враждебны системе, что истинная и полная система может основываться только на начале формальном, которое так же неизменно и всеобще, как неизменен и всеобщ закон разума. Что ж отсюда вышло? Явилась философия и, изумив ученый мир строгостью своей методы и правильностью выводов, изумила его также своим бесплодием, своею сухостью и неприложимостью — стройным остовом из одних чисто логических понятий. Умы здравые видели эти крайности и чувствовали потребность в таком начале философии, которое было бы вместе и формальное, и реальное, но не находили его, потому что искали начала абсолютного по форме и содержанию. Рейнгольд, не обращавший внимания на это последнее условие, первый заметил его в сознании и, быв тогда защитником Кантова учения) старался приложить основоположение сознания (Bewusseinsatz) к теории представительной силы своего учителя. Можно вообразить, каков должен быть успех этого приложения. Чистый рационализм Канта, не дававший никакого участия фактической стороне сознания в деятельности рассудка, или, лучше сказать, фактическую его сторону производивший не из впечатлений внешней природы, натурально не гармонировал с началом Рейнгольда, а потому оно строгими последователями Кенигсбергского философа (особенно Кругом) было отвергнуто. Но мы не понимаем, как можно известное начало подчинять какому бы то ни было учению; по нашему мнению — наоборот, учение должно развиваться и зависеть от своего начала. Посему не приписывая никакой цены односторонним понятиям многих германских мыслителей об основоположении Рейнгольда, мы почитаем его весьма годным в науке — особенно потому, что оно есть начало формально-реальное. В самом деле, обращая внимание на субъективную, или психическую его сторону, мы ничего не видим в нем, кроме формы, выражаемой всеобщим положением: «Я сознаю». И эта форма тем важнее для науки, что зависит не от законов мышления, а от самого бытия субъекта, и служит как бы показателем его природы. Напротив, обращая вни-

Библиотека "Руниверс"

мание на объективную сторону или на содержание сознания, мы ничего не находим в нем, кроме реальности сознаваемого, которое постоянно и ближайшим образом свидетельствует человеку о бытии и свойствах природы. Правда, скажут, что наше начало в последнем отношении может быть различно у каждого мыслителя, потому что истины сознаваемые почти всегда носят частные оттенки лица; но когда они непосредственно присущи сознанию, то частных оттенков в них быть не можете потому что все, непосредственно известное, есть не произведение известной силы, а факт самой природы. Притом надобно же оставить человеку какое-нибудь основание для оразноображения науки. В царстве совершеннейшей гармонии монотония неуместна.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Печатается по изданию: Введение в философию: Сочинение профессора СПб духовной академии Карпова В. Н. СПб.: Б. и., 1840. С. 24—32, 45—66.

[2] ...хаос, чудовищная и беспорядочная груда
И ничего, кроме бесполезного груза и сваленных там же
Различных семян довольно несхожих вещей.

Библиотека "Руниверс"

Раздел VIII

ПЕТРАШЕВЦЫ

БУТАШЕВИЧ-ПЕТРАШЕВСКИЙ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

М. В. Буташевич-Петрашевский родился в 1821 г. в Петербурге в семье известного ученого, доктора медицины, участника Отечественной войны 1812 г. Одиннадцати лет его отдали в Александровский лицей, откуда за «либеральный образ мыслей» его выпустили с самым низшим XIV чином.

С 1840 г. М. В. Буташевич-Петрашевский служит переводчиком в департаменте внутренних сношений министерства иностранных дел и одновременно посещает лекции на юридическом факультете Петербургского университета, который заканчивает в 1841 г. со степенью кандидата права.

В 40-е годы происходит знакомство М. В. Буташевича-Петрашевского с произведениями французских социалистов-утопистов Фурье и Сен-Симона. Он много размышляет над проблемами общественного устройства, что нашло отражение в самом раннем его произведении «Май афоризмы, или обрывочные понятия мои обо всем, мною самим порожденные». В это время М. В. Буташевич-Петрашевский хлопочет об издании общественно-политического журнала.

С 1844 г. в его доме собирается прогрессивно мыслящая молодежь. Встречи происходят регулярно по пятницам и приобретают упорядоченный характер собраний единомышленников для изучения новейшей социалистической и философской литературы.

Члены кружка создали крупнейшую по тому времени библиотеку запрещенной литературы, заслушивали рефераты и доклады по социальным вопросам, обсуждали их.

Деятельность М. В. Буташевича-Петрашевского отмечена и практическими делами. Он принимал участие в выпуске прогрессивного «Карманного словаря ино-

Библиотека "Руниверс"

странных слов, вошедших в состав русского языка».

Спустя несколько лет «Карманный словарь» был запрещен и большая часть тиража второго выпуска была сожжена.

После ареста всех членов кружка 23 апреля 1849 г. Военно-судная комиссия приговорила М. В. Буташевича-Петрашевского к расстрелу. После инсценировки казни приговор был заменен бессрочной каторгой, которую он отбывал в Шилкинском заводе, а затем на Акатуе.

В 1856 г. Буташевич-Петрашевский выходит на поселение в Иркутск, где в 1857—1860 гг. сотрудничает в газетах «Иркутские губернские ведомости» и «Амур». И в Сибири он продолжает борьбу с царскими чиновниками, требует пересмотра своего дела, выступает в защиту местного населения. В 1860 г. из Иркутска его высылают в село Шушенское Минусинского округа.

Умер М. В. Буташевич- Петрашевский в 1866 г. в селе Вельском Енисейского округа.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Буташевич-Петрашевский М. В.* Мои афоризмы, или отрывочные понятия мои обо всем, мною самим порожденные; Запас общеполезного//Дело петрашевцев. М., 1937. Т. 1. С. 546—549.

2. *Буташевич-Петрашевский М. В.* О значении образования в отношении благосостояния общественного; Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: Выпуск второй; Проект об освобождении крестьян; Письма; Наброски речей; Объяснение о системе Фурье и о социализме; Показания // Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953. С. 113—473.

3. *Львов Ф. Н., Буташевич-Петрашевский М. В.* Записка о деле петрашевцев//Первые русские социалисты. М., 1984. С. 40—59.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Семевский В. И.* М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. М.: Задруга, 1922. Ч. 1. 218 с.

2. *Бешкин Г.* Идеи Фурье у Петрашевского и петрашевцев. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 76 с.

3. *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* Из истории раннего русского социализма: Буташевич-Петрашевский и Спешнев//Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. экономики, философии и права. 1966. Вып. 1. № 5. С. 54—64.

4. *Культиасов В. Б.* К вопросу о философской позиции М. В. Буташевича-Петрашевского // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. экономики, философии и права. 1969. Вып. 2. № 11. С. 68—75.

Библиотека "Руниверс"

КАРМАННЫЙ СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ, ВОШЕДШИХ В СОСТАВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Выпуск второй[1]

[. . .] МИСТИЦИЗМ[2] [. . .] мистицизмом называется целое учение, которого сущность заключается в убеждении в недостаточности обыкновенного пути познания (посредством анализа и синтеза) и в возможности другого, высшего познания, которое открывает нам мир тайны. Мистицизм в этом смысле есть величайшее заблуждение, существующее с незапамятной поры и более всего препятствующее успехам человеческого ума. Всего неосновательнее в нем то, что, отказываясь от обыкновенного пути разума, мистики хотят, чтобы мы считали в высшей степени разумным то, что создает их воображение, что не основано на опыте, что противоречит всем убеждениям разума. Нельзя не согласиться, что человеческое познание ограничено, как и все человеческое; но как бы ни был слаб наш разум, все-таки мы не можем иметь убеждений, противоречащих его доводам. Мистики сами не могут внутренно отказаться от этой мысли: чтоб доказать необходимость высшего познания и недостаточность обыкновенной деятельности разума, они сами же должны употребить то средство, которое так презирают: они должны *доказать* нам, что мы заблуждаемся, а чтоб доказать, надо употребить в дело разум, ибо иначе доказательство не может возникнуть. Из этого ясно, что мистицизм есть система нелепая и сама себе противоречащая. Господство же ее как в понятиях одного человека, так и в понятиях целого общества означает или неразвитие разума, или разрушение его. [...]

[...] МОДА. Свойство природы человеческой, многообразие ее требований, постоянное их развитие, неподавимое никакими формами общежития, хотя бы оно было основано на безусловных началах квиетизма[3], [. . .] побуждая человека к вечному прогрессу и движению, делает для него опостылыми издавна установленные формы быта общественного; заставляет его не довольствоваться однажды придуманными способами удовлетво-

Библиотека "Руниверс"

рения его потребностей, но заботиться непрестанно об отыскании новых, более соответственных с его природою; заставляет все смотреть с улыбкою презрения на все, освящаемое более стародавним преданием, чем живой, изменчивой потребностью минуты, глядеть на пережитое, как на несовременное, негодное, как на стеснительное для свободного развития его деятельности; побуждает его искать всего прекрасного в будущем и ждать всего хорошего в новом. [...]

Абсолютного тождества между людьми нет и быть не может, и общие требования природы человеческой в каждом индивидууме являются различными; по этому уже видно, что стремление к однообразию, *монотонности* [...] неестественно и что мод должно быть бесконечное множество по существу самой природы человеческой и что они должны не только изменяться соответственно с изменением общих требований человечества, но даже соответственно с требованиями отдельных лиц. Так что, собственно говоря, при настоящем развитии общественной жизни в странах действительно образованных каждый человек для полного и всестороннего развития своего должен необходимо руководствоваться собственным сознанием в избрании способов удовлетворения своих нужд и изменять их постоянно, соответственно развитию своих требований. Господство моды всемирно, власть ее проявляется и у народов, обреченных вечному застою (китайцев и т. п.) и неподвижности благодаря началам религиозным и политическим их общественного быта. Но истинной почвой, срединой[4] для проявления господства моды со всеми ее прихотливыми и разнообразными требованиями могут быть те общества, где промышленность достигла значительного развития, где творческая мысль человека покорила уже своей власти силы природы и сделала их покорными орудиями своего произвола, где все—металл, камень, огонь, воздух—привыкло менять свои первобытные формы на искусственные, чтоб только сделаться более способными к удовлетворению причудливых желаний человека. Степень бессознательной привязанности какого-либо народа к прежним формам одежды или быта общественного, отчуждение его от новизны и боязнь нововведений могут служить удостоверением незначительности его развития нравственного и промышленного и совершенного подчинения его духа грубой и животной материи.

Однообразие и тождество всего и во всем прямо

Библиотека "Руниверс"

противно жизненному принципу природы. Мода, побуждая человека не довольствоваться одними старыми формами, но жить, так сказать, общею совместною жизнью, поддерживает и развивает в нем благородное стремление к усовершенствованию, мирит с действительностью, заставляя его считать возможным осуществление абсолютно прекрасного в настоящей жизни. [...]

[. . .] МОНОГАМИЯ. Браком в естественных науках вообще называется соединение существ различных полов с целью произведения потомства. Форма брака, рассматриваемая в отношении к человеку как установление гражданское и положительное не повсеместно одна. И как установление формы его было более результатом столкновения случайностей, общественных, политических и экономических нужд известных народов и их религиозных предубеждений (как, напр[имер], у римлян, греков, евреев и т. п.) нежели делом полного сознания истинных потребностей природы человеческой, то мы находим во всех формах брака без различия, установленных положительно разными законодательствами, введение многих посторонних элементов, нимало не вытекающих из сущности брака и делающих этот священный союз *любви* (каким впервые бог провозгласил его) тривиальным орудием достижения разных побочных целей. Так что *любовь* — высокое правило, провозглашенное христианством для междучеловеческих отношений, а тем более для супружеских,— является почти совершенно позабытым и изгнанным в настоящих брачных отношениях, так что брак, рассматриваемый каким он является в жизни действительной, есть договор более соединения хозяйств, чем святого единения и осуществления слов, бога: и сего ради оставит человек отца своего и матерь и прилепится к жене своей и будет два в плоть едину (книга Бытия, гл. 2, ст. 24). Так что мы ни одну из положительно существующих форм брака не можем почесть удовлетворяющей рациональным требованиям природы человеческой, ибо при установлении ни в одной из них не было истинное знание природы биологических законов природы человеческой (да и самые эти знания не достигли полного совершенства) принято за положительное основание для точного определения естественных форм супружеских отношений. Все они, как не основанные на общем воззрении на сущность природы человеческой, грешат односторонностью и требуют взаимного дополнения и исправления. [...]

Библиотека "Руниверс"

[...] МОРАЛЬ. Принимая в смысле нравоучения, есть совокупность правил, признаваемых за истинные в известном обществе (или между последователями ее учения) и служащих для руководства при определении практической годности человеческих деяний. *Истинная мораль, или нравоучение одна; ею может быть названа только та, которая выводит свои положения не из многих предположений априорических,* по-видимому необходимых для успокоения духа человеческого, *но из опытного исследования природы человеческой и строгого анализа всех ее потребностей,*— та, которая, не отвергая ни одного из ее, по-видимому, противоположных, но тем не менее *нормальных [...]* требований, ставит в священную обязанность всякому человеку всестороннее их развитие. Таково должно быть истинное *человеческое* нравоучение. Но от него весьма далеко отстоит большая часть нравоучений, имеющих силу в различных обществах. Так, положительных моралей, или нравоучений, бесчисленное множество, и все они изменяются соответственно местным религиозным, политическим и социальным убеждениям и вообще направлению духа времени и общественного развития. Отличительная черта всех положительных нравоучений, *преимущественно основывающихся на религиозных учениях,* есть односторонность, или исключительность и *нетерпимость.* Главнейшие нравственные учения были: *рационализм, эвдемонизм, стоицизм, материализм, модерантизм* и др. [...]

[...] НАТУРАЛЬНЫЙ и НАТУРАЛЬНОСТЬ. Все явления в природе совершаются соответственно определенным законам. Законы эти для разных родов существ или предметов различны; этими-то, так сказать, специальными законами и определяются формы жизненного развития разных существ природы. Для означения соответственности их жизненного развития с таковыми специальными законами употребляются слова *натуральный* и *натуральность.* Первое выражает -собственно, что такой-то предмет соответствует вполне в формах своего развития этим законам, а второе означает вообще самую идею таковой соответственности, без отношения к какому-либо определенному предмету.

[...] НАТУРАЛЬНОЕ ПРАВО. Натуральным, или естественным, правом называется та наука, которая из начал чистого разума или идеи о справедливости выводит все права и обязанности человека как человека и как члена человеческого разумно основанного обще-

Библиотека “Руниверс”

ства. В этом смысле натуральное право противуполагается законодательству положительному, развившемуся под влиянием совершенно разнородных случайностей. У римлян содержанием праву натуральному (jus naturale) служило изложение тех требований природы человеческой, которые общи человеку с животными. Вообще основные начала натурального права, его определение, зависят от того понятия, которое имел писатель о натуральном, нормальном или естественном состоянии человечества [...], так что мы не можем указать ни на одно сочинение о натуральном праве, как на удовлетворяющее абсолютным требованиям разума. Одною из главных причин неразвития натурального права должно считать странное мнение: будто бы безусловное принятие законов правды и справедливости (без применения к личностям) при определении внешних форм междучеловеческих отношений неудобосогласимо с действительными интересами целого общества!? точно так, как и то мнение, что справедливость и истина никогда не может соделаться всеобщим достоянием человечества (духа человеческого) и что для счастья большинства людей невежество и заблуждения необходимы!! [...] Впрочем, для натурального права, в смысле науки, совершенно недостижимо до тех пор, пока будут в мире юридическом различаться обязанности юридические от нравственных; сила физического принуждения будет занимать место разумного убеждения, пока в основу его, равно как и всякого философского учения, не будет положено естествознание. Впрочем, и теперь некоторые положения натурального права можно считать абсолютно верными, как напр[имер], следующее: «что *человек имеет, подобно всякому другому существу, право* par le fait meme и *обязанность на жизнь,* которая для него, *как и для всего в природе,* состоит во всестороннем развитии, соответственно требованиям или законам его природы»; «что на человека самым *фактом его рождения возлагается прямая обязанность гармонического развития духа и материи»; «что жизнь человека всегда и везде и для всех безусловно священна»;* «что всякое благоустроенное общество должно стремиться к тому, чтоб не было никакого противоречия или разногласия между интересами различных его членов, чтоб не Геллерово: bellum omnium contra omnes[5], т. е. не вражда всех противу каждого, но *общее и единодушное стремление всех содействовать к полному благосостоянию ... каждого было бы общим законом для*

Библиотека "Руниверс"

всех гражданственных отношений и чтоб самое общество было практическим осуществлением завета братской любви и общения, оставленного нам спасителем; одним словом, чтоб каждый сознательно *полюбил ближнего, как самого себя.* Так тождественны истины положительной философии с истинным учением религии! [...] Еще важнее попытки новейших мыслителей[6] установить его безусловно на началах разума, без всякого отношения к известным и определенным формам государственного и общественного быта, и даже из начал его определить самые формы оного. Они признают вообще необходимость общежития, общественности и общежительности (societe, sociabilite, socialite), а государство, каким оно является в настоящее время у народов образованных, считают формой быта общественного сравнительно совершеннейшей с другими формами, предшествовавшими государству в историческом порядке развития человечества— как, напр[имер], варварством, патриархальностью,— но не считают его достигшим полного своего развития, ибо оно еще не доставляет человеку вполне всех способов удовлетворения разнообразных требований его природы вследствие самой неполноты развития различных основных элементов государственной жизни, как, напр [имер], промышленности, образованности, общественности, публичности[7] и солидарности всех интересов.

[...] НАТУРАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ. Это выражение вообще употребляется для означения состояния какого-либо предмета, соответственно с законами его природы. В этих случаях оно заменяет слова *природный* и *естественный.* В смысле более тесном выражение «натуральное состояние» употребляют для означения *естественного и первобытного состояния человечества [...]* Нам, их потомкам, разубежденным действительностью и опытами в их заблуждениях, может показаться смешным то, что они, худо поместив их идеал благосостояния человеческого, хотели поместить в рамки прошедшего грядущее развитие человечества, влить живое и живущее своей органической жизнью в мертвые формы отжившего, приняли мертвое за тип совершенства для всего одаренного жизнью. Они забыли, что в природе ни для чего Эет полных повторений, нет воскрешения, полного воспроизведения форм, однажды отбывших свою череду. К распространению таковго понятия о натуральном состоянии человечества всего более содействовал Ж- Ж. Руссо. [...]

Библиотека "Руниверс"

[...] Жизнь всего в природе обнаруживается и действительно состоит в беспрерывном преобразовании внешних форм, замене одних явлений другими. В этом смысле все, одинаково мыслящие с Руссо, правы, утверждая, что *преобразование общественного быта соответственно требованиям природы человека* безусловно нужно и что оно действительно постепенно происходит вследствие самого развития общественого быта и совершение этих преобразований в нем есть sine qua non[8] для самого его существования. Но они неправы в том отношении, что утверждали, будто бы тип, идеал, первообраз общественного благоустройства и человеческого счастья должно искать в мире прошедшего, а не в будущем. [...]

НАТУРАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ —иначе *философия природы.* Введение этого названия, как бы для означения особой науки, принадлежит Ньютону. Эта наука уже предполагает заранее установившимся правильное философское воззрение на природу [...]; собственно говоря, философия природы есть не что иное, как всестороннее, систематическое представление или стройное прослежение этого воззрения на природу во всех ее явлениях, или *наука о природе* в обширном значении этого слова. В этом смысле оно противуполагается простому, наглядному, эмпирическому ведению природы и вмещает в себе самую философию. [...]

[...] НАЦИЯ. [...] Всякий народ или нация, рассматриваемая с гуманной точки зрения, является в тех же отношениях к целому человечеству, как вид — в отношении к роду, и только постепенно развиваясь, т. е. -, *утрачивая свои индивидуальные, частные признаки или' прирожденные свойства, он может стать на высоту чело-, вечественного, космополитического развития^* (s'elever' au degre du perfectionnement humanitaire), тогда только может настать для него время постижения общечелове-- ческих интересов, тогда только развитие его жизненных? сил будет совершаться гармонически с требованиями це-? лого человечества. Тогда только может какой-либо на» род внести свою собственную лепту в сокровищницу! человеческих знаний, дать самодеятельный толчок обще-' человеческому развитию, когда будет им усвоена» вме^' стится в нем совершенно вся предшествовавшая образованность и будут поняты все интересы жившего *по* него человечества и пережиты им все его страдания" путем собственного тяжелого опыта. В этом смысле

Библиотека "Руниверс"

Россию и русских ждет высокая и великая будущность.

[...] НЕОЛОГИЯ. [...] И не стратегии и тактике Наполеона, а силе сжатого пара суждено преобразовать землю и возвысить человечество! [...]

[...] Развитие жизни в природе постоянно вносило в мир явлений действительных новые, сравнительно лучшие и совершеннейшие формы для своего обнаружения, [...] *беспрерывность нововведений, новизны, нововводительства была внешним выражением жизненного принципа в природе и что жизнь сама в себе есть не что иное, как ежемгновенная неология.* Остановись это преобразование, эта замена одних форм обнаружения жизни другими, прекратись неология,— тогда помертвение будет уделом всего сущего. Если для жизни природы безорудной sine qua non[10] будет беспрерывное изменение ее форм или внешних знаков ее обнаружения, то *этот общий закон преобразования* форм будет иметь еще большее значение относительно разумной стороны человека, наиполнейшее свое обнаружение он должен и будет иметь в сфере человеческого мышления и творчества в обширном значе* нии этого слова.

Язык вообще как совокупность известных знаков, принятых для обозначения определенных проявлений или требований, как духовных, так и материальных, природы человеческой, должен неизбежно подчиняться сему закону и органически развиваться соответственно развитию человечества. Высший идеал, к практическому осуществлению которого следует стремиться языку как знаку, как материальной оболочке мысли — *это точная и верная дагерротипировка* мысли во всех ее многообразных изгибах и положениях, столь совершенная и полная, чтоб форма являлась вполне соответствующей содержанию, так, чтоб при виде ее не оставалось никакого недомека" в самом содержании. Развитие нравственное, промышленное и политическое какого-либо народа, братское и дружественное его общение с другими народами необходимо вносят в средину его вседневного быта (общественного) новые потребности, для обозначения которых, как фактов действительных, безусловно необходимо введение в язык новых слов. f...]

[...] НЕОХРИСТИАНИЗМ. [...] Религия не есть явление случайное, но необходимое и неизбежное в разумной жизни человечества, не выдумка чьего-либо досужего воображения, но *выражение действительного требования определения причинности явлений; она есть не что иное,*

Библиотека "Руниверс"

как миросозерцание, соответствующее различным степеням умственного развития различных народов. Этому общему закону органического развития подчиняется также и христианство как нраво- и вероучение. Основная идея христианства — *любовь,* выразившаяся в этих многознаменательных словах Христа: *возлюби ближнего, как самого себя,—* подобно всякой другой идее, являющейся практической формулой для определения разнообразных отношений жизни общественной в известном обществе, должна была подчиниться общему закону органического развития; значение и практическое действие этой идеи должно сохранять до тех пор всю целостность, пока все возможные выводы из нее не будут проверены действительной практикой и пока все постороннее, примешанное к основному догмату, не будет от него отделено путем сознательного анализа и опыта. И только потом может начаться круг действий *другой, новой и более разумной идеи.* Проникновение общества идеей христианства, или любви, совершалось медленно и постепенно, пока, наконец, не достигло оно полноты и не проявилось, по мнению неологов, в неохристианизме. [...]

[...] НОРМАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ. [...] Выражение «нормальное состояние» во многих новейших философских сочинениях, особенно социальных, употребляется как техническое для обозначения *нормальности развития общества, человека, человечества.*

Нормально развитым человеком обыкновенно называют того, в котором все силы его природы, все страсти, гармонически развитые, являясь вполне свободно-деятельными, пробуждая его к деятельности, непосредственно ведут его к исполнению его высокого назначения. Таково нормальное развитие, всего менее зависящее от лица, им пользующегося, всегда предполагает определенную массу средств, доставленную обществом для удовлетворения нужд человека (minimum de l'existence), без которой акт его жизни или жизненного развития являлся невозможным, так что нормальность развития или нормальное состояние человека находится не только в связи, но и в полной зависимости от нормальности развития самого общества.

Нормально развитым, или благоустроенным, *обществом—* обществом, находящимся в нормальном состоянии,— будет то, которое *доставляет всякому из членов своих средства для удовлетворения их нужд пропорционально потребностям* и поставляет всякого человека в

Библиотека "Руниверс"

такое положение или отношение к целому обществу, что он, предаваясь вполне влечению естественных своих побуждений, нисколько не может нарушать гармонии общественных отношений, но будет деятелем, не только полезным самому себе, но и целому обществу без самозаклания личности.

Человечество тогда только можно почесть достигшим *нормального развития* или *состояния,* когда дух единства и единения проникнет всех людей...[11] и будет едино стадо и един пастырь (ев. Иоан., гл. 10, ст. 16)[12]. Когда физические и нравственные силы отдельного человека достигнут апогея их возможного развития и для человека вообще настанет пора самосознания, самозакония, общности и общительности; когда человек войдет в непосредственное общение с природою и *все люди в совокупности явятся полными властелинами* живых и действующих сил ее *(земли),* и они будут покорными орудиями человеческого произвола; когда все, что считается трудом удручающим, отвратительным... обратится в *источник непосредственного наслаждения жизнью*. . . . . .

13

[...] НОВАТОРСТВО. [...] Масса действующих сил в природе от вечности постоянно одна; разнообразие явлений, в ней замечаемое, есть не что иное, как произведение многоразличной комбинации этих постоянно действующих сил природы. Эти положения новейшая наука признала истинными и положила в основу своего миросозерцания. Из них прямым выводом будет утверждение, что в природе нет и не может быть ничего совершенно нового, то есть такого, чего прежде не существовало под другими формами, и что все вообще изменения природы (состоя в перестановке действующих сил) имеют значение только относительно известных, определенных точек мироздания, мысленно принятых за неподвижные и за точки опоры для обозрения мира и его явлений. [...]

[...] Чем полнее, рациональнее будет акт новаторства, чем наибольшее количество действующих сил в природе обнимет он и приведет в движение, тем многообразнее может быть и будет сочетание действующих сил, тем чудеснее, поразительнее и разнообразнее должны быть результаты новаторства, тем наибольшее противодействие он должен встретить в прежде установившемся сочетании сил. Чем важнее будет новаторство в сфере быта общественного, тем большее количество интересов оно должно потрясти, тем наибольшую реакцию встретить

23 Заказ 263

Библиотека "Руниверс"

в нравах общественных, так что сила противудействия новаторству будет находиться в прямом отношении к его полезности. Примером новаторства истинно социального может служить реформа Петра I. [...] Примером смелого новаторства в быте общественном могут служить системы Овена[и], Сен-Симона, Фурье, где аналитическая мысль, с большей или меньшей точностью пройдя по всем составам общественного организма, пыталась вычислить все, даже сколько биений потребно в секунду для правильности и нормальности его отправлений.

[...] НОВАЦИЯ. [.. •] Иногда *новацию* (обновление) употребляют вместо *реформа* (изменение), но этим отнюдь нельзя заменить *революцию* (преобразование); ибо понятие, представляемое словом «новация» — «новление» и «подновление», заключает в себе представление об изменении или преобразовании, произведенном в данном предмете с целию привести его в прежнее *нормальное положение* [...] и чрез то увеличить его прочность и срок его целесообразного существования. Действительно, в идее реформы также заключается представление об известном преобразовании, менее касающемся основных, существенных начал какого-либо общественного учреждения, нежели второстепенных, т. е. о преобразовании форм, а не сущности.

[...] ОБСКУРАНТИЗМ[15]. В человеке или для человека полнота и степень совершенства знания и самосознания есть основа и залог его действительного могущества. Без всезнания всемогущество неудобомыслимо. [...] Отсутствие *солидарности* [...] в жизни общественной, раздельность и противоположность интересов отдельных лиц были главными возбудителями эгоистических стремлений в сердце человеческом. Эгоизм не замедлил внушить людям мысль о обращении знания исключительно в пользу своей личности и важность его утайки от других. [...] От сознания или уверенности, что знание есть основа могущества человека, легко сделать заключение, что его следует скрывать, дабы другие чрез его приобретение не сделались тоже могущественными и не получили возможности быть для доставателей им могущества (знания) гибельными чрез это самое могущество. [...] Обскурантизм вообще составляет важную составную часть во всяком религиозном или теократическом властительстве, или правлении: примером этому могут служить египтяне и другие народы древнего и нового мира (ламаизм, Китай). [...]

Библиотека "Руниверс"

Новейший обскурантизм, подобно древнему, считает образованность тайной монополией, которой подобает исключительно пользоваться тесному кругу счастливцев, избранных, а что народ следует оставить в совершенном неразумии и неразумении всего того, что может касаться его интересов. [...] Обскурантам кажется почетнее владычествовать над рабами и кретинами, чем над действительными людьми, одаренными сознанием. Тщетно им представлять в пример императора Максимилиана, поставлявшего свою славу в управлении и властвовании над людьми самостоятельными и сознающими свое человеческое достоинство.

Обскурантизм является достойным соперником иезуитизма на поприще подавления в человеке разумности!. [...] Он-хитро простирает свою власть на все и всех без различия полов, вероисповеданий, спешит всем воспользоваться и действует как случится — тайно или открыто чрез посредство выставленных им иногда важных лиц, которые очень часто вовсе и не подозревают своего подчинения влиянию партии обскурантистов. Обскурантизм, стараясь поражать разумность в самом источнике, прибегает к различным средствам: в одних развивает воображение без соответственного развития умственных способностей и готовит их в восторженные фанатики. Опасных по своей силе поборников истины он старается или приобрести к себе деньгами; в случае неудачи такой попытки он пытается уронить людей, не продающих свои убеждения, в общественном мнении, объявляет их и вообще всякого мыслящего человека рушителем общественного спокойствия. Одним из могущественных способов его действования на всех людей вообще должно признать его старание убить в людях всякое стремление к развитию и уверенность в его возможности. Для сего он твердит о необходимости нравственного уничижения Selbstvernichtung, об ограниченности ума человеческого, о неверности его суждений и повергает людей, незнакомых с законами их духовной жизни, в бесплодный скептицизм относительно верности восприятия ощущений. Иногда удается убить в своих жертвах всякое побуждение к мышлению и исследованию природы. [...]

В сфере общественного образования он проявляется гонением на философию и вообще на все те науки, где может и должен вообще рассматриваться человек как человек, без отношения ко времени и месту, и где показывается *солидарность* [...], зависимость благосостоя-

Библиотека "Руниверс"

ния частного от общего и наоборот, и на все то, что убеждает человека в необходимости дружеского, братского между собой общения. [...]

[. . .] ОДА[16]. [...] На пути всякого развития необходимы крайности: мысль, пока она не обошла своего предмета со всех сторон, попеременно увлекается то той» то другой стороной; в этих-то уклонениях и состоит процесс развития. В первый период жизни неделимого общества или целого человечества чувство, не сдержанное мыслию и усиленное фантазиею, царствует вполне. Весь мир, еще неузнанный, непостигнутый, следовательно, полный чудес, поражает воображение и сильно возбуждает чувство. Порыв взволнованного чувства изливается из души свободно, горячею струею. И все, каждый неделимый предмет, каждое отдельное явление в тот период может быть источником такого сердечного излияния, предметом первобытной, естественной оды.

Далее пробуждается мышление: отдельные предметы и частные явления обобщаются, возводятся в отвлеченные понятия. Воображение, освещенное мыслию, поражается реже, ибо бесконечное множество предметов и явлений, сливаясь в понятия, так сказать, входят в определенные сферы. Естественно, что в дальнейшем ходе по этому пути мысль временно должна была увлечься в синтетическую крайность, впасть в так называемые «общие места». А между тем первый шаг ее деятельности отозвался везде, следовательно, и на произведениях слова: свободные создания воображения частных личностей возводятся в общие понятия, образуются роды словесных произведений и их теории. Но и здесь — тот же закон уклонения: создание мысли — теория, переходя в крайность, превращается в догматику, в неподвижные правила. [...]

Но мысль по существу своему не может оставаться в покое. Она, наконец, отказывается от невозможного, спускается на землю и принимается за строгий разбор того, что ей доступно, что у ней, так сказать, под руками. Это — период разумно-положительный, период анализа. Перед силой анализа рушатся прежде установленные начала; авторитет, общие места, догматика исчезают. Вера остается за тем, что разобрал и одобрил разум; восторг возбуждается тем, чем сознательно поражен разум. Недоступного уже нет для мысли: для нее осталось одно чудо — «начало всех начал», но она от исследования его отказалась однажды навсегда; все-

Библиотека "Руниверс"

же прочее ей доступно, доступно ее разбору. Как бы ни было материально громадно явление, разум отыщет его исходный пункт, разложит на составные начала — и громада распадается. События, деяния человеческие тогда только поразят мысль и пробудят восторг, если в них лежит глубоко разумное начало. [...]

[...] ОППОЗИЦИЯ. [...] Она *есть явление, необходимое при всякой форме быта общественного,* ибо она есть не что иное сама в себе, как *обнаружение в мире нравственном общего закона противудействия сил, под условием воздействия или взаимодействия которых совершается развитие всех форм бытия в природе.* Мы не можем указать на земле ни на одно человеческое общество, в котором элементы жизни общественной не находились бы между собой в дисгармонии и которое бы не представляло собою картину хаотического состояния мироздания, в которой все было бы делом божественной любви и святого общения, а не борьбы и вражды всего противу всего и всех. Отсутствие *солидарности [.. .]* интересов — причина такой ненормальности. Анализируя постепенное развитие жизни общественной и общительности (sociabilite), мы находим постоянную замену одних интересов другими, появление новых требований рядом с небывалыми до сего способами их удовлетворения. Цель этой борьбы, этого движения — все та же: развитие, *прогресс* [...], но характер и свойство употребляемых средств для достижения этой цели изменяется по мере улучшения быта общественного и исправления в духе безусловной, а не кастической справедливости установлений общественных. Прежде оппозиция — при неразвитии общественности *(социальности)* и *публичности [. ..]* — проявлялась у многих народов кроваво и не без некоторого величия, ибо для иных без потоков крови нет величия и величества. [...]

Высокое преимущество новейших обществ состоит в том, что в них чрез признание *оппозиции законной* для развития человечества, для торжества истины, разума не нужно того, что бывало некогда, напр[имер], в древнем Риме, где идеи христианства, этого высокого учения *всеобщей любви, получили свое господство только чрез кровопролитие! [. . .]*

[...] ОРАТОР. •[...] Слово как орудие, как средство для выражения мысли, т. е. разумности, получило должное значение в обществе. В том только может быть развитым дар слова, чья жизнь полнее, богаче и разно-

Библиотека "Руниверс"

образнее, т. е. в ком происходит более явлений. Слово есть не что иное, как средство, как орудие для внешнего выражения или осязательного обнаружения таковых внутренних явлений природы человеческой. Знак может быть только для чего-нибудь; в природе, среди мировой жизни нет отрицания, но только есть постоянное утверждение и положительность. Знака для «ничего» не может быть ни в природе, ни в мысли человека. Слово как знак может означать только то, что вошло в сферу внутренней жизни человека, и поэтому, разумеется, чем больше понято, чем больше перечувствовано, чем больше узнано и познано, тем значительнее будет запас для словесного обнаружения. Тот только может говорить, у кого есть что выразить, есть что сказать. [...]

ОРАТОРСТВО. [...] *Человеку,* взятому в отдельности, почти ничего невозможно совершить, *но все возможно* совершить в *обществе и обществом. [...]*

Человек как индивидуум, поставленный лицом к лицу с природою, ничтожен. Человек же как род могуч, и одна только неизменяемость законов природы может быть гранью для его *самозаконного* развития. Для него как для существа разумного, как обладающего сознанием законов природы, в *мироздании нет ничего неподчинимого, нет ничего [сверхъестественного], такого, чего бы не заключалось в его природе и из нее не развивалось:* он сам для себя и микрокосм и макрокосм. [...]

Для явления чего бы то ни было необыкновенного среди мировой жизни, среди жизни общественной потребно особенное, новое и небьюалое сочетание действующих сил или обстоятельств, приводящих в гальваническое сотрясение все жизненные элементы. Только в часы великих потрясений, переворотов, торжеств или бедствий общественных, когда перестала преобладать инерция, когда все соки общественной жизни пришли в воспроизводительное брожение, тогда только возможно явление оратора — глашатая истин и нужд общественных, тогда только он может надеяться всяким звуком своего голоса возбуждать сочувствие в своих слушателях. Тогда только, когда обстоятельства этого требуют, может явиться он высоким и великим! [...]

[...] ОРГАНИЧЕСКАЯ ЭПОХА. [...] Все критические эпохи [...] как в науке, так и в жизни суть эпохи антагонизма, противоречия, противоборства новых требований и способов их удовлетворения со старыми, эпохи переходного состояния. В .эти эпохи господствует

Библиотека "Руниверс"

скептицизм [...], сомнение и равнодушие к разрешению этих проблем. Одним словом, всегда, когда разрешаются задачи общественные, тогда начинаются эпохи *органические;* когда же нет общего, удовлетворительного для современников разрешения этих вопросов, тогда бывает эпоха *критическая.*

В *органические эпохи* цель общественной деятельности ясно определяется, и все усилия, как мы выше сказали, направляются к исполнению этой цели, к осуществлению которой люди постоянно направляются в течение всей их жизни воспитанием и законодательством. Общечеловеческие отношения установлены законом, обычаем, откровением, отношения же отдельных лиц определены тоже по ним. Задача, цель, которую имеет в виду осуществить общество, ясно разумению всякого, и, одним словом, *гармония* царствует во всех общественных отправлениях и отношениях...

Эпоха *критическая* представляет совершенно противоположные явления. В начале ее замечается совокупность в деятельности разных членов общества, устанавливаемая всеобщей попыткой разрушить созданное деятельностью прежней эпохи. Разница в основе этих стремлений не замедлит, однако, обнаружиться, и скоро каждый из действовавших в этом направлении начинает заботиться только об усвоении себе части разрушающегося общественного организма. Тогда совершенно утрачивается сознание цели общественной деятельности, имевшее место в прежнюю эпоху, равно как и сознание законности власти или, точнее сказать, законности основания власти тех, которым она принадлежит de facto [...] Такой же антагонизм является между интересами общественными и частными, ежеминутно получающими преобладание над интересами общими; и *человек, перестав признавать справедливыми формы своих отношений к существам, ему подобным, к целой вселенной, переходит к сомнению, а от сомнения — к отрицанию прежних своих верований. [...]*

ОРГАНИЧЕСКИЙ. ОРГАНИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО. ОРГАНИЧЕСКОЕ ТЕЛО. ОРГАНИЗМ. ОРГАНИЗАЦИЯ. Слово *органический* употребляется вообще как эпитет для обозначения существ, одаренных органами. В этом смысле оно может быть без ошибки употреблено для обозначения всех существ царства растительного и животного, начиная с чахоточного, ползучего мха, лепящегося на склоне камня, и восходя до человека — со-

Библиотека "Руниверс"

вершеннейшего произведения творческой всемогущей силы природы, для которого по его сознательности нет ничего не подчинимого в видимом мире. [...]

В человеке на высшей степени его органического развития действие на него внешнего мира является уравновешенным с воздействием его на внешний мир, и он чрез то может явиться, является и со временем, чрез сознание мировых законов, *должен вполне соделаться властелином и устроителем всей видимой природы, в которой нет ничего ему неподчинимого как сознательному и самосознающему началу творческой деятельности.* С своей же стороны природа и законы необходимости являются его властителями и определителями. В человеке, обладающем самосознанием, вся природа является отраженною, как в микрокосме, и все ее жизненные силы — уравновешенными, как в высшем звене или венце ее зиждительной производительности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В «Карманном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (Вып. 2. Издан в 1846 г.) редакция и большая часть статей, как считают, принадлежит самому М. В. Буташевичу-Петрашевскому. Из двухтысячного тиража 1599 экземпляров было конфисковано и в 1853 г. сожжено. Публикуется с сокращениями по кн.: Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. С. 125—126, 146—147, 149—151, 159—160, 165, 184—191, 192—193, 214—215, 221, 238—239, 247—248, 250, 257—261, 268—269, 297—298, 315, 319—323, 340—342.

[2] Есть предположение, что статья написана В. Н. Майковым.

[3] *Квиетизм* — религиозное учение, проповедующее пассивное подчинение воле бога, бездействие.

[4] Здесь: средой.

[5] «Война всех против всех». Это выражение принадлежит Гоббсу.

[6] Имеются в виду утопические социалисты.

[7] Здесь: демократизма.

[8] Необходимое условие.

[9] Термин «космополитизм» употребляется Петрашевским в смысле «интернационализм» и «гуманизм».

[10] Необходимое условие.

[11] Здесь пропуск текста в издании 1846 г.

[12] Имеется в виду Евангелие от Иоанна.

[13] Здесь пропуск текста в издании 1846 г.

[14] Оуэна.

[15] Статья «Обскурантизм» в «Карманный словарь иностранных-, слов» не вошла. Она была обнаружена жандармами у Петрашевского во время обыска.

[16] Есть предположение, что статья написана В. Н. Майковым.

Библиотека "Руниверс"

СПЕШНЕВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Н. А. Спешнев родился в 1821 г. в богатой помещичьей семье. Воспитывался в частном пансионе Журдана в Петербурге, затем в Александровском лицее, где учился одновременно с М. В. Буташевичем-Петрашевским. Однако курса он не закончил: в апреле 1839 г. из-за конфликта с преподавателями из лицея его исключили. Несколько лет Н. А. Спешнев был вольнослушателем восточного факультета Петербургского университета.

С 1842 по 1846 гг. он жил за границей. Это был период интенсивных занятий Н. А. Спешнева: он изучает историю раннего христианства, социалистические учения Нового времени, немецкую классическую философию. В Париже, по некоторым предположениям, он встречался с К. Марксом.

Вернувшись в Петербург, Н. А. Спешнев с начала 1847 г. начинает посещать «пятницы» Буташевича-Петрашевского, бывает в кружках Н. С. Кашкина, С.Ф.Дурова, на собраниях у А. Н. Плещеева. Он был одним из самых радикальных петрашевцев, высказывался за создание тайной революционной организации и подпольной типографии. Для нее он вм.есте с П. Н. Филипповым приобрел оборудование.

Как и другие петрашевцы, Н. А. Спешнев был арестован ночью 23 апреля 1849 г. Суд приговорил его к смертной казни, которую заменили десятью годами каторги. На другой день после инсценировки казни Н. А. Спешнева отправили в Сибирь. Каторгу он отбывал в Александровском заводе. На поселение вышел в 1856 г. и служил вначале в Забайкальском, а затем в Главном управлении Восточной Сибири. По ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири Н. А. Спешнева назначают начальником газетного стола Иркутского губернского управления. Спустя год он стал одним из организаторов и редактором «Иркутских губернских ве-

Библиотека "Руниверс"

домостей» (1857—1859), где благодаря его содействию сотрудничали некоторые декабристы и петрашевцы.

В 1859 г. Н. А. Спешнев становится начальником походной канцелярии Н. Н. Муравьева и совершает с ним поездки по Сибири, Китаю и Японии.

В 1860 г. ему возвращают дворянство и разрешают поселиться в Центральной России. С этого времени Н. А. Спешнев живет в своем имении в Псковской губернии, участвуя как мировой судья, гласный уездного земского собрания в общественной деятельности. После реформы 1861 г. он отдал крестьянам часть своего имения.

Умер Н. А. Спешнев в 1882 г. в Петербурге.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Спешнев Н. А.* Письма к К. Э. Хоецкому; Проект обязательной подписки для членов тайного общества // Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953. С. 477—504.

2. *Спешнев Н. А.* Философские рассуждения // Петрашевцы об атеизме, религии и церкви. М., 1986. С. 150;—173.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лейкина В. Р.* Петрашевец Н. А. Спешнев//Былое. 1924. № 25. С. 12—31.

2. *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* Из истории раннего русского социализма: Буташевич-Петрашевский и Спешнев // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. экономики, философии и права. 1966. Вып. 1. № 5. С. 54—64.

Библиотека "Руниверс"

[ФИЛОСОФСКИЕ РАССУЖДЕНИЯ] [1]

[Рассуждение первое]

Каменьский[2] считает, что нельзя хорошо понять вещи, если не представлять их себе сначала как следствия, результаты. Весь видимый мир, вообще весь ощущаемый мир есть не что иное, как результат. Понимать — это значит знать закон процесса развития, а не знать закон процесса развития — значит не понимать. Это естественно вытекает из того, что он всюду превозносит философское понимание как единственное истинное понимание, которое для него состоит в том, что мы понимаем закон, в силу которого вещи происходят из абсолюта. Он заявляет, что всякая вещь есть не что иное, как форма, основание абсолюта, причем абсолют есть корень основания бытия, содержание всех вещей, что сводится к следующему: все вещи суть не что иное, как действие абсолюта, результат его, не происходят ни от чего, кроме как от единого сущего, от чего-то такого, что мы называем абсолютом [...]

[...] Говоря в таком духе, мы назовем причину всех вещей абсолютом. Абсолют есть, следовательно, основание всего, и все есть продукт абсолюта. Но не нужно особенно напрягать внимание для того, чтобы заметить, что сама эта фраза является не простым определением, но выводом, сделанным посредством воображения из гипотез, которые вам предлагают, а именно предполагается: 1) что вы знаете все существующие вещи; 2) что вы убеждены и можете это доказать, что они все только продукт, результат, что они не всегда существовали; 3) что они могут иметь только одно-единственное основание своего существования, а не две, три или четыре причины, соединенные вместе или порознь одна с другой. Все эти причины, которые невозможно объяснить, являются совершенно несостоятельными гипотезами.

(Всякая метафизика имеет в своем основании недоказанные и недоказуемые гипотезы. Всякая метафизи-

Библиотека "Руниверс"

ка стремится не изучить мир, а вообразить себе его ход развития. Всякая метафизика думает, что вывести все абстрактные построения из одного произвольного принципа — это значит *доказать* не только истинность гипотез, на которых покоится этот принцип, но и доказать, что этот принцип действительно является правильным пониманием реальности, реальной вещи, существующей, хотя и совершенно невидимой. В то время как, согласно логике, выводить из гипотезы — это ни в коем случае не значит доказывать, а только поэтизировать. В выводах не больше истины, чем в принципе, и, они, несмотря на свое разнообразие, ни в коем случае не могут превратить гипотезу, из которой они исходят, в теорему или аксиому. Вообще метафизика понимает под «доказательством» нечто совершенно другое, чем то, что понимают под этим точные науки, логика и большинство людей. Всякая метафизика принимает абстрагирующую силу ума за шестое чувство, за *второе зрение,* которое открывает новый мир и делает новые открытия. Она создает другой мир наряду с реальным миром, она, следовательно, идеалистична и поэтична. Всякая метафизика полагает, что закон хода развития реального мира является обратным абстрагирующему закону ума; это значит, что концепция или абстракция более простая и более бедная определениями противопоставляется более сложной и более богатой определениями. Вся метафизика боится реальности — она считает действительной реальностью не вещь, а сущность, идею и т. д.). Реальный мир есть для нее великий маскарад, а ее фантастический мир — истинная реальность. Все это прямо противоположно здравому смыслу. Всякая метафизика принимает качества вещей за реальные сущности, воплощенные в вещах, почти за их химические элементы. Всякая метафизика есть поэма, подавленная дедуктивной логикой и фантастической химией. Она достаточно двусмысленна, не являясь ни чистой поэзией, ни положительной наукой, которая обязана своим происхождением и существованием ненасытному стремлению человека к познанию. Не имея еще возможности все знать точно, она обманывает свое стремление, принимая вместо истин гипотезы, подобно тому как заглушают боль посредством паллиатива. [...]

[...] Автор, будучи крайним спиритуалистом, рассматривает материю свысока, а *материальное* действие — как жестокую необходимость, почти как жестокую не-

Библиотека "Руниверс"

обходимость, и он никогда не поймет абсолюта, который творит только материю.

Если это определение абсолюта, его тезис о законе абсолюта, было получено априори, а не выведено из эмпирического познания истории, то почему же он должен останавливаться перед тем, чтобы допустить то же самое для абсолюта — природы и ожидать от опыта его подтверждения? Исторический закон соединения людей — это такой закон, который можно постигнуть только апостериори, путем изучения истории, тогда как априори, даже если не допускать силу без закона, а сознание без цели, можно прийти только к общим фразам, вроде следующих: эта сила должна иметь закон, это творение — свою цель, но какую именно? Ответ дает только опыт. [...]

[...] Для положительного человека всякая метафизическая система никогда не может быть ничем иным, как поэмой, гипотезой, возможностью. Для метафизической головы всякая система, которая не объясняет всего происхождения всех вещей, ничего не стоит. И я удивляюсь, почему автор, будучи метафизиком, не применил к своей концепции абсолюта *ту* меру, которую он применил к концепции абсолюта, созидающего только самого себя.

* * *

Но пройдем легко, как это делает автор, мимо этих трудностей и ограничимся человеческим миром, единственным, который автор понял, как он полагает, до конца, единственным, который он, быть может, изучил.

Мы еще находимся в довольно широкой сфере. Вы все ее знаете, это сфера науки, искусства, промышленности, социальных форм, сфера ума, воображения, труда, истории, мир человеческого творчества, который далек от того, чтобы быть законченным, который в общем увеличивается и развивается, хотя и медленно, на мой взгляд. Мы не знаем положительно его начала, но мы знаем имена десятков людей, которые двинули вперед и науку, и промышленность, и общество до такого состояния, в котором они находятся сейчас,— мы знаем имена Коперника, Галилея, Кеплера, Ньютона, Гершеля, Колумба, Кука, Дженера, Дэви, Уатта, Фультона, Евклида, Архимеда, Лавуазье, Шекспира, Гете, Шилле-

Библиотека "Руниверс"

ра, Байрона и, мой бог, сотни других имен людей, которые постепенно двинули вперед науку, создали шедевры искусства, изобрели производственные процессы, имена исторических деятелей, которые одну за другой изменяли социальные формы, тех, которые посвятили себя уничтожению рабства, тех, которые разбили феодализм и основали государство, и т. д. и т. д. Вы положительно знаете многие имена, и все же вы ошибаетесь, все это не больше чем действие оптического обмана — научные и промышленные открытия, шедевры искусства, социальные формы,— все это продукт абсолюта, абсолюта «человеческой сущности». Вот в чем в действительности состоит различие позитивной точки зрения от метафизической.

Наука, промышленность, искусство, общество — все это, конечно, созидание, которое происходит непрерывно, если только можно применять к ним в строгом смысле слова термин «созидание». Будучи следствиями, они должны иметь причину или причины, это созидание должно иметь своего создателя или своих создателей. Это произведено людьми, промышленность главным образом есть труд, в котором объединяются почти все живые люди. Автор, постигая все это — научные истины, 'продукты производства, шедевры искусства, общественные учреждения как единую целостность, как единый организм (потому что все они имеют сходное свойство, свойство быть созданными посредством людей, как бы они не отличались во всех отношениях), мыслит, что действующая причина всего этого одна, это абсолют, который он называет человеческим абсолютом, бытие или скорее человеческая сущность-—нечто похожее на великую душу. Реальные люди, которые живут и умирают, мыслят и трудятся в поте лица своего, составляют только олицетворения, различения, воплощения этой великой души. Воплощение или вообще имматериализация было бы настоящим словом, которое передавало бы сущность мысли автора, потому что автор представляет себе реального человека как двойное .существо, как два существа, из которых одно заключено внутри другого. Немецкая метафизика очень издевалась над старой манией усматривать много различных «духовных» функций, представлять себе человеческую душу как этажерку, красиво и опрятно разделанную на различные полочки с этикетками «память», «воображение» и т. д.; это не плохая мысль постигать различные функции того,

Библиотека "Руниверс"

что называют «душою», как единую функцию. Но не смешно ли также постигать человека как «существо с двойным дном, как два футляра, заключенных один в другом, или как драгоценность в футляре», одним словом, как существо, Geist (дух), внутри другого, Кбгрег (тела), и не будет ли правильным соединить в единое целое всю активную часть человека, все его функции, как мозговые, так и не мозговые? Признаюсь, что когда я увидел, как автор полагает в качестве абсолюта в своей системе это широкое и неопределенное выражение — «человеческую сущность», то я подумал, что он понимает [под ним] всего человека, *такого, каков он есть.* [...]

[Рассуждение третье]

[...] Я вовсе не намерен отрицать, что гуманитаризм, обожествление человечества или человека, антропотеизм — одна из доктрин новейшего времени. Вы правы: весь немецкий идеализм XIX века — «великая» немецкая философия — начинается с Фихте (оставьте Фихте сего Я, которое является лишь иным названием духа, и не-Я, которое представляет собой лишь синоним природы, Фихте, из школы которого вышли Шеллинг и Гегель, которые посредством своего абсолюта или абсолютной идеи устранили противоречие между его Я и не-Я и таким образом дополнили его систему), метит лишь в антропотеизм, пока она, достигнув в лице своего последнего знаменосца и корифея — Фейербаха — своей вершины и, называя вещи своими именами, вместе с ним не восклицает: «Homo homini deus est» — человек человеку бог. Я видел далее, как эта доктрина, проникая из Германии, распространялась среди других народов — конечно, не так широко как на своей родине. И при этом я имею в виду не рабских переписчиков гегелевской философии за границей, а лишь самостоятельные умы — Прудона во Франции и Каменьского в Польше. Оба вышли из школы Гегеля, и лучшим доказательством того, что предпосылки для обожествления человечества имелись уже у самого Гегеля и что школа Фейербаха была его подлинной наследницей в Германии, является то, что и у этих двух соседей немцев и в то же самое время, что и в Германии, гегелевское учение выступило как

Библиотека "Руниверс"

антропотеизм, и пришли они к этому, не зная Фейербаха, как Фейербах не знал их. [...]

[...] Но замечательно то, что в то время, как в Германии фихтевские противоположности между Яине-Я — природой и человечеством — нашли свое единство у Шеллинга и Гегеля и заключили мир в абсолюте и абсолютной идее и этот мир у Фейербаха не нарушается, эта противоположность снова появляется у Прудона и Каменьского. У Каменьского она еще потихоньку проскальзывает в систему — он не может признать человеческий абсолют абсолютом природы. Он не вполне понимает и не может себе объяснить порочность этого абсолюта природы, он не знает, что с ним делать, и отодвигает его в сторону. У Прудона же возникает трагическое противоречие, которого оно никогда, пожалуй, даже во времена древнеперсидского учения, не достигло,— это не отвлеченная противоположность, это борьба не на жизнь, а на смерть. «Бог! Я ненавижу тебя! Я не успокоюсь, пока не сделаю очевидной для всех твою подлость и пока не сделаю твое имя посмешищем для всех людей!» — восклицает он в экстазе. «Вся история — это единоборство между богом и человеком!» «Недостаточно отрицать бога, надо его ненавидеть!..» «Каждый шаг человечества вперед — это пощечина богу!..» «С каждым шагом человечество побеждает бога, и снова [бог} всплывает, чтобы испортить человечеству его творение, но человечество все больше и больше остается в выигрыше...» «Бог и человечество — две противоположных, друг другу непонятных и необъяснимых сущности. Что для одного глупо, то для другого — разумно, что одному на пользу, другому — во вред и т. д.» «Бог — это слепота и глухота, бог — это ложь и глупость, бог — это рабство и бедность. Бог — это немилосердие и подлость, бог —- это само зло». Разве это у обоих шаг назад к точке зрения Фихте? Или, может быть, в обеих системах — неясное начало чего-то нового, именно: так как «два абсолюта не могут существовать рядом», то не придут ли в конце концов к заключению, что во вселенной' нет никакого абсолюта, а есть лишь более или менее обусловленные силы? Нет бога и нет богов, есть только неабсолютные существа? Но к такой идее германцы не так скоро решатся прийти.

Итак, я признаю антропотеизм доктриною нового времени, над которою трудились великие умы нашей современности, великим и характерным фактом нашего

Библиотека "Руниверс"

времени. Только мне думается, что антропотеизм — не конечный результат, а только переходное учение — «момент, который разовьется в нечто высшее», как говорят немцы. По-моему, он есть лишь путь, по которому Германия и наука придут к полному и безусловному отрицанию религии. (Уже поэтому я не могу признать его центром и средоточием явлений нового времени. И в конце концов, неужели так обязательно свести явления определенного периода к одной-единственной идее? Разве это не односторонность и разве действительность не богаче и не многообразнее?)

Антропотеизм — тоже религия, только другая. Предмет обоготворения у него другой, новый, но не нов сам факт обоготворения. Вместо бога-человека мы имеем теперь человека-бога. Изменился лишь порядок слов. Да разве разница между богом-человеком и человеком-богом так уж велика? Разве обособленный христианский бог не был целиком скроен по образу и подобию человека? Конечно, этот бог был существо особенное, отличное от человечества, но разве в этом суть? Раз установлено, что он представлял собой подобие человека, абстракцию и увеличенный образ человека, то законы и все остальное, исходящее из такого авторитета, не могут быть не- или противочеловеческими. Поэтому христианство и вообще все религии содержат столько человеческих предписаний. А ежели обособленность, не-мое-Я-бытие христианского бога есть такой великий грех, такая дурная вещь, разве иначе обстоит дело с антропотеизмом? Разве я, пишущий Вам, так уж тождествен человечеству или «человеку»? Разве все человечество — во мне и разве «человек» настолько полно заключен во 'мне, что человек начинается мною и кончится мною и что мой самый причудливый каприз является волей «человека», следовательно — мировым законом? Если это не так, то «человечество» и «человек» тоже чужие, посторонние для меня сущности, не тождественные мне, йотя и довольно похожие на меня, но чуждые мне авторитеты. Конечно, если христианский бог был лишь частичной абстракцией человека, именно составленной лишь из некоторых свойств и функций человека, которых йкус того времени объявил самым «благородным» (я говорю — вкус, ибо такие категории, как прекрасное и безобразное, хорошее и плохое, благородное и низкое, всегда были и всегда останутся делом вкуса). В самом деле, бог не был факсимиле, слепком человека — он был

Библиотека "Руниверс"

спиритуалистической абстракцией человека. Телесное отпало — остались только свойства, функции и деяния человека, которые получили общее название «души», и из них то, что больше всего соответствовало вкусу (не безумие, а разум, не злая воля, приносящая вред людям, а доброта и т. д.), было извлечено, связано, увеличено до бесконечности (абсолютизировано), доведено до апофеоза. В одной односторонности вкуса, на этой ошибке разума, состоящей в превращении дела вкуса в принцип мышления и в неспособности видеть узкую односторонность, коренились практически вредные для людей аскетизм, пренебрежение ко всему плотскому, отвращение и ненависть к нему. В этом, конечно, величайшая разница между христианством и антропотеизмом. Антропотеизм (по крайней мере, в той совершеннейшей форме, в какой он является у Фейербаха, ибо Гегель еще слишком много говорит исключительно о духе, и хотя у него нет отвращения к телесному, но в этом отношении он, по-моему, не пошел дальше христианско-лютеранской точки зрения) есть второе вознесение богачеловека, который, согласно легенде, взял с собой на небо и свое тело. [...]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Впервые опубликовано в кн.: «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев» как «Письма к К- Э. Хоецкому» — польскому журналисту, с которым Н. А. Спешнев познакомился в Париже в 1842—1846 гг. В. Р. Лейкина-Свирская (Петрашевец Н. А. Спешнев в свете новых материалов//История СССР. 1978. № 4) установила, что адресатом Спешнева был В. А. Энгельсон, а рукопись представляет собой три документа, последний из которых не окончен. Печатается с сокращениями по кн.: Петрашевцы об атеизме, религии и церкви. С. 149—173.

[2] *Каменский Г.* — польский революционер, автор «Замечаний о положении крестьян и производительности страны» (1842), «Демократического катехизиса» (1845), «Философии материальной экономии человеческого общества» (1843—1845. Т. 1—2). Н. А. Спешнев критикует с материалистических позиций эту последнюю книгу Каменского.

Библиотека "Руниверс"

КАШКИН НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ

Н. С. Кашкин родился в Калуге в 1829 г. в семье декабриста С. Н. Кашкина. Семья Кашкиных принадлежала к старинному дворянскому роду. Образование он получил в Александровском лицее, который окончил в 1847 г. с серебряной медалью. Служил чиновником Азиатского департамента министерства иностранных дел.

В октябре 1848 г. в квартире Кашкина собирался кружок единомышленников. В него входили «чистые фурьеристы»: Ахшарумов, братья Дебу, Европеус, Спешнев, Ханыков и другие. На одном из собраний в ноябре-декабре 1848 г. Н. С. Кашкин читал доклад, посвященный задачам общественных наук. С Петрашевским он познакомился на вечере, посвященном памяти Фурье.

Вместе с другими петрашевцами был арестован 23 апреля 1849 г. Военно-судная комиссия приговорила Н. С. Кашкина к четырем годам каторги. Приговор был смягчен и его послали рядовым в Кавказские линейные батальоны. На Кавказе Н. С. Кашкин принимал участие в боевых действиях; в 1858 г. получил орден. В 1853 г. в Железноводске он познакомился с Л. Н. Толстым и долгие годы поддерживал с ним дружеские отношения.

В 1858 г. Н. С. Кашкину было возвращено дворянство, разрешено выйти в отставку и поселиться в Калуге. Там он занимался общественной деятельностью, его избирали членом Калужского губернского комитета по устройству помещичьих крестьян, членом Калужского окружного суда. В 1860 г. ему было разрешено жить в Петербурге.

Умер Н. С. Кашкин в 1914 г.

Библиотека "Руниверс"

СОЧИНЕНИЯ

1. *Кашкин Н. С.* [Речь о задачах общественных наук] // Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953. С. 653—660.

2. Казнь петрашевцев//Первые русские социалисты. Л., 1984. С. 319—324.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Семевский В. И.* Петрашевцы: Кружок Кашкина//Голос минувшего. 1916. № 2—4.

2. *Иллерицкий В. Е.* Исторические взгляды петрашевцев // *Иллерицкий В. Е.* Революционная историческая мысль в России. М., 1974. С. 114-136.

Библиотека "Руниверс"

[РЕЧЬ О ЗАДАЧАХ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК] '

В последний раз было сказано, что форма правления недостаточна, чтобы привести человека к осуществлению стремления его к счастию; это должно быть делом *науки,*— но какой? Чтобы отвечать на этот вопрос, мы должны рассмотреть те различные науки, которые составляют область ведения человеческого. По принятому доныне разделению, все науки причисляются к двум главным категориям, к двум разрядам, имеющим между собой важное, характеристическое отличие: к наукам *точным* и *неточным.* Характеристическую особенность тех и других находят именно в том, что науки точные берут в основание факты из природы, истины непреложные и потом анализом и синтезом выводят из фактов этих законы, которым факты эти подчинены, которыми они обусловлены, по которым они существуют именно так, а не иначе. Эти-то выводы, эти законы, соединенные в стройное целое и подкрепленные фактами, взятыми из природы, не подверженными сомнению, составляют теорию, *науку:* так, физика, астрономия и др.

Науками же неточными называют те, которые в основание берут не факты из природы непреложные, но или *положения, взятые из одного разума, выдуманные,* под которые потом стараются для оправдания их подвести факты из общественной жизни, предоставляя себе притом право и искажать их, если они не совсем подходят под их определения; или же самые *факты общественной жизни* (а не природы), т. е. вытекающие из устройства общества так, как оно есть, так, как оно до сих пор осуществилось, проявилось, а не так, как оно должно бы осуществиться, проявиться на основании законов природы. (Как пример первых мы можем взять политику, когда ученые, поставив в основание *(из разума)* превосходство одного образа правления перед другим, стараются фактами историческими и статисти-

Библиотека "Руниверс"

ческими доказать это положение, поступая иногда недобросовестно, намеренно искажая факты или делая то же самое под влиянием увлечения, произведенного их же собственной идеей. Примером других может служить политическая экономия, где ученые, принимая в основание известные факты существующие и считая их только возможными, сравнением выбирают из них лучшие и на этом основании строят науку свою, не принимая в расчет того, что эти факты не суть единственно возможные, но суть результаты известных начал и что под влиянием других начал, может быть, более верных, более близких общим законам природы, проявились бы другие факты, также более удовлетворительные, более совершенные, которые они упускают из вида.)

Основываясь на этом отличии, к точным наукам причисляют одни науки *естественные,* к неточным — *нравственно-политические,* которые все, по выражению Auguste Conte'a[2] определяются словом science sociale — наука общественная.

Разделение это кажется мне совершенно *ложным;* я думаю, что как естественные науки, так и наука общественная должны быть совершенно точными; иначе они бы не были науками. Я вижу противоречие между словами *наука* и *неточная.*

В самом деле, что такое наука? Я определяю себе науку как *систематическое построение общих разумных выводов из оснований верных, непреложных.* Этих-то оснований я и не вижу в общественной науке и потому не признаю за ней права гражданства между науками естественными, удовлетворяющими этому требованию разума. Науку, не имеющую в основании своем общих, непогрешимых истин, я назову не наукой, а фантазерством, гипотезою. Но это не приведет меня к отрицанию возможности этой науки, но только к тому заключению, что наука эта еще не созрела, что люди, искавшие ее, сбились с пути, искав ее не там, где могли найти ее. В самом деле, мы видим то же явление и в естественных науках. Ученые, наблюдая некоторые факты, представлявшиеся им в природе, думали открыть закон совершения этих фактов; они делали гипотезу, которую считали верною, принимали за закон до тех пор, пока наблюдение других фактов, противоречащих этой гипотезе, не убеждало их в противном. Фактов переменить было нельзя, они точно существовали, были верны: оставалось переменить гипотезу, найти другой закон. Они

Библиотека "Руниверс"

не сомневались в существовании этого закона, в возможности открыть его: отбросив старую гипотезу, они продолжали труд, начинали снова искать другую. Нелегко доставалась им истина: веками доходили они до нее, не без борьбы преодолевали они препятствия; сколько делателей на почве науки погибло, не дошед до результата своих стремлений. Сколько было напрасных усилий, сколько уныния, сколько отчаяния; наконец, сколько жертв, сколько мучеников — но не бесплодны были их усилия; не погибли для человечества их стремления; нашлись сильные груди, мощные натуры, которые выдержали борьбу,— и мало-помалу, постепенно, истина открывает свое чело пред поклонниками своими. Не будем же предаваться отчаянию, не будем отрицать того, что еще не ясно для нас, но будем смело и неутомимо идти вперед, искать истину: честь и слава тому, кто найдет ее!

Но первый шаг к познанию добра есть отрицание зла. Чтобы открыть истину, признаемся прежде, что мы находимся в царстве лжи, и восстанем против источников ее.

Зададим себе вопрос: к чему привели нас науки, называющие себя, как бы в сознание своего бессилия, неточными? Для более ясного рассмотрения разделим их на четыре главных отдела: метафизику, мораль, политику и политическую экономию.

Начнем с первой.

Мне кажется, что задачей *метафизики* было понять, определить природу человека, чтобы на основании этого познания природы человека определить и цель существования его, цель, к которой он должен стремиться как индивидуально, так и в массе; словом, определить природу человека и судьбы человечества.

Но выполнила ли метафизика задачу свою? На это можно положительно отвечать: нет. В противность другим наукам, стремящимся расширить круг деятельности своей, метафизика стеснила область свою, позволила другим наукам вторгнуться в сферу свою, занялась только определением некоторых способностей человека, как-то: perception, intuition, cognitions, sensations, abstractions[3] и проч. Гегель сказал: понять *то, что есть* — задача философии, ибо *то, что есть* — разум. Положив такое основание, что сделали философы: они заперлись в свои кабинеты и там старались подметить процесс мышления своего. Они хотели исследовать орудие мыш-

Библиотека "Руниверс"

ления своего этим же самым орудием, свой разум хотели понять и определить этим же разумом; одна и та же способность была в то же время и целью, и средством их наблюдений, и предметом, и орудием.

[Степенная, важно-глубокомысленная философия определила себе человека как мышление, науку признала целью, обобщая каждый вопрос, она выходила из жизни в отвлечение и оканчивала[сь] односторонним разрешением. Германские реформаторы, уничтожив в половине Германии католицизм, не выступили из области теологии и схоластических споров. «Наука есть наука и единый путь ее—абстракция» — это стих их корана. Они на все отвечают громкими словами и вместо того чтобы наполнить в самом деле пропасти, делящие сферы отвлеченные от действительных, противоречия в жизни и мышлении, прикрывают их легкими тканями искусственной диалектической фиоритуры. *Растягивать все сущее* на одр формализма не трудно для тех, кто не внемлет никакому протесту со стороны сущего.

Философов с грехом пополам можно оправдать только тем, что они себя первых обманывают своими фокусами. Они удовлетворились, покойны, дальше идти не могут: они не знают и не могут себе представить, что есть дальше. Взяв одни буквы, одни слова, они ими заглушили всякое сострадание, всякое теплое сочувствие. Они намеренно с усилиями поднялись на точку равнодушия ко всему человеческому, считая ее за истинную высоту: мертвое уничтожение в бесконечном считают они свободой и целью и чем выше поднимаются в морозные сферы отвлечений, отрываясь от всего живого, тем покойнее себя чувствуют. Неизлечимо отчаянное положение их состоит в этом чрезвычайном довольстве; они со всем примирились; их взгляд выражает спокойствие, немного стеклянное, но не возмущаемое изнутри; им осталось почивать и наслаждаться, прочее все сделано или сделается само собой. Им удивительно, о чем люди хлопочут, когда все объяснено, сознано и человечество достигло *абсолютной формы бытия* — что доказано ясно тем, что современная философия есть абсолютная философия, а наука всегда является тождественною эпохе — но как ее результат, т. е. по совершении в бытии. Для них такое доказательство неопровержимо, *фактами* их не смутишь — они пренебрегают ими. Спросите их, отчего при этой абсолютной форме бытия в Манчестере и Бирмингеме работники мрут с голода:

Библиотека "Руниверс"

они скажут, что это случайность. А дело в том, что факты им и не покоряются вовсе. Они, как китайский император, считают себя владетелями всего земного шара, что, однакож, не мешает всему земному шару, за исключением Китая, вовсе не зависеть от него][4].

Это стремление поставить разум человека выше законов природы, из одного разума извлечь и создать такой-то общественный порядок, который бы вполне удовлетворил стремлению человека к счастию, видим мы у всех философов. Это и есть их главная погрешность: в этом причина их бессилия, в этом слабость, доводившая их иногда до смешного. Так, Cousin[5] из общей формулы человечества чуть не выводил кривой шеи Александра Македонского. Для примера возьмем Канта. Вот слова его: «Всякий отдельный человек имеет внутри себя, в душе своей, идеал нравственного совершенства, который он должен осуществить; но вместе с тем человек одарен побуждениями физическими, животными, которые влекут его к злу; из этих различных стремлений вытекает антагонизм добра и зла как в отдельном человеке, так и людей в обществе, который природа употребляет как средство развития способностей человека, как источник законного порядка в обществе».

Не противоречит ли это определение общему закону природы, по которому все потребности, все стремления, все страсти должны уложиться в гармоническом сочетании? Не есть ли этот дуализм, это понятие о борьбе доброго и злого начала в человеке — плод того ложного положения, который хочет поставить разум человека выше законов природы? Посмотрим далее.

«Природа хотела,— говорит Кант,— чтобы все, что в человеке находится вне механического порядка его животного существования, он извлекал бы из самого себя; чтобы он не мог найти счастия, достигнув совершенства вне того счастия, того совершенства, которого он может достигнуть сам собой, которого он может найти одним собственным разумом, очищенным от инстинкта».

Здесь опять Кант ставит собственный единичный разум человека выше общего разума природы, хочет, чтобы человек искал счастия и совершенства одним собственным разумом своим, не принимая в расчет того инстинкта, тех страстей, которые даны человеку общим, высшим разумом природы. Но где же источник единичного разума отдельного человека? Конечно, в высшем

Библиотека "Руниверс"

разумном существе, которое создало самого человека, и создало его не из одного разума, но дало ему и чувства, страсти. Откуда же взялась у человека дерзкая мысль ставить себя выше разума природы, создавшего его, присвоить рассудку монополию управления обществом и устранить, исключить из дележа власти страсти, получившие при создании равные с ним права на это управление? — Из ложного положения, принятого философами, что разум есть единственный источник истины и добра, что он должен исключительно управлять человеком. Мне кажется, что, не изменив этого положения, мы никогда не дойдем до совершенства и счастия. Инстинкт человека, его страсти никогда не подчинялись и никогда не подчинятся разуму; из столкновения их всегда происходила и будет происходить борьба, а понятие борьбы противоположно понятию гармонии. Такое понятие прямо ведет к атеизму. Неверующий видит между людьми страдания, ненависть, нищету, притеснения, необразованность, беспрерывную борьбу и несчастья, ищет средства помочь всем этим бедствиям и, не нашед его, восклицает: если такова судьба человечества, то нет провидения, нет высшего начала! И напрасно священники и философы будут ему говорить, что небеса провозглашают славу божию! Нет, скажет он, страдания человечества гораздо громче провозглашают злобу божию. Чем более творение его — вся природа—! выказывает его искусство, его мудрость, тем более он достоин порицания за то, что имея возможность к этому, он не позаботился о счастии людей. К чему нам все это поразительное величие звездных миров, когда мы не видим конца нашим страданиям? Пускай...

Но для чего делать это высшему разуму, создавшему всю вселенную? И какая ему честь в том, что он создал вселенную?

Если все эти миры населены такими же несчастными созданиями, как и мы, то ему мало чести в том, что он умеет так размножить число несчастных; если же между ними есть населенные счастливыми существами, то мы должны только упрекать его в несправедливости к нам. Во всяком случае мы можем скорее видеть в нем духа зла, нежели начало всего доброго и прекрасного!

И атеиста нельзя винить за такое мнение. Да разве не всякий день слепо верующие воссылают к богу хор упреков? Вся разница в форме: но какое дело богу до более или менее учтивой формы? Разве молитва, в ко-

Библиотека "Руниверс"

торой его просят о богатстве, о здоровье, о счастье,__і тот же косвенный упрек? Не есть ли это порицание ; то, что он не дал богатства, не дал здоровья, не дг счастья?

По моему мнению, неверующий поступает горазд логичнее слепо верующего. И в самом деле, не разум» ли отрицать вовсе существование всемудрого и вс благого существа, нежели утверждать, что оно есть всеблаго, но не хочет дать счастие стольким миллионе созданий своих; что оно всемудро, и не может измени такого порядка, в котором бедный ежеминутно завиду изобилию богатого, раб — свободе господина, женщ на — мужчине, дети — старикам, и старики — детям; г, один человек заставляет работать для себя другого ч ловека то угрозой палки, то угрозой голодной смертр

Но истина не в слепой вере, не в неверии, ни в то ни в другом метафизическом учении: истина в природ В ней высший разум начертал волю свою, и из природ человек должен перенести ее в свою жизнь, в свое о щественное устройство. Он научился открывать в ест ственных науках законы природы; остается примени их к науке общественной. И когда он это сделает, чел вечество будет иметь закон счастия и совершенстЕ пока же он не осуществит воли высшего начала, твор своего, ясно начертанной в великой книге природ будет борьба, будет мрак, будет несчастие, *царство з. и лжи*.

Заключим прекрасными словами Искандера: «Ве в будущее — наше благороднейшее право, наше неот емлемое благо: веруя в него, мы полны любви к к стоящему.

И эта вера в будущее спасет нас в тяжкие ми? ты [от] отчаяния, и эта любовь к настоящему *бур* жива благими деяниями».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Речь Н. С. Кашкин прочитал на одном из заседаний < кружка в 1848 г. Печатается по кн.: Философские и обществен политические произведения петрашевцев. С. 653—660.

[2] Огюста Конта.

[3] Восприятия, интуиции, познавательные способности, omyi ния, абстракции.

[4] Текст, взятый в скобки, представляет реферат четвертой с тьи «Дилетантизма в науке» Герцена.

[5] Кузен.

Библиотека "Руниверс"

ТОЛЬ ФЕЛИКС ГУСТАВОВИЧ

Ф. Г. Толь родился в 1823 г. в семье мелкого служащего. После окончания Петербургского главного педагогического института в 1844 г. преподавал географию и русский язык в Астраханской гимназии, был учителем русской словесности в Финляндском кадетском корпусе. В 1848 г. начал преподавательскую деятельность в Петербургском главном инженерном училище.

«Пятницы» Петрашевского Ф. Г. Толь посещал с 1846 г. На одном из заседаний кружка он произнес речь «Нужна ли религия в социальном смысле». После ареста петрашевцев Военно-судная комиссия приговорила Ф. Г. Толя к расстрелу, который заменили двумя годами каторги.

После отбытия каторги на Керевском винокуренном заводе он вышел на поселение. Жил в Томске. Во время ссылки подружился с декабристами Батеньковым и Пущиным.

В 1857 г. Ф. Г. Толю было разрешено вернуться в центральную часть России, а с 1859 г.— жить в столице. Он посвятил себя педагогической деятельности и журналистике. Толь сотрудничал в прогрессивных журналах 60-х годов: «Современнике», «Отечественных записках». Отдельными изданиями он выпустил роман «Труд и капитал» (1860), книгу сибирских очерков «Два года на К-ском заводе» (1861), книгу рецензий «Наша детская литература» (1862). Широкую известность получил изданный Ф. Г. Толем трехтомный «Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний» (1863—1866), продолжавший материалистические и демократические традиции «Словаря иностранных слов» петрашевцев. В периодической печати выход «Настольного словаря» был отмечен как положительное явление русской общественной жизни.

Умер Ф. Г. Толь в 1867 г.

Библиотека "Руниверс"

СОЧИНЕНИЯ

1. *Толь Ф. Г.* Набросок речи о происхождении религии//Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953. С. 699—702.

2. *Батеньков Г. С, Пущин И. И., Толь Ф. Г.* Письма. М.: Всесоюзн. б-ка им. В. И. Ленина, 1936. 338 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зиневич Н. А.* Ф. Г. Толь (1823—1867): Очерк жизни и деятельности. М.: Книга, 1964. 56 с.

2. *Евграфов В. Е.* Петрашевцы // История философии в СССР. М., 1968. Т. 2. С. 408—443.

Библиотека "Руниверс"

{НАБРОСОК РЕЧИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ РЕЛИГИИ} [1]

Народ есть сумма неделимых; поэтому явления в народе имеют свое основание в природе неделимых. Так как религии рождаются на всех ступенях развития народов, что видно из того, что и самоеды и чукчи имеют свою религию и что христианская и магометанская религии родились у народов уже весьма образованных, то мы и должны определить их происхождение на различных ступенях общественного развития. Из этого увидим мы, что как, с одной стороны, религии народов неразвитых проистекают единственно из чувства подавленности человека грубыми, но гигантскими силами природы, так, с другой, религии народов образованных имеют источник свой единственно в желании их основателей скрепить свои нравственные и гражданские кодексы внешним авторитетом. Вечно чувствуя себя под влиянием внешней физической природы, человек до тех пор, пока еще не научился сам порабощать ее, поражен ею, как чем-то громадным, великим и грозным. Он невольно противополагает себя ей как бессильное, жалкое, ничтожное существо, могущее быть уничтоженным малейшим переворотом в ней. Это непосредственное чувство своего ничтожества перед величием природы не связано ни с каким иным чувством или рассуждением. Только цивилизованный человек единовременно чувствует и мыслит и, чувствуя, не может не мыслить. Оттого он и не может представить себе чувства раздельно от мысли и даже предполагает, как все психологи, что в основании каждого чувства лежит суждение. Суждение — разъяснение чувства; прежде существует чувство, а потом уже ум является для проверки его и для показания, что оно имеет твердое основание. Так как человек дикий — то же, что дитя, потому что, так же как и оно, не испытывал еще своих сил, то, я думаю, лучше всего будет взять дитя и посмотреть, как в нем происходит процесс религиозный. Если какой-нибудь предмет пора-

Библиотека "Руниверс"

зил дитя, то оно чувствует к нему боязнь, смешанную с уважением, например молния, розга, и вовсе не старается д[ойти] до причины, по которой этот предмет так или иначе подействовал на него. Показывайте ему этот предмет со всех сторон, во всех его явлениях, полезных и дурных, и дитя будет чувствовать к нему чувство религиозное, т. е. вместе и любить и бояться его, т. е. поклоняться ему. Каким образом? внутренне или внешне — в этом нет важности. Оставьте это дитя неразвитым, и оно никогда не будет стараться искать какого-нибудь основания этому явлению и, следовательно, до самой гробовой доски будет поклоняться самому явлению. Это поклонение природе и ее частным явлениям у американских дикарей. Но самая жизнь развивает человека, на каждом шагу упражняя его ум и беспрестанно вызывая его к деятельности. Видя, что всегда одно и то же явление следует за одним и тем же, человек свыкается с этим и, когда видит одно, начинает непременно предполагать и другое. Так рождается в нем категория причинности, которую он мало-помалу начинает переносить и в те явления, которые представляются ему непосредственно без предшествующих. Здесь является уже у него любознательность, которая не довольствуется привычкою, а ищет оснований и источника. Но и теперь еще он поклоняется только явлениям — с тою разницею, что эти явления выше прежних. Сначала он поклонялся непосредственно тому, которое поражало его; теперь он нашел причину его в другом явлении и поклоняется этому; таким образом мало-помалу переходя от ближайшей к высшей причине, он на пути своем поклоняется каждой высшей ступени явлений, пока, наконец, находит связь между всеми и предполагает всем им один источник. Так родилась первая индийская вера в Индру, так родилась первая египетская в... еврейская— в Егову, которому предшествовали...

Прежде народ не имел надобности в этом, потому что без него тепло верил в своего бога, братски любил своих ближних, был равен им и свободен, значит, обладал тем, чего как прекрасной, но отдаленной мечты добивается в настоящую минуту вся Европа, благосостоянием. Но вот это благосостояние нарушено вторжением чуждого народа, побеждающего его и полагающего начало неравенству: является сильный и слабый, из братьев люди делаются членами каст, побежденный становится рабом, а следовательно, льстецом, человеком без

Библиотека “Руниверс”

убеждений. Рабство физическое начинает вредно действовать на дух: теряется прежняя наивность, заставлявшая действовать всегда под влиянием одного побуждения природы, прежнюю энергию заменяет расслабление нравов. Народ гибнет — нужен избавитель. Нужен человек, который снова скрепил бы связь между человеком и природою, который нашел бы скрепляющую цепь между прежним наивным, натуральным действованием и сознательным действованием под влиянием законов нравственных и политических. Но логика бессильна относительно большинства, авторитет законодателя может пережить его только несколькими годами, а между тем, по его убеждению, законы его так совершенны, что должны завещать невозмутимое благосостояние народу. И так законодатель решается, из любви к своему народу и чтобы укрепить за ним это благосостояние навсегда, на обман. Он видит, что авторитет должен иметь свое основание в самых верованиях народа, иначе народ не примет его, не примет, следовательно, и законодательства, связанного с ним. Религия, выработавшаяся из жизни самого этого народа, представляет ему такой авторитет в лице бога, Гома, Ормузда, Еговы, Озириса; он низводит бога на землю, заставляет его из любви к одному народу принять человеческий образ, говорить языком, доступным этому народу, создать для него кодекс морали и государственной жизни. Таким образом явились в критическую минутуМану, Будда, Зороастр, неизвестный основатель египетской религии, Моисей, Орфей, Гомер, Христос. Все они старались подслушать таинственный голос минувшего, повествовавшего о философии природы, все старались отыскать ключ к морали, которой главными задачами было установление равенства, братства и свободы между людьми, главною целью — благополучие людей, с тою разницею, что один решал эту задачу и думал достигнуть этой цели более духовным, другой — более материальным путем; один был решительнее, менее боялся разрушать старое, другой хотел примирить свою мораль с существующим порядком вещей, найти точку соприкосновения рабства с свободою, братства с господством, равенства с кастами. Оттого первый находил мало отголосков на своей родине, в стране, где начал проповедывать, второй, заменяя зло злом или, лучше сказать, ничего не заменяя и не изменяя, только утверждал прежнее, давал ему более прочное основа-

Библиотека "Руниверс"

ние. Так Ману, явившийся тогда, когда Индия была уже порабощена неизвестными покорителями, и из этого порабощения развилось как необходимое следствие различие каст...

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Впервые опубликован в сборнике «Петрашевцы» (Т. 2.) Печатается по кн.: Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. С. 699—702.

Библиотека "Руниверс"

Раздел IX

ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛИ

ПАВЛОВ МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ

М. Г. Павлов родился в 1793 г. в Воронеже. В 1813 г. окончил семинарию и поступил в Харьковский университет. Через год он переезжает в Москву и продолжает учебу в Московском отделении медико-хирургической академии. Однако и здесь Павлов учится недолго, переходит в Московский университет и заканчивает в 1816г. сразу два отделения: с золотой медалью — математическое, с серебряной — медицинское.

Оставленный в университете, М. Г. Павлов в 1818 г. защищает диссертацию «О питании человеческого эмбриона», за которую получает звание доктора медицины. Последующие два года он проводит в заграничной командировке, изучая агрономию, естественную историю и философию.

В 1821 г. М. Г. Павлов получает в Московском университете звание экстраординарного профессора и кафедру минералогии и сельского домоводства. По этим дисциплинам он и начинает читать курсы лекций. По поручению Московского общества сельского хозяйства М. Г. Павлов многие годы заведовал земледельческой школой и учебным опытным хутором. Он был одним из самых последовательных пропагандистов сельского хозяйства, написал несколько руководств, например: «Земледельческая химия» (1825), двухтомный «Курс сельского хозяйства» (1837); издавал журнал «Русский земледелец», выпускал «Записки для сельских хозяев, заводчиков и фабрикантов»; читал публичные лекции по сельскому хозяйству, пользовавшиеся большой популярностью.

В течение нескольких лет Павлов читал курс физики в Московском университете. И как физик он сделал достаточно много, хотя его воззрения носили идеалистический, натурфилософский характер. Гносеологическим проблемам физики Павлов М. Г. посвятил несколько крупных работ: «О способах исследования природы»

Библиотека "Руниверс"

(1825), «Натуральная история» (1830), «Достоинство идеализма в нравственном воспитании человека» (1832), двухтомные «Основания физики» (1833—1836) и другие. Он выступал активным пропагандистом натурфилософских идей Шеллинга и Окена, сторонником диалектико-идеалистической философии. В физике М. Г. Павлову принадлежит ряд интересных догадок. Он, в частности, выдвинул планетарную модель вещества, высказал предположение об электрической природе света. Многое он сделал для развития русского научного языка.

Большое влияние М. Г. Павлов оказал на русскую философию первой половины XIX в. Его воздействие как ученого и философа испытывали М. А. Максимович, А. Д. Галахов, Г. Е. Щуровский, К- Ф. Рулье, А. И. Герцен, В. Ф. Одоевский и другие. Отмечая его заслуги перед русской философией, Н. Г. Чернышевский указывал, что М. Г. Павлов имел «значительное влияние на молодое поколение, воспитывавшееся в Московском университете, и ему, быть может, даже более, чем Надеждину, принадлежит слава распространения любви к философии между молодыми литераторами» (*Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1943. Т. 3. С. 178—179).

СОЧИНЕНИЯ

1. *Павлов М. Г.* Основания физики: В 2 т. М.: Б. п., 1833—1836.

2. *Павлов М. Г.* О теории и практике сельского хозяйства; О взаимном отношении сведений умозрительных и опытных; Взгляд на современное состояние хлебопашества в России//Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX века. М., 1959. С. 87—100.

3. *Павлов М. Г.* Различия между изящными искусствами и науками//Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. М., 1974. Т. 2. С. 363—367.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рудое А. Г.* Из истории философской мысли в России: М. Г. Павлов//Сб. тр. Арханг. пед. ин-та. 1958. Вып. 2. С. 110—123.

2. *Абрашнев М. М., Рубцов Е. И.* Роль русских биологов первой половины. XIX века в подготовке диалектического взгляда на природу. Горький: Высш. партшкола, 1961. 45 с. '

3. *Каменский З. А.* Русская философия начала XIX века и Шеллинг. М: Наука, 1980. Гл. 2: Михаил Григорьевич Павлов. С. 158—267.

Библиотека "Руниверс"

О ВЗАИМНОМ ОТНОШЕНИИ СВЕДЕНИЙ УМОЗРИТЕЛЬНЫХ И ОПЫТНЫХ[1]

Разговор 1

Кенофон, Полист и Менон

К. Ты прав, любезный друг! Новое любомудрие разливает в области наук свет необыкновенный. Эти одни слова: объективность, субъективность, бесконечное, конечное — сколько прибавляют ясности в изложении понятий!

П. А противники наши упрекают нас в темноте; свет кажется им тьмою; странные люди!

К. Да, человек есть трон духа, а природа — бесконечная конечность. Чего желать яснее?

П. Сверх ясности новое любомудрие имеет еще то достоинство, что ведет к универсальному знанию.

К- Безделица! Универсальное знание; ведь это то же, что древний философский камень.

П. Больше. Универсальное лекарство и способ все металлы превращать в золото заключается уже в универсальном знании как части в целом.

К. Ясно и *отчетисто;* спорить нельзя против такой очевидности.

П. Новое любомудрие тем и отличается от прежнего, что все решает, все объясняет и ничего не оставляет под сомнением.

К. Чудесная наука! Нельзя ли мне при помощи твоей скорее постигнуть все ее таинства?

П. Терпение! Ты едва вышел за пределы смысла, и, верно, опытные сведения не совсем еще выпарились из головы твоей, а они для нового любомудрия, как вода для огня.

К. Правда, я чувствую еще бремя этих чудовищ эмпирии, но не более, как от сна пробужденный чувствует остаток дремоты.

П. Жаль, что Лета существует только в баснословии, а как бы она в подобных случаях была полезна; раз бы окунуться в ее водах — и все старое забыто. Я бы в ней

Библиотека "Руниверс"

перекупал всех эмпириков и потом начал бы их учить снова; поверишь ли, в месяц они бы знали уже все, и как бы хорошо знали! Что теперешние их сведения? Сомнения, догадки, предположения, заблуждения. Тогда бы они знали иначе: все до основания; тогда бы они того только не знали, что теперь знают.

К. Вот были бы подлинно просвещеннейшие времена! Я только того не постигаю, как бы они все это узнали в один месяц?

П. И не нужно более одного месяца, тогда бы все науки вошли в *общий объем любомудрия,* а самое любомудрие, очищенное от всех примесей, необширно; все оно состоит в нескольких положениях, из которых каждое дает свету более, чем целые библиотеки прежних и теперешних ученых нелюбомудров.

К. Что же бы тогда было с университетскими факультетами?

П. Эти четыре обширных факультета наук обратились бы тогда в четыре вопроса.

К. Воля твоя, не постигаю, как целый факультет обратится в один вопрос, а весь университет в четыре вопроса?

П. Все эти науки, которые разделены на четыре факультета, к чему ведут или цель их в чем состоит?

К. В том, без сомнения, чтоб посредством их узнать все, что только знать можно.

П. А если все это можно заключить в общий объем и подвести под один высший взгляд, тогда к чему факультеты?

К. Действительно, в таком случае факультеты не нужны. И как бы тогда облегчилось воспитание! А теперь жалость смотреть, мучат юношество; сколько наук надо выучить по одному факультету, что же если бы кто захотел выдержать экзамен по двум, не говорю уже по трем или по всем факультетам?

П. Что говорить о факультетах; целые годы убивают на одни необходимейшие науки, напр[имер] на грамматику, логику и риторику, и все ничего не знают, не понимают даже, что значат эти науки; а по началам нового любомудрия несколько слов — и все решено. *Напр[имер],* логика к грамматике содержится как бесконечное к конечному, а риторика составляет их связь и содержится к ним, как 0 к + и —*. Вот все, что о сущ-

* Жаль, что подобные выражения, сами по себе весьма полезные в науках, по злоупотреблению делаются смешными.— Соч.

Библиотека "Руниверс"

ности сих наук сказать должно и прибавить нечего. А почему? Потому, что словесность, к которой они относятся как части к целому, есть проявление бесконечного в конечном.

К. Как коротко!

П. И ясно.

К. Должно быть, очень ясно, но я еще не привык к такой резкой ясности.

П. Не удивлюсь, ты не знаком еще с идеей абсолюта, а это необходимо для универсального знания. Абсолют можно уподобить свету: нет его — темно; есть — и все ясно.

К- Нельзя ли сообщить мне некоторых об абсолюте понятий, в коротких словах, т. е. по началам нового любомудрия?

П. Нет. Ты, как и сам чувствуешь, не привык еще к резкой ясности. Прозревающие не вдруг бывают в состоянии сносить влияние яркого света. Впрочем, я могу тебе предварительно, хотя издали, указать на святилище универсального знания, слушай. Совлекая с природы вещественные покровы и представляя ее в действии, мы с помощью внутреннего созерцания вместо всех явлений находим одни только линей; это первая категория любомудрия: время, мир звуков; здесь телесность не совсем еще исчезает; в линеях представляется остов природы; уничтожь умственно и последнее обличение телесности, забудь и линей, что откроется твоему воображению вместо природы?

К. Беспредельная пустота.

П. Это вторая категория любомудрия: пространство, мир идей, сочетание совершенной тишины с совершенною пустотою; это лоно абсолюта.

К. Беспредельная бездна пустоты, величественное лоно! Что же самый абсолют?

П. Идеальный нуль; единство, но не единица; бесчисленность, но не число; монада, которая ни велика, ни мала, ни конечна, ни бесконечна, ни вечна, ни предвечна и ни временна, которая ни движется, ни покоится, но все это вместе, и в то же время не есть все это вместе, короче — все и ничего. Вот что абсолют! Понимаешь?

К. Понимаю и нет, то и другое вместе; мне кажется, что я стою средь бездны, покрытой тонкой мглою, за которую будто вижу что-то в просвет.

П. И довольно, а со временем увидишь и в полном

Библиотека "Руниверс"

свете; созрей прежде в мире звуков, тогда будет легче перейти в мир идей, и он не покажется тебе покрытым мглою; идеи светлы, потемняются же они после, а именно в мире звуков, облекаясь в линей и принимая обличив телесности, потом совсем уже темнеют, погрязнув в веществе. Не представляй, однако ж, трудным познакомиться с идеями; их много, правда; есть и конечные и бесконечные, но это соподчиненные; главных, от коих все прочие зависят, только три: идея истины, идея блага и идея лепоты; природа образовалась по сим трем идеям.

К. Теперь я начинаю понимать, что в месяц точно можно кончить весь курс любомудрия, т. е. приобрести универсальное знание; одна мысль, выведенная из начал любомудрия, проясняет более, нежели огромные томы эмпириков, напр[имер|] эти три идеи: идея истины, блага и лепоты, каким вдруг озарили меня светом; я знаю уже основу природы.

П. Знаешь больше, но эта мысль не успела еще у тебя развернуться, мир политический и самые изящные искусства не продолжение ли развития трех основных идей? Ведь это тоже проявление бесконечного в конечном.

К- Так-так, понимаю, мир политический и самые изящные искусства образовались по тем же трем идеям? Бесподобно! Да я теперь чувствую себя даже способным писать в духе любомудрия.

П. Любомудрие чудеса творит; я тому пример. Тебе известно, что я никакой науке не учился систематически и ни одной не знал, как должно. Но с тех пор как познакомился с новою философией, *пределы* моего знания *раздвинулись* до бесконечности, я теперь все знаю, даже и то, о чем прежде и не помышлял; мне вдруг все представилось *в общем объеме, в огромных размерах* и в полном свете! На все я теперь имею высший взгляд, все вижу иначе, нежели как видят другие; я теперь того только не знаю, о чем бы я не мог писать, и писать *отчетисто.* Прочитай со вниманием мои критики, ты найдешь в них весь объем человеческих сведений, а вместе заметишь, что они писаны с электрицизмом ума. Поверь, что теперь ни одно сочинение не выдержит в моих критиках философического взгляда. А! вот идет к нам Менон, порицатель нашего любомудрия.

М. Не помешал ли я? Вы верно занимались построением вселенной? На чем остановились?

Библиотека “Руниверс”

П. На порицателе любомудрия.

М. Не на меня ли падает это нарекание?

П. Всякому свое.

М. Поэтому галиматья должна быть называема не иначе, как галиматьею?

Я. Не иначе.

М. А если бы кто вздумал галиматью назвать любомудрием или философиею, можно ли не вооружаться против такого злоупотребления?

П. Теперь наша очередь спросить: не на нас ли падает это нарекание?

М. Всякому свое.

П. Как? Любомудрие, которое, показав всю неотчетность прежней учености, разливает в науках новый свет, которое на все обращает *высший взор, эту науку наук, без которой мы будем, как Сократ, знать только то, что ничего не знаем;* это высшее проявление мышления ты называешь галиматьею? Какое варварство! Я за тебя стыжусь.

М. А я со своей стороны жалею о вас: возможно ли заблуждаться до такой степени?

П. Любомудрие — заблуждение? Так ли должно говорить в XIX веке? Что сказали бы немцы, если бы нас подслушали?

М. Не беспокойся, между немецкими учеными есть также разряды: одни изумляют современников глубокомысленностию, другие смешат нелепостями, желая подражать первым и вместо мыслей заимствуя от них одни слова.

П. Разве можно заимствовать слова, не заимствуя мыслей? Слово не есть ли самая мысль, облеченная в *конечную форму,* т. е. перенесенная из сферы бесконечного в сферу конечного?

М. Меня ты не удивишь ни конечным, ни бесконечным, ни даже абсолютом; я знаком со словарем, которым вы так неудачно пользуетесь; тем смелее говорю, что вы заимствуете из оного только слова, а не мысли, по сему ваши разговоры и сочинения так сбивчивы, непонятны и смешны.

К. Я не ожидал такой клеветы на новых любомудров.

П. Чему удивляться? История свидетельствует, что самые высокие начинания и самые важнейшие открытия часто были толкованы дурно и составляли иногда предмет насмешек. Скоро ли поверили Копернику, что

Библиотека "Руниверс"

не солнце вокруг земли движется, а земля вокруг солнца? Думаешь ли, что над ним не смеялись в свое время? А теперь имя Коперника произносится с благоговением. Колумб не испытал ли подобной участи? Мысль его об открытии Нового Света не казалась ли мечтою, порождением расстроенного воображения? А теперь Колумб ставится в ряду величайших гениев. Что, если б сии и им подобные исполины, вняв мнению пигмеев-современников, шли с ними одним шагом? Человечество немного бы подвинулось вперед. Свойство гениев — стремиться к цели своей постоянно, решительно, без всякого внимания к предрассудкам века и в стремлении своем увлекать за собою человечество.

М. Объяснить систему мира и открыть новую часть света, признаюсь, услуга человечеству важная и может быть уделом только гениев, которых на пути к высокой цели действительно никак не должны останавливать предрассудки современников, но я желал бы знать, как все это вы к себе применяете?

П. Мысль о возможности найти постоянное место, с коего бы можно простирать высшие взгляды на всю *общность объединенных проявлений лепоты, сего синтеза истины и блага, смелая, говорю, мысль обнять сущность высшей критики и положить конец бесконечным спорам о вкусе* не стоит ли мысли об открытии нового клочка земли, не потопленной морями?

М. Мысль смелая, согласен, но мысль не самое дело. Старый и Новый Свет разделены о-кеаиом; Колумб тогда изумил современников, когда мысль свою о возможности найти новую часть света подтвердил на берегах Америки.

Я. А мы при полном свете высшего любомудрия созидаем *общий объем Европейской учености в огромнейшем размере* и таким образом приближаемся к цели своей — истине.

М. Вы, как видно, любите истину?

П. Истина есть характер ума, а потому составляет нашу потребность.

М. Тем более надеюсь заслужить от вас благодарность, ежели я, разрушив ваше очарование касательно любомудрия, представлю оное в истинном виде и докажу, что любомудрие, т. е. философия, не только не отвергает эмпирии, напротив, без оной быть не может.

П. Эмпирия необходима для любомудрия? Какая нелепость!

Библиотека "Руниверс"

М. Да! Необходима; умозрительные сведения возможны только при опытных. Незнание сей связи в сведениях обличает вас еще более в том, что вы из философических сочинений заимствуете только слова, а не мысли.

К. Это, однако ж, надобно доказать.

П. Доказать ясно и *отчетисто.*

М. Согласен, только отложим наше прение до другого раза. Для разочарования вас на счет ваших сведений по части философии нужно времени более, нежели сколько теперь можем оного посвятить столь полезному делу.

Разговор 2

Кенофон, Пол ист и Ме нон

М. Сведения умозрительные возможны только при опытных, а последние возможны сами по себе независимо от первых. Вот истина, в которой я намерен вас убедить.

П. И уверен в успехе?

М. Совершенно. Приступим к делу. Слова «любомудрие» и «философия» означают на вашем языке одно и то же?

П. Да, одно и то же.

М. Будем употреблять первое.

П. Все равно.

М. Что вы разумеете под именем философии?

П. Какой странный вопрос!

М. Нимало, слово «философия» употребляется в разных значениях, посему необходимо определить, в каком значении мы будем употреблять это слово. В противном случае логомахия неизбежна.

П. Философия одна, равно как и одна истина.

К- Разных значений слова «философия» быть не может.

М. Что есть, то и может быть. Древние, напр[имер] именем философии означали познание дел божеских и человеческих.

П. Т. е. познание всего или единого во всем и всего в едином? Древние недурно понимали философию.

М. Декарт говорил: бог один премудр и всеведущ, мы же всего знать не можем.

Библиотека "Руниверс"

П. Декарт заключал о всех по себе, это не философически.

К. Сократ для меня забавнее: старался уверить всех и каждого, что он то только знает, что ничего не знает. И его называли философом!

П. Декарта также.

К. Хороши философы!

Я. Хороши и времена, в которые имя философа доставалось так дешево!

К. Ныне таких философов надобно бы снова переучивать.

К- Новейшие сделали гигантский шаг вперед.

М. Не должно пренебрегать и древних. Будем, однако ж, продолжать, что начали. Цицерон философию называл путеводительницею в жизни, а Сенека — правилом жизни.

П. Ежели бы они называли философию правилом Универса, я бы еще был ими доволен, но правило жизни — какая бедная идея!

М. Некоторые называют философию навыком познавать причины вещей.

Л. Мало ли бредней! Не хочешь ли все их вычислить? Уволь, сделай милость, от такой ученической лекции.

М. Я хотел только показать, что со словом «философия» соединяются различные понятия, а тем вместе оправдать мое требование: что значит философия на вашем языке?

П. Философия есть наука наук.

М. Я и прежде это от вас слыхал, но никак не предполагал, чтобы вы философию так определяли.

П. Да, *мы* так философию определяем.

М. Это не определение.

П. Как не определение? Разве человеческие сведения не заключаются в науках? А науки заключаются все в *общем объеме философии,* следовательно...

К. Науки в философии составляют только частные вопросы; в философии все сии вопросы, т. е. науки, разрешаются кратко и так удовлетворительно, что, зная философию, поневоле знаешь и все науки; этого мало, не учась ни в одном высшем учебном заведении лучше употреблять учебные курсы.

П. И удивляться нечему: в философии заключаются общие, *высшие взгляды на все,* а в сих общих, высших взглядах, составляющих начала наук, сии последние

Библиотека "Руниверс"

содержатся интенсивно, как числа в нуле. Вот почему философия есть наука наук, как начало их начал. В сем-то смысле говорится: философия одушевляет науки; без чего науки — вздор; *математика будет ремеслом чувств, история — сбором простых сведений, грамматика — пустословием, статистика — суммою газетных известий, и самые законы ума останутся под тяготением вещественности.*

М. Из всего, однако ж, вами сказанного я не вижу еще, что вы называете философиею; она представляется вам то фокусом наук, то гением их, но сама она есть ли особая наука?

Я. Без всякого сомнения; *что имеет содержание и форму есть наука; философия имеет содержание и форму; следовательно, философия — наука!*

К. Каков силлогизм? Вот вам образчик нашего мышления; так надобно все приводить в ясность в XIX веке. Жаль, что современные ученые не внемлют подобным отзывам высшего знания; мраки эмпиризма навели на них умственную дремоту, и науки остановились.

Я. Но *мы* сего не потерпим: мы расшевелим, пробудим задремавших; *мы* раздвинем пределы их знания, и науки пойдут наравне с веком.

М. Видите ли, господа, на столе муху? Форма ее кажется мне довольно странною.

К. Форма ее ничем не отличается от формы прочих мух.

Я. Всякому роду тварей свойственна своя форма.

М. А как вы думаете: муха имеет ли содержание?

Я. Само собою разумеется; в этой форме содержится материя.

К. Да, муха имеет содержание.

М. Итак, муха есть наука.

Я. Как? Что?

М. Плененный образчиком вашего мышления, я хотел по оному расположить свои мысли, и вышла нелепость.

Я. Кто ж муху считает наукою?

М. Вы. Помните ли, что вы сказали: «Что имеет содержание и форму, есть наука».

Я. Как философ от слов моих не отрекаюсь.

М. Муха имеет содержание и форму; это вы также подтвердили.

Я. И теперь подтверждаю.

Библиотека "Руниверс"

М. Следовательно], по формам вашего мышления муха есть наука и писать можно о мухе как науке.

К. Странно, умствование выполняет все условия логики, а заключение выходит нелепое и выходит весьма правильно, само собою.

М. Из этого вытекает также само собою следующее заключение: нелепо то начало, которое ведет к нелепости.

П. Разве тебе, Менон, не случалось читать современных философических сочинений? Там часто встречаются сии слова: «содержание» и «форма».

М. Встречаются, но в другом смысле. «Каждая наука должна иметь свое содержание и форму: каждой науки должно определить содержание и форму». В таком и подобном значениях слова «содержание» и «форма» действительно в ученых сочинениях встречаются, но это значение далеко от того, по коему должно назвать и муху наукою.

П. Мы так и разумели содержание и форму, но ты нас не понял.

М. Очень понял. Ныне, к удивлению и сожалению, ученые термины сделались средством для прикрытия невежества, напр[имер] слова: «аналитический», «синтетический», «философический» и пр., как часто употребляются без малейшего понятия об их значении для того только, чтобы слабейших запугав мудреными словами, заставить себе удивляться. Но возвратимся к нашему предмету. Как же вы определяете философию?

П. Долго ли ты будешь скучать такими привязками? Определения, *этот сор схоластики, давно бы пора вымести.*

М. Не худо для некоторых, ибо определения требуют понятий о предмете точных. И как доселе я не могу от вас добиться определения философии, заключаю, что вы об ней точных понятий не имеете. Да, господа, вы с учеными терминами знакомы только понаслышке, а значение оных — для вас загадка. Согласитесь по крайней мере философию признать высшею наукою.

Я. Это наше мнение.

М. Не буду о том спорить; для меня довольно, что мы согласны хотя в одном — в том именно, что философия принадлежит к числу наук и между ими занимает самое высшее место.

П. Самое высшее, это по^ашему.

К. И какая наука может быть выше философии?

Библиотека "Руниверс"

М. Впрочем, восклицания не доказательства; в науках необходимо убеждение.

П. Ежели сказанное нами о философии справедливо, то должны быть на *то* и доказательства убедительные.

К. Без всякого сомнения.

М. Надобно только отыскать сии убедительные доказательства. По моему мнению, высшею наукою та может называться, в которой предлагаются самые высшие, последние вопросы о предметах нашего познания, по решении коих нечего более спрашивать.

П. С вашим мнением я согласен.

К- Ежели такие вопросы должны относиться к философии, то и я противоречить не намерен.

М. Да, такие вопросы должны относиться только к философии как высшей науке. Теперь следует определить, какие вопросы должно считать высшими.

К- Об идее абсолюта без сомнения, не так ли, Полист? Ведь эта-то идея есть начало универсального знания?

П. Послушаем, что об этом скажет Менон, теперь его очередь говорить.

М. Поверхность земного шара довольно исследована; многократно повторенные путешествия людьми просвещенными в разные страны и вокруг всего света доставили богатейшие запасы положительных сведений, но что при самих полюсах, еще не решено. Как вы думаете, какого рода этот вопрос?

К- Должно быть, высшего разряда.

М. А следующий: какого числа и месяца в нынешнем году стала Москва-река?

Л. Самый обыкновенный.

К. Самого низкого разряда.

М. Тот и другой одного рода, ибо в решении того и другого должно быть сказано, как предмет действительно есть. Заметим вообще: вопросы, разрешаемые помощью опытности, или способом эмпирическим, все одного рода, будут ли одни из них труднее, другие легче.

П. «В центре земли огонь или самое твердейшее вещество?» Неужели и этот вопрос одного рода с вопросом: когда стала Москва-река? Последний может решить всякий, а первый — только философ.

М. Тот и другой может быть решен только помощью опытности, т. е. способом эмпирическим.

П. Последний, не спорю, а первый может быть ре-

Библиотека "Руниверс"

шен только помощью умозрения: какими путями и кто может когда-либо дойти до центра земли, чтобы там все узнать эмпирически?

М. До сих пор о качестве вещества в центре земли будут одни догадки. Многие, как вы знаете, старались помощью умозрения доказать, что все планеты и их спутники обитаемы подобно нашей земле.

П. Некоторые и доказали это предположение весьма убедительно.

М. Однако ж и доселе никто не верит, чтоб на луне были люди, и до тех пор не примут сего за верное, если бы и в самой вещи там были люди, пока не удостоверятся в том зрением. Всякий предмет нашего познания, как он есть, может быть познан только помощью опытности.

П. Что ж останется для умозрения? Неужели одно умственное?

М. И самое умственное, например ум, когда исследуется в состоянии бытия и действия, словом, как он действительно есть, познается не иначе, как способом эмпирическим, и логика, в которой излагаются сведения о действиях разумения, как они наблюдателю открываются, называется эмпирическою.

К- И самый ум, недоступный для чувств, познается эмпирически? Это новость!

Л. Напротив, так всегда было; магнитная сила познается эмпирически или умозрительно?

К- Обыкновенно эмпирически.

М. А магнитная сила чувствам не подлежит; чувствами постигаются только ее действия, по коим делается заключение и о самой причине; так, ум не подлежит чувствам, но обнаруживается для них в действиях своих, по коим и делается заключение о нем самом. Подобные заключения все составляют сведения опытные, или эмпирические, которые, будучи приведены в систему, образуют науки.

Л. И философию?

М. Нет, философия есть наука умозрительная; она одна составляется из сведений, чисто умозрительных; все прочие науки содержанием имеют сведения опытные.

П. Сведения опытные грубы, недостаточны; умозрительные—возвышеннее, совершеннее, и потому без философии науки совершенства достигнуть не могут.

М. Я.докажу противное. Естественные науки с тече-

Библиотека "Руниверс"

нием времени обогащаются новыми открытиями и чрез то более и более совершенствуются, не правда ли?

П. Каждое новое открытие есть новый шаг к совершенству.

М. Но открытия в области наук естественных совершаюгся исключительно способом эмпирическим.

П. Философ и помощью умозрения, по одним выводам своим, может указать на открытие, что и случалось.

М. Но это указание будет не более как догадка; если и в самой вещи по такому указанию сделается открытие, то не иначе? как способом эмпирическим,— словом, открытие есть дело опытности.

К. С этим надобно согласиться.

М. Теперь представим, что открытия кончены; в природе нечего более узнавать; она совершенно описана, как есть действительно, тогда естественные науки достигнут своего совершенства и единственно помощью опытности.

77. В описании предметов, может быть, но в объяснении явлений одной опытности недостаточно.

М. А как вы думаете, что значит объяснить явление?

П. Открыть причину и показать способ, как найденная причина производит данное явление.

М. Например], объяснить явление грома — значит найти причину оного и показать способ как сия причина производит явление грома. Положим теперь, что объяснение грома сделано совершенное, т. е. причина грома найдена истинная, способ ее действия показан настоящий: это объяснение не будет ли представление грома так, как он есть?

К. Точно.

М. Следовательно], объяснение есть тоже описание, а поелику естественные науки все стремятся к *оддок*-цели — представить природу, как она есть, то и могут достигнуть своего совершенства исключительно помощью опытности.

К. Без участия философии!

М. Да, без участия философии. Чтоб узнать, что находится при полюсах земли, для сего нужна одна опытность.

К- Справедливо.

М. Следовательно, опытные сведения возможны сами по себе, независимо от умозрительных.

77. Если все действительное можно узнать без по-

Библиотека "Руниверс"

мощи умозрения, то что же останется для философии? Какие вопросы должна решать сия высшая наука?

М. Касательно всех предметов нашего познания могут быть только два рода вопросов: каковы они действительно и как могли быть? Первые разрешаются помощью опытности, вторые — помощью умозрения. Знать предмет, как он есть — значит только определить, привести в известность предмет познания; решить как он мог быть, как есть, — значит приобрести об нем конечное, высшее познание, после коего не о чем более спрашивать. Здесь-то, при мысли о возможности действительного, начинается философия; тут уже нет места опытности, это область умозрения. Вникните в творения ученых, признанных философами во всех веках и всех народов; вы убедитесь, что все их усилия стремились к решению вопросов о возможности предметов нашего познания. Ознакомьтесь лучше с новейшими; найдете то же.

[Каким образом возможны мир вне нас, природа и наряду с ней познание? Этим вопросом мы обязаны философии, или, вернее, в связи с этим вопросом возникла философия] *. Вот подливные слова современного философа, коего именем гордится ученая Германия. И какие задачи могут принадлежать высшей науке, как не вопросы о возможности действительного? Познание природы в' действительности есть познание начальное, в возможности — окончательное.

П. Итак, к философии относятся вопросы о возможности действительного?

М. Да, и сии-то вопросы суть высшие, последние, напр[имер], описать три царства природы со всею точностию — значит довести натуральную историю до совершенства, но сим исследование не оканчивается. Остается еще вопрос: как могли быть три царства природы, и притом в таком точно виде; почему их ни больше, ни меньше. По решении сего вопроса не останется уже ничего, о чем бы нужно было спрашивать далее. Другой пример: можно со всею точностию определить, как составляются понятия, суждения и заключения; можно со всею подробностью вычислить их роды, виды, различия, но сим что достигается? Познание разума, как он есть действительно, сим скажется только: вот

* Ideen zu einer Philosophie der Natur von F. W. I. Schellmg. 1803. S. 4.

Библиотека "Руниверс"

как действует разум. Но как возможны его действия? Понятия приходят ли извне, или они врожденны? Или предметы суть только отражения врожденных идей? Словом, как возможно познание? Сей вопрос есть высший, философический; решить его — значит кончить исследование познания совершенно.

К. Тут, однако ж, всякий может рассуждать по-своему, одному покажется, что это возможно так, другому иначе.

М. Оттуда и различие философских систем. Я только то утверждаю, что ежели философия есть высшая наука, то к ней должны относиться вопросы о возможности предметов нашего познания, ибо, кроме сих, нет других высших вопросов.

П. Мы не то же ли утверждали, говоря, что философия есть высшая наука?

М. Нет; вы говорили, что надобно знать только философию, тогда узнаешь и все науки; выходит противное: чтобы узнать философию, надобно прежде знать науки; в философии рассуждается о возможности того, что в науках представляется, как есть. Можно ли рассуждать о возможности того, чего не знаем?

П. Нет.

М. Следовательно, сведения умозрительные, составляющие философию, возможны только при опытных, составляющих науки. Ясно ли теперь для вас, что науки без философии быть могут и совсем не вздором, а философия без наук невозможна. Если же кто вздумает философствовать, не зная наук, его мудрование буде бред, постыдный для ума, вредный для наук.

П. Положим, что для философии науки необходимы; неужели и философия в свою очередь для наук не полезна?

М. О влиянии философии на науки теперь говорить было бы у места, но это рассуждение завело бы нас очень далеко.

Я. По крайней мере, скажи: как же ты определяешь философию?

М. Предметы нашего познания, т. е. все, что мы можем познавать, суть вместе предметы наук и философии, но с великим различием: в науках они описываются, изображаются; в философии построятся; в науках рассматриваются, как есть; в философии исследывается и их происхождение (genesis); там приводится только в известность все, что есть; здесь объясняется,

Библиотека "Руниверс"

как могло быть то, что есть, посему философия есть не наука наук, но *наука о возможности предметов нашего познания,* или, что все равно, о возможности предметов наук, и потому сведения опытные, составляющие науки, должны предшествовать философии; повторение сей истины полезно.

К. Надобно признаться, что мы, желая достигнуть конца, не делая начала, были в заблуждении насчет философии; наши мечты оказались несбыточными; но и тобой раскрытая, Менон, философия едва ли доступна для человека; представить природу в возможности; объяснить, как могло быть то, что есть, едва ли не выше сил человеческих!

М. Где ум человеческий, совершая великое дело познания, после всех усилий достигнуть цели своей изнемогает и падает, там загорается для него заря веры.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Впервые опубликовано в журнале М. Г. Павлова «Атеней» (1828. № 1—2). Статья (диалог) М. Г. Павлова была направлена против братьев Полевых, их увлечения умозрительной философией. Она вызвала обширную полемику на страницах русских журналов. Публикуется полностью по кн.: Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX века. С. 88—97.

Библиотека "Руниверс"

БЭР КАРЛ МАКСИМОВИЧ

К. М. Бэр родился в 1792 г. близ Ревеля (Таллина) в семье небогатого эстонского землевладельца. Получив домашнее воспитание, он поступает в 1819 г. на медицинский факультет Дерптского (Тартуского) университета, который закончил в 18J4 г. со званием доктора медицины. В течение нескольких лет Бэр изучал медицину в Берлине, Вене, Вюрцбурге.

За границей он принял решение посвятить себя биологии. Вскоре после того как выяснилось, что на родине К- Бэр не сможет получить работу по специальности, он занимает должность прозектора кафедры анатомии и физиологии Кеиигсбергского университета. Там он проработал с 1817 по 1831 г. В 1822 г. Бэр защищает диссертацию об ископаемых млекопитающих и получает звание ординарного профессора.

Основная область научных интересов К. М. Бэра в Кенигсбергском университете — эмбриональное развитие животных. Результаты своей работы он изложил в фундаментальной монографии «История развития животных» (1828), которая положила основание эмбриологии как науке. Российская Академия наук избирает его в 1827 г. член-корреспондентом, а в следующем году — ординарным академиком.

В 1831 г. К- М. Бэра назначают директором Зоологического музея Академии наук. По возвращении на родину в 1834 г. он предпринимает с научной целью ряд путешествий, в том числе на Новую Землю (1837), на Чудское озеро и Балтийское море (1851—1852), на Каспийское море (1853—1856). Научные и практические результаты этих экспедиций он изложил в четырехтомных «Исследованиях о состоянии рыболовства в России» (1860—1861).

С 1841 г. К. М. Бэр читает лекции по сравнительной анатомии в Петербургской медико-хирургической академии.

Библиотека "Руниверс"

В 1862 г. он выходит в отставку. В 1865 г., после избрания его почетным академиком Российской Академии наук, он уезжает в Дерпт, где умирает в 1876 г.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Бэр К. М.* Избранные работы/Пер. с нем. М.: Госиздат, 1924. 143 с.

2. *Бэр К. М.* История развития животных: Наблюдения и размышления. В 2 т./Пер. с нем. М.: АН СССР, 1950—1953.

3. *Бэр К. М.* Автобиография/Пер. с нем. М.: АН СССР, 1950. 544 с.

4. *Бэр К- М.* Всеобщий закон природы, проявляющийся во всяком развитии; Взгляд на развитие наук//Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX века. М., 1959. С. 200—235.

ЛИТЕРАТУРА

1 *Холодковский Н. А.* Карл Бэр: Его жизнь и научная деятельность. М.; Л.: АН СССР, 1923. ПО с.

2. *Райков Б. Е.* Карл Бэр: Его жизнь и труды. М.; Л.: АН СССР, 1961. 524 с.

3. *Бляхер Л.* Я. Карл Максимович Бэр. 1792—1876//Люди русской науки. М., 1963. С. 56—72.

4. *Лукина Т. А.* Бэр и Дарвин//Наука и техника: Вопросы теории и истории. Л., 1977. Т. 9. С. 111—113.

Библиотека “Руниверс”

ВСЕОБЩИЙ ЗАКОН, ПРОЯВЛЯЮЩИЙСЯ ВО ВСЯКОМ РАЗВИТИИ ПРИРОДЫ[1]

Органические тела не только изменяемы, но являются единственными, которые изменяются сами по себе. Кристалл и кусок скалы также подлежат окончательному разрушению, но это разрушение проистекает не из них самих. Влажность, теплота, химические и физические процессы являются теми силами, с помощью которых время медленно истачивает их. Будучи помещены в изолированной точке вселенной, они могли бы оставаться в ней *вечно,* ибо неживое *не может умирать,* оно только *разрушается* внешними воздействиями.

Напротив, органические тела разрушаются сами по себе. Они не только подвержены постоянному изменению, но все их развитие является стремлением к смерти. Да, в их жизни *ничто* столь не несомненно, как именно смерть, ибо насколько далеко ушли они в процессе развития, зависит от их внутренних задатков, отчасти же происходит по милости внешних условий, но с самого момента зачатия им подписан смертный приговор, и остается открытым лишь вопрос, когда он будет приведен в исполнение.

Ничто не затрагивает нас так сильно, как именно это обстоятельство, почему каждый раз скрыто или явно мы чувствуем, что у нас поднимается вопрос: откуда это непостоянство? Неотклонимость данного вопроса свидетельствует больше всего о его глубоком значении. То, что постоянно повторяется, не может зависеть от случая или вызываться преходящей причудой, а напротив, должно зависеть от какой-нибудь неизбежной причины. Так по крайней мере привыкли думать естествоиспытатели, для которых физический и духовный мир отнюдь не являются скоплением не зависящих друг от друга веществ или отдельных картин. Они признают, таким образом, что нам врождено стремление верить в нечто вечное даже там, где мы его замечаем не сразу.

Библиотека "Руниверс"

В данном случае отнюдь не трудно последовать этому врожденному стремлению и найти в преходящем постоянное, только мы должны, чтобы вполне живо представить себе последнее, несколько ближе рассмотреть это *непостоянство.* Чем менее способен организм к развитию, тем быстрее проходит его жизненный цикл. Существуют виды плесени, которые при надлежащем тепле и влажности за 24 часа образуют зрелые продукты размножения и успевают рассеять их, грибы, которые еще за меньшее время разрастаются в обширную массу, и животные, которые никогда не видят захода солнца, так как они в тот же день, в который появились из куколки на свет, угасают еще до него.

А разве история тыквы не та же самая, с тою разницею, что здесь происшествия *одного дня* простираются на *одно лето?* Нам кажется, конечно, так как наше наблюдение распадается на отдельные моменты, что мы видим *постоянное* растение, и должны призвать на помощь нашу способность к отвлечению, чтобы признать, что *это* — образование, находящееся в процессе борьбы между развитием и уничтожением. Еще более постоянной кажется нам жизнь в человеке, ибо она продолжается, как говорит поэт, от 60 до 80 лет. Однако что является постоянным в ней? Конечно, взрослый мужчина является плодом юноши, а последний — цветком, распустившимся из почки, которую мы видели в мальчике. Тем не менее в мужчине от юноши, а в юноше от мальчика нет ничего кроме сходства формы да воспоминаний о прежних восприятиях, которые самосознание объединяет в понятие единого я. Да разве в каждом дне нет новой перемены, в каждом ударе пульса — нового добавления вещества в теле и шага вперед в духовной области? Если эти изменения кажутся нам *длительными, то* причина этому кроется лишь в том, что мы меряем их нашим собственным существованием. Если же принять за основу более высокий масштаб, при котором смена дня и ночи будет казаться лишь сменой светлой и темной минуты, а времена года — лишь утром, полднем и вечером одного и того же дня, то человеческая жизнь будет продолжаться всего 60—80 дней. Сколь незначителен, однако, еще и этот масштаб, если сравнить его с продолжительностью существования всего мирового целого, которое мы отнюдь не должны упускать из виду, чтобы не думать о творении слишком мелко. Ничто не является достаточно продолжительным, чтобы

Библиотека "Руниверс"

измерять им времена творения, и если даже мы признаем возникновение и исчезновение солнечных систем за секунды на часах творения, кто не почувствует тем не менее, что и эта мера слишком мала, так как вечное отнюдь не может быть многократным, конечным.

Если мы вернемся теперь после этого взгляда на бесконечность, постигнуть которую человеческий дух не в состоянии, к продуктам нашей земли, то с расширением нашего горизонта должны будем признать, что как гриб, так и банан, как монада, так и телесный человек являются только изменчивыми явлениями, которые, однако, во время своего кратковременного и состоящего из ряда перемен существования подготовляют зачатки для возобновления его в других особях, являясь преходящими осуществлениями постоянной мысли, ибо на протяжении отдельных актов размножения повторяется одна и та же организация. В этом-то и заключается то постоянное, стремление к отысканию которого мы и носим в себе. Известные *формы организации,* эти связанные при помощи размножения ряды, являются постоянными идеями творения, а отдельные особи представляют из себя лишь преходящие изображения данных идей. Только особи и подлежат смерти, и только *повторение* новообразования является постоянным. Благодаря этому мы и замечаем, что в природе существуют для сохранения особи только слабые средства, а для сохранения вида — наиболее сильные. Сильнейшее влечение толкает оба пола друг к другу. Чем слабее отдельные особи, тем значительнее их плодовитость, дабы их слабость не представляла опасности для целого. Затем большинство животных борется за самосохранение лишь поодиночке, но во время спаривания и вывода молодых многие из них соединяются в семьи и отстаивают свое существование общими силами. Слабое животное становится более сильным, трусливое — мужественным. [...]

Я не сомневаюсь, что мои уважаемые слушатели могут возразить мне, что сводя размножение на рост, я объяснил одно неизвестное другим неизвестным. Подобное замечание вполне правильно, и можно, конечно, с тем же правом сказать,.что рост есть продолжение размножения, так как при помощи его особь постепенно образует себя вновь. Я остановился, однако, на первой формулировке, ибо обыкновенно видят нечто загадочное только в размножении, а рост считают вполне понятным. Поэтому для меня будет только приятно, если меня

Библиотека "Руниверс"

заставят признаться, что та же самая загадка скрыта и в явлении роста. Естествоиспытатель, двигаясь в своей области по различным направлениям, вообще находит всюду загадки, но в то же время он сознает, что все они могут быть сведены на одну общую загадку, которой является само *творение.* Раз дана эта единственная загадка, то все остальные уже могут быть произведены из нее. Основу творения мы не можем постичь при помощи наших мыслительных способностей и лишь путем внутреннего чувства должны признать, что в нем имеется такая основная причина. Задачей натуралиста является лишь найти путем наблюдения те средства, при помощи которых творение осуществлялось и осуществляется и теперь, ибо оно, конечно, еще продолжается и в настоящее время. Истинным объектом естествознания и является, таким образом, сама *история творения,* и все детали, независимо от того, велики они или малы, приводят нас, в конце концов, именно к ней.

Исходя из этого убеждения, мы не только можем, но и должны спорить: как и каким именно образом возникли различные органические формы? Развились ли они при помощи размножения и превращения одна из другой? Или же каждая форма возникла не путем размножения, а сама по себе и лишь увеличивается дальше в числе благодаря размножению. Все эти вопросы, которые неизбежно приводят нас к такому: как вообще возникла органическая жизнь?

Необычайно мало для разрешения этого вопроса дает нам непосредственный опыт. Быть может, вы будете удивлены, когда я скажу, что прошло едва ли 100 лет с тех пору как наука дала столь точные описания и изображения животных, чтобы по ним можно было подметить какие-либо изменения, если они вообще происходят; для растений же это делается в течение немного большего периода времени. Однако столетие представляет из себя слишком короткий промежуток времени, чтобы на основании его с точностью измерить изменения органических форм. Лишь делом последующего тысячелетия будет разрешение этого вопроса с полной определенностью на основе непосредственного наблюдения. Однако можем ли мы поэтому совершенно отклонить от себя решение данного вопроса? Зоолог нашего времени должен по меньшей мере признать эту задачу за одну из наиболее важных для его науки, чтобы пользоваться ею в качестве отправного пункта для своих

Библиотека "Руниверс"

исследований и именно в силу этого накоплять подходящий материал для ее разрешения потомством. Быть может, он найдет при этом достаточно материала и для того, чтобы доставить большую вероятность тому или иному разрешению данного вопроса. [, ..]

На основании всего этого мы должны заключить, что поскольку в настоящее время у нас имеется материал для суждения об этом, превращение известных первичных форм животных в ряду последующих поколений, весьма вероятно, происходило не только в *ограниченной степени,* так что полное исчезновение очень многих типов, несомненно, имело место, но столь же несомненно происходило, правда не одновременное, но постепенное появление их. Если обратиться теперь с этим результатом назад, к началу наших рассуждений, то мы увидим, что там мы признавали виды постоянными и только особей преходящими. Со стыдом нам приходится теперь признать, что тогда мы ошибались и именно благодаря тому, что наш кругозор был еще слишком узок. Подобно тому как ребенок видит в своих сверстниках только вечных детей, говоря в то же время часто о том, когда он будет сам большим, и не учитывая отнюдь при этом вечности своего существования, так и научное исследование при своем первом, детском взгляде на вещи допускает, будто органические тела имеют нечто постоянное, но скоро убеждается, что все особи преходящи и продолжают свою жизнь только при помощи размножения; если же оно привлекает на помощь историю всех времен, то должно в конце концов признать, что виды, или *ряды размножения,* также преходящи.

Однако, если и виды являются преходящими, что тогда постоянно? Не должна ли быть такой сама история творения? Не должны ли преходящие идеи быть выражениями одной основной идеи? И эта основная идея, останется ли она навсегда скрыта от нас? [...]

Животные с большим мозгом, т. е. обезьяны и человек, появились после всех и поднялись при этом над землею.

Так выясняется та последовательность, в которой постепенно появлялись животные на земле, причем постепенно неподвижные и более или менее безжизненные части вроде раковин, рогов, костей все более и более уступали место настоящим живым частям, и вообще масса убывала с развитием способности к движению и восприятию, так что более высоко организованные фор-

Библиотека "Руниверс"

мы жизни все более и более достигали господства над низшими.

Позвольте в заключение, так как это необходимо для полноты картины, обрисовать несколькими штрихами и развитие человеческого рода! Вначале, сражаясь с окружающей природой за свое существование, он научается защищаться против физических влияний. Под покровом листьев или в пещере ищет он, подобно животному, крова от бурь и холода. Однако его душевные задатки научают его господствовать над мертвыми массами. Он делает себе из листьев подвижный покров и называет его платьем, он строит себе на удобном месте пещеру и называет ее домом. Его физические задатки не дали ему искусства плавания, однако доска переносит его через реку. Он строит себе из нескольких досок дом и вместе с женой и ребенком отправляется с берега в другое отечество, передвигаясь по воде при помощи весел — как бы искусственно удлиненных рук. Он прядет кусок холста и при помощи него, убирая весла, предоставляет двигать себя ветру. Игла, стремящаяся острием к полюсу, указывает ему дорогу, и он не нуждается более в береге. Однако при этом он все же продолжает зависеть от прихотей ветра. Тогда он запирает огонь и воду в узком помещении и заставляет их помесь, называемую паром, которая возникает в результате вынужденного смешения этих враждебных элементов и все время стремится убежать, чтобы снова разделиться на воду и огонь,— заставляет его везти его по морю при помощи колес. Так делает он стихии своими рабами. Он, для физических сил которого ров в 6 футов ширины является непреодолимою преградой, делает океан мировым путем, который сплетает все страны в тесный союз. Уже серьезные ученые * говорили о возможности при помощи отраженного света сноситься с луною, и, быть может, все дело здесь сводится к счастливому пониманию знаков, чтобы давать нашему верному спутнику известие о наших радостях и горестях...

И разве при этом не бросается в глаза то, что проходит через все это красной нитью? Мы подняли вопрос об истории развития земли и столкнулись прежде всего с ее первым периодом — периодом мертвой массы без формы, жизни и какого-либо одушевления в виде скопления различных металлов. Во втором периоде эта мас-

* Проф. Гаусс (1864).

Библиотека "Руниверс"

са оковывается формой и законом в виде кристаллических тел. В третьем она поступает на службу растительной жизни: растения покрывают землю, бесчувственные животные населяют воду. Во время четвертого периода из растительной жизни развиваются животные и животные, одаренные уже радостями и горестями, перерабатывают далее материю", превращая вещество растений в массу своего тела. В пятый период душевная жизнь человека начинает проявлять свою мощь, покорять материю, господствовать над стихиями, превращать все живое в своих рабов, и, наконец, в шестой, который, быть может, начинается с изобретения книгопечатания, она собирает все духовное достояние в единое целое. Таким образом, вся земля является только пашней, на которой произрастает духовное начало человека, и вся *история природы является только историей идущей вперед победы духа над материей.* Это и есть идея творения, и не для согласования с ней, нет, а для достижения ее последнее и принуждает к исчезновению отдельных особей и целые ряды размножения и возвышает настоящее над подмостками необозримого прошедшего.

Всюду естествознание, как только оно возвышается над рассмотрением деталей, приводит к этой основной идее, так что как можно думать (что часто в действительности и бывает), будто оно должно, напротив, вести к материализму? Конечно, материя является почвой, на которой естествознание двигается вперед, но пользуясь ею исключительно в качестве опоры. Как иначе оно могло бы найти материал для проявления своего господства? Если бы этому не мешали время и место, я попытался бы показать на примере развития цыпленка в яйце, что обмен веществ в нем стоит в зависимости от более высокого приданого, которое яйцо получает от матери, и я думаю, что это доказательство может быть проведено с такой же очевидностью, как и любое эмпирическое. Также едва ли необходимо исходить при этом из нас самих. Мы отмечали уже выше, что и человек непрерывно изменяется. Однако никто не станет убеждать себя в том, что он отличен от того существа, которое 20 лет тому назад воспринимало, думало и надеялось, обитая в его же теле. Уже самый факт нашего сознания говорит каждому, что он представляет собою то же самое я. Однако столь же истинно, что с тех пор и в его глазу, и в его ухе, и в *его* сердце не сохранилось ни атома прежнего вещества, так что только форма со-

Библиотека "Руниверс"

хранила подобное. Так что и здесь имеет место то постоянное преобразование материи на служение идущего вперед, но остающегося духа — словом, то же самое отношение, которое мы, пробежав мысленно через все времена, нашли в истории творения.

Каким образом материя подпала под господство духа, произошел ли он, и если да, то как из нее,— это уже общая тайна, с которой мы сталкиваемся всюду как в большом, так и в малом. Эта тайна непостижима для нашего разума, по крайней мере пока мы сами находимся в борьбе с материей, и я не знал бы, к чему заложено в нас это стремление, если бы не надеялся, что эта тайна будет постигнута, когда этого уже не будет.

И эта повсюду бросающаяся в глаза тайна — не должна ли она предохранить от другой мнимой опасности? Естествознание, приходится иногда слышать, разрушает веру. Как это трусливо и мелко! [...] Но было бы гораздо благоразумнее не мешать мысли идти туда, куда она стремится. Если она идет ошибочным путем, то заблуждение не может долго оставаться скрытым. Действительно, некоторое время изучение природы склонялось к материализму, но только из силы сопротивления, ибо при этом свободное исследование пытались принудить идти иным путем. В настоящее же время среди естествоиспытателей существует больше мистиков, чем свободомыслящих, если только я смею употребить последнее выражение, не желая выразить им неуважение к религии *. [...]

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Этот доклад, прочитанный в Кенигсберге в 1834 г. под названием «Всеобщий закон развития природы», К- Бэр поместил в своей книге «Лекции по естествознанию и экономии». При жизни он опубликовал доклад еще раз в 1864 г. в сборнике своих речей и докладов. Печатается с сокращениями по кн.: Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX века. С. 204—205, 210—211, 214—215.

* За 30 лет это отношение несколько изменилось, но, несомненно, лишь временно (1864).

Библиотека "Руниверс"

РУЛЬЕ КАРЛ ФРАНЦЕВИЧ

К. Ф. Рулье родился в 1814 г. в Нижнем Новгороде в семье обрусевшего французского ремесленника. Первоначальное образование получил в Нижнем Новгороде, а в 1829 г. поступил в Московское отделение медико-хирургической академии. Успешно окончив ее, Рулье с 1834 по 1836 г. служил лекарем в Рижском драгунском полку.

В 1836 г. он занимает должность репетитора (ассистента) на кафедре естественной истории медико-хирургической академии. После защиты диссертации К. Ф. Рулье получает степень доктора медицины и должность адъюнкт-профессора.

Лето 1841 г. он проводит в научной командировке в Германии. Неудовлетворенный развитием европейской науки, Рулье публикует в «Отечественных записках» статью «Сомнения в зоологии» (1841).

С 1842 г. и до самой смерти К. Ф. Рулье занимает кафедру зоологии Московского университета. Он стал одним из основателей зоологии как науки, уделив большое внимание проблемам палеонтологии, историческому методу в биологии. Он заложил также основы экологии животных.

К. Ф. Рулье много сделал для пропаганды передовых взглядов в биологии. В течение многих лет он был секретарем Московского общества испытателей природы, редактировал издававшийся им «Вестник естественных наук». В пятидесятых годах большой резонанс вызвали публичные лекции Рулье «Чтение о нравах и образе жизни животных» (1845—1846) и «Жизнь животных по отношению к внешним условиям» (1851).

Пропаганда передовых материалистических взглядов на природу, близость к революционным демократам вызвали преследование прогрессивного профессора. За университетскими лекциями К. Ф. Рулье велось наблюдение. Его книги изымались из обращения. В 1852 г. ему было запрещено выступать с публичными лекциями.

Умер К. Ф. Рулье в 1858 г.

Библиотека "Руниверс"

СОЧИНЕНИЯ

1. *Рулье К. Ф.* Избранные биологические произведения. М.: АН СССР, 1954. 688 с.

2. *Рулье К. Ф.* Сомнения в зологии как науке; Бразильская свинья; Общая зоология; О первом появлении растений и животных на земле // Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX века. М., 1959. С. 479—526.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Микулинский С. Р.* К. Ф. Рулье и его учение о развитии органического мира. М.: АН СССР, 1957. 355 с.

2. *Абрашнев М. М.* О стихийной диалектике в творчестве К. Ф. Рулье//Филос. науки. 1960. № 4. С. 120—124.

3. *Давиташвили Л. Ш.* Учение К. Ф. Рулье о развитии органического мира//Вопр. философии. 1964. № 5. С. 85—91.

Библиотека "Руниверс"

СОМНЕНИЯ В ЗООЛОГИИ КАК НАУКЕ[1]

I

От известного переходим мы к неизвестному, посредством данного отыскиваем неизвестное. Это коренное правило лежит в основании всех способов, употребляемых для исследования вновь изучаемого предмета: должно изучить ближайшее данное. Всегда ли так поступаем мы в нашей науке? Нет, иногда идем путем обратным, не чувствуя того. Все первоклассные ученые согласны, что в основании зоологии полагается возможно точное разграничивание видов животных. Где же это более возможно, как не в животных, нас беспрестанно окружающих, т. е. домашних, или в животных нашей фауны? С другой стороны, большое количество видов одного рода требует необходимо для удобнейшего обозрения принять один из них за типический, нормальный, а прочие — за изменяющиеся от него, который, следовательно, должен быть нам более доступен, известен; а таким может быть животное нашей фауны. Так точно поступают в математике: найти неизвестное возможно только при помощи предшествующих данных известных. Ботаники давно уже оценили-по достоинству эту истину: все делают экскурсии. [...]

III

Все лучшие писатели почти всех времен принимали и доселе принимают единогласно произвольное движение за отличительную черту животных. Из всех зоологов, с которыми я имел случай познакомиться на путешествии своем по Германии, Эренберг один отличает животное способностью принимать твердые вещества (пищу) во внутренние, резко ограниченные полости; и он, однако же, не отвергает произвола в движении животных, а говорит только, что часто слишком трудно открыть его. Из такого общепринятого определения, казалось бы, должна проистекать естественно, даже необходимо мысль исследовать ближе этот произвол в движении, это духовное начало животного, а между тем мы говорим в зоо-

Библиотека "Руниверс"

логии о весьма многом и разнообразном, но всего менее говорим или даже совершенно умалчиваем о высших способностях животной жизни. Мы не скажем, что знаем вполне человека, когда изучили его телесное устройство и отправление его орудий, а ограничиваемся в изучении животного указанием этих двух сторон. Человек давно уже Сделался предметом психологии, которую все ставят выше антропологии материальной, а между тем для материальной антропологии доселе еще нет соответствующей части в науке о животных, нет психологии их. Что в известном случае одного рода непозволительно, то в другом, совершенно тождественном, почитается достаточным.

Есть даже и такие писатели, которые из предпочтения к человеку отрицают в животных существование рассудка и допускают в них только инстинкт, который, по их же мнению, есть непроизвольное, бессознательное влечение делать одно и избегать другого,— забывая притом, что в основание всей науки полагают они понятие о произволе движения животных,— забывая также, что при частном описании животных они же называют наскоро одно животное умным, а другое тупым и пр. Другие, не могущие противостоять доказательствам в пользу рассудка животных и не хотевшие совершенно признать его, допускали, однако ж, нечто вроде его, и называли это нечто *смыслом!* Кювье-младший[2] впервые раскрыл всю важность психологии животных, и это величайшая его заслуга, хотя уже до него писали некоторые о нравах животных, в особенности же Вирей[3], и хотя Блэнвиль уже прежде составил для этой части зоологии название зооэтики, но, повторяем, никто не чувствовал ее важности; ей не было дано места в науке, и немногие исследования проявления духовной жизни в животных лежали без употребления, как материалы без назначения, без видимого отношения к зоологии. Кювье говорит, как прежде указал уже и Вирей, что всем животным свойственен и инстинкт и рассудок, не исключая самого человека; что степень развития этих двух начал действий находится постоянно во взаимной противоположности по различным классам животных и по возрасту одного и того же животного, так что животное с самым развитым инстинктом, например пчела, муравей, бобр, есть вместе и самое глупое, а напротив собака, слон и пр., имеющие слабый инстинкт, наделены относительно сильным рассудком. Этим же разрешает он кажущееся противоречие тех, ко-

Библиотека "Руниверс"

торые отличали человека по его рассудку, а между прочим говорили, что есть умные животные, которые умнее глупого человека: они смешивали здесь явление инстинкта с явлениями рассудка. В самом деле, непонятно, как так долго отнимали у животных рассудок, когда издавна допускали в них неоспоримо заметные все отдельные явления или способности его: восприимчивость, память, соображение, собственно рассудок и волю; доказательства существования их неисчерпаемы на каждом домашнем животном. При всем том, однако же, между рассудком животных и рассудком человека более расстояния, нежели между двумя оконечными точками бесконечной прямой линии: способность самопознания человека, проявляющаяся в сознании необходимости религии, в совершенствовании рода человеческого, которых и малейших следов незаметно в животных, ставят его главой всех их. А потому весьма справедливо поступают те, которые исключают человека из царства животных и делают из рода его особенное четвертое царство. Отделение животных от растений основано на начале духовном, а не на органическом или телесном: почему же то же начало, как замечает Вагнер[4], не может служить достаточным поводом для отделения человека от животных? [...]

VIII

Из того же определения животного, в котором на произвол движений указывается как на признак существенный, отличительный, следовало бы ожидать, что и в утверждении вида, деле столь важном в науке, мы также будем обращать внимание на нравы, на психологию животных,— а между тем сторона эта упущена почти во всех видах. Мы этим изучаем животные тела в природе; а вместо того изучаем их в кабинетах по остаткам, шкуркам, чучелам и пр. В этом случае мы поступаем столь же несправедливо, как поступали те, которые еще недавно изучали слизистых животных по их раковине, а полипы по их полипняку. Пока мы не станем, подобно тому же естествоиспытателю, который в лесах Америки наблюдал быт птиц, изучать животных во всех моментах их жизни, до тех пор наши понятия о раздельности видов останутся неполными, шаткими. Сперва изучали животное по признакам наружным (как говорили зоогностически Аристотель, Линней), потом начали рассекать животных, полагать сущность в анатомии и физиологии (Кювье); далее

Библиотека "Руниверс"

открыли в животных новую важную сторону изучения: историю зачатия (Пуркинье[5], Вагнер и другие современные нам писатели). Наконец начинает нам раскрываться возможность пополнить и углубить наши сведения о животном новым элементом его быта, психологией его. Этот шаг вперед предстоит еще поборникам науки: ныне едва существует сознание необходимости его.

Скажут, может быть, что сторона материальная есть единственно постоянная, легко уловимая в животном. На это заметим, что образ животного столь же постоянен: никогда животное не изменяет его без перемены самых материальных признаков своих, и если, с одной стороны, отправление зависит от организации орудия, то никто не станет отрицать, что в свою очередь и отправление имеет влияние на устройство орудия: орудие и отправление, вещество и жизнь существуют во взаимной,, тесной, родственной связи.

Из этого однако ж не следует, что системы, основанные на одних материальных признаках, бесполезны. Лексиконы, в которых слова размещаются по последовательности составляющих их букв, нужны для удобнейшего приискивания первых. Но никто не станет утверждать, что лексиконы выражают собою все, что можно и, следовательно, нужно знать о слове; что в порядке букв заключается, например, всегда значение, происхождение и пр. слова.

IX

Описывать виды и назначить им место в системе почиталось всеми главным делом в науке: «Nommer, decrire et classer c'est la base et le but de la science»[6],— говорит Кювье, представитель современного периода науки нашей.

Следовательно, к этому делу должно приступать с возможными предосторожностями, чтобы не положить ложных начал в основание науки.

Я хочу классифицировать животное как нечто целое — полное животное, а не часть его. А потому, чтобы утвердить существование вида на достаточном основании, я должен обозреть всю массу отдельных явлений, знаменующих животное, полную историю его. Чтобы раскрыть ее, припомним себе, что животное существует А) в пространстве и В) во времени.

Библиотека "Руниверс"

A) Как тело органическое, существующее в пространстве, животное требует, чтобы рассмотреть его:

a) с материальной стороны орудий его,

b) со стороны проявлений жизни в них,

c) с материальной стороны целого животного,

d) со стороны проявлений жизни в целом животном, как *частной,* так и *общей.*

B) Как тело органическое, существующее во времени, животное должно быть рассмотрено:

e) во всех изменениях и периодах зачатия, постепенного развития, смерти, возрождения и пр.

Вот сумма явлений, составляющая полную историю животного. Только изучив ее вполне, имеем мы право решить о самостоятельности или нераздельности известного вида; только тогда, когда мы изучили животное со всех возможных сторон, имеем мы право говорить с уверенностью об отношении полной его сферы к ближайшим или смежным сферам других животных, т. е. классифицировать его вид.

На подобных ли основаниях, так ли мы везде и всегда утверждаем виды? Нет, мы поступаем обыкновенно гораздо легче: определяем вид по одной шкурке, по одному экземпляру, даже не всегда живому, а набитому, не зная ничего о его органических изменениях и условиях, его переходных формах, его жизни и пр., и прибавляем только под конец описания: «чучело видел я в таком-то кабинете» или «единственный экземпляр этого насекомого сохраняется у того-то».

Из такого скороспешного утверждения видов следует весьма естественно, что мы их характеризуем не надлежащими, не существенными признаками, или недостаточною суммою признаков: характеристика вида поминутно изменяется; рождается необходимо сбивчивость, неясность в описаниях видов, которую разрешить может только одно полное изучение организации, жизни и нравов животного. Припомним себе только хищных и водяных птиц: существуют ли два писателя, которые их описывают одинаково и в одинаковом числе? Есть ли даже один писатель, который, говоря об них дважды в разное время, не изменял существенно мнений своих об них? И это справедливо даже относительно самых обыкновенных птиц нашей фауны. Оно весьма естественно: мы обманываем самих себя, принимая часть за целое. Мы хотим классифицировать целых животных, а классифицируем их зубы, клюв, перья, ноги и пр. Мы смеемся

Библиотека "Руниверс"

над человеком, подбирающим в своей библиотеке книги по цвету бумаги, чернил, обрезу, переплету и пр., а между тем не то же ли мы делаем с животными?

Пока мы не станем изучать каждое животное со всех сторон его жизни, ab ovo ad mortem usque[7], монографиями законченными, отовсюду замкнутыми, до тех пор системы наши не приобретут возможной степени совершенства и постоянства. В этом отношении имеем мы единственное утешение перед собою, что естествоиспытатель, лишенный возможности приобретать новых животных, не лишен возможности делать полезные и важные наблюдения над животными своей фауны. Монографии самых обыкновенных, даже домашних животных представляют обширное поле для полезной деятельности естествоиспытателя и доставят ему имя не менее достойное имени того, кто описал немалое количество новых животных. Поверять и пополнять старое в науке, по крайней мере, столь же важно, как и указывать новое. [...]

X

В единственном роде человека допускаем мы только один вид — «homo sapiens L». Но далее, заметив, что многие особи представляют резкие, важные отличия, которые постоянны, т. е. не зависят от наружных условий, передаются в потомстве и не переходят друг от друга, мы разделили этот вид на новые группы, которые и назвали племенами или поколениями (stirpes generis humani); в животных же виды делим мы только на видоизменения (varietates) и придаем племенам гораздо большую важность, нежели видоизменениям; но почему? Если взаимные отличия племен чрезвычайно важны, то почему не называем мы их видами, почему принимаем только один вид, а не многие виды в роде человека? Почему не принимаем мы племен в животных, а *видоизменений* или *видов* в роде человека?

XI

Мы говорим, что естественная история, а в частности и зоология, есть наука чисто опытная; в ней все начинается и оканчивается опытом. С другой же стороны, науку вообще слагаем из материи или содержания и формы; первая приобретается наблюдением и опытом; последняя — соображением или умозрением. Наблюдения и

Библиотека "Руниверс"

опыты немы: их должно объяснить, им должно дать значение, без того они будут лежать без пользы в науке; в свою очередь каждое умозрение должно поверяться и отражаться каким-либо фактом. Словом, содержание составляет предмет (объект) исследования и изучения, а форма выражает собою способ дальнейшего исследования и облегчает начальное изучение его. Что же будет после того наука чисто опытная и чисто умозрительная? — Чистый парадокс.

Зоология и вся естественная история по преимуществу опытная уже потому, что она исследует тела, и вместе с тем умозрительная потому, что должна представлять собою форму науки, а не беспорядочный, безотчетный набор необъясненных фактов, схваченных наудачу или на случай.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Впервые опубликовано в журнале «Отечественные записки» (1841. Т. XIX, отд. 2.). Печатается в отрывках по.кн.: Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX века. М.: Соцэкгиз, 1959. С. 479—480, 481—482, 487—488, 489—490.

[2] *Кювье-младший* — французский естествоиспытатель Ф. Кювье (1773—1838).

[3] *Вирей Ж- Ж.* (1776—1847)—французский естествоиспытатель, автор сочинения «История нравов и инстинктов животных» (1820).

[4] *Вагнер Р.* (1805—1864) —немецкий физиолог.

[5] *Пуркинье Я-* (1787'—1869) —чешский биолог.

[s] Называть, описывать и классифицировать — основание и цель науки.

[7] От яйца до смерти.

Библиотека “Руниверс”

ъ

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 3

Раздел I. Русские просветители

ПНИН И. П. 6

Опыт о просвещении относительно к России 8

Человек 10

ЛУБКИН А. С. 16

Письма о критической философии 18

Начертание логики 19

КУНИЦЫН А. П. 26

Право естественное 28

ОСИПОВСКИЙ Т. Ф. 34

О пространстве и времени 36

Раздел II. Московские любомудры

ОДОЕВСКИЙ В. Ф. 42

Сущее или существующее 44

Гномы XIX столетия 47

ВЕНЕВИТИНОВ Д. В. 53

Письмо к графине NN 55

Анаксагор (Беседа Платона) 60

Несколько мыслей в план журнала 63

Что написано пером, того не вырубишь топором 67

Раздел III. Декабристы

ПЕСТЕЛЬ П. И. 70

Русская правда 72

МУРАВЬЕВ Н. М. 83

Проект Конституции 85

МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ С.И. 94

Православный катехизис 96

ТРУБЕЦКОЙ С.П. 99

Конспект манифеста к русскому народу 101

ЯКУШКИН и. д юз

Что такое жизнь? 105

ФОНВИЗИН М. А ИЗ

Обозрение истории философских систем 115

Классификация наук 124

КРЮКОВ Н. А 132

Философские записки 134

Из «Записной книжки» 136

БОРИСОВ П. И. 144

О возникновении планет 146

БАРЯТИНСКИЙ А. П. 149

О боге 151

БЕСТУЖЕВ А. А 155

О романтизме 157

Библиотека “Руниверс”

Раздел IV. Чаадаев П. Я. . 161
Философические письма . 163
Афоризмы и разные заметки. 184
Раздел V. Станкевич Н. В. 193
Моя метафизика 195
Об отношении философии к искусству. 200
Раздел VI. Славянофилы
КИРЕЕВСКИЙ И. В. 206
Девятнадцатый век . 208
В ответ А. С. Хомякову. 228
АКСАКОВ К. С. 240
Ломоносов в истории русской литературы и русского языка . . . 242
ХОМЯКОВ А. С. . 258
О старом и новом 260
По поводу Гумбольдта 275
САМАРИН Ю. Ф. 287
О мнениях «Современника» исторических и литературных 289
Раздел VII. Философы-теисты
ГОЛУБИНСКИЙ Ф. А. .. 305
Лекции философии 307
КАРПОВ В. Н. . . 323
Введение в философию. 324
Раздел VIII. Петрашевцы
БУТАШЕВИЧ-ПЕТРАШЕВСКИЙ М. В. . . 342
Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка 344
СПЕШНЕВ Н. А . . 361
[Философские рассуждения]. 363
КАШКИН Н. С. 371
[Речь о задачах общественных наук]. 373
ТОЛЬ Ф. Г. 380
[Набросок речи о происхождении религии] 382
Раздел IX. Естествоиспытатели
ПАВЛОВ М. Г. 386
О взаимном отношении сведений умозрительных и опытных . . 388
БЭР К. М. 404
Всеобщий закон, проявляющийся во всяком развитии природы . ., 406
РУЛЬЕ К. Ф. 414
Сомнения в зоологии как науке. 416

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Хрестоматия

Составитель ЕМЕЛЬЯНОВ Б. В.

ИБ № 101

Редактор Е. Г. Понизовкина
Художник А. В. Вохмин
Технические редакторы М. Г. Горшкова, Г. А. Пырин
Корректор А. В. Данилова

Сдано в набор 24.05.87. Подписано в печать 28.07.87. НС 11117. Формат 84Х108/32. Бумага типограф. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Уч.-изд. л. 21,9. Усл. кр.-отт. 22,7. Усл. печ. л. 22,68. Тираж 2000. Заказ 263. Цена 1 руб.

Издательство Уральского университета. 620219, Свердловск, ГСП-830, пр. Ленина, 13-6.

Типография издательства «Уральский рабочий». Свердловск, пр. Ленина, 49.

Библиотека "Руниверс"

В 1987 г. Издательство Уральского университета выпускает в свет **«Хрестоматию по эллинистическо-римской философии».**
Составитель **В. Т. Звиревич.** Объем 10 а. л. Цена 1 р. 50 к.

Учебное пособие для студентов философских факультетов. Хрестоматия составлена на основе тех сочинений Цицерона, которые до сих пор не переводились на русский язык. Впервые переведены трактаты «Академики», «Топики», «Парадоксы стоиков»; хрестоматия' позволит расширить круг источников на русском языке, используемых при изучении курса истории философии.

Библиотека "Руниверс"

Заявки направлять по адресу:
г. Свердловск, 620219 ГСП-830, пр. Ленина, 136,
Издательство Уральского университета

Библиотека "Руниверс"

В 1987 г. Издательство Уральского университета выпускает в свет монографию **И. Я. Лоифмана «Отражение как высший принцип марксистско-ленинской гносеологии»**. Объем 8 а. л. Цена 1 р. 20 к.

В монографии рассмотрены узловые проблемы теории познания на основе системной конкретизации принципа отражения в предметном, оперативно-практическом и оценочном аспектах.

Книга рассчитана на преподавателей философии, студентов и всех интересующихся проблемами марксистско-ленинской философии.

Библиотека "Руниверс"

Заявки направлять по адресу:
г. Свердловск, 620219 ГСП-830, пр. Ленина, 136,
Издательство Уральского университета

Библиотека "Руниверс"

В 1987 г. Издательство Уральского университета выпускает в свет монографию **В. А. Мухачева «Домарксовский социализм: сущность и генезис».** Объем 10 а. л. Цена 1 р. *80* к.

Монография посвящена изучению методологических проблем истории социалистических и коммунистических учений. Путем систематического анализа трактовок К. Марксом и Ф. Энгельсом понятий «социализм» и *«коммунизм»* в период формирования марксизма определено научное логическое основание истории социалистической мысли. Реконструируется концептуальное представление основоположников научного коммунизма о генезисе домарксовского социализма.

Библиотека "Руниверс"

Заявки направлять по адресу:
г. Свердловск, 620219 ГСП-830, пр. Ленина, 136,
Издательство Уральского университета

Библиотека "Руниверс"

В 1987 г. Издательство Уральского университета выпускает в свет монографию **В. И. Колосницына «Религиозное отчуждение»** Объем 12 а. л. Цена 1 р. 80 к.

В работе дается философский анализ религиозного отчуждения как формы духовного отчуждения, исследуются его структура и функции, основные закономерности отмирания, рассматриваются различные аспекты проблемы «социальный прогресс и религия».

Библиотека "Руниверс"